ДБ
370
А45

Алгасов В.А.
"Декабризм
и
декабристы"

Харьков, 1925.

ДБ370
А45

В. А. АЛГАСОВ

959
9(47)5
А 582

ДЕКАБРИЗМ І ДЕКАБРИСТЫ

1825—1925

ХРЕСТОМАТИЯ

Государственным Научно-Методологическим Комитетом Наркомпроса УССР рекомендовано как пособие хрестоматия по истории рев-движения для школ политграмоты, сов-партшкол и ВУЗ'ов всех специальностей

УДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УКРАИНЫ
1925

2 экз

9 (47) : 323. 2 „1825

2-я Типо - Литография
Госиздата Украины
Харьков

Укрглавлит 16109. Зак. 3646. Тир. 5.000.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Литература о декабризме и декабристах весьма обширна, хотя количество ее совершенно не соответствует качеству. Вместе с тем эта литература крайне разбросана и отыскание ее весьма затруднительно. Например, основные произведения декабристов — „Русская Правда“ Пестеля и конституция Никиты Муравьева, изданные после революции 1905 года, стали почти библиографической редкостью. Теперь их можно найти только в самых крупнейших библиотеках.

К предстоящему столетнему юбилею обоих декабристских восстаний мы делаем попытку подобрать в один небольшой сборник ряд отрывков и материалов о декабризме и декабристах, которые облегчили бы возможность изучения этой главы истории революционных движений.

Содержание настоящего сборника составляют: вводная статья Алгасова, отрывки и материалы по характеристике экономики России в начале XIX столетия, отрывки из произведений самих декабристов, различные материалы по истории декабристов, разбор идеологии декабризма, библиография и хронологический указатель. Размеры настоящего сборника не позволили ввести главы об изображении декабристов в русской художественной литературе и в западно-европейской прессе и литературе.

В. АЛГАСОВ

1 июня 1925 г.

ДЕКАБРИЗМ И ДЕКАБРИСТЫ

I

XVIII век был временем окончательного утверждения крепостничества и самодержавия. Помещикам нужны были для эксплоатации крепостные; в лице же самодержавия помещики имели свой исполнительный комитет, аппарат своей власти над крепостными. Но рост промышленности, отсутствие рабочих рук, слабая производительность крепостного труда и волнения крепостных заставляют помещика призадуматься. В его душу начинают закрадываться первые сомнения: точно выгодно ли крепостичество. Сама Екатерина II под влиянием западно-европейской литературы начинает помышлять об освобождении крестьян, но встречает решительное сопротивление всего помещичьего класса. В комиссии о сочинении нового уложения (1767 г.), на этом с'езде помещиков с небольшим участием торговцев, депутат Коробьин говорит о необходимости освобождения крестьян, но собирает всего лишь три голоса. Крупный издатель и книготорговец помещик Новиков (1744—1818 гг.) заявляет себя противником крепостничества, но за принадлежность к масонству и за свою издательскую деятельность приговаривается к 15 годам Шлиссельбургской крепости. Наконец, помещик Радищев в своей книге „Путешествие из Петербурга в Москву" (1790 г.), рассчитанной только на помещичью аудиторию, резко выступает против крепостничества и самодержавия; помещики приходят в ярость и жестоко расправляются с Радищевым, книгу которого сжигают, а автора приговаривают к смертной казни, замененной потом ссылкой в Сибирь на десять лет. Помещичье Вольно-Экономическое Общество, предложившее тему о сравнительной выгодности для хозяина крепостного и вольнонаемного труда, присуждает первую премию доктору Якобу, доказавшему большую выгодность вольнонаемного труда.

Денежное хозяйство развивается. Растет внешняя и внутренняя торговля. В XVIII веке помещик пользовался в многих случаях трудом крепостных, а в начале XIX века он уже покупает одежду, мебель, экипажи, сбрую и т. п. Дворовые люди, прежде непосредственно необходимые помещику, теперь увольняются на заработок на оброк. Крепостных крестьян становится выгодным переводить на оброк; идет рост денежного оброка; денежный оброк вытесняет натуральный.

Барщина теряет свою выгодность. Помещичье государство вынуждено принимать меры к ограничению действия крепостного права. Первым государственным актом, ограничивающим права рабовладельцев-крепостников, был закон 1797 г. (при Павле I) об установлении трехдневной барщины в неделю. В 1803 г. (при Александре I) последовал закон о свободных хлебопашцах, согласно которому помещикам теперь разрешается освобождать крестьян за выкуп или без выкупа целыми имениями, но обязательно с землей. Ранее помещики имели право освобождать крепостных на волю только в одиночку, а не целыми имениями [1]).

Промышленные предприятия все сильнее и сильнее испытывают недостаток рабочих рук; слабая производительность крепостного труда сравнительно с вольным делает его малоценным. На посессионных фабриках начинает практиковаться система уплаты вознаграждения прикрепленным крестьянам. Так создается переходная форма к заработной плате. В дальнейшем прикреплении крестьян к фабрикам и заводам уже нет надобности. В 1816 г. издается закон, воспрещающий покупать крестьян к фабрикам и заводам. В 1825 г. уже около 50 процентов всех фабричных рабочих работали по найму.

В XVIII веке среди помещиков раздавались только отдельные одиночные голоса за упразднение крепостного права. В первую четверть XIX века число сторонников освобождения крестьян значительно увеличивается. Теперь уже многие молодые помещики находят более выгодным уничтожение крепостного права. Но, конечно, помещики, желавшие освобождения крестьян, не имели в виду передавать им всю помещичью землю; передача же некоторого небольшого количества земли, в особенности выкупленной государством у помещиков, являлась весьма выгодной операцией для помещичьего хозяйства, так как полученный крестьянином кусок земли прикреплял его к себе, а невозможность прокормиться на данном земельном участке делала крестьянина дешевым работником для соседнего дворянского гнезда. Александр I подумывал об освобождении крестьян. В 1818 г. Аракчеев, по поручению царя, составлял проект постепенного освобождения крестьян. В 1819 г. весьма благоприятный прием у царя встретила записка Н. И. Тургенева о рациональных способах крестьянской реформы. Генерал-интендант Канкрин также представил записку с планом постепенного освобождения крестьян. Наконец, среди крупнейших помещиков, по инициативе Каразина, была предпринята попытка организации целого помещичьего общества для содействия ликвидации крепостного права. Проект был представлен царю учредителями общества графом Воронцовым

[1]) Закон о вольных хлебопашцах не получил особого развития, но все же на его основании было освобождено 112 тысяч мужского пола.

и князем Меньшиковым, но царь отнесся отрицательно к организации такого общества, усматривая в этом умаление царской власти. В 1820 г. в Государственном Совете рассматривался вопрос об уничтожении права владения дворовыми, но провалился[1]).

Экономическое развитие России толкало наиболее передовую часть помещичьего класса в сторону освобождения крестьян. Французская революция и целый ряд походов русской армии заграницу во время борьбы с Наполеоном чрезвычайно ускорили процесс роста в России освободительных и конституционных идей. Очень многие офицера, побывавшие заграницей, стали считать самодержавие устаревшей формой правления и отдавали предпочтение конституционной монархии, а некоторые из них и республике. Это передовое офицерство считает крайне необходимой реформу армии: сокращение срока военной службы (было 25 лет!), уничтожение военных поселений, прекращения мордобоя и избиения палками.

Одним из ближайших результатов французской революции было появление по всей Европе национальных патриотических революционных буржуазных организаций — „Тугенбунд", карбонарии, „Молодая Германия", „Молодая Италия". Такие же организации создаются и в России. Они тоже полулегальны, националистичны, много занимаются вопросами внешней политики, охватывают только передовые слои господствующего класса. Декабристы — наши карбонарии.

В целях характеристики экономической структуры России, из которой выросла идеология декабризма, мы помещаем довольно большой отрывок из истории России Рожкова и несколько отрывков из Туган-Барановского (прежде всего, из его „Русской Фабрики"). Вместе с тем для характеристики правовой и политической надстройки, с которой боролись декабристы, мы приводим отрывок о военных поселениях из статьи Мельгунова „Правительство и общество после войны", помещенной в седьмом томе юбилейного издания „Отечественная война и русское общество".

II

Первые декабристские организации возникли еще в 1811-1815 годах. В 1811 г. в Москве, в училище колоновожатых Н. Н. Муравьевым, основателем училища, была создана юношеская нелегальная организация, целью которой было устройство на каком либо диком острове (предполагалось на Сахалине) республики. В этой организации принимали участие А. З. Муравьев (будущий член „Южного Тайного Общества"), М. И. Му-

[1]) А. Корнилов. Курс истории России XIX в. Часть I. Изд. Сабашниковых. М. 1918 г. Стр. 223 — 225.

равьев - Апостол (будущий член „Союза Спасения“, „Союза Благоденствия“ и „Южного Тайного Общества“) А. и В. Перовские (будущие члены нелегального Военного Общества и „Союза Благоденствия“). К этому же времени относится существование еще одной организации, называвшейся братством, к которому принадлежали Рамбург, Дурново, Александр Щебинин, Вильдеман, Делингсгаузен и некоторые другие. Рамбург предполагал произвести об'единение обоих этих организаций [1]). Но начавшаяся отечественная война русских помещиков уничтожила эти организации.

Три года спустя, в 1814 г. возникло новое тайное общество, устроенное М. Ф. Орловым по образцу немецкого Тугенбунда [2]), требовавшее весьма куцую конституцию. В 1814-15 годах граф Дмитриев-Мамонов и М. Ф. Орлов [3]) проектировали создать аристократический и националистический „Союз Русских Рыцарей“, программа которого требовала ограничения, а потом даже упразднения самодержавия и отмену крепостного права. В провинции, в Полтавской губернии возникло общество „Друзей Природы“, впоследствие „Общество Соединенных Славян“, организованное юнкером Борисовым. В 1815 г. офицера Семеновского полка устроили было „артель“ для чтения иностранных книг и для бесед на политические темы; по приказанию самого царя „артель“ была закрыта.

Таковы первоначальные декабристские организации. В начале 1816 г. [4]), по инициативе полковника А. Н. Муравьева, возникает „Союз Спасения“ („Союз Спасения или Истинных и Верных Сынов Отечества“). В эту налегальную организацию входили, главным образом, офицера гвардии и генерального штаба. Всех членов общества насчитывают до 21 человека.

В 1817 г. был выработан устав Союза; в комиссию, которая составляла устав, входили Пестель, Трубецкой, Долгоруков и Шаховской, как секретарь комиссии. Автором устава был Пестель. Устав носил явно заговорщический характер и был составлен по образцу итальянских революционных организаций. Согласно выработанному уставу, члены Союза

[1]) Относительно общества колоновожатых и братства, в котором участвовал Рамбург, см. В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. Спб. 1909 г. См. стр. 379-380.

[2]) Тугенбунд — Союз добродетельных — был основан в Пруссии, в Кенигсберге в 1808 г. несколькими немецкими патриотоми. Статуты Союза были утверждены королем. В Союзе имелось свыше семисот членов, среди которых было не мало офицеров. В 1809 г. по требованию Наполеона, Союз добродетельных, являвшийся патриотической организацией, был закрыт. О Тугенбунде см. А. Н. Пыпин. Общественное движение в России при Александре I. Издание пятое. П. 1918 г. Стр. 387-399.

[3]) Граф Дмитриев-Мамонов не принимал участия в дальнейших декабристских организациях; М. Ф. Орлов сделался членом „Союза Благоденствия“.

[4]) Н. П. Павлов-Сильванский („Былое“ 1907 г., № 5) ошибочно относит образование „Союза Спасения“ к 1817 г.

делились на три разряда: бояр — учредителей Союза, мужей и братьев. Кроме них, были еще „друзья", среднее между кандидатами в члены Союза и просто сочувствующими. Из среды бояр ежемесячно выбирались старейшины, составлявшие верховный Совет бояр.

Программой Союза были конституционная монархия и отмена крепостного права. Организация носила революционный характер. В обществе имелись и террористические настроения (Пестель, Лунин, А. Муравьев, Якушкин). Но заговорщический характер устава „Союза Спасения" вызывал недовольство некоторых членов (М. Н. Муравьев, Бурцов, Колошин, Фон-Визин, Якушкин).

„Союз Спасения" просуществовал всего несколько месяцев и распался. Причинами этого были от'езд Пестеля, являвшегося главой организации, от'езд из Петербурга других членов Союза и недовольство некоторых членов Союза уставом его.

На развалинах „Союза Спасения" в том же 1817 году выросла новая организация с полулегальным уставом — „Союз Благоденствия".

В основу устава „Союза Благоденствия" был положен устав упомянутого выше прусского Тугендбунда. Разработкой устава занимались М. и Н. Муравьевы, князь Трубецкой и Колошин. Работа по составлению устава растянулась до четырех месяцев. В уставе „Союза Благоденствия" указывалось, что членами Союза могут быть только „вольные люди". Доступ женщин в члены Союза не допускался ни Тугенбундом, ни „Союзом Благоденствия". Устав последняго в отличие от Тугендбунда условием приема в члены Союза ставит принадлежность к христианству, подчеркивая этим националистичность Союза. Конечно, те пункты устава Тугендбунда, которыми предписывалось защищать государя и династию „от напора безнравственного духа времени" и доносить о замеченных случаях измены, не вошли в устав конституционалистов и республиканцев, учреждавших „Союз Благоденствия"; наличие же упомянутых параграфов в Тугендбунде об'ясняется тем, что Тугендбунд действовал в 1808-09 г. в Пруссии, когда она была захвачена Наполеоном, и имел прежде всего национальный характер.

Согласно принятому уставу, „Союз Благоденствия" делился на самостоятельные союзы, называемые управами. Главная управа называлась Думой. Каждая управа имела своего председателя и блюстителя. Главная Дума выбирала Верховный Совет, который должен был находиться в Петербурге.

По форме своего изложения принятый устав в значительной мере являлся прикрытием для революционных целей. „Содержание Зеленой Книги „Союза Благоденствия" [1]),— го-

[1]) Книга, в которой содержался устав Союза, имела зеленый переплет.

ворит Пестель, — было не что иное, как пустой отвод от настоящей цели на случай открытия общества и для первоначального показания вступающим членам, коим всем после вступления делалось сие совершенно известным“ [1]).

Всех членов „Союза Благоденствия“ было от 56 до 80, причем в Союз вошли почти все члены „Союза Спасения“.

Программой „Союза Благоденствия“ осталась программа „Союза Спасения“ — уничтожение самодержавия и освобождение крестьян от крепостной зависимости. Средством осуществления этих целей считалась пропаганда освободительных идей в русском обществе.

Наиболее активная работа „Союза Благоденствия“ развернулась на юге (в Тульчине), где стояла 2-ая армия. Руководителем созданной в Тульчине управы был руководитель „Союза Спасения“ Пестель.

В дальнейшем в среде руководителей „Союза Благоденствия“ возникли программные разногласия. Петербуржцы (северяне) высказывались за конституционную монархию, тульчинцы (южане) за республику.

В начале 1820 г. в Петербурге произошло заседание коренной управы, т.-е. членов учредителей Союза, на котором обсуждался вопрос о конституционной монархии и республике. Собрание происходило на квартире Ф. Глинки. На нем присутствовали: председатель Союза граф Ф. Толстой, блюститель князь Долгоруков, Пестель, Н. Тургенев, Лунин, Глинка, И. Шипов, С. и М. Муравьевы-Апостолы, Никита Муравьев, фон-дер-Бригген, С. М. Семенов, Павел Колошин, князь Трубецкой и некоторые другие [2]). Пестель был докладчиком. Единогласно прошло предложение о республиканском правлении; только во время прений один Ф. Глинка высказался за монархию, но в конце концов и он голосовал за республику.

В начале 1821 г. в Москве состоялся с'езд представителей управ „Союза Благоденствия“. На с'езд из Петербурга приехали Н. И. Тургенев и Ф. Н. Глинка, из Киева генерал Орлов и его ад'ютант Охотников, из Тульчина Бурцов и его заместитель Комаров. Приехал М. Н. Муравьев. На с'езде были Граббе, Якушкин, Фон-Визин, С. Волконский, П. Колошин и др. Всего было на с'езде до 20 человек. Председателем собрания был выбран Н. И. Тургенев. Пестеля на с'езде не было. По мнению некоторых членов Тульчинской управы его отпуск в Москву, где у него не было родственников, мог возбудить подозрение, поэтому на с'езд были избраны Бурцов (делегатом), и Комаров (заместителем), которые ехали по своим личным делам в Москву. Оба они были представителями правого течения, противниками Пестеля.

[1]) Цитирую по книге В. И. Семевского „Политические и общественные идеи декабристов“. См. стр. 434.

[2]) В. И. Семевский. Политич. и обществ. идеи декабристов. Стр. 445.

В самом начале работ с'езда было получено сообщение от петербургской думы о том, что правительство осведомлено о Союзе и следит за его действиями. Это обстоятельство и побудило с'езд принять решение о мнимой ликвидации общества.

На с'езде обнаружились разногласия. Двое – Комаров и генерал Орлов — заявили о своем выходе из Союза. Оба они желали придать большую легальность Союзу, но это не было принято [1]).

Результатом Московского с'езда было прежде всего об'явление о закрытии Союза (в действительности фиктивном). Этим хотели отвлечь внимание правительства и избавиться от ненадежных элементов, проникших в „Союз Благоденствия". В действительности было решено провести реорганизацию Союза. Был выработан новый устав Союза; первую часть его, предназначенную для более широкого употребления и, в частности, для вновь вступающих членов общества, составил Бурцов; вторую часть, предназначенную для узкого круга членов высшего разряда, составил Н. И. Тургенев [2]). С'езд решил учредить четыре главные думы: в Петербурге под руководством Тургенева, в Москве — Фон - Визина, в Смоленской губернии — Якушкина, в Тульчине — Бурцова.

Постановление с'езда о роспуске „Союза Благоденствия" встретило решительное сопротивление в Тульчине. Бурцов и Комаров должны были выйти из Союза. Осталось только девять членов Союза: Пестель, Юшневский, князь Барятинский, Крюков 2 - ой, Крюков 1 - ый, Басаргин, Ивашев, Вольф и Абрамов. Пестель, Юшневский и Никита Муравьев (был в Петербурге) были выбраны председателями. С этого времени организация начала называться „Южным Обществом".

Движение среди офицерства побудило начальника штаба второй армии Киселева учредить в войсках для розыска секретную комиссию.

---

[1]) Существует легенда о том, будто генерал Орлов внес на с'езде предложение об организации нелегальной типографии и фабрики фальшивых ассигнаций и ультимативно настаивал на принятии с'ездом этого предложения. а потом, когда с'езд это отклонил, Орлов заявил о своем выходе из тайного общества. Источником этой легенды является донос Грибовского Александру I. Пронюхавший о с'езде генерал Бенкендорф в' своем доносе царю высказывал предположение, что заявление Орлова было им сделано с целью найти какой-нибудь предлог для ухода из общества. Декабрист Якушкин в своих записках пустил в оборот этот рассказ, который потом неоднократно приводился в литературе о декабристах. Сопоставляя этот рассказ с описаниями Московского с'езда, сделанными другими декабристами, со всем известным нам о личности и миросозерцании Орлова и, наконец, с дальнейшим отношением к Орлову декабристов, мы должны признать сообщения Бенкендорфа и Якушкина не соответствующими действительности. Можно только допустить, что в прениях по вопросу о формах новой организации тайного общества Орлов мог бросить какую - нибудь полемическую фразу против заговорщического, по его мнению, характера тайного общества. фразу, в которой доводя до логического абсурда заговорщический тип организации, соединил в одну кучу и нелегальную типографию, и фабрику фальшивых ассигнаций.

[2]) Впоследствии Тургенев отрицал это.

В феврале 1923 г. последовал арест члена „Южного Тайного Общества" майора В. Ф. Раевского[1]), у которого был найден, между прочим, список тульчинской организации. Но благодаря ряду случайных обстоятельств этот арест не повлек за собой общего провала.

Оживление деятельности „Южного Общества" относится к 1823 году.

В этом году были организованы новые управы: Каменская[2]) (или правая) во главе с Давыдовым и князем Волконским; Васильковская[3]) (или левая) во главе с С. Муравьевым-Апостолом и Бестужевым-Рюминым. Все три управы (Тульчинская, Каменская, Васильковская) подчинялись Тульчинской директории, состоявшей из Пестеля и Юшневского; в дальнейшем (в ноябре 1825 г.) в состав директории был включен С. Муравьев-Апостол[4]), энергичный руководитель Васильковской управы, самой многолюдной и активной из всех трех управ.

Еще с 1817 г. на юге существовало тайное общество „Друзей Природы", организованное юнкером А. Борисовым. Общество „Друзей Природа" в известной степени напоминало масонскую ложу. В 1823 г. по инициативе П. И. Борисова 2-го

[1]) В. Ф. Раевский (1795 г.— 1872 г.) состоял сперва членом „Союза Благоденствия, а затем вошел в „Южное Тайное Общество". По происхождению — сын одного из богатейших помещиков Курской губернии. В. Ф Раевский служил во второй армии в 16-й дивизии генерала М. Ф Орлова. Последним при дивизионном штабе была открыта школа взаимного обучения по ланкастерскому методу для солдат. Раевский был назначен Орловым в эту школу. В школе Раевский вел пропаганду среди солдат. В. Ф. Раевский был одним из ближайших друзей Пушкина во время его ссылки в Кишиневе. Раевский сам был поэтом, но его произведения не печатались при его жизни. Арестованный за пропаганду среди солдат, Раевский просидел в разных крепостях почти шесть лет. Установить его принадлежность к декабристским организациям царскому правительству не удалось. Сам он в противоположность прочим декабристам откровенных показаний не давал. В результате продолжительных и многократных рассмотрений его дела он был сослан в Сибирь на поселение.

Только в 1856 г. получил возможность вернуться в Россию, но остался в Сибири. Родные, пользуясь его ссылкой, захватили все имущество Раевского. Во время пребывания в Сибири никакой помощи он не получал. Жил в Сибири, занимаясь подрядами, поставками и торговлей. Повидимому род его занятий создал отчужденность между ним и другими ссыльными декабристами, жившими на средства, получавшиеся от их родных. Живя за счет труда крепостных, они презрительно относились к роду занятий В. Ф Раевского.

О Раевскомт см. биографию, написанную Щеголевым. П. Е. Щеголев. Первый декабрист Владимир Раевский. Из истории общественных движений в России в первой четверти XIX века. Изд. второе. „Общ. Польза". Спб. 1906 г. 80 стр. В книжке Щеголева приведена подробная (в общем очень незначительная) библиография о Раевском.

[2]) Каменка, Киевской губернии—имение Давыдова, куда с'езжались члены общества.

[3]) Село Васильково, Киевской губернии — впоследствии город Васильков.

[4]) Приставка „Апостол" к фамилии Муравьевых получилась так. Дед С. Муравьева во время пребывания со своим полком на Украине тайно увез дочь гетмана Даниила Апостола. Впоследствии ее фамилия была присоединена к фамилии Муравьева.

из общества „Друзей Природы“ образовалось „Общество Соединенных Славян“. Всех членов общества было 36 человек. В „Южном Обществе“ преобладало гвардейское офицерство, здесь офицеры артиллерии и армейских полков (Пензенского, Саратовского и Черниговского). Весьма характерно, что в „Обществе Соединенных Славян“ участвовали и представители средней и мелкой польской шляхты. Состав членов „Общества Соединенных Славян“ гораздо более демократический, чем каких-либо других декабристских организаций. Донесение следственной комиссии, характеризуя „Общество Соединенных Славян“, говорит, что оно „не весьма многочисленно и незначительно, ни по званию, ни по свойствам членов своих“. Во главе общества стояли братья Борисовы, происходившие из дворян Слободской губернии; видную роль в обществе также играл поляк Люблинский; из других членов общества выделялся еще Горбачевский, написавший в Сибири записки, которые в 1882 году были опубликованы в „Русском Архиве“, а в 1916 г. напечатаны отдельным изданием.

Программой „Общества Соединенных Славян“ было „освобождение всех славянских племен от самовластия, уничтожение существующей между некоторыми из них национальной ненависти и соединение всех обитаемых ими земель федеративным союзом“ [1]).

Донесение следственной комиссии говорит: „целью общества они полагали соединить общим союзом и единообразным республиканским правлением, но без нарушения независимости каждого, восемь славянских колен, означенных на осмиугольной печати их: Россию, Польшу, Богемию, Моравию, Далмацию, Кроацию, Венгрию с Трансильванией, Сербию с Молдавией и Валахией“ [2]). Характерно в этом перечне славянских земель отсутствие упоминания об Украине и Галиции. Украина считалась частью России, а Галиция частью Польши. Украинского вопроса для членов „Общества Соединенных Славян“ не существовало. В этом полная противоположность с другим панславянским обществом, возникшим двадцать лет спустя — „Кирилло-Мефодиевским обществом“.

В рядах „Общества Соединенных Славян“ было и более умеренное течение. Сторонники правого течения (Спиридов) были против предоставления евреям и другим нехристианам политических прав, а также против уничтожения сословий.

Летом 1825 г. во время лагерной стоянки в Волынской губернии члены „Южного Общества“ узнали о существовании „Общества Соединенных Славян“ и начали с ними переговоры. В сентябре 1825 г. состоялось присоединение „Общества Соеди-

[1]) Записки декабриста И. Горбачевского. М. 1916 г. Цитирую по упомянутой выше монографии Семевского, стр. 553.

[2]) Донесение следственной комиссии по делу декабристов. „Русский Архив“ 1881 г., т. II, стр. 305.

ненных Славян" к „Южному Обществу". „Общество Соединенных Славян" вошло в район действия Васильковской управы. В этом деле наиболее активную роль играл Бестужев-Рюмин.

В подготовке к восстанию и организации его славяне принимали живейшее участие. Из 36 членов общества 23 были преданы Верховному Уголовному Суду; четверо были осуждены судом в Москве; один (Кузьмин) застрелился после неудачи восстания. Ссылка в Сибирь для славян была тяжелее, чем для других декабристов. У них не было средств, и они очень нуждались. В Сибири один из них (Сухинов) предпринял попытку организации восстания и массового побега. Был приговорен к расстрелу. В ожидании предстоящего телесного наказания покончил с собой (повесился).

В хрестоматии мы приводим „Правила соединенных славян" и текст их присяги. Оба эти произведения принадлежат 1823 г.

Возрождение декабристских организаций на севере относится к концу 1822 г. Возродившаяся организация приняла название „Северного Общества". В состав него входили: С. Трубецкой, Н. Муравьев, Оболенский, Рылеев и др. Всего до 13 человек. Первое время председателем „Северного Общества" был Никита Муравьев. Год спустя было решено назначить трех председателей: Н. Муравьева, кн. С. П. Трубецкого и кн. Е. П. Оболенского (директория). В 1824 г. в виду выезда из Петербурга Трубецкого в состав директории вошел Рылеев.

Деятельность „Северного Общества" по сравнению с „Южным" протекала более вяло. Пропаганда в войсках совершенно не велась.

По сравнению с „Южным Обществом", Северное было значительно умереннее и в программе, и в тактике Южане были сторонниками республики, северяне конституционной монархии. Н. Муравьевым был составлен подробный проект конституции, носящей ярко выраженный монархический характер. Нами приведен ряд выдержек из проекта Муравьева.

Между обоими обществами происходили довольно оживленные сношения. Южане стремились к об'единению с северянами. Последние, опасаясь поглощения их более активной организацией южан и расходясь с ними по программным и тактическим вопросам, не желали этого об'единения. Приезжал в Петербург и Пестель; во время его пребывания происходили совещания, на которых Пестель добивался признания северянами республики, более революционного образа действий и слияния обоих обществ. Попытка его не удалась.

Правительство было осведомлено о существовании декабристских организаций. Начальник южных военных поселений генерал граф Витт еще в 1819 г. получил от царя личное приказание следить через агентов-провокаторов за губерниями Киевской, Волынской, Подольской, Херсонской, Екатеринославской и Таврической и, в особенности, за городами Киевом и

Одессою; о замеченном Витт должен был доносить непосредственно самому царю. В дальнейшем Витт в целях розыска о „Южном Обществе" отрядил своего агента-провокатора елисаветградского помещика Бошняка для вступления в члены общества.

В 1821 г. генерал Бенкендорф донес царю о декабристских организациях, но его записка была оставлена Александром I без движения. По свидетельству великого князя Константина Павловича, в 1822 или в 1823 году Александр I давал ему читать имевшийся у него устав „Союза Благоденствия"[1]). После смерти Александра I в его кабинете была найдена собственноручная небольшая записка о декабристах. В ней царь писал: „Есть слухи, что пагубный дух вольномыслия или либерализма разлит, или, по крайней мере, сильно уже разливается и между войсками; что в обоих армиях, равно как и в отдельных корпусах, есть по разным местам тайные общества или клубы, которые имеют притом секретных миссионеров для распространения своей партии. Ермолов, Раевский, Киселев, Михаил Орлов, граф Гурьев, Дмитрий Столыпин и многие другие из генералов, полковых командиров, сверх того большая часть разных штаб и обер-офицеров" [2]). В июле 1825 г. унтер-офицер 3-го Бугского уланского полка Шервуд, доставленный в Петербург Аракчеевым, сделал личный доклад-донос царю о существовании в первой и во второй армиях заговора [3]). Наконец, 12 декабря член „Северного Общества" офицер Я. И. Ростовцев донес царю о „Северном Обществе", но донос был довольно глупым и особого вреда не смог принести[4]). 1 декабря 1825 г. капитан Майборода из 2-й армии донес царю о „Южном Обществе".

Александр I не решался принять необходимых мер против декабристов. Он все время колебался: слишком видное положение занимали декабристы в помещичьем обществе. Многие из них были при дворе, многие на видных постах в армии. Много родовитых семейств было связано с ними узами родства. Царь не решался, боясь прогадать. Только почти накануне своей смерти он сделал распоряжение об аресте вождей „Юж-

---

[1]) Н. К. Шильдер. Император Николай Первый. Том первый. Изд. Суворина Спб. 1903 г. Стр. 493.

[2]) Н. К. Шильдер, стр. 162. Н. К. Шильдер предполагает, что эта записка относится к 1824 г. По предположению Константина Павловича, свою записку Александр I мог писать А. А. Аракчееву или А. Н. Голицыну. Н. К. Шильдер, стр. 493.

[3]) Свои сведения о декабристах Шервуд получил от офицера Вадковского, разболтавшего все Шервуду.

[4]) Н. К. Шильдер приводит текст письма Ростовцева к царю и содержание беседы, происшедшей между ним и Николаем I. Н. К. Шильдер, ст. 256 — 260. Я. И. Ростовцев, делавший себе карьеру на этом доносе, впоследствии был председателем редакционных комиссий, подготовлявших освобождение крестьян. А. Корнилов в своем „Курсе истории России" предпринял неудачную попытку реабилитации доносчика.

ного Общества". Разгром декабристских организаций начался уже после смерти Александра I. Благодаря доносу Майбороды, 13 декабря 1825 г. был арестован Пестель. Готовились и другие аресты.

Таково было положение к 14 декабря 1825 г., явившегося днем вооруженного восстания декабристов в Петербурге.

Ближайшим поводом к восстанию послужила заминка в очереди на царский престол.

В ноябре 1825 г. в Таганроге умер Александр I. Детей у него не было. Престол должен был перейти к братьям. У него было три брата: Константин, Николай и Михаил. Старший брат Константин, являвшийся наследником престола, вынужден был, по причинам семейного характера, отречься от престола. Он был женат на особе не из царствующего дома. Значит, его дети будут не царской крови, как это требовалось идеями монархизма, а только полукровками. Наконец, Константин Павлович вышел в папашу, был нрава буйного и скандального, к тому же и пьяница. На памяти еще была история с императором Павлом, которого свои же придушили. Словом, царская семья находила нужным заменить Константина Николаем; Александром I был подписан особый манифест, назначавший наследником престола Николая. Но опубликовать этот манифест царь не решился: Николай пользовался слишком большой репутацией отчаянного реакционера. Манифест остался неизвестным до самой смерти Александра I.

Еще до получения известия о смерти Александра I вечером 25 ноября при Николае состоялось совещание о том, какие меры нужно принять в случае получения известия о смерти царя. Декабрист Сергей Трубецкой в своих записках сообщает, что „совещание продолжалось до двух часов ночи. Великий князь доказывал свои права, но граф Милорадович [1]) признать их не хотел и отказал в своем содействии". А с Милорадовичем приходилось считаться. Недаром он говорил А. А. Шаховскому: „Мог же я допустить, что произнесена была какая-нибудь присяга, кроме той, которая следовала [2])? Мой первый долг был требовать этого, и я почитаю себя счастливым, что великий князь тотчас же согласился на это... У кого 60000 штыков в кармане, тот может смело говорить... Разные члены совета пробывали мне говорить и то, и другое; но сам великий князь согласился на мое предложение, и присяга была произнесена; тотчас же разосланы были и бланки подорожных на имя императора Константина" [3]).

Наследником престола все считали Константина. Несмотря на прочитанный манифест, не только Милорадович, но и министр юстиции князь Лобанов-Ростовский и члены Государ-

[1]) Петербургский военный генерал-губернатор.
[2]) Т.-е. Константину Павловичу.
[3]) Н. К. Шильдер, стр. 207.

ственного Совета признали царем Константина. Николай присягнул Константину и просил Государственный Совет „для спокойствия государства“ принести такую же присягу Государственный Совет это и сделал. Сенат разослал указы о присяге Константину. Николай звал Константина в Петербург на престол, прекрасно зная, что Константин должен отказаться. Константин действительно отказывался. Тогда Николай стал требовать от Константина нового отречения. Долго тянулась переписка между царственными братцами. Наконец, Константин не выдержал и послал всех к черту, угрожая от'ездом заграницу, если его не оставят в покое. Николай начал превращаться в царя. На 14 декабря была назначена присяга новому царю — Николаю.

Этот то день и был выбран „Северным Обществом“ для выступления и выбран, нужно сказать, довольно удачно. Момент был подходящим. Войска только присягнули Константину и не обнаруживали особенного желания присягать Николаю. Население недоумевало. Ходили самые разнообразные слухи. Говорили, что Константин вовсе еще не отрекся или что его заставили отречься.

Для „Северного Общества“ стоял вопрос „теперь или никогда“ (слова Рылеева). „Нас по справедливости назвали бы подлецами, если бы мы пропустили нынешний единственный случай“, говорил Пущин. Северяне готовились к выступлению. Тактический план был разработан Рылеевым и заключался в том что ы не допустить присяги войск Николаю I; собрать на Сенатской площади войска, отказывающиеся присягать Николаю; заставить сенат разослать манифест о конституции, отмене крепостного права и об установл нии временного правительства. В состав временного правления должны были войти: Мордвинов, Сперанский и Ермолов. Коренной управой диктатором был избран полковник князь С. Трубецкой, служивший в Киеве, но бывший в отпуску в Петербурге. Командовать войсками на площади должен был полковник Булатов, бывший командиром в лейб-гренадерском полку и только что назначенный командиром армейского полка. Избрание Булатова[1]) было вызвано тем обстоятельством, что Трубецкого гв рдейцы не знали, а Булатова знали, и он пользовался среди солдат большой популярностью.

Все декабристы сходились в признании необходимости издания манифеста сената. Об этом не раз говорилось в декабристских организациях. Недаром в откровенных показаниях декабристов царит большая путаница по этому вопросу. Очевидно, в памяти самих участников уцелели далеко не точно и не полностью все разговоры о манифесте. Рылеев показывал,

[1]) После ликвидации восстания Булатов был арестован и сидел в Петропавловской крепости. В 1826 г. в крепости сошел с ума и разбил себе череп об стену.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА 565575
ПОГАШЕНО

что Трубецкой поручил ему и Пущину написание манифеста: Пущин же отвечал, что поручение ему и Рылееву написат манифест было дано не Трубецким, а признано необходимым на совещании; Трубецкой показывал, что не поручал Рылееву составление манифеста, т. к. думал это сделать сам. По словам Штейнгеля, он, Штейнгель, получил от Рылеева 13 декабря поручение написать манифест, что и сделал на другой день. Кроме того, еще один проект манифеста был составлен Н. Бестужевым. Свои услуги по составлению манифеста предлагал Рылееву и Батенков.

До нас дошел проект манифеста, написанный Трубецким. Он был найден в бумагах Трубецкого. Этот проект представляет собой записку, в которой набросано по пунктам содержание манифеста. Записка хранилась в Государственном архиве и была напечатана в книге М. В. Довнара-Запольского „Мемуары декабристов". Из этой книги мы и перепечатываем записку Трубецкого, хотя она Довнаром-Запольским была напечатана, кажется не совсем исправно [1]).

Изложений событий 14 декабря существует очень много. Эти изложения можно разделить на две группы. Воспоминания современников и описания, сделанные впоследствии на основании как воспоминаний очевидцев и современников, так и различных документов. Размеры настоящего сборника позволяли привести только один отрывок на эту тему. Мы остановились на позднейших описаниях, как составленных на основании сопоставления и проверки описаний, сделанных участниками, очевидцами и современниками. Наиболее яркое описание событий 14 декабря дано, по нашему мнению, Богучарским в его статье „День 14 декабря 1825 года в Петербурге", помещенной в VIII томе юбилейного издания „Отечественная война и русское общество".

Далее мы приводим небольшой рассказ охранника М. М. Попова. Этот рассказ мы берем из довольно обстоятельной статьи М. М. Попова „Конец и последствия бунта 14 декабря 1825 г.", помещенной в историческом сборнике „О минувшем" (продолжение закрытого царским правительством „Былого"). Автор, между прочим, рассказывает о том, как в целях скорейшего исполнения царского приказа о приведении города в обычный вид полиция сбрасывала в поспешно наделанные на Неве проруби вместе с трупами и раненых. Этот рассказ принадлежит тому самому Попову, который в качестве учителя Белинского часто упоминается в биографиях Белинского и в работах по истории русской литературы начала XIX столетия; в 30-х г.г. М. М. Попов поступил в III-ье отделение, где был помощником Бенкендорфа и Дубельта.

---

[1]) В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. Спб. 1909 г. Стр. 498.

О происшедших событиях царское правительство 19 декабря опубликовало в тогдашнем правительственном вестнике „Русский Инвалид или Военные Ведомости“ сообщение, помеченное 15 декабря. Это правительственное сообщение было напечатано и в других тогдашних газетах (например, в „С.-Петербургских Ведомостях“). Как полагается в подобных сообщениях, силы и значение противника преуменьшены, восхваляются храбрость, твердость и милосердие царя, а народ и войска изображены ревностно преданными царю-батюшке. Кроме этого правительственного сообщения, в том же „Русском Инвалиде“ 22 декабря 1825 г. был опубликован высочайший манифест от 19 декабря относительно событий 14 декабря. Мы приводим полностью текст первого правительственного сообщения и царского манифеста. Первый документ мы перепечатываем из „Русского Архива“, второй из книги Шильдера о Николае Первом. Оба эти документа имеются также в книге В. Богучарского „Государственные преступления в России в XIX веке“, т. I.

15 или 16 декабря руководители московских организаций декабристов получили сведения о готовящемся восстании в Петербурге. 18 декабря должно было состояться специально в связи с этим созываемое совещание. Но днем 18 декабря в Москве уже стал известным результат 14 декабря. Прежде чем москвичи решили обсудить вопрос о выступлении, выступление декабристов в Петербурге уже было подавлено. Поражение в Петербурге делало совершенно невозможным выступление в более слабой декабристскими силами Москве. Приведенный небольшой отрывок из статьи М. В. Довнар-Запольского „Декабрьская революция 1825 г.“ дает характеристику положения дел в Москве. С 21 декабря в Москве начались аресты. Первым был арестован генерал М. Ф. Орлов[1]).

Совершенно иначе сложились дела на юге.

Восстание на юге произошло недели две спустя после событий в Петербурге.

Сведения о предстоящих арестах среди декабристов и смерть царя понуждали руководителей „Южного Общества“ торопиться с началом выступления, которое раньше относили к лету 1826 года. Особенно заставляли спешить пришедшие на юг к 26 декабря известия о событиях в Петербурге. В декабристских кругах создавалась атмосфера кануна восстания.

В южной армии после смерти Александра I военные власти начали производить аресты членов декабристских организаций. Как было упомянуто, 13 декабря был арестован Пестель. 28 декабря в Трилесах (Киевской губерни) были

[1]) М. Ф. Орлов (1788—1842 г.г.) был заключен в Петропавловскую крепость. По окончании суда над декабристами был приговорен к аресту на один месяц и к отставке от службы с приказанием жить в своей деревне.

арестованы братья Муравьевы-Апостолы. Но офицеры декабристы с оружием в руках немедленно их освободили. Это послужило поводом к восстанию.

30 декабря освобожденный Сергей Муравьев-Апостол с двумя неполными ротами Черниговского пехотного полка, одним из батальонных командиров которого он служил, двинулся из Трилес в сторону Киева и занял Васильков. Определенного плана не было выработано. Можно было избрать три направления: продолжать движение на северо-восток к Киеву, повернуть на северо-запад к Житомиру или повернуть на юг к Белой Церкви. С. Муравьев-Апостол двинулся на Житомир через Мотовиловку. Перед выступлением из Василькова на Мотовиловку на площади был выстроен отряд Муравьева, причем полковым священником, по настоянию Муравьева, был прочитан солдатам „Православный Катехизис" и отслужен молебен.

Против восставших частей Черниговского полка (около тысячи человек) должны были начать военные действия два корпуса 4-й и 3-й. Командиру 4 корпуса генералу Щербатову было поручено подавить восстание, „употребляя к тому меры должной строгости и не щадя бунтовщиков (слова приказа начальника главного штаба Дибича). Кроме того, сам Николай I поручил своему брату принять на время под свое начальство войско 3-го пехотного корпуса „для скорейшего и вернейшего наказания мятежников". Военные действия были начаты командиром 3-го корпуса генералом Ротом.

2-го января утром отряд Муравьева выступил из Мотовиловки, но не на Житомир, как предполагалось ранее, а на Белую Церковь. К 4 часам дня отряд занял с. Пологи в 12 верстах от Белой Церкви. Тем временем правительственные войска совершали окружение отряда. 12 рот и 4 пеших орудия были двинуты к Белой Церкви. 3 эскадрона и два орудия под командою генерала Геймера были двинуты к д. Устимовке. Сам корпусной командир Рот с 5 эскадронами и 6 орудиями конной артиллерии выступил через Фастов на Брусилов, чтобы отрезать отступление Муравьева на Житомир. Действительно, С. Муравьев-Апостол, получив сведения о сосредоточении правительственных войск в Белой Церкви, повернул на Житомир через Ковалевку и Трилесы. В шести верстах от Ковалевки по направлению к деревне Устиновке отряд Муравьева столкнулся с гусарами генерала Геймера. По отряду Муравьева был открыт орудийный огонь. Муравьев бросился в атаку, но тотчас же был ранен. Орудийный огонь, решительные действия правительственных войск, выбытие из строя Муравьева быстро разложили солдат. Они сдались без боя. Согласно официального сообщения, правительственные войска не имели ни раненых, ни убитых. 700 человек отряда Муравьева не оказали никакого сопротивления. Солдатам остались неизвестными, непонятными и чуждыми цели декабристов. Они

принимали чисто пассивное участие в восстании. Совершали переходы по приказанию своего начальства. Но и только.

Так без особых затруднений и быстро было подавлено восстание на юге.

События 14-го декабря достаточно общеизвестны. События же, происходившие на юге, на Украине, несмотря на их больший розмах, малоизвестны широким читательским кругам. Это побудило нас ввести в хрестоматию довольно подробное изложение событий на юге, даваемое Довнар-Запольским, и ряд правительственных сообщений о восстании войск Муравьева, помещенных в свое время в „Русском Инвалиде", а затем перепечатанных в „Русской Старине" и В. Богучарским в его работе „Государственные преступления в России". Основные дефекты изложения Довнар-Запольского заключаются в слабой обработке материала, который порой подносится читателю в совершенно сыром виде; небрежность, с которой ведется изложение; крайне тягучий и небрежный стиль. Между прочим, в своей статье Довнар-Запольский совершенно не использовал правительственные сообщения о ходе восстания на юге.

Еще 17 декабря 1825 г. царь подписал оставшийся в свое время неопубликованным указ на имя военного министра. Этим указом учреждался „комитет для следственных изысканий о злоумышленных обществах", под председательством военного министра Татищева. Членами комитета были назначены: великий князь Михаил Павлович, князь Голицын и генерал-адютанты: Голенищев-Кутузов, Бенкендорф и Левашев. В последствии к ним были добавлены дежурный генерал Потапов, начальник главного штаба барон Дибич и генерал Чернышев. Производителем дел был статский советник Блудов.

Следствием по делу декабристов руководил сам царь, обнаруживая большие жандармские способности. Николай I умел допрашивать офицерскую молодежь. Одних запугивал, другим давал лживые обещания. Декабристы, увидев полный крах своего предприятия, совершенно опустили руки, глубоко раскаивались, считали ошибкой свое участие в движении. В тюрьме они окончательно разложились и начали давать друг о друге самые откровенные показания. Чтобы заставить декабристов давать показания, к ним посылали для „увещаний" попов, которые должны были уговаривать „раскаяться". И декабристы каялись. Еще более действительным средством оказалась придуманная царем целая система тюремных воздействий на декабристов, которая должна была заменить старые пытки. В зависимости от даваемых показаний декабристов заковывали в кандалы или расковывали, давали пищу или морили голодом. Все даже самые мелкие распоряжения отдавал сам царь, играя роль тюремщика. Все это было бы пустяками для революционеров 70-ых годов и позднейших поколений, а на декабристов

действовало очень сильно. Характерным является полусумасшедшее халуйское письмо, которое отправил в Комитет подпоручик Андреевич 2-ой. Царский расчет оказался правильным. Тюремного режима, в особенности кандалов декабристы не умели переносить и спешили дать показания. Повидимому, обычных пыток к декабристам не применяли. Но, кажется, для Пестеля было сделано исключение [1]).

В приведенном отрывке из брошюры Щеголева „Николай I и декабристы" читатель найдет упомянутое письмо Андреевича 2-го и ознакомится с системой воздействия на декабристов.

Вообще, на допросах декабристы так же показывали, как это обычно делает уголовная шпана, на которую достаточно чуть нажать, и она дает полные показания и всячески старается выкрутиться, взваливая все на своего товарища. Почти все декабристы обнаружили чрезвычайное малодушие. Ярким исключением являются показания Грибоедова; царю не удалось добиться каких-либо откровенных показаний от Грибоедова, который очень удачно держался на допросах и никому ни в чем не повредил. А декабристский диктатор князь Трубецкой трусливо ползал на коленях, плакал и целовал руки Николая I, умоляя о пощаде. Князь Оболенский пишет холопское письмо к царю и дает самые откровенные показания. Рылеев спешит донести о „Южном Обществе", рассказывает о террористических замыслах Каховского, в показаниях называет массу имен и обнаруживает самую крайнюю болтливость. Каховский, которого выдали Оболенский, Одоевский и Кюхельбекер, дает показания о Рылееве, Штейнгеле и др. Даже Пестель совершенно раскис [2]) и давал откровенные показания, отрекался от прошлого и молил о милости, обещая, что после амнистии его существование „будет состоять только из верности, усер-

---

[1]) Автор „Воспоминания о кронверкской куртине" в книге „Тайное общество и 14 декабря 1825 г. в России", изд. 2-е. Лейпциг, стр. 293 говорит, что Пестель перед казнью „говорил тихо: он был после болезни, испытавши всевозможные истязания и пытки времен первого христианства. Два кровавые рубца на голове были свидетелями этих пыток. Полагать должно, что железный обруч, крепко свинченный на голове с двумя вдавленными глубокими желобами, оставил на голове его свои глубокие два кровавые рубцы." Цитирую по примечаниям Б. Л. Модзалевского к запискам Зубкова. См. В. П. Зубков. Записки о заключении в Петропавловской крепости по делу 14 дек. 1825 г. Спб. 1906 г., стр. 93.

[2]) Отец П. И. Пестеля, старый бюрократ И. Б. Пестель имел полное основание писать своей жене о сыне: „Павел здоров, ведет себя благородно, расскаивается, причащался в субботу на страстной неделе по собственному желанию у пастора Рейнбота, показал ему кольцо, полученное от матери своей, крестик с распятием, данный ему его любимою сестрою, булавку с маленьким распятием, которую я дал ему, благословляя его в день его от'езда из деревни, три года тому назад. Рейнбот был с ним $1^1/_2$ часа наедине и уверяет меня, что он совершенно примирился с богом и нашим спасителем." Бумаги И. Б. Пестеля, „Русский Архив" 1875 г., т. I, стр. 423.

дия и полной и исключительной преданности личности и семейству его величества“ [1]).

Польские нелегальные организации, с которыми декабристы вступили в переговоры в целях об'единения действий, были тотчас же ими выданы. Первыми выдали поляков Корнилович и Трубецкой, а вслед за ними начали поляков выдавать Бестужев, С. Муравьев, Пестель [2]) и Волконский. В результате в Польше начались аресты. Приводим небольшой отрывок из статьи Н. Н. Коробки „Польские общества 20-х годов и декабристы“, в которой собран соответствующий фактический материал.

Следствие по делу декабристов, с таким успехом проведенное, закончилось 30 мая 1826 г. Следственная комиссия представила Николаю I доклад, составленный Д. Н. Блудовым [3]).

После восстания декабристов для офицерства начались всевозможные строгости. Стали запрещать отлучки, обязывать все время быть при своих ротах, замеченных вне черты расположения полка стали арестовывать.

Наконец, правительство учинило грандиозный всероссийский допрос всем чиновникам, отставным и даже неслужащим дворянам. 21 апреля 1826 года последовал высочайший рескрипт, в котором царь писал: „я повелеваю вам истребовать по всему государству вновь обязательства от всех находящихся на службе и отставных чиновников и неслужащих дворян в том, что они ни к каким тайным обществам, под каким бы они названием не существовали, впредь принадлежать не будут, а если кто прежде к какому-либо из них когда бы то ни было принадлежал, то с подробным об'яснением в обязательстве его, под каким названием оно существовало, какая была цель его, и какие меры предполагаемо было употребить для достижения той цели“ [4]). Приводим отношение начальника главного штаба главнокомандующему первой армией с предписанием допроса офицеров первой армии.

1 июня 1826 г. последовал царский манифест об учреждении верховного уголовного суда для рассмотрения дела декабристов. Манифест был написан Сперанским, к которому Николай I обычно обращался за редактированием своих манифестов и который в свое время составил манифест о вступ-

[1]) Из письма Пестеля члену следственной комиссии генералу Левашеву от 12 января 1826 г.; письмо это полностью приведено на страницах нашей хрестоматии. Приводим также письмо Оболенского к царю, два письма Рылеева к своей жене и отрывки из записок Гангеблова и Фаленберга.

[2]) Показания Пестеля о польских обществах приведены в главе VIII-й статьи Павлова-Сильванского „Пестель перед Верховным Уголовным Судом“. „Былое“ 1906 г. № 5. Стр 247 — 252

[3]) Д. Н. Блудов—бывший либерал. На деле декабристов сделал блестящую карьеру.

[4]) „Русская Старина“, 1910 г., февраль, стр. 334.

лении Николая на престол. Верховный уголовный суд состоял из членов государственного совета, светейшего синода, сенаторов и особо назначенных царем чиновников. Всего было 80 членов суда. Мелькают имена князей, графов, баронов; два митрополита и архиепископ. Председателем суда был назначен князь Лопухин, генерал-прокурором суда — сам министр юстиции. Особыми статьями суд был поставлен в такие рамки, чтобы вынесение желательного приговора было вполне обеспечено. Ни производства судебного следствия, ни прений сторон не должно было быть. Составление правил судопроизводства для этого совершенно исключительного суда было поручено Сперанскому, который прекрасно справился с своей задачей. Суду были преданы 121 человек, из них 61 по обвинению в принадлежности к „Северному Обществу", 37 — к „Южному Обществу" и 23 — к „Обществу Соединенных Славян". Официальный список преданных суду декабристов мы приводим полностью.

Заседания верховного суда происходили с 3 по 8 июня ежедневно. Царь требовал скорейшего решения дела. В сущности суда никакого не было. Была лишь исполнительная комиссия. Царь отдавал свои распоряжения; Сперанский, который состоял членом суда и всячески старался заслужить царское доверие, оформлял их; президиум суда приводил их в исполнение. Обвиняемые на суд не были допущены. Суд выбрал ревизионную комиссию, которая отобрала от обвиняемых подписку о признании ими показаний, данных следственной комиссии. Так была произведена „ревизия следствия", заменяющая собой судебное следствие. Вся эта „ревизия" закончилась в один день, причем обвиняемые даже и не знали для чего их опрашивают. 10 июня суд рассмотрел донесение ревизионной комиссии и избрал комиссию „для установления разряда разных степеней виновности государственных злоумышленников". Избрали 9 чел., в том числе и Сперанского. Комиссия о разрядах заседала с 11 по 27 июня. Главную работу в комиссии нес Сперанский, который составил доклад комиссии суду. В наказаниях суд пошел еще дальше тех, которые предлагал Сперанский. На суде только один адмирал Мордвинов подал голос против смертной казни декабристам, поставленным вне разрядов. 8 июля суд представил всеподданнейший доклад. Мы приводим полностью „Роспись государственным преступникам, приговором Верховного Уголовного Суда осужденным к разным казням и наказаниям". Приговором все декабристы были разделены на 12 разрядов, причем Пестель, Рылеев, Сергей Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин и Каховский были поставлены вне разрядов и приговорены к четвертованию. Приговор суда был нарочно более суровым, чем требовалось. Царь получал таким образом возможность проявить монаршую милость. 10 июля 1826 г. последовал царский

манифест о понижении наказаний декабристам. Труднее обстояло дело с приговоренными к четвертованию. Николай обязательно хотел их повесить, но хотел проделать это так, как будто сие исходит от суда, а не от него. Царь с помощью Сперанского пустился на хитрость. Утверждая приговор суда, царь относительно пятерых, поставленных вне разрядов, указал, что уполномачивает суд самому принять о них окончательное решение. Вместе с тем царь ясно дал судьям понять, что нужно повесить эту пятерку, а отнюдь не приговаривать к вечной каторге [1]). Судьи, конечно, послушались. В своем заседании 11 июля верховный уголовный суд, „сообразуясь с высокомонаршим смягчением казни и наказаний", приговорил „вместо мучительной смертной казни четвертованием" „сих преступников за их тяжкие злодеяния повесить". Мы приводим выписку из протокола суда по этому вопросу.

Верховному уголовному суду были преданы 121 человек. Дела остальных декабристов рассматривались сенатом и военными судами.

В общем московских департаментов собрании сената рассматривалось дело Соловьева, Сухинова, Мазалевского и Быстрицкого, участвовавших в восстании на юге. Соловьев, Сухинов и Мазалевский были приговорены к смертной казни, но по конфирмации получили вечную каторгу, причем предварительно над ними должны были проделать обряд ломания шпаги перед полком, а затем поставить в г. Василькове под виселицу перед собранием команд из полков 9 дивизии; Быстрицкий был приговорен к каторге. Убитые Кузьмин, Щипила и Муравьев-Апостол тоже были судимы сенатом, который постановил: „на могилах их крестов и никаких памятников приличному христианскому погребению не делать; но, поставя виселицу, к вечному их пострамлению, прибить под оной имена их [2]). Приводим полностью царский указ о деле Соловьева-Сухинова и др.

Дела менее замешанных членов декабристских организаций, содействовавших им и сочувствовавших пошли административным порядком. В отношении этой группы 7 июля 1926 г. последовал царский приказ, текст которого мы приводим. Почти все получили крепость, некоторые — высылки, многие — понижение по службе.

---

[1]) Проделано это было таким образом. Сперанский написал председателю суда, а начальник главного штаба Дибич подписал письмо, в котором сообщалось, что „государь император повелеть мне соизволил предварить вашу светлость, что его величество никак не соизволяет не токмо на четвертование, яко казнь мучительную, но и на расстреляние, как казнь одним воинским преступлениям свойственную, ни даже на простое отсечение головы и словом ни на какую смертную казнь, с пролитием крови сопряженную". См. Кн. Н. В. Голицын. Сперанский в верховном уголовном суде над декабристами. „Русский Историнеский Журнал", 1917 г., № 1, стр. 92.

[2]) „Русская Старина", 1905 г., № 5, стр. 382.

9 июля 1826 г. состоялось об'явление приговора верховного уголовного суда. Суд собрался в крепости; осужденных вводили разрядами и лицам каждого разряда об'являлся приговор. Только здесь подсудимые удостоились впервые увидеть своих судей.

13 июля состоялось исполнение приговора верховного уголовного суда и казнь. Царь, опасаясь волнений в войсках, на всякий случай выехал из Петербурга в Царское Село. В полночь всех осужденных вывели из крепости и здесь над ними ломали шпаги, а мундиры и ордена их жгли.

Казнь Пестеля, Рылеева, С. Муравьева-Апостола, Бестужева-Рюмина и Каховского должна была совершиться 13 июля в 2 часа ночи. Виселица была устроена на кронверке Петропавловской крепости. С приготовлением виселицы, которая изготовлялась на Адмиралтейской стороне под надзором гарнизонного военного инженера Матушкина, опоздали и поэтому казнь совершилась только в 5 часов утра. За это промедление с изготовлением виселицы и ее доставки в крепость Матушкин был разжалован в солдаты на 11 лет[1]). Казнью руководил петербургский военный генерал-губернатор П. В. Голенищев-Кутузов, вступивший в должность после убийства Милорадовича. По прочтении полицеймейстером Чихачевым судебного приговора, и над этими декабристами был произведен требуемый русскими царскими законами идиотский обряд лишения дворянства и чести: ломали над головами шпаги, снимали мундиры и бросали их в огонь, надевали арестантские халаты. По окочании этого принялись вешать пятерых приговоренных к смертной казни: Пестеля, Рылеева, С. Муравьев-Апостола, Бестужева-Рюмина и Каховского.

Имеется несколько описаний казни, в том числе и непосредственных участников ее. Наиболее обстоятельным и ярким является рассказ одного из участников в совершении казни помощника полицейского надзирателя. Этот маленький трусливый полицейский чин, несмотря на всю его преданность царизму, чувствовал себя на казне декабристов преотвратительно и совершенно раскис. Его реальный полицейский рассказ весьма характерен, хотя и чувствуется над ним редакторская обработка, порой и тенденциозная. Рассказ этот в свое время был напечатан в „Народной Воле“, оттуда перепечатан „Всемирным Вестником“, а затем был приведен в полном собрании сочинений Рылеева, откуда мы и заимствуем его. Кроме того, приводим всеподданнейшее донесение генерал-губернатора Голенищева-Кутузова, взятое нами из „Былого“.

Отправка декабристов в Сибирь началась в последних числах июля месяца 1826 года. Отправку старались произвести как можно незаметнее. Отправляли не через Москву, а по

[1]) „Русский Архив“, 1881 г., т. II, стр. 346.

Ярославскому тракту, при чем губернаторам было предписано, чтобы „о поведении и содержании оных преступников они доносили в собственные руки его величества через главный штаб". Декабристов везли в кандалах: езда должна была быть особенно быстрой. Приводим небольшой отрывок из статьи охранника М. М. Попова „Конец и последствия бунта 15 декабря 1825 года", в котором имеются фактические данные о том, как шла отправка декабристов.

Часть декабристов, осужденных верховным уголовным судом и отнесенных к последним разрядам, были разжалованы в рядовые и отправлены в отдаленные кавказские, сибирские и оренбургские гарнизоны. В целях выслуги в офицеры все они стремились в полевые полки на Кавказ, где в то время шла война с горцами и с персами. В интересах войны разжалованным разрешили перевод в полевые полки Кавказского корпуса. В тридцатых годах начали переводить некоторых декабристов с поселения в Сибири на Кавказ (А. О. Корнилов С. И. Кравцов и др.; позднее А. И. Вегелин, Н. А. Загорецкий, А. И. Одоевский, А. Е. Розен и др.). Последним прибыл на Кавказ (уже в 50-х годах) А. Н. Сутгоф. По подсчетам декабриста А. Е. Розена и Е. Вейденбаума, автора статьи „Декабристы на Кавказе" [1]), двадцать декабристов были произведены в офицеры, четверо погибли во время войны, шесть умерло на Кавказе.

Другая часть декабристов, часто называемых в литературе о декабристах „прикосновенными" [2]), почти целиком была сослана на Кавказ. Гвардейцев переводили в армейские и гарнизонные полки. Некоторых перевели на низшие должности, но оставили в офицерских чинах. Все они состояли под строгим секретным надзором. Ближайшие начальники их обязаны были ежемесячно доносить о них начальнику главного штаба для доклада царю. Перемещения, отпуска и т. п. могли происходить только по особым разрешениям самого царя.

В отношении солдат, принимавших участие в вооруженных восстаниях в Петербурге и на юге, царское правительство поступило так.

Наиболее виновные солдаты, участвовавшие в восстании 14 декабря, были выключены из гвардии и отправлены в Выборгскую и Кексгольмскую крепости. Нижние чины Черниговского пехотного полка также подверглись ответственности. В феврале 1826 г. из рот л.-гв. Московского и Гренадерского полков был сформирован сводный гвардейский полк в составе двух батальонов и отправлен на Кавказ для борьбы с горцами. Нижние чины, исключенные из гвардии и из Черни-

[1]) „Русская Старина", 1903 г., іюнь.

[2]) Официально они назывались „лицами, кои прикосновены были к делу о злоумышленных обществах, но не быв преданы верховному уголовному суду, понесли исправительные наказания".

говского полка, подлежали распределению, по тем кавказским полкам, которые были направлены против горцев. В 1827 г. сводный гвардейский полк участвовал в грабительской войне против Персии. По окончании войны с персами полк вернули в Петербург. В числе офицеров этого сводного полка был и предатель доносчик Майборода, бывший капитан Вятского пехотного полка, переведенный теперь в л.-гв. гренадерский полк [1]).

Декабристские организации были совершенно уничтожены. Декабристское движение было остановлено. Только в очень немногих местах проявлялись еще небольшие попытки дальнейшей деятельности. Но эта страница истории революционного движения еще совершенно не изучена. Известны, например, нелегальные организации декабристского характера, существовавшие в Оренбурге и в Харькове. Брат декабриста Д. Завалишина офицер Ипполит Завалишин[2]), разжалованный в 1826 г. за проступки, называемые в официальных донесениях „предосудительными", во время своей службы рядовым в отдельном Оренбургском корпусе составил тайное общество и за это в 1827 году был сослан на каторгу. В Харькове среди офицеров и студенчества в 1826 — 1827 гг. имелись лица, сочувствовавшие декабризму и распространявшие революционные сочинения. Студент Харьковского университета Владимир Розалион-Сошальский написал целый ряд произведений декабристского характера. Приводим два секретные предписания начальника главного штаба генерала Дибича Киевскому военному губернатору относительно розысков авторов и распространителей противоправительственных сочинений в Харькове и в Чугуеве.

Декабристы были запрятаны в Сибири. Сперва их содержали на различных Нерчинских рудниках, затем в Читинском остроге, а потом в Петровском заводе. Специально для охраны декабристов по выбору царя на ответственную в это время должность коменданта Нерчинска был назначен один из полковых командиров генерал Лепарский, которому были предоставлены широкие полномочия. Относительно содержания и употребления на работы декабристов губернатором Цейдлером 27 августа 1826 г., на основании высочайшего повеления, было дано распоряжение начальнику Нерчинских заводов Бурнашеву [3]), „чтобы сии преступники были употребляемы, как

---

[1]) Впоследствии Майборода командовал на Кавказе Апшеронским пехотным полком. Кончил жизнь самоубийством.

[2]) Этот И. Завалишин во время пребывания на каторге отличался крайним неповиновением начальству, в результате чего его дольше, чем других держали скованным, посылали скованным на тяжелую работу, а в 1848 г. за дерзость против городничего подвергли телесному наказанию. И. Завалишин был столь ненавистен для администрации, что на него не распространили даже действия манифеста об амнистии в 1856 г.

[3]) Этот самый Бурнашев весьма враждебно относился к декабристам и выражал большое недовольство, что ему мешают вывести „в расход" всех декабристов.

следует, в работу, и поступлено было с ними во всех отношениях по уста овленному для каторжных положению". Рудник для работ должен быть вдали от границы и больших дорог. Содержание декабристов обеспечивали, чтобы не допускать их „до свободы, которую каторжные по окончании работ имеют для снискания себе вольными работами средств к содержанию подкрепления".

Крупнейшим событием во время содержания декабристов по различным Нерчинским рудникам была попытка восстания и массового побега, произведенная декабристом Сухиновым [1]).

В мае 1828 г. ссыльно-каторжные Зерентуйского рудника, где содержались декабристы Сухинов, Соловьев и Мозалевский, под руководством Сухинова должны были поднять восстание на Зерентуйском руднике. Прежде всего предполагалось обезоружить караул, захватить оружие, овладеть сперва Зерентуйским рудником, затем Благодатинским, расположенных вблизи, остановить почтовые сношения, присоединить на свою сторону каторжан, рабочих и местных жителей, итти на Нерчинск, овладеть артиллерией, затем двинуться на Читу и освободить всех свезенных туда декабристов. Но этому плану ни в коей мере не удалось осуществиться. Один донос был сделан ссыльным Виленским студентом Тиром. Затем накануне выступления всех выдал ссыльный Казаков [2]). Заговор был раскрыт. Произведены аресты, при чем арестованных во время допросов подвергали сильнейшим избиениям. 22 человека, в том числе и декабристы Сухинов, Соловьев и Мозалевский [3]), были преданы военному суду. Суд вынес довольно строгий приговор. В частности Сухинова суд приговорил к повешению с ходатайством о замене сего 300 ударами кнута, клеймением лица и заключением в тюрьме. Царским указом от 13 августа 1828 г. исполнение приговора было поручено генералу Лепарскому. Последний, как это полагается в таких случаях, несколько смягчил приговор, тем не менее шестеро во главе с Сухиновым [4]) были приговорены к смертной казни, тридцать к наказанию плетьми и трое (декабристы В. Соловьев и А. Мозалевский и бывший юнкер К. Птицын) оправданы. Приговор

[1]) И. И. Сухинов (1797 — 1828 гг.) — небогатый помещик. Принадлежал к „Обществу Соединенных Славян". Участвовал в вооруженном освобождении С. Муравьева-Апостола. Участвовал в вооруженном восстании на юге. После сдачи отряда Муравьева-Апостола с помощью солдат скрылся, скрывался у крестьян, жил по фальшивке в Кишеневе, где и был арестован. Был приговорен сенатом к смертной казни, которая была земенена вечной каторгой.

[2]) За этот донос Казакова немедленно убили.

[3]) Декабристы В. Соловьев и А. Мозалевский участвовали в восстании на юге и были приговорены сенатом к смертной казни, которая была заменена вечной каторгой.

[4]) К смерти были приговорены: Сухинов; бывший фельдфебель П. Голиков, ближайший помощник Сухинова; сын астраханского купца В. Бочаров; бывший фельдфебель Бондарев; Т. Непомнящий и В. Михайлов.

был исполнен в отношении всех, кроме Сухинова, который, предполагая применение к нему телесного наказания, повесился у себя в камере. В хрестоматии мы приводим выдержку из предписания генерала Лепарского начальнику Нерчинских заводов об исполнении приговора по делу о попытке восстания.

Эта попытка восстания побудила царское правительство в целях лучшего надзора за декабристами, до сего времени размещенными по различным рудникам и заводам Нерчинского округа, поспешить с соединением всех декабристов в одну общую тюрьму. Инициатива в этом вопросе исходила от генерал-губернатора Сибири Лавинского. Сперва всех декабристов свезли в селение Читу, где декабристы провели три с половиной года. Декабристы с удовлетворением вспоминали об этом соединении их в одну тюрьму. „Каземат нас соединил вместе,— пишет в своих записках декабрист М. А. Бестужев,— дал нам опору друг в друге, и, наконец, через наших ангелов-спасителей, дам, соединил нас с тем миром, от которого навсегда мы были оторваны политическою смертью, соединил нас с родными, дал нам охоту жить, чтобы не убивать любящих нас и любимых нами, наконец, дал нам материальные средства к существованию и доставил моральную пищу для духовной нашей жизни. Каземат дал нам политическое существование за пределами политической смерти" [1]).

Большим облегчением для декабристов явился приезд жен некоторых из них. Первой приехала жена трусливого декабристского диктатора князя Трубецкого. В противоположность своему супругу Трубецкая решительно шла к поставленной цели, совершив чрезвычайно тяжелый и опасный путь. Кроме Трубецкой, в Сибирь последовали: Волконская, Муравьева, Нарышкина, Ентальцева, Фон-Визина и Давыдова; затем будущая Анненкова и будущая Ивашева (в Западную Сибирь). Всем им пришлось преодолеть величайшие трудности, итти на громадные лишения. Царское правительство хотело уничтожить всякую связь декабристов с внешним миром, всякую память о них. Поездки жен декабристов в Сибирь мешали этому. Отсюда противодействие правительства. Три обстоятельства помогали женам декабристов осуществить их намерение. Прежде всего наличие в русском законодательстве статей, допускающих возможность следования жен за своими мужьями — каторжанами. Затем известную роль играло желание царя казаться джентльменом перед великосветскими дамами; Николай I был вынужден уступать настойчивым просьбам дам, которые вырывали у него согласие. Наконец, помогли и те большие связи при дворе и генералитете, которые имели родственники декабристов. Царь поставлен был в необходимость давать свое согласие, но он обуславливал его рядом таких

[1]) „Русская Старина", 1870 г., т. II, стр. 182.

препятствий, при которых жены декабристов должны были бы отказаться от своего намерения; так, например, им не разрешали брать с собой детей. На губернаторов была возложена обязанность „принять меры к отклонению от сего намер ния жен прочих подобных Трубецкому преступников". Беседа Трубецкой с губернатором в „Русских женщинах" Некрасова вполне соответствует исторической действительности. Приехавшие к декабристам жены не могли возвратиться из Сибири без особого разрешения. По смерти мужа Ентальцева 12 лет должна была прожить в Сибири.

Декабристы пробыли в Чите три с половиной года. Это было их временное пребывание. Для постоянного намечался Акатуй, но по предложению генерала Лепарского правительство остановилось на Петровском заводе, расположенном около Верхнеудинска. Для размещения декабристов на Петровском заводе была выстроена специальная тюрьма, план которой был утвержден самим царем. Николай I счел нужным утвердить план тюрьмы без окон наружу, без дневного света.

В целях лучшей охраны декабристов правительство приняло на себя их содержание, а затем в целях экономии царской казны декабристам разрешили жить коммуной. Среди декабристов были получавшие огромные суммы (Муравьевы получали до 40 тысяч рублей в год) и были лица совершенно не имевшие никаких средств. Декабристы устроили коммуну. Содержание одного человека в год обходилось в среднем 250 руб.

В 1841 году по инициативе жандармского генерала Бенкендорфа под видом особой царской милости (по случаю бракосочетания наследника престола) была предпринята попытка отнять детей у декабристов. Декабристам предлагалось отпустить своих детей учиться на казенный счет, при чем дети не должны носить фамилий отцов. От этой „милости" все декабристы решительно отказались, только один декабрист Давыдов, имевший 9 ч. детей, которых не имел средств воспитывать, вынужден был дать свое согласие[1]).

Часть декабристов проживала в Западной Сибири. Здесь в разных местах (Кургане, Ялуторовске, Тобольске и др.) в разное время жило 39 человек. Первым приехал Шихарев. В Западной Сибири жили: Одоевский, Выгодовский, Штейнгель, Якушкин, Кюхельбекер, Фон-Визин, Розен и др. В 1837 г. посетил Курган наследник престола будущий Александр II. В ознаменование этого посещения милостями, как сие полагается в подобных случаях, последовали некоторые облегчения для декабристов. Несколько декабристов, в том числе барон Розен и князь Одоевский, были переведены с поселения на Кавказ рядовыми.

---

[1]) Сыновья его воспитывались под именем Васильевых и только 1856 г. получили обратно свои имена.

Амнистия декабристам была дана в 1856 г. в день коронования Александра II, сменившего Николая I, отравившегося с горя от неудач в Крымской войне. Тридцать лет пробыли декабристы в Сибири. Из 121 осужденных верховным уголовным судом ко времени амнистии в Восточный Сибири осталось только 19 человек; остальные частью умерли, частью кончили свои сроки. В Восточной Сибири на поселении еще оставались: Волконский, Трубецкой, Поджио (в Иркутске), Бечастный (в д. Смоленщине), М. А. Бестужев (в Селингинске), Д. Завалишин (в Чите) и Горбачевский (на Петровском заводе); в Красноярске жила семья Давыдова, который уже умер. Некоторые декабристы жили на поселении в Западной Сибири (Батенков, Якушкин и др.). В Восточной Сибири „на жительстве" в Иркутске находились Кюхельбекер и Веденянин, Быстрицкий в д. Хомурове. Приводим в хрестоматии манифест и указ об амнистии декабристам. Но не все оставшиеся еще в живых декабристы смогли воспользоваться амнистией. Например, Бечастный, Веденянин, Горбачевский и Завалишин за отсутствием средств не смогли вернуться в Россию. Горбачевский остался жить на Петровском заводе, где и умер в 1869 году.

Вернувшиеся в Россию декабристы перестали быть революционерами. К революционному движению 60-ых годов они не имели никакого отношения. Вот, например, вернувшийся из Сибири с поселения декабрист М. И. Муравьев-Апостол, поселившийся в Твери. Местные либералы называли его „мучеником и выражали сожаление, что 14-е декабря не имело успеха. Они очень удивились и даже разочаровались на счет его, когда Матвей Иванович сказал им, что они (т.-е. декабристы — В. А.) никогда не считали себя мучениками, а покорялись законам своей земли; что правительство обязано блюсти государство; что он всегда благодарил бога за неудачу 14-го декабря; что это было не русское явление; что мы жестоко ошиблись; что конституция вообще не составляет счастия народов, а для России в особенности непригодна[1])". В хрестоматии мы помещаем отрывок из воспоминаний рядового декабриста Беляева, довольно характерно отражающий настроение возвратившихся декабристов.

Другой слой людей участвовал теперь в революционном движении — интеллигенция. Не помещик, а сын помещика, студент. Не самостоятельный владелец земли, как декабрист, а сын владельца. Он участвовал не потому, что интересы его класса толкали в сторону революции, а вопреки интересам своего класса, отрываясь от него, изменяя ему. Его участие в революционном движении недолго, только в годы студенчества он отбывает свою революционную воинскую

[1]) „Русский Архив", 1886 г., т. II, стр. 144.

повинность. В зрелых годах он будет обывателем, если только не попадется в лапы правительства и оно не сгноит его в тюрьмах и ссылках.

Декабристы остались в стороне от революционного движения 60-ых и 70-ых годов. Их не увлек ни революционный индивидуализм нигилизма, ни движение в народ семидесятников, ни террор „Народной Воли". В свое время декабристы были революционерами, революционным путем они шли добывать одни республику, другие конституцию, они боролись за освобождение крестьянства. Но уже совершилось освобождение крестьян, оставалась республика или конституция. Но никто из них уже не был республиканцем, в лучшем случае они были только конституционалистами. Их политическая линия сейчас шла не с революционной интеллигенцией 60 и 70 годов, а самое большее с либеральными помещиками 60-ых годов. Так кончал свою жизнь декабризм, яркая страница недолгой революционности крайнего левого крыла русских помещиков.

III

Остановимся подробнее на выяснении социального состава декабристов и социального характера их программы.

Социальные корни декабризма лежат в классе помещиков: декабристы отнюдь не служилая интеллигенция, хотя они почти все служат в войсках. Они прежде всего помещики, они живут именно за счет своих больших владений. Служба не только не приносит им материальных благ, но наоборот, требует еще больших расходов. Остатки такого положения сохранились у гвардейского офицерства даже в конце XIX в. и начале XX. Русский гвардейский офицер Николая II жил не на жалование, а за счет доходов от своих имений. Военная служба для помещичьего класса в начале XIX столетия — общественная обязанность, общественная деятельность, общественная работа помещика, подобно тому, как во вторую половину XIX в. и в начале XX в. общественная работа помещика — земство. Декабристы это не „дети", вступившие в конфликт с „отцами". Декабристы самостоятельные владельцы земель. И отнюдь не люди, порвавшие с своей средой, изменившие ей. Декабристы остались верны своему классу. Они отнюдь не становятся в ряды партий другого класса. Они родились в помещичьей среде, жили, свыклись с ней, были и остались в ней.

Какой же слой помещичьего класса они представляют? Не самий крупный. Крупных помещиков в их среде немного. Некоторые из декабристов принадлежали к аристократии, но аристократия среди них не преобладала. Николай I стыдил князя Трубецкого: „Гвардии полковник! Князь Трубецкой! Как вам не стыдно быть вместе с такой дрянью", т.-е. с поручиками и подпоручиками, не князьями, не графами и не ба-

Библиотека Таганрогского Краевого профессионального училища № _____

ронами. Среди декабристов были и полковники и даже генералы, князья и графы, но они были там в меньшинстве. Вне всякого сомнения декабристы не принадлежали к мелким помещикам, исключая членов „Общества Соединенных Славян". Преобладающий состав декабристов — средний помещик. Это можно заключить по сопоставлению целого ряда данных. Конечно, все это предположения. Данных о количестве десятин и крепостных душ, которыми владели декабристы, еще нет. Только опубликование подобных данных устранило бы все сомнения, возникающие в этом вопросе.

Итак, мы считаем декабриста помещиком средней руки. Декабристы отражали собой интересы той части средних помещиков, которые шли по пути капиталистического землевладения, интересы буржуазных помещиков, тех помещиков, которые находили выгодным для себя освобождение крестьян. Но декабристы отнюдь не отражали господствовавших мнений среди средних помещиков. У декабристов было немало сочувствующих, но они представляли собой лишь крайнее крыло русских помещиков, преимущественно средних. За ними пошло меньше людей, чем они думали. Они встретили меньшую поддержку, чем та, на которую они расчитывали. Помещичья масса оказалась против них. Правительство легко раздавило декабристов, ибо помещичья масса стояла за самодержавие и крепостное право. Декабристы представляли собой лишь раскол в помещичьем классе.

Самыми главными пунктами программы декабристов были: замена самодержавия конституционной монархией или даже республикой, построенной на помещичьем базисе, освобождение крестьян от крепостной зависимости, сокращение срока военной службы, уничтожение военных поселений.

Декабристы все были сторонниками конституционного строя, при чем северяне стояли за конституционную монархию. Наиболее полное выражение конституционно-монархические взгляды „Северного Общества" нашли в проектах конституции Никиты Муравьева, который одно время был республиканцем, а затем сделался сторонником конституционной монархии. В основу конституционных проектов Н. Муравьевым были положены французская конституция 1791 г., конституция Северо-Американских Соединенных Штатов и испанская конституция 1812 г. Муравьев считает необходимым федеративное устройство России. В конституции проведен имущественно-сословный ценз; конституция закрепляла власть за помещиками. Помещичий характер конституции был очевидным: помещик получал в пятьсот раз больше избирательных прав, чем крестьянин, даже не бывший крепостным; что касается освобожденных крепостных, то они совершенно лишались избирательных прав; вместе с тем помещик получал вдвое больше избирательных прав, чем буржуа.

Текст конституции Никиты Муравьева до нас дошел в двух редакциях. Первая редакция конституции носила такое заглавие: „Предположение дела начертания устава положительного образования, когда его имп. в-ву благоугодно будет с помощью всевышнего учредить Славяно-Русскую империю". Это название имело в виду олегализировать, на всякий случай, составленный проект. Другая редакция проекта конституции, более подробная, дошла до нас в копии, сделанной рукою Рылеева. Эта вторая редакция напечатана в книге В. Е. Якушкина „Государственная власть и проекты государственной реформы в Росии", изд. в 1906 г., и в 4-м выпуске „Библиотеки Декабристов", изд. в 1907 г.

Вторая, наиболее обширная редакция проекта Никиты Муравьева, содержит в себе 13 глав: 1) о народе русском и правлении, 2) о гражданах, 3) о состоянии, личных правах и обязанностях русских, 4) о России, 5) о внутреннем устройстве— волостном и уездном, или поветовом, 6) о Народном Вече, 7) о Палате Представителей, о числе и выборе представителей, 8) о Думе верховной, 9) о власти и преимуществах Народного Веча и составлении законов, 10) о верховной исполнительной власти, 11) о внутренних властях и правительствах держав, 12) о правительствующей власти держав, 13) об исполнительной власти держав.

По поводу своей конституции сам Н. Муравьев в одном из своих показаний говорит: „Конституцию мою я читал только старейшим членам „Северного Общества", и мне казалось, что она была согласна с их образом мыслей. Ее отвергало „Южное Общество" и Пестель находил, что она узаконяла аристократию". Действительно, Пестель был решительным противником федеративного устройства государства, цензовой системы и монархии. В одном из своих показаний Пестель говорит о конституции Н. Муравьева, что „права на должности в правлении и на участие в делах общих и государственных основаны были на богатстве, так что для исполнения должностей даже в уездных правительствах нужно было богатство, а для внешних должностей все более и более. Сия ужасная аристокрация богатств заставляла многих, а в том числе и меня, против его конституции сильно спорить".

В хрестоматии мы помещаем ряд статей из конституции Н. Муравьева, заголовки над статьями принадлежат нам; мы дали их с целью наиболее быстрого нахождения читателем нужных статей, а также в целях характеристики положений конституции.

Проект конституции Пестеля во многом являлся противоположным проекту Н. Муравьева. Конституционный проект Пестеля написан в форме наказа Временному Верховному Правлению. Этому наказу Пестель дал название „Русская Правда".

„Русская Правда“ до нас дошла, кажется, полностью в том виде, в каком она была написана Пестелем.

После ареста Пестеля „Русская Правда“ была зарыта декабристами в землю, но впоследствии декабрист офицер Заикин выдал, где была зарыта „Русская Правда“. Ее извлекли из земли и доставили в Петербург. После следствия над декабристами „Русская Правда“ была запечатана и вместе со всем производством по делу декабристов сдана в Государственный Архив Министерства Иностранных Дел. В начале 80-х годов она была распечатана академиком благонамеренным генералом Н. Ф. Дубровиным, который сделал с нее список; список поступил в рукописное отделение Библиотеки Академии Наук. С этого списка П. Е. Щеголев в 1906 году и опубликовал „Русскую Правду“ [1]).

Полное название книги таково: „Русская Правда или Заповедная Государственная грамота великого народа россійского, служащая заветом для усовершенствования Государственного устройства России и содержащая верный наказ как для народа, так и для Временного Верховного Правления“. По определению Пестеля „Русская Правда“ есть „верховная Всероссийская грамота, определяющая все перемены, в государстве последовать имеющие, все предметы и статьи, уничтожению и ниспровержению подлежащие, и, наконец, коренные правила и начальные основы, долженствующие служить неизменным руководством при сооружении нового государственного порядка, и составлении нового государственного уложения. Она содержит определение некоторых важнейших положительных законов и постановлений будущего порядка вещей, исчисление главных предлагаемых переводных мероприятий и вместе с тем пояснений коренных соображений, начальных причин и основных доводов, утверждающих предполагаемое для России государственное устройство. Итак, Русская Правда есть наказ или наставление временному Верховному правлению для его действий, а вместе с тем и об'явление народу, отчего он освобожден будет и чего он вновь ожидать может. Она содержит обязанности, на временное Верховное правление возлагаемые, и служит для России ручательством, что временное Верховное правление единственно ко благу отечества действовать будет“ [2]).

„Русская Правда“ должна была состоять из Введения и десяти глав, но Пестель успел написать, кроме Введения, только пять глав. Первые три главы имеют вполне законченный вид, четвертая и пятая сделаны только вчерне, а остальные пять имеются только в набросках.

„Русская Правда“ начинаетая Введением, в котором излагаются „основные понятия“. В первой главе „О земельном

[1]) П. И. Пестель. „Русская Правда. Наказ Временному Верховному Правлению. Книгоиздательство „Культура“ Спб. 1906 г.

[2]) „Русская Правда“, Введение, § 12 стр. 10.

пространстве государства" — идет речь о границах государства и делении на области, округа и уезды. Вторая глава трактует „О племенах, Россию населяющих". Третья — „О сословиях, в России обретающихся". Четвертая глава носит название „О народе в политическом отношении". Глава пятая называется „О народе в гражданском отношении". Остальные главы, которые Пестель не успел еще написать, должны были трактовать о верховной власти (6 глава), о правительственных учреждениях в центре и на местах (7—9 главы) и содержать род наказа для составления государственного уложения (10 глава).

В том экземпляре „Русской Правды", который дошел до нас, оказалась вплетенной между третьей и четвертой главами „Записка о государственном управлении", набросанная Пестелем много ранее написанная „Русской Правды", когда он был еще монархистом. Вероятно, эта записка должна была служить Пестелю материалом для написания последних глав „Русской Правды".

В хрестоматии мы приводим наиболее характерные положения „Русской Правды". Заголовки здесь так же, как и для конституции Муравьева, даны нами.

Декабристы были сторонниками освобождения крестьян. Дальше всех в экономической программе шел Пестель, но и он в своих воззрениях оставался помещиком. „Освобождение крестьян от рабства,— говорит Пестель, — не должно лишить дворян дохода, ими от поместий своих получаемого; освобождение сие не должно произвести волнений и беспорядков в государстве, для чего и обязывается верховное правление беспощадную строгость употреблять против всяких нарушителей спокойствия". В своих заботах об охране классового общества Пестель считал настоятельно необходимым учреждение особой тайной полиции. Об этом см. у Ольминского, отрывок из статьи которого мы приводим в нашей хрестоматии.

В своем аграрном проекте Пестель сохраняет крупное землевладение. Он предлагает половинную национализацию земли; другая половина земли остается у помещиков. В плане экспроприации земли Пестель не забывает интересов помещиков. Даже владельцы имений с числом душ не менее 1 тысячи и десятин не менее 10 тысяч экспроприируются только на половину земли; владельцы от 5 до 10 тысяч десятин земли экспроприируются уже с вознаграждением, а владельцы менее 5 тысяч десятин получают вознаграждение за всю землю.

Другие декабристы выступали с более умеренными проектами. Н. Муравьев, например, высказывался за освобождение крестьян только с 2 десятинами земли на каждый двор и оставление у крестьян их дворов и инвентаря, а Н. И. Тургенев, довольно много занимавшийся аграрным вопросом, стоял даже за безземельное освобождение крестьян, охраняя, таким образом, помещичьи земли. В приводимом отрывке из извест-

ной монографии В. И. Семевского „Политические и общественные идеи декабристов“ читатель найдет подробное изложение взглядов декабристов на аграрную реформу. Но пусть читатель не забывает, что Семевский принадлежит к народничеству.

Национализм являлся существенной частью идеологии декабризма. Благодаря своему национализму, декабристы отрицательно относились к правам национальных меньшинств. Пестель говорит, что необходимо, чтобы „на целом пространстве российского государства господствовал один только язык российский“, „все племена должны быть слиты в один народ“. Пестель даже договаривался до заявления о необходимости выселения из России всех евреев. Декабристы были сторонниками активной внешней политики, сторонниками порабощения кавказских народов, грабительской войны против Персии. Дипломатическая деятельность Грибоедова, который хотя и не состоял членом декабристских организаций, но безусловно разделял декабристские воззрения, весьма показательна; за время своего пребывания в Персии, сперва секретарем (1818 — 1822 г.г.) русского посольства, а затем послом (1828 — 1829 г. г.), Грибоедов возбудил к себе всеобщую ненависть среди персов; результатом грибоедовской политики было нападение многотысячной толпы персов на русское посольство, погром и убийство всего состава миссии, в том числе и Грибоедова. На примере деятельности Грибоедова можно судить, какой активный характер имела бы внешняя политика декабристов, если бы они пришли к власти. Мы приводим довольно большой отрывок из статьи А. Н. Шебунина „Декабристы и вопросы внешней политики“. Автор — не марксист. Эта статья представляет для нас интерес не своими выводами, а тем материалом, который в ней собран. Во всей литературе о декабризме это наиболее подробное изложение взглядов декабристов на внешнюю политику, хотя и здесь целый ряд вопросов обойден молчанием.

Существенное место в программе декабристов занимали вопросы об упразднении военных поселений и о сокращении срока службы солдат.

Сильнейший недостаток в средствах на содержание огромной армии заставил правительство попытаться перевести солдат на самоокупаемость, попробовать совместить труд земледельца с солдатской службой. Крепостническое государство пыталось обязать государственных крестьян барщиной — натуральной воинской повинностью. Кроме того, уничтожение рекрутчины, забиравшей работников барщины или плательщиков оброка, могло казаться весьма выгодным помещикам и помещичьему государству. Инициатива этой попытки, потребовавшей больших расходов и принесшей впоследствии не мало беспокойства помещичьему государству, принадлежала самому Александру I. В хрестоматии мы помещаем отрывок из статьи

С. П. Мельгунова „Правительство и общество после войны", посвященный военным поселениям, и полностью параграф о военных поселениях из „Русской Правды" Пестеля.

Требование упразднения военных поселений было общим для всех декабристов. Его мы находим в „Русской Правде" Пестеля, в Конституции Никиты Муравьева, в Манифесте Сената С. Трубецкого, в показаниях декабристов, в записках, оставленных ими. В приводимом нами отрывке из „Русской Правды" подробно выясняется взгляд декабризма на военные поселения. „Обращая теперь взоры, — говорит Пестель, — на несправедливость, неудобства и худые последствия, с поселением войска сопряженные, нельзя довольно надивиться, как могла таковая мысль когда либо прийти в ум, не лишенный совершенно всякого здравого рассудка".

Не только в военных поселениях, но и вообще в армии положение солдат было чрезвычайно тяжелым. Срок военной службы был установлен в 25 лет. Все декабристы были сторонниками значительного сокращения этого срока. Пестель в „Записке о составе войска" говорит: „Срок для службы, определенный в 25 лет, до такой степени через всякую меру продолжителен, что мало солдат оный проходят и выдерживают, и потому с самого младенчества привыкают они взирать на военную службу, как на жесточайшее несчастие и почти как на решительный приговор к смерти. С таковыми чувствами и понятиями вступая в войско, а в продолжение тягостной своей службы находя мало причин переменить на ее счет свой образ мыслей, теряют солдаты всякую надежду на счастие в сей жизни, а с тем вместе и соделываются готовыми к последованию дурных примеров и к принятию еще худших советов". „Мысль, что войско, лишаясь старых солдат, теряет в крепости и устройстве своем, была бы справедлива, если срок службы до 5 лет был бы уменьшен, но совершенно неосновательна, когда для онаго определяются 15 лет, ибо каждый начальник подтвердит, что самые лучшие солдаты суть те, которые служат от 5 до 15 годов. Первые пять годов нужны солдату, дабы к службе совершенно привыкнуть и надлежащим образом оную познать. Прослужа же 15 лет, начинает он слабеть и становится уже менее совершенным, а потому лучшее время для солдата находится между 5 и 15 лет срока его службы. Пройдя сей срок, нельзя от него требовать ни живости, ни бодрости надлежащей и нельзя ожидать ни усердия, ни пользы. Люди не суть простые шашки, коими бы можно было двигать по произволу без всякого соображения и рассуждения" [1]).

В армии царила система палочных избиений. Малейшая неисправность влекла за собой телесные наказания. Эти избиения сделались бытовым явлением в царском войске.

[1]) Семевский. Полит. и общ. идеи декабристов, стр. 579.

Известный актер Щепкин рассказывает следующее. Однажды находился он в обществе нескольких офицеров, один из которых предлагал другому пари на 500 р. в том, что солдат его роты выдержит тысячу палок и не упадет.

„— Это меня чрезвычайно поразило, — рассказывает М. С. Щепкин, — тем более, что мы знали хозяина как благородного человека...

Послали за солдатом.

— Степанов, — сказал ему офицер, — синенькую и штоф водки, — выдержишь тысячу палок?

— Рады стараться, ваше благородие,— отвечал солдат.

Щепкин обезумел.

— Как же ты, братец, на это согласился? — спросил он у солдата.

— Все равно даром дадут, — отвечал тот“ [1]).

Причины известных волнений в Семеновском полку в 1820 г. лежали в беспощадных избиениях, практиковавшихся там полковым командиром. Декабристски настроенное офицерство Семеновского полка в волнениях участия не принимало. Это офицерство с одной стороны старалось успокоить солдат и уговорить их подчиняться распоряжениям высшего военного начальства, принимавшего меры к ликвидации волнений, а с другой облегчить участь солдат и скрыть вожаков движения. На большее помещики-офицеры пойти в солдатском восстании не могли. Но раскассирование Семеновского полка и рассылка солдат и офицеров, из которых некоторые сочувствовали декабристам, по другим полкам способствовали не только распространению недовольства в солдатских массах, но и дальнейшему росту декабризма среди офицерства.

Декабристы по сравнению с другими офицерами обращались более гуманно с солдатами. Одни из них совершенно прекратили у себя в частях телесные наказания, другие значительно сократили их. Но в общем декабристы скорее стояли за ограничение телесных наказаний в войсках, чем за совершенное уничтожение их. В цитированной нами „Записке о составе войска“ Пестель находит возможным, чтобы батальонный командир и высшие начальники имели право наказывать телесно рядовых низшего оклада, но с тем, чтобы они обязаны были вносить эти дела в расправные книги и в них расписываться. Сам Пестель у себя в Вятском полку, где он был полковым командиром, не уничтожил телесных наказаний. Пестель в фронтовом деле был учеником генерала С. Ф. Желтухина, маленького Аракчеева. Пестель имел репутацию отличного фронтовика и заслужил похвалу высшего начальства и самого царя. В 1823 г. царь, осматривая войска, остался

[1]) Цитирую по брошюре С. Штрайха „Восстание в Семеновском полку в 1820 г.“ ГИЗ. П. 1920 г. 44 стр. См. стр. 4 — 5.

весьма доволен Вятским полком. Конечно, все это стоило очень много солдатам, но Пестель все-таки был одним из лучших командиров.

Почти все декабристы были глубоко религиозными людьми. Среди них было не мало прошедших школу самого завзятого мистицизма (масонства). Лишь очень немногие декабристы представляли в этом отношении исключение. Ярко выраженным атеистом был и оставался только П. И. Борисов. Вольнодумцами были Репин, Барятинский, Аненков, Якушкин, Лунин (раскаялся), Крюков и Пав. Бобрищев-Пушкин (оба сделались религиозными людьми). Пестель был религиозным, но с кой-какими уклонами[1]).

Благодаря религиозности декабристов следственной комиссии удавалось подсылать к ним попов, которые уговаривали их раскаиваться (т.-е. выдавать своих товарищей). Приговоренные к смертной казни не только не прогнали от себя попа, который, как это требовалось законами царизма и православия, должен был приготовлять их к смертной казни, но даже с каким то особенным почтением относились к миссии попа.

IV

Декабристы были тесно связаны с литературой своего времени. Рылеев, Одоевский, Бестужев — литераторы. Грибоедов и Пушкин, хотя и не состояли формально в декабристских организациях, но примыкали к декабризму.

Поэзия Рылеева, вся насквозь проникнутая духом боевого романтизма, сыграла известную роль. Наиболее известны его стихотворения: „К временщику“ и „Иван Сусанин“.

Стихотворение „К временщику“ было событием в общественных кругах того времени. Это стихотворение первоначально было напечатано в „Невском Зрителе“, 1820 г., т. 4. кн. 10 за полной подписью Рылеева. „К временщику“ было первое, по времени напечатания, стихотворение Рылеева. Оно было направлено против всесильного тогда Аракчеева. Н. А. Бестужев в „Воспоминаниях о Рылееве“ говорит: „Нельзя представить изумления, ужаса, даже, можно сказать, оцепенения, каким поражены были жители столицы при сих неслыханных звуках правды и укоризны. Все думали, что громы кар грянут, истребят дерзновенного поэта.., но изображение было слишком верно.., чтобы обиженному вельможе осмелиться

[1]) В письме к родителям от 1 мая 1826 г. из крепости Пестель писал: „Вы знаете, возлюбленные родители, как искренно я вам всегда говорил о своих религиозных чувствах. Вы знаете, что я всегда вполне верил в бога, создателя нашего, но, что вера моя в Иисуса Христа была слабее. Радуйтесь же теперь со мною! Я обрел и сие убеждение, и вера в нашего спасителя составляет теперь мое счастие и мое убеждение“. Бумаги И. Б. Пестеля. „Русский Архив“, 1875 г., т. I, стр. 422.

узнать себя в сатире, он постыдился признаться явно; туча пронеслась мимо.., и глухой шопот одобрений был наградой юного, правдивого поэта“ [1]).

„Жители столицы“,— о которых говорит Бестужев, — это, конечно, дворяне столицы, прежде всего офицерство. Рылеев избежал кары, но не потому, что изображение Аракчеева было верным, а потому, что Аракчеев не пожелал поднимать истории; в свое время Амфитеатров тоже дал верную характеристику Романовым в своем фельетоне „Господа Обмановы“, но последствием этого было закрытие газеты и высылка Амфитеатрова [2]).

Другой характер носит стихотворение Рылеева „Иван Сусанин“. Это националистическое, ура-патриотическое, монархическое произведение в царских школах заставляли учеников выучивать наизусть; школьники знали это стихотворение, но они не знали (от них сие скрывали), что автором его был революционер-декабрист, которого повесил Николай I. Стихотворение отличается большой художественностью и весьма характерно для миросозерцания декабристов, проникнутого крайним национализмом.

Пушкин был очень близок к декабристам. Декабристы Кюхельбекер и Пущин были самыми близкими его друзьями. Но у Пушкина были не только личные отношения с декабристами. Пушкин находился под влиянием идей декабризма. На целом ряде его произведений лежит печать декабризма. В этом отношении особенно характерны: террористическое „Кинжал“ и послание „В Сибирь“, написанное после ссылки декабристов в Сибирь. В художественном отношении первое малоудачно, но „В Сибирь“ очень хорошо. Мы приводим послание Пушкина и ответ декабристов, написанный Одоевским. Этому ответному стихотворению пришлось войти в историю коммунистической партии в России. Слова этого стихотворения:

Из искры возгорится пламя

были взяты в качестве эпиграфа к знаменитой „Искре“ (1900 — 1905 гг. [3]), основанной по инициативе Ленина, Мартова и Потресова (Старовера) вместе с Плехановым, Аксельрод и Засулич в конце 1900 г. Отсюда и название — „Искра“. Это название, этот эпиграф для революционной марксистской газеты были придуманы, вероятно, Плехановым. Как относился Плеханов к декабристам, видно из его речи о 14-ом декабря, произнесенной на русском собрании в Женеве 14 (27) декабря 1900 г. [4]). В 1900 г. о декабризме и декабристах знали

[1]) Цитируем по книге В. И. Семевского „Политические и общественные идеи декабристов“. Спб. 1909 г. Стр. 230.

[2]) Теперь Амфитеатров (белогвардеец и монархист) отрекается от своих Обмановых.

[3]) В 1 00 — 1903 гг. „Искра“ велась в духе революционного марксизма В 1903 — 1905 гг. — в духе меншевизма.

[4]) См. Г. В. Плеханов. Сочинения. Т. X. Г. И. М.-П.

сравнительно немного. Главнейшие работы о декабристах, их произведения, их показания были напечатаны только после 1905 года. Декабрист тогда казался более революционным и более стойким. Работы марксистов после 1905 г. сбросили ореол романтизма, которым украсило народничество декабристов.

Из художественных произведений, посвященных памяти декабристов, мы назвали — „В Сибирь" Пушкина. Есть еще стихотворение „Декабристам". М. И. Михайлова, помещенное в герценовской „Полярной Звезде", и стихотворение „Памяти К. Ф. Рылеева" Н. Огарева.

Декабризм был слишком крупным явлением в жизни помещичьего общества, чтобы не найти себе отражения в русской художественной литературе. Грибоедов, Некрасов, Толстой, Данилевский и Мережковский дали нам изображения декабристов. Фигурируют декабристы в романе Полонского „Признания Сергея Чапыгина", но автор талантливых „Кто она?" и „На улицах Парижа" писал обычно очень неудачные романы; скучнейшие „Признания Сергея Чапыгина" мы оставляем в стороне.

Грибоедов (1795 — 1829 гг.) не состоял членом декабристских организаций, но был по убеждениям декабристом. Встречался и дружил с некоторыми декабристами. Одно время даже предполагалось зачисление Грибоедова в члены организации. „Горе от ума" [1]) пользовалось большой популярностью среди декабристов, которые читали, переписывали и распространяли эту вещь.

В связи с следствием по делу декабристов Грибоедов в конце января 1826 г. был арестован. Его выдали князь Трубецкой и князь Оболенский. Грибоедов категорически отрицал свою принадлежность к декабристским организациям. Следственная комиссия не смогла добыть обвинительного материала против Грибоедова. Ему удалось совершенно чистым выскочить из дела декабристов.

Герой комедии Чацкий (как и сам Грибоедов) еще не декабрист, он еще не член организации. Во всей пьесе мы не находим ни одного указания, ни одного намека на принадлежность Чацкого к тайным обществам. Но мировоззрение Чацкого всецело проникнуто духом декабризма. Возможен ряд предположений. Изображение в литературе тайных обществ могло быть тогда неудобным для самих членов их. С другой стороны цензурные условия не позволяли превратить Чацкого в деятеля нелегальных организаций; в цензурном отношении

[1]) В рукописи „Горе от ума" стало известным в Москве осенью 1823 г. Отрывки из комедии (около трети всего произведения) были напечатаны в 1825 г. в альманахе „Русская Талия", издаваемом Булгариным. На сцене „Горе от ума" появилось впервые в 1831 г. уже после смерти автора.

изображение Репетилова членом тайного общества было более проходимым, чем изображение Чацкого, главного героя пьесы. Это место комедии направлено Грибоедовым против шумихи и болтовни, господствовавших в некоторых кружках, примыкавших к декабристам. Это обстоятельство побудило некоторых историков литературы усматривать в Чацком и в Грибоедове противников декабризма, что было явно неверным.

Некоторые современники Грибоедова (одно время и Пушкин) считали Чаадаева прототипом Чацкого. В грибоедовской литературе этого мнения придерживались И. Д. Гарусов и проф. А. И. Кирпичников. С воззрениями против подобного предположения выступал проф. А. И. Маркевич. Новейший последователь Грибоедова; проф. Н. К. Пиксанов также считает мнение Гарусова совершенно необоснованным. Конечно, не Чаадаев, а сам Грибоедов является действительным прототипом Чацкого. Прототипом Репетилова называли старого знакомого Грибоедова некоего Шатилова; Удушьев Ипполит Марколов — по Гарусову Пестель, но это, конечно, совершенно неверно; „ночной разбойник, дуэлист" — портрет действительного лица: Ф. М. Толстого, участника кругосветной экспедиции, случайно жившего некоторое время на Камчатке.

У Грибоедова мы видели будущего декабриста, ближайшего кандидата в члены декабристских организаций (Чацкий) и случайного человека, примазавшегося к декабристам (Репетилов).

У Данилевского в его неоконченном романе „Восемьсот двадцать пятый год" мы видим деятелей декабризма, а также доносчика Шервуда. Здесь перед нами исторические личности. Исторические романы Г. П. Данилевского (1829—1890 гг.) не отличаются большой художественностью, но они построены на основании обстоятельного изучения эпохи.

В воззрениях революционеров-народников декабристы были идеалистами, жертвовавшими своей жизнью за народ. Либеральная и в особенности радикальная русская журналистика изображала декабристов в романтических тонах. Особенно ярко это проявилось у Некрасова в его весьма талантливых „Дедушка" и „Русские Женщины". Некрасов примыкал к радикально-народническому направлению. Правда, дважды лира Некрасова издала звук неверный [1]), но он все-таки остался в тогдашних левонароднических кругах.

„Дедушка" Некрасова — возвратившийся с каторги декабрист. „Русские Женщины" — кн. Волконская и княгиня Тру-

[1]) Одно стихотворение Некрасова было посвящено крестьянину Комиссарову, случайно помешавшему исполнению террористического акта Каракозова на Александра II-го в 1866 г. Другое — известному Муравьеву-Вешателю, который был назначен для ведения следствия по делу о покушении Каракозова и обещал скрутить в бараний рог радикальную печать. Этими двумя хулиганско-черносотенными произведениями Некрасов тщетно пытался спасти свой „Современник" от предстоящего закрытия.

бецкая, отправившиеся к своим мужьям - декабристам в Сибирь. Жены декабристов, несмотря на все препятствия, которые им ставило царское правительство, поехавшие в Сибирь, способствовали общению декабристов с окружающим миром и облегчали участь революционеров. Их роль в этом отношении подобна роли „невестам" из революционного Красного Креста. Жены декабристов тем самым внесли свою лепту в дело революции, хотя об этом, конечно, и не думали. Оба названные произведения Некрасова весьма художественны.

Полную противоположность Некрасовскому изображению декабристов дают Мережковский и Лев Толстой. В обширном романе Мережковского „Александр I" мы встречаем не мало страниц, посвященных декабристам.

Декабристы Мережковского реальные люди. Таким же реализмом дышет талантливое изображение возвращения декабриста из ссылки, данное Львом Толстым в его неоконченном романе „Декабристы". В свое время, при господстве либерально - радикально - народнической легенды - традиции об идеалистах - декабристах, столь реалистически изображенный декабрист, какого мы видим у Толстого, казался неправдоподобным; больше того, казался злостной, реакционной карикатурой на декабриста. Прежний студент-революционер, читая декабристов Толстого, глубоко возмущался такой карикатурой на благородных революционеров; наш рабфаковец и партшколец, прослушавший о декабристах в марксистском курсе истории ревдвижения, прочтет с удовлетворением толстовских декабристов. „Старый барин возвратился", скажет он.

V

Вся история истории декабризма разделяется на три периода: до 1905 года, 1905 — 1917 гг. и с 1917 года.

До 1905 года происходил, главным образом, процесс накопления материала. Появилось довольно много воспоминаний, написанных самими декабристами. Были напечатаны записки: Батенкова, Беляева, М. А. Бестужева, Волконского, Гангеблова, Горбачевского, Кюхельбекера, Лорера, Львова, М. И. Муравьева - Апостола, Фаленберга и Фролова[1]). Мемуаров много, но ценность их не велика. Дневников совершенно нет. Мемуаров вождей не осталось. Вожди „Южного Общества" (Пестель, Сергей Муравьев - Апостол, Бестужев - Рюмин) погибли. Вожди „Северного Общества" частью погибли (Рылеев), частью не оставили мемуаров (Н. Муравьев). Большим минусом мемуаров является то обстоятельство, что они писались много лет после того, как декабристы перестали быть декабристами. Не только

[1]) Записки Басаргина, Бестужевых, Завалишина, Зубкова (на французском языке), Поджио, Розена, Трубецкого, Тургенева, Фон - Визина и Якушкина появились после революции 1905 г.

многое забылось, но многое стало представляться в новом свете. Переписка декабристов, которая могла бы служить большим дополнением к воспоминаниям, не сохранилась. Остались письма лишь некоторых декабристов (Рылеев, Якушкин, Пущин, Розен и др.) и к тому же довольно маловажные.

Консервативные исторические журналы „Русский Архив", „Русская Старина", „Исторический Вестник" помещали благонамеренные воспоминания современников о декабристах. Иногда опубликовывались из архивов те или иные документы. Так, в 1881 году в „Русском Архиве" было напечатано донесение следственной комиссии по делу декабристов.

В 1871 г. вышла книга либерального историка русской литературы А. Н. Пыпина „Общественное движение при Александре I". Эта работа в части, касающейся декабристов, была основана на обработке записок декабристов. Пыпину еще не были известны ни „Русская Правда" Пестеля, ни дело декабристов, хранившееся в Государственном Архиве.

Доступ к делу декабристов сперва получали только придворные и военные историки. Первый получил возможность работать над делом декабристов придворный и военный писатель генерал М. И. Богданович (1805—1882 гг.), но и ему не дали всего дела декабристов; „Русская Правда" осталась и ему неизвестной. Результаты своего изучения дела декабристов Богданович опубликовал в томе VI своей „Истории царствования императора Александра I и России в его время", вышедшей в 1871 г. В половине восьмидесятых годов было впервые дано разрешение на изучение дела декабристов в полном об'еме. Разрешение это было дано другому военному историку академику Н. Ф. Дубровину (1837—1904 гг.). Дубровин, получив возможность распечатать хранившуюся в особой тайне „Русскую Правду", сделал с нее список, который поступил в рукописное отделение Библиотеки Академии Наук. Свои работы над изучением дела декабристов Дубровин не успел закончить, опубликовав в „Русской Старине" лишь очень немногое. Впоследствии получил доступ к делу декабристов придворный и военный историк генерал Н. К. Шильдер (1842—1902 гг.), который довольно широко использовал дело декабристов в своих книгах: „Император Александр I, его жизнь и царствование", вышедшей в 1897—1898 гг., и в особенности „Император Николай I жизнь и царствование", вышедшей уже после смерти автора. Шильдер опубликовал целый ряд весьма ценных документов из дела декабристов.

До 1905 года о декабристах писали по преимуществу консервативная печать, редко либеральная и никогда революционная. Условия печати не позволили представителям революционных течений выступать в легальной русской прессе с работами о декабризме. Статья Герцена „О развитии революционных идей в России" была напечатана в зарубежной печати

и смогла появиться в России только после 1905 года. За весь этот период появилась только одна марксистская статья о декабризме. Это речь Плеханова „14 декабря 1825 г.“, произнесенная 14 (27) декабря 1900 г. на одном русском собрании в Женеве в годовщину выступления декабристов. В России эта статья могла быть напечатанной только после 1905 г.

Революция 1905 года дала возможность говорить о декабризме представителям революционных течений (революционному народничеству и марксизму). В 1903 г. получил доступ в Государственный Архив историк Семевский, представитель революционного народничества, которого благонамеренная петербургская профессура не допустила в 1881 г. к защите магистерской диссертации. Результаты своих работ Семевский смог опубликовать только после революции 1905 г. В истории изучения декабризма появление в 1909 г. его труда „Политические и общественные идеи декабризма“, размером почти в пятьдесят печатных листов, было крупнейшим событием. Семевский для своей темы весьма основательно использовал дела о декабристах, хранившиеся в Гос. Арх., а также материалы о декабристах, в архивах Госуд. Совета, Военно-ученом, Главного Военно-Судного управления, Департамента полиции (бывш. III отделения собственной его величества канцелярии), министерства внутренних дел, главного штаба и рукописные отделения Публичной библиотеки и Академии Наук.

После 1905 г. появляется „Русская Правда“ Пестеля, подготовленная к печати П. Щеголевым, различные конституционные проекты декабристов, много новых записок декабристов. Появились работы проф. М. В. Довнар-Запольского о декабристах, основанные и на архивных материалах. Появились исследования П. Щеголева по отдельным вопросам декабризма и работа Н. П. Павлова-Сильванского о Пестеле. Началось печатанием издание „Общественные движения в России в первую половину XIX столетия“ (В. И. Семевский, В. Богучарский, П. Е. Щеголев), но на I томе прекратилось. Наконец, в „Истории России XIX века“, издания т-ва Гранат, появляется блестящая марксистская статья „Декабристы“, принадлежащая К. Н. Левину и М. Н. Покровскому. Появляется популярная марксистская брошюрка о декабристах — „Декабристы“ Левина, до сих пор сохранившая свою свежесть и часто перепечатываемая нашими издательствами.

После падения царизма наступает новый период в изучении декабризма. Открылась возможность самого широкого использования всех архивов. До сего времени эти новые материалы пока не печатались. В наши дни о декабризме нужно печатать не отдельные документы из дела, а напечатать по частям все дело декабристов. Повидимому, такая работа и подготовляется сейчас к печати. После 1917 г. появились новые марксистские работы: новая статья Покровского и статья Рожкова.

Вся литература о декабризме распадается на консервативную, либеральную, революционно-народническую и марксистскую. Консерваторы (Шильдер, Богданович и др.) изображают декабристов изменниками отечества; либералы (Пыпин и К°) мирными гражданами, мечтателями, идеалистами, жаждавшими освобождения родины и только под влиянием рокового стечения обстоятельств вступившими на путь вооруженного восстания; народники (Герцен, Семевский и др.) — революционерами, боровшимися за общечеловеческие идеалы. Марксисты (Плеханов, Покровский, Левин, Рожков) при изучении декабризма прежде всего вскрывают его классовую сущность. Однако, надо заметить, что статья Плеханова, написанная в конце 1900 г., дает совершенно неправильное изображение декабризма. Два обстоятельства тому способствовали: в 1900 г. о декабризме было известно очень мало и многое из того, что мы знаем о декабризме Плеханов не мог знать; в своих работах, относящихся к истории России, Плеханов все время находился под влиянием русской помещичьей истории, в частности Ключевского. Это относится не только к его трехтомной неоконченной „Истории общественного движения в России", но и к тому времени, когда Плеханов еще был последовательным искровцем (1900 — 1903 г.). Теперь статья Плеханова о декабристах имеет исключительно исторический интерес, как первая марксистская попытка (и неудачная) изучения декабризма.

Литература о декабризме и декабристах очень велика. Вероятно, число книг, статей и заметок доходит почти до тысячи. Но количество не соответствует качеству. Благодаря политическим условиям России, благодаря положению печати в России эта огромная литература крайне бедна.

Всю литературу о декабризме и декабристах можно разделить на следующие группы: 1) документы; 2) произведения самих декабристов; 3) мемуары их; 4) переписка; 5) биографии и биографический материал; 6) воспоминания современников; 7) исследования; 8) популярная литература; 9) изображение декабристов в художественный литературе.

О мемуарах, переписке декабристов, исследованиях и об изображении декабристов в художественной литературе нам уже приходилось говорить.

Документы. Конечно, больше всего документов можно найти в самом судебном деле декабристов. Это дело до сего времени не опубликовано; опубликованы были лишь различные отдельные части из этого дела: отдельные документы и показания, а чаще лишь части показаний отдельных декабристов. В связи с наступающей в январе 1926 г. столетней годовщиной выступления декабристов можно ждать опубликования всего дела декабристов или, по крайней мере, значительной части его.

Произведения самих декабристов. Их немного: „Русская Правда“ Пестеля; „Конституция“ Никиты Муравьева и конституционные проекты некоторых других декабристов; агитационные „Воззвание“ и „Православный Катехизис“ С. Муравьева-Апостола; литературные произведения Рылеева и других декабристов. „Русская Правда“ Пестеля и проекты конституции являются нашими основными материалами при изучении идеологии декабризма.

Биографии и биографический материал. Кроме двух-трех биографий (Раевского, Рылеева и др.), ничего нет. Имеется лишь сырой биографический материал относительно отдельных декабристов, разбросанный в деле декабристов и в мемуарах. Материал этот еще не собран и не обработан.

Воспоминания современников. Они часто представляют весьма значительный интерес. Но здесь это воспоминания людей, наблюдавших очень небольшой кусок декабризма и к тому же людей, писавших свои воспоминания много лет спустя после описываемых событий. Авторы воспоминаний только или родственники декабристов, или официальные лица (генерал-губернатор П. М. Голенищев-Кутузов, полковник Черниговского полка Гебель и др.), или лица, встречавшиеся с декабристами в Сибири.

Популярная литература. Кроме небольшой брошюрки Левина „Декабристы“, других популярных работ не имеется.

Наиболее обстоятельная библиография о декабризме и декабристах дана А. Шиловым в его указателе „Что читать по истории революционного движения“. Хотя в этом указателе содержится немало пропусков [1]), однако он все-таки является наиболее полным. Поэтому мы сочли необходимым дать именно его в нашем сборнике.

В. АЛГАСОВ

---

[1]) Например, пропущены: 1) Бумаги Ивана Борисовича Пестеля. „Русский Архив“, 1875 г., т. I, стр. 369 — 423; 2) А. А. Титов. Один из заключенных в Суздальской крепости. М., 1904 г. (о Шаховском); 3) Цесаревич Константин Павлович. Переписка с О. П. Опочининым. „Р.С.“, 1873 г., т. VII (об аресте и допросе Кюхельбекера); 4) В. И. Шенрок. Одна из жен декабристов. „Русск. Бог.“, 1894 г., №№ 11 и 12; 5) Вл. Короленко. Легенда о царе и декабристе. „Р. Б.“. 1911 г., № 2 (о декабристе А. Н. Муравьеве, сделавшемся впоследствии губернатором в Нижнем-Новгороде); 6) И. И. Сухинов. Один из декабристов. „Р. Арх.“ 1870 г., 908 стр.; 7) М. Юзефович. Ответ на отзыв о генерале Лепарском, сделанный в биографии ссыльного Сухинова. „Р. А.“ 1870 г., стр. 1927; 8) Донесение следственной комиссии по делу декабристов. „Р. А.“ 1881 г., т. II. 9-10) Е. И. Якушкин. С'езд членов Союза Благоденствия в Москве в 1821 г. (ответ Н. М. Орлову) „Р. Ст.“ 1872 г., № 6; Н. М. Орлов. — М. Ф. Орлов (ум. 1842 г.) „Р. Ст.“ 1872 г., № 5 (полемика о Московском с'езде, в частности, о роли генерала Орлова); 11) Д. И. Завалишин. Пребывание декабристов в тюремном заключении в Чите и в Петровском заводе. „Р. С.“, 1881 г., октябрь; 12) Ипполит Завалишин в Сибири. „Р. С.“ 1905 г., т. III (брат Д. И. Завалишина); 13) Записки М. А. Бестужева. „Р. С.“ 1870 г., т. II и мн. друг.

I. К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ВНУТРЕННЕГО ПОЛОЖЕНИЯ РОССИИ

в 20-х гг. XIX столетия

ХОЗЯЙСТВО [1])

В 1815 году население России, считая и вновь присоединенные в царствование Александра I области, равнялось 45 миллионам человек. Спустя 10 лет — в 1825 году — оно достигло 51 миллиона 300 с лишним тысяч человек [2]). Следовательно, средний прирост населения за это десятилетие не превышал 1,4% в год. Население росло гораздо медленнее, чем в конце XIX и начале XX века, когда средний годовой его прирост равнялся 1,7%.

Это наблюдение имеет большое значение для определения темпа экономического развития России в начале XIX века. Ошибочно было бы думать, что рост населения — факт биологический или физиологический. Уже брачность и рождаемость в значительной степени обуславливаются хозяйственными причинами. Но, главное, если в отношении рождаемости играют некоторую и довольно даже большую роль физиологические или биологические факторы, то экономическая действительность сводит их влияние к минимуму, внося к усиленной рождаемости поправку в виде усиленной же и преждевременной смертности — тогда, когда уровень благосостояния населения очень низок. Поэтому прирост населения — этот конечный итог рождаемости и смертности — является всегда результатом определенных экономических, а вовсе не биологических влияний и, таким образом, свидетельствует о темпе хозяйственного развития. Темп этот, как видно из сейчас сказанного, был в 20-х годах гораздо медленнее, чем в конце XIX века и в начале XX.

Было бы очень важно и интересно установить процент городского населения в отношении к сельскому, но данные ревизий не дают для этого прочной опоры: ревизиями исчислялось только податное население. Имеющиеся в литературе [3]) попытки определить относительное количество городского населения не удовлетворяют необходимым требованиям: справедливо указано [4]), что в этих попытках учитываются только лица городских сословий, т.-е. купцы и мещане, тогда как в городах сверх того жили и дворяне, и духовенство, и многие

---

[1]) Н. Рожков. Русская история в сравнительно-историческом освещении. (Основы социальной динамики), т. X. „Книга" Л. М. 1924 г., стр. 6-39.

[2]) Корнилов. Курс истории России в XIX в., I., М. 1918, стр. 269.

[3]) Милюков. Очерки по истории русской культуры, ч I

[4]) Корнилов. Курс истории России в XIX в., ч. III, М. 1918, стр. 28.

крестьяне в виде ремесленников, мелких торговцев и чернорабочих. Как велико поэтому отклонение делаемых вычислений от действительности — можно судить по исчислению городского населения России в 1841 году: тогда мещане составляли 50% городского населения, купцы 4½%, дворяне 5½%, духовенство 1½%, крестьяне 38½%[1]). Значит, лица собственно городских сословий (мещане и купцы) в 1841 году составляли только 54½% всего городского населения. Поэтому городское население в 1816 г. надо бы считать не 4½%, как приблизительно и считают[2]), а по крайней мере 8 с чем-нибудь процентов всего населения. Но здесь надо учесть и противоположное по его экономическому смыслу обстоятельство: ведь многие города по своему хозяйственному состоянию были ни чем иным, как деревнями и иногда даже не особенно большими, — в начале XIX в. 128 городов из общего числа шестисот имели население от 45 человек до тысячи[3]). В 1818 году число городов с населением менее 1.000 чел. уменьшилось до 113-ти[4]). В 20-х годах, однако, было уже много промышленных сел в Московской, Владимирской и Ярославской губерниях[5]), и они должны быть несомненно причислены к городам, ибо ведь город экономически тем и отличается от деревни, что он — промышленный и торговый центр, тогда как в деревне господствует земледелие, вообще сельское хозяйство Принимая во внимание все эти обстоятельства, можно считать городское население между 1815 и 1825 годами составлявшим не более 8% всего населения страны[6]).

Любопытно и важно также учесть количество крепостного населения, т.-е. частновладельческих (не казенных) крестьян. По седьмой ревизии 1816 года крепостных крестьян считалось 9.787.000 душ одного только мужского пола[7]), т.-е. приблизительно 20 миллионов человек обоих полов. Мы не знаем точно, сколько их было в 1825 году, но знаем, что по восьмой ревизии, т.-е. в 1835 году, крепостных считалось уже 10.872.000 душ мужского пола[8]), т.-е. не менее 22 миллионов 700 тысяч обоих полов. Так как из цифры 1816 года подлежат вычету еще 413 тысяч душ мужс. пола[9]) или 825 тысяч человек обоих полов, освобожденных в 1812 году в Прибалтийском крае, в губерниях Эстляндской, Лифляндской и Курляндской, то при-

---

[1]) Там же, стр. 28.

[2]) Милюков. Очерки по истории рус. культ., ч. I, стр. 79.

[3]) Лясов. Основные черты социальных и экономических отношений в России в эпоху императора Александра I, М. 1912, стр. 37.

[4]) Арсеньев. Начертание статистики Российского государства, СПБ. 1818, 80 — 90.

[5]) Там же, стр. 135.

[6]) Там же, стр. 66.

[7]) Корнилов. Курс истории в России XIX в., ч. II, М. 1918, стр. 42.

[8]) Там же, стр. 42.

[9]) Там же, стр. 42.

рост крепостного населения за 20 лет составит 3.525.000 человек или в среднем за год 176.250 чел., т.-е. 0,9% в год. Каковы бы ни были причины утечки части крепостного населения, перехода его в другие общественные состояния [1]), —перед нами все-таки стоит тот несомненный факт, что рост крепостного населения уже в 20-х годах был несравненно медленнее, чем общий рост населения. Это нельзя не считать признаком, что цветущая пора крепостного хозяйства и крепостного права уже начали отходить в прошлое.

Чтобы покончить с вопросом о населении, остается бросить еще взгляд на его распределение по отдельным частям территории.

Несомненно, что в 20-х годах главная масса русского населения сосредоточивалась в центре России и на западе; что касается окраин, то на севере не наблюдалось сколько-нибудь крупных перемен ни в эти годы, ни позднее, в течение всей первой половины века. Колонизация Сибири и вообще востока России шла сравнительно не быстро в 20-х годах, быстрее заселялся юг [2]). При этом слабела струя иностранной колонизации: между 1803 и 1805 годами в Новороссии было поселено до 5.000 душ мужского пола немцев, чехов и южных славян, именно болгар и сербов, но в 1804 году было решено колонизовать юг, главным образом, русскими, а из иностранцев привлекать только квалифицированных — искусных в сельском хозяйстве и в ремеслах [3]). На юг правительство переселяло казенных крестьян из Тульской и Курской губерний [4]). И вольная колонизация юга, особенно Новороссии, шла с Оки и с Днепра, из Малороссии [5]). В 1803 году население Екатеринославской губернии немногим превышало 660 тыс. человек, что составляло 444 человека на квадр. милю, в Херсонской губ. жило всего 370 тысяч человек или 264 на квадратной миле [6]). Заволжье было заселено еще слабее [7]). Только уральские ка-

[1]) Там же, III, стр. 24. Все указанные здесь автором „курса" причины перечисления крепостных в другие состояния в большей своей части обязаны своим происхождением самому крепостному праву (побеги, рекрутчина и пр.); кроме того, они и не столь влиятельны, чтобы устранить факт значительной отсталости естественного прироста крепостного населения. Так, важнейшая из них — рекрутские наборы — брала от $^1/_4$ до $^1/_2$% всего крепостного населения обыкновенно на чаще одного раза в пять лет, что на каждый год выразится всего в $^1/_{20}$ или $^1/_{10}$ процента; очевидно, даже учитывая это важнейшее в данном отношении влияние, не говоря уже о других, менее важных, надо притти к заключению, что естественный прирост крепостного населения отставал от естественного прироста всего населения страны в целом. Даже если предположить ежегодный рекрутский набор, то и тогда вывод этот останется в силе.

[2]) Ляхов. Основ. черты социальных и эконом. отношений при Александре I, стр. 34.

[3]) Корнилов. Курс ист. Рос. в XIX в., I, стр. 122 — 123.

[4]) Там же, I, стр. 122.

[5]) Ляхов. стр. 32.

[6]) Багалей. Колонизация Новороссийского края, стр. 76.

[7]) Ден. Население России по 5-й ревизии.

заки именно в 20-х годах XIX века заселяли пустыню по склонам Общего Сырта[1]). В 1806 г. для государственных крестьян было издано „Положение для поселений в Сибири", причем им для колонизации была открыта специально Томская губерния, и в результате оказалось, что до 1812 года там поселились 3.200 семей[2]).

Изучение вопроса о населении и его распределении дало нам ряд наблюдений, которые послужат материалом для общей характеристики русского народного хозяйства в 20-х годах XIX столетия. Столь же важные наблюдения и выводы первого порядка, эмпирические, подлежащие учету при последних, высших, конечных обобщениях, получаются и в результате внимательного исследования внешней торговли России за то же время.

Русский вывоз характеризовался тогда следующими цифрами: общий его итог с 52 миллионов рублей серебром в 1815 году возрос к 1825 году до 58 милл. руб. сер.[3]), т.-е. на 11,4%; темп роста вывоза не быстрый; Россия того времени медленно расширяла свой внешний рынок. Весьма характерно при этом, что и в 1815 г. и в 1825 г. одинаково продукты обрабатывающей промышленности — фабрикаты и кустарные изделия — по ценности составляли всего 13% всего вывоза[4]), т.-е. Россия вывозила заграницу главным образом сырье: сюда относились продукты земледелия, главным образом, лен и пенька, на которые приходилось в 1815 году 41% всего вывоза, а в 1825 г. 39% (причем и в том и в другом случае львиная доля — приблизительно две трети — выпадала на лен и пеньку[5]), затем продукты скотоводства, которые составляли в 1815 году 31%, а в 1825 г. 26% всего вывоза, причем здесь сало играло такую же примерно роль, какую лен и пенька в вывозе земледельческих продуктов[6]), наконец, сюда же относились продукты добывающей промышленности — пчеловодства, лесного хозяйства, охоты, рыболовства и горного дела, — на которые приходилось в 1815 г. 15%, а в 1825 году 22% всего вывоза, причем главным образом вывозились здесь лесные товары, меха, воск и недрагоценные металлы[7]). Рассматривая эти и другие более детальные данные о заграничном вывозе России в 20-х годах, мы не видим существенных изменений в вывозе разных отдельных видов сырья ни в пределах изучаемого десятилетия, ни даже по сравнению с более ранним

[1]) Железнов. Уральцы, стр. 286.

[2]) Любавский. Историческая география России в связи с колонизацией, стр. 355.

[3]) В. И. Покровский. Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России, СПБ. 1902.

[4]) Там же.

[5]) Там же.

[6]) Там же.

[7]) Там же.

временем, если не считать временной пертурбации, внесенной в русский вывоз континентальной блокадой. Важно, однако, то, что, несмотря на сохранение обрабатывающею промышленностью неизменно скромной роли во внешнем вывозе, почти по всем отдельным товарам, к ней относящимся, наблюдается рост вывоза: между 1815 и 1825 годами вывоз бумажных тканей возрос в 10 раз, шерстяных изделий вшестеро, металлических вдвое [1]). Таким образом, нет сомнения, что русская индустрия обнаруживала жизненность, способность и тенденцию к дальнейшему развитию.

Еще более любопытными оказываются наблюдения и выводы, получаемые в результате исследования ввоза. Он вырос несравненно быстрее вывоза: в 1815 году ввезено было иностранных товаров в Россию всего на 25 милл. руб. серебром, а в 1825 году уже на 57 милл. [2]), т.-е. гораздо более, чем вдвое, — на 128%. При этом инструментов, машин и материалов, вообще средств производства, ввозилось в 1815 г. на $14^1/_2$ милл. (58% всего ввоза), а в 1825 году на $21^1/_2$ милл. (38% ввоза), фабрикатов в 1815 г. на $1^1/_2$ милл. (6%), а в 1825 году на 17 милл. (3%) и остальных товаров в те же годы сначала на 9 милл. (36%), потом на $18^1/_2$ милл. рублей (32%) [3]). Чтобы как следует понять приведенные цифры, надо принять во внимание некоторые детали. Прежде всего в отношении средств производства важно то, что металлы ввозились все время почти в неизменном количестве [4]), различие между ввозом 1815 года, с одной стороны, и 1825 г., с другой, сводилось к тому, что в первый из этих годов львиная доля ввоза приходилась на английскую пряжу, инструменты же и машины ввозились тогда в ничтожном количестве [5]); английская пряжа — материал для русской бумаготкацкой промышленности в прибавок к средне-азиатскому хлопку, распространившемуся в эпоху континентальной блокады [6]), продолжала ввозиться и в 1825 г. в большом количестве, но ввоз машин и инструментов относительно вырос к этому времени весьма сильно, — именно более, чем в 13 раз [7]). Уже эти наблюдения чрезвычайно знаменательны: они указывают на развитие русской индустрии и на рост ее технического уровня, следовательно, подтверждают и расширяют один из выводов, полученных при изучении русского вывоза в 20-х годах. Далее: незначительный ввоз иностранных фабрикатов в 1815 г. об'ясняется целым рядом обстоятельств: и сохранившимся еще

[1]) Там же.
[2]) Там же.
[3]) Там же.
[4]) Там же: в 1815 г, на 2 милл. 600 тыс., в 1825 г. на 3 слишком миллиона.
[5]) Там же: всего на 62 тыс. руб.
[6]) К о р н и л о в. Курс ист. Рос. в XIX в., I, стр. 200.
[7]) В. П о к р о в с к и й. Сборник свед. о внеш. торг.: на 828 тыс. руб.

тогда влиянием континентальной блокады, и особенно войнами 1812 — 15 годов, угнетающим образом действовавшими на рынок, причем в частности особенно пострадала покупательная способность русских потребителей иностранных фабричных изделий. К 1825 году потребление заграничных фабрикатов в России выросло более, чем в 11 раз, — и это несмотря на то, что, как нами только-что установлено, русская индустрия в то же время развивалась и что с 1822 года действовал покровительственный, почти запретительный таможенный тариф [1]). Значит, отечественное промышленное производство, несмотря на свои успехи, не могло удовлетворить потребностям внутреннего рынка, и в то же время покупательная способность русских потребителей скоро и сильно возрасла, — один из признаков того, что, как ни сильно разрушил хозяйство 1812 г., это разрушение было преходящим: раны скоро были залечены. Важно, наконец, и то, что ввоз остальных товаров увеличился более, чем вдвое. Под остальными товарами надо разуметь, главным образом, предметы роскоши — вина, фрукты, дорогую посуду и мебель, картины, парфюмерию, пряности и пр. Значит, русское дворянство, главный потребитель всего этого, оправилось от бури двенадцатого года уже к концу царствования Александра I.

Делая, таким образом, в области явлений внешней торговли ряд детальных наблюдений, дающих материал для выводов, касающихся разных сторон хозяйственной жизни того времени, мы не должны упускать из виду и одно общее заключение, непосредственно следующее из данных о внешнем торговом обороте: денежное или товарное хозяйство, торговый капитализм, порождавший уже отчасти и элементы капитализма промышленного — это крупный факт экономической действительности 20-х годов в еще большей мере, чем-то можно было сказать уже и о XVIII веке и, конечно, о более раннем времени. В связи с внешней торговлей следует отметить, что по отношению к 20-м годам едва-ли может итти серьезно речь об аграрном кризисе в России: цены на хлеб, правда, стали падать после 1821 года [2]), но ведь вывоз сельскохозяйственных, в частности, земледельческих продуктов заграницу в львиной своей доле, как мы видели, падал не на хлеб, а на лен и пеньку, а затем — из скотоводственных продуктов — на сало.

Расширение и углубление товарного хозяйства подтверждается и наблюдениями в области внутренней торговли. Уже для XVIII века и даже ранее, с половины XVI столетия, рисовать себе картину натурального хозяйства, лишенного внутреннего обширного рынка, совершенно невозможно. Но если тогда все-таки часто не только в крестьянском, но

[1]) Лодыженский. История русского таможенного тарифа.
[2]) Струве. Крепостное хозяйство, стр. 115 и след.

и в дворянском обиходе довольствовались для удовлетворения своих потребностей продуктами исключительно домашнего производства, не покупавшимися, а вырабатывавшимися трудом дворовых, — употребляли, напр., грубое домашнее сукно и домотканное полотно, — то уже в 20-х годах XIX века эти примитивные ткани стали заменяться в потреблении покупным более тонким сукном, ситцем и миткалем. Правда, еще в 1804 году многие помещики Московской губернии имели фабрики, продукты которых предназначались „для домашнего расходу", „для своего употребления", но постепенно умножались уже и тогда такие дворянские фабрики и заводы, которые работали для рынка: таковы были, напр., в той же Московской губ. суконные фабрики князей Хованских и князя Голицына, шелковая и бумажная фабрики Белавина, полотняные фабрики князя Долгорукова и графа Протасова [1]). Даже в отсталых местностях, как, напр., Слободская Украина, дворянство покупало разные товары и обстановку [2]). Исследователи, склонные изображать русское крепостное хозяйство, как натуральное, сами сплошь и рядом дают материал, опровергающий это неверное изображение. Утверждают, напр., что в южной части Рязанской губернии „хозяйство было еще вполне натуральным", и тут же отмечают, что дворяне покупали вина, пряности, сухие плоды, закуски, рыбу, икру, чай, сахар, водку, кофе, ткани, кожу, металлические изделия, кареты, тарантасы русского фабричного производства; даже крестьяне, оказывается, покупали уже там железо, соль, деготь [3]). Лен, пенька и их фабрикаты, производившиеся в большом количестве в нечерноземной половине Европейской России, всецело расчитаны были не только на внешний, но и на внутренний сбыт [4]). Рост денежного оброка [5]) свидетельствовал, что крестьянское хозяйство не могло уже обойтись без рынка и его расширения. Недаром ученый экономист того времени Шторх отмечает, что работа городских ремесленников и деревенских кустарей производилась на скупщиков, т.-е. на обширный внутренний рынок, а не на местных заказчиков: „все изделия ремесленников", говорит он, „поступают торговцам" [6]). На больших ярмарках Слободской Украины (нынешней Харьковской губ. и окрестных) первое место занимали великорусские мануфактурные и металлические изделия, хорошо продавались также суздальские холст и крашенина [7]). В свою очередь в нечерноземную Россию — среднюю

[1]) Архив московского дворянства, дело № 3 за 1804 год.
[2]) Багалей. Очерки из русской истории, т. II, Харьков, 1913, стр. 69.
[3]) Кн. Волконский. Условия помещичьего хозяйства при крепостном праве: „Труды Рязанской ученой архив. комиссии" за 1897 год т. XII, вып. 2-й, стр. 108, 109.
[4]) Ср. Корнилов. Курс истории Рос. в XIX в., I, стр. 129.
[5]) Там же, I, стр. 203.
[6]) Storch. Russland unter Alexander dem Ersten. III, стр. 178.
[7]) Багалей. Очерки из рус. истории, II, стр. 68, 73.

и северную — отсюда сбывались пшеница, сушеные фрукты, лошади, рогатый скот, овцы, масло, шерсть [1]). Обмен продуктами между нечерноземной и черноземной Россией, таким образом, развивался все более: черноземный юг получал с севера промышленные изделия, а отправлял туда продукты земледелия и скотоводства. Даже Калужская губерния, получерноземная, в 1822 году прикупала хлеб в губерниях Орловской и Тульской [2]). Из той части тогдашней Оренбургской губернии, которая теперь входит в состав губернии Уфимской, в 20-х годах сплавлялось много хлеба по Каме и Волге; отсюда же в казанское и симбирское Поволжье сбывался скот, причем в торговый оборот втянуто было не одно дворянство, а вся масса населения: по словам современника, „каждый поселянин продавал ежегодно несколько скотин, им выкормленных“ [3]). В то же время южная часть Оренбургской губернии еще покупала хлеб: своего ей не хватало [4]). Даже и в центральных губерниях сельскохозяйственные продукты находили себе местный сбыт: так, во Владимирской губ. выпаивали телок на продажу, и существовал постоянный и выгодный сбыт овса [5]). Одно только винокурение поглощало не менее 50 милл. пудов хлеба [6]). Внутренняя торговля мехами и медом далеко превосходила своими размерами их вывоз заграницу: так, мехов внутри страны продавали на сумму вдвое большую, чем была стоимость вывоза их из России [7]). Весь оборот внутренней торговли статистики того времени оценивали в 900 миллионов рублей в год [8]). Огромную, можно сказать определяющую, роль в этом обороте играли ярмарки. Между ними первенствовала нижегородская, переведенная в 1817 году от Макарьевского монастыря в Нижний-Новгород: на ней в 1824 г. было продано товаров на 40 1/2 милл. рублей, а в 1825 — на 46 милл. 800 тыс. [9]). Обороты харьковских ярмарок уже на рубеже XVIII и XIX веков были значительны: в крещенскую ярмарку они достигали 10 милл., в успенскую восьми, в троицкую 600 т. [10]). Коренная ярмарка в 30 верстах от Курска имела оборот в

---

[1]) Там же, II, стр. 63.

[2]) Кн. Н. В-ский. Указание на некоторые неудобства в хлебопашестве Калужской губ.: „Земледельческий Журнал“, издаваемый Моск. Об-вом сел. хозяйства. М. 1821, № IV, стр. 6 — 7.

[3]) С. Мертваго. Примечания, относящиеся к хлебопашеству Оренб. губ. „Землед. Журнал“ за 1821 г., № VI, стр. 323, 326, 332.

[4]) Там же, стр. 321.

[5]) Я. Н. Калиновский. Сельцо Конюхово в сельско-хозяйственном отношении. Спб. 1854, стр. 11 и 18.

[6]) Арсеньев. Начертание статистики, I, стр. 143.

[7]) Там же, стр. 120.

[8]) Там же, стр. 174.

[9]) Зубов. Описание Нижегородской ярмарки. Спб. 1839, приложение в конце книжки.

[10]) Багалей. Очерки из рус. истории, II, стр. 10.

7 миллионов, бердичевская—в 4 миллиона, ирбитская — в $3^1/_2$[1]). В одной только Слободской Украине насчитывалось свыше 270 ярмарок — больших, средних и малых, тесно связанных между собою, взаимно обслуживающихся [2]). Общая сумма купеческих капиталов в Московской губернии доходила в 1822 г. до 27 миллионов рублей [3]). Примером необычайно оживленной и широкой торговой и промышленной деятельности может служить предпринимательская энергия купцов Сапожниковых: в 1819 году они арендовали у князя Куракина рыбные промыслы на Каспийском море, имели 13 коммерческих контор, вели хлебную торговлю, покупали у персиян шелк и чернильные орешки, занимались мукомольной, мыловаренной, салотопенной, шерстяной, кожевенной промышленностью [4]).

Уже предшествующее изложение дает отчасти материал для суждения об относительном значении сельского хозяйства, обрабатывающей промышленности и промышленности добывающей. Процент торгово-промышленного населения, как мы видели, не превышал восьми. Соответственно этому вывоз изделий промышленных — фабричных и кустарных — все время не превышал 13% ценности всей вывозной торговли, хотя количественно вывоз с течением времени, как мы наблюдали, рос, т.-е. индустрия обнаруживала жизнеспособность и тенденцию к дальнейшему развитию.

В дополнение и подтверждение того, что уже нам известно, можно привести еще и другие данные. В 1825 году считалось уже 5.261 фабрика с 210.568 рабочими [5]). Если прибавить к этому числу 700 тысяч кустарей и ремесленников [6]) и присоединить к обоим цифрам число членов семьи каждого работника, то в результате получится до $4^1/_2$ миллионов человек промышленного населения из общего числа в 51 миллион, что составит около 9%. Крупнейшими фабриками были суконные—четыре казенных и частные — графини Потемкиной, купцов Жукова и Залюбовского в Москве, охтенская в Петербурге, шелковые — князя Юсупова и Лазарева — обе в Московской губ., кожевенные всякого рода в Нижегородской, Казанской и Астраханской губерниях, полотняные — Яковлева и Углечанинова в Ярославле, Дурыгина и Солодовникова в Костроме и т. д., причем иностранный ввоз фабрикатов обычно вдвое превышал внутреннее производство [7]).

Если таким образом положить на долю русской обрабатывающей промышленности 10% всего производства страны

[1]) Арсеньев. Начертание статистики, I, стр. 170, 171.
[2]) Багалей. Очерки из рус. истории, II, стр. 59 и сл.
[3]) Архив. моск. дворянства. дело 1822 года.
[4]) Лях ов. Осн. черты социальных и экономич. отнош. при Александре I, стр. 48.
[5]) Туган-Барановский. Русская фабрика, I.
[6]) Арсеньев. Начертание статистики Росс. госуд., I, стр. 137.
[7]) Там же, стр. 141 — 143.

в 20-х годах, то и данные о вывозе и другие факты указывают, что 20% производства приходилось на добывающую промышленность и 70% на земледелие и скотоводство. Стоимость производства в земледелии определялась в 1818 г. в 800 миллионов, из которых на рожь и овес вместе приходилось 500 миллионов [1]). В 1825 году, по официальной статистике того времени, в России было собрано около 156 миллионов четвертей разного хлеба, из которых, за вычетом на семена и продовольствие, осталось излишка 43 миллиона четвертей [2]). Скотоводство особенно развивалось в Оренбургской губернии [3]), а также у киргизов, татар, донских и уральских казаков, в Малороссии, в польских губерниях [4]), в Слободской Украине [5]). В Херсонской губ. уже в 1823 году было около 200 тысяч голов мериносов [6]). Из продуктов добывающей промышленности важнее всего были лес, меха, воск, мед и соль; золота добывалось до 40 пудов в год, железа 6 милл. пудов [7]).

Количественный рост производства и торговли таким образом несомненен. Производительные силы страны увеличивались, хотя и довольно медленным темпом. Спрашивается: знаменовал-ли этот количественный рост простое продолжение раньше уже начавшегося процесса хозяйственного развития без существенного изменения его основ, или количество начало уже переходить в качество, стали меняться основные устои крепостного хозяйства, нашедшего себе столь типичное выражение в русской экономической действительности XVIII столетия?

Ответа на этот вопрос первостепенной важности надо искать прежде всего в области явлений техники хозяйства.

Конечно, если говорить о массовых, господствовавших в первые десятилетия XIX века явлениях, — придется без всяких колебаний признать продолжение традиций крепостной старины в технике всех отраслей хозяйства. Так, на юге и на юго-востоке — в Новороссии, на нижнем Поволжье, в Оренбургской губернии — почти всецело царило переложное хозяйство в земледелии. Но не только в Оренбургской губернии, по словам современников, „земля не унавоживалась“ [8]), — даже в такой центральной, отчасти только черноземной губернии, как Калужская, в 20-х годах XIX века удобрялась едва одна

[1]) Там же, стр. 101.

[2]) Середонин. Исторический обзор деятельности комитета министров, том I, Спб. 1902, стр. 141.

[3]) С. Мертваго. Примечания. относ. к хлебопашеству Оренб. губ.: „Земледельч. Журнал“ за 1821 г., № VI, стр. 331 — 332.

[4]) Арсеньев. Начертание статистики, I, стр. 119.

[5]) Багалей. Очерки из рус. истории, II, стр. 8.

[6]) Багалей. Колонизация Новороссии, стр. 105. Неправильно поэтому указывают (Струве. Креп. хозяйство, Спб. 1913, стр. 44), что было всего 100 голов мериносов в России начала XIX в.

[7]) Арсеньев. Начертание статистики, I, стр. 128, 129.

[8]) Мертваго. Примечания, относящиеся к хлебопашеству Оренб. губ.: „Земледельческий Журнал“ за 1821 год, № VI, стр. 331.

треть всей возделываемой земли [1]). Но это все же были тогда уже исключения, — преобладало то хозяйство, которое справедливо считалось и считается типичным для крепостной эпохи, — паровое-зерновое с навозным удобрением и трехпольным севооборотом. Недаром либеральнейший из сановных экономистов александровского и николаевского времени граф Мордвинов высказывал мнение, что крепостное право в России исчезнет с исчезновением „паренины на наших полях" [2]), а один из позднейших русских теоретиков сельского хозяйства Бажанов в 1860 г. справедливо назвал трехпольную систему „системою барщинскою" [3]).

Но в 20-х годах и даже раньше, с конца XVIII века, эта цельность крепостной земледельческой системы начала уже нарушаться, и для исторического исследования все эти нарушения, хотя они и были частичны, — весьма знаменательны и показательны. Уже в изучаемую нами начальную эпоху истории России в XIX веке они выразились и в деятельности ученых обществ того времени, и в агрономической литературе, и в усилиях правительства, и, наконец, что всего важнее, — в работе самих хозяев-практиков.

Из ученых обществ особенно замечательно было в этом отношении императорское Вольное Экономическое Общество в Петербурге. Среди его членов, несомненно, довольно рано зародилась и укрепилась идея о том, что необходимо выдвинуть вперед технику русского земледельческого хозяйства. И вот общество в 1790 году обещает денежную награду тому крестьянину, который посеет больше „ското-кормовых трав" [4]). В 1798 году тем же Вольно-Экономическим Обществом издается трехтомное сочинение „Деревенское Зеркало", имевшее в виду ту же пропаганду среди крестьян посева кормовых трав. В 1804 году Вольное Экономическое Общество обратилось ко всем губернаторам с просьбой сообщить ему, нет ли в управляемых ими губерниях дворян, которые „упражняются в опытах, относящихся к удобрению земледелия и садоводства"; имелось в виду привлечь таких лиц к участию в Обществе. Губернаторы через предводителей дворянства обратились с запросами к дворянам-землевладельцам. До какой степени, однако, дворянам того времени в массе была чужда идея усовершенствования сельского хозяйства, — видно из того, что, напр., коломенские дворяне приняли запрос за правительственное предписание лучше вести хозяйство и расписались на нем следующим образом: „1804 года марта 19 дня мы, нижеподп-

---

[1]) Кн. Н—й В—ский. Указание на некоторые неудобства в хлебопашестве Калуж. губ., „Землед. Ж." за 1821 г., № IV, стр. 521,

[2]) Иконников. Граф Н. С. Мордвинов, Спб. 1873, стр. 521.

[3]) Бажанов. Опыты земледелия вольнонаемн. трудом, М. 1860, стр. 18.

[4]) Вернер. К истории крестьянского травопольного хозяйства: „Хозяин" за 1901 г., № 3, стр. 87.

писавшиеся, отношение о требовании Императорским Вольным Экономическим Обществом о лучшем своем упражнении, относящемся к хозяйству, читали, и каждый в своем управлении об'ясняет под сим подпиской". И далее следуют самооправдания в дурном ведении хозяйства со ссылками на старость, на то, что „вновь изобретенным чем-либо приспособить себя не успел" и т. д. [1]).

Если таким образом в конце XVIII в. и в самом начале XIX призывы к усовершенствованию хозяйства были редки и большею частью безуспешны, то это не помешало тому же Вольному Экономическому Обществу работать над практической постановкой этого вопроса в своих „Трудах" и других изданиях. В этом ему много содействовало Московское Общество Сельского Хозяйства, издававшее весьма интересный именно для 20-х годов „Земледельческий Журнал", являющийся чрезвычайно ценным первоисточником для изучения сельского хозяйства того времени.

Это вводит нас уже в работу специальной агрономической литературы, которая довольно рано выдвинула на первую очередь ту же задачу улучшения земледельческой техники и все сильнее и сильнее ею занималась, что, несомненно, указывает на известный рост общественного настроения в том же направлении интереса к техническим усовершенствованиям. Здесь не место, конечно, для исчерпывающего библиографического указателя или перечня относящихся сюда трудов, но необходимо отметить некоторые наиболее выдающиеся из них, характерные, типические.

В общем можно признать, что русская агрономическая литература с конца XVIII века до двадцатых годов XIX века может быть разделена на два главных направления: одно более крайнее, радикальное, стоявшее за перенос в Россию английского плодосменного хозяйства с полным уничтожением парового поля, сменой корнеплодов зерновыми хлебами, искусственным удобрением, посевами кормовых трав (особенно утучняющего почву клевера) и содержанием скота в стойлах; другое направление, умеренное, имело в виду не столь коренную перемену, предлагало считаться с условиями места и времени: оно не настаивало поэтому на полном уничтожении пара, не вводило слишком развитого многополья, сохраняло выгонное содержание скота и требовало лишь введения частичного плодосмена, посева кормовых трав и некоторых мелких поправок и поделок в старой сельскохозяйственной системе.

Типическими представителями первого направления были еще в конце XVIII века Рознотовский, автор книги „Новое земледелие", Захаров, составивший книжку „Усадьбы или новый способ селить крестьян и собирать с них оброки", где

[1]) Архив Московского Дворянства, 1804 год, дело № 3.

он настаивал не только на необходимости технического под'ема в области земледелия, но и на замене крепостного барщинного труда вольнонаемным на том основании, что барщинный крестьянин „всегда уныл, ленив и недоброхотен". Сюда же с некоторыми оговорками можно отнести и Н. И. Муравьева, составителя примечаний к появившемуся в начале XIX века переводу сочинения по теории сельского хозяйства Тэера.

К писателям второго направления надо причислить прежде всего графа Ростопчина, автора брошюры „Плуг и соха", затем графа Клермон-Тоннера, издававшего в 1799 году русско-французский „Журнал о земледелии", и особенно Левшина, выпустившего в 1803 году „Ручную книгу сельского хозяйства".

Общее движение захватило и некоторые органы правительственной власти, попытавшиеся применить меры административного воздействия к делу усовершенствования русского сельского хозяйства. 20 февраля 1801 г. был издан закон об агрономической организации в России. По этому закону заводились всюду губернские агрономы или „наставники", губернские опытные поля и образцовые крестьянские хозяйства в удельных деревнях. Но, как и следовало ожидать, на практике значение этого закона свелось к нулю: был назначен всего один „наставник" в Смоленскую губернию, да и ему администрация удельных имений ставила непреодолимые препятствия при всякой попытке проявить какую-либо деятельность, пока, наконец, в 1803 году самый институт „наставников" не был уничтожен [1]).

Но всего важнее, как уже сказано, были, конечно, практические, деловые попытки земледельческих улучшений. Из них первыми по времени являются опыты Бланкеннагеля, Самборского и Бакунина.

Бланкеннагель поставил себе целью ввести в севооборот — и притом не только помещечий, но и крестьянский — посев кормовых трав по немецкой системе Шубарта. В 1792 году в своем имении сельце Дядинкове, Звенигородского уезда, Московской губернии он посеял впервые клевер по яровому хлебу на пяти десятинах господской земли и на $3^1/_2$ дес. крестьянских. Потом он ввел такие же посевы по пяти десятин на крестьянской оброчной земле двух соседних своих оброчных деревень. Он был при этом горячим сторонником расселения крестьян хуторами, хуторского хозяйства. К 1798 году Бланкеннагель успел поселить хуторами до 20-ти дворов и ввел у них шестипольный севооборот с посевами клевера по Шубарту, а на приусадьбенной земле установлен был даже восьмипольный севооборот. Всего под травопольным хозяйством у Бланкеннагеля на его собственной пашне и у крестьян было тогда не менее 320 десятин. Так велся этот любопытный, уда-

[1]) Вернер, К истории крестьянского травопольного хозяйства: „Хозяин" за 1901 г, № 3, стр. 20.

чный и знаменательный опыт до самой смерти Бланкеннагеля, последовавшей в 1805 году [1]).

Протоиерей Самборский был в 1797 году назначен главным руководителем практической школы земледелия при деревне Тярлевой, близь города Павловска. Здесь он делал первые опыты применения семипольного хозяйства с таким сложным севооборотом: первое поле — коренья и овощи, второе — конопля, третье — бобовые растения, четвертое — яровой хлеб с подсевом клевера, пятое и шестое — клевер, седьмое поле — озимь [2]).

Бакунин, преемник Самборского с 1799 года в деле руководительства школою, завел в школе и у себя в имении в Петербургской губернии пятиполье, упростив таким образом слишком сложный севооборот Самборского и, подобно Бланкеннагелю, привив свои земледельческие нововведения и своим крестьянам [3]).

В начале XIX века плодосменное хозяйство английского типа не было уже особенно исключительною редкостью в помещичьих имениях центральной России: по указанию графа Ростопчина в его брошюре „Плуг и соха“ многие русские помещики вводили у себя английское земледелие; иностранцы-управляющие в крупных имениях больших русских бар много содействовали таким нововведениям: таков, напр., был Роджерс в подмосковном имении графа Румянцева Кагул в 1800—1815 годах; огородники Царицынской и Ногатинской волостей заимствовали именно из этого имения то интенсивное хозяйство, которое существует у них в настоящее время [4]).

Чем ближе мы будем подвигаться к 20-м годам, тем чаще встретятся нам известия о под'еме земледельческой техники. В 1807 году Левашев завел у своих крестьян четырехпольный севооборот с травосеянием [5]). В 1810 году Кушелев в Торопецком уезде Псковской губ. сеял „дятловину“, т.-е. клевер [6]). В 1819 году систему четырехпольного севооборота с чрезвычайным успехом применил в селе Ивахове Ярославского уезда И. И. Самарин, причем заведенные им порядки сохранились без перерыва до нашего времени [7]). Еще более смелые попытки были произведены в 20-х годах калужским помещиком Полторацким во многих его имениях [8]) и тверским по-

---

[1]) Там же, № 4, стр. 109 — 111.
[2]) Там же, № 3, стр. 88.
[3]) Там же, № 3, стр. 88.
[4]) Там же, № 3, стр. 92.
[5]) Там же, № 4, стр. 114.
[6]) Струве, Крепостное хозяйство, Спб. 1913, стр. 321.
[7]) Вернер, К истории травопольного крестьянского хозяйства: „Хозяин“ за 1901 г., № 4, стр. 114.
[8]) Неизвестный, Записка о хозяйстве, устроенном в одной подмосковной по новому способу возделывания: „Землед. Журнал“ за 1821 г., № 1, стр. 79.

мещиком Шелеховым. Некоторые исследователи, склонные считать неважными агрономические нововведения, нами сейчас изучаемые, усиленно подчеркивают неудачу Шелехова, его разорение, видя в этом доказательство совершенной прочности крепостного хозяйства [1]). Но то была единственная неудача. Полторацкий и его многочисленные подражатели и последователи не только не разорились, но вполне преуспевали, делали хорошие дела по их экономическим результатам [2]). В авчуринском имении Полторацкого, главном, но далеко не единственном центре его деятельности, заведено было четырех полье [3]), которого держались в то время и многие другие помещики, напр., Фрибе, Апраксин, Муравьев [4]). Но некоторые шли дальше: так, Давыдов завел очень сложный девятипольный севооборот [5]). В одном подмосковном имении последователем Полторацкого заведено было четырехпольное хозяйство, результаты которого очень ярко характеризуют успешность агрономических новшеств: урожаи сильно увеличились, с 4-х десятин было собрано столько бобов, что ими оказалось возможным прокормить 80 лошадей в течение $2^1/_2$ месяцев; введены были плуги, которые дали огромную выгоду помещику и сильно облегчили крестьянскую барщину; по исчислению хозяина имения, доход со 144 десятин при трехполье составлял всего 9.612 руб., а при плодосмене он равнялся 17.556 рублям, т.-е. оказался больше на 7.944 рубля [6]), увеличился на 82,6%.

Нельзя, наконец, не учесть и более скромных опытов улучшений техники, вроде тех, какие практиковались Ростопчиным. Этот политический старовер далеко не был не только реакционером, но и консерватором в своей хозяйственной деятельности. Он усовершенствовал старую русскую соху, выписал английских фермеров, находил, что их земледельческие приемы „выгодны и доходны чрезвычайно сеянием трав и овощами", ввел машины для корчевания леса, молотилки, плуги, улучшенные семена — американского овса, сирийской и мексиканской пшеницы [7]).

Приведенные факты, число которых с дальнейшей специальной разработкой вопроса будет, конечно, увеличиваться [8]), достаточно красноречивы. Они с полной непреложностью

---

[1]) Струве, Крепостное хозяйство, стр. 68 и др.

[2]) Бажаев. Крепостное травопольное хозяйство, М. 1900, стр. 61; Неизвестный в „Землед Журн." за 1821 г., № 1, стр. 94 — 95.

[3]) Бажаев, Крестьянск. травопольное хозяйство, стр. 59.

[4]) Там же, стр. 87.

[5]) Там, стр. 70.

[6]) Неизвестный, Записка о хозяйстве, устроенном в одной подмосковной: „Земледельч. Журнал" за № 1821 г., № 1, стр. 81 — 95.

[7]) Письма гр. Ф. В. Ростопчина к кн. П. Д. Цицианову: „Девятнадцатый Век", кн. 2-я, М. 1872, стр. 14 — 29.

[8]) Одна из моих учениц О. Е. Иванова, специально работающая на эту тему, не оставила в этом сомнения.

свидетельствуют, что по старой цельной толще крепостного сельского хозяйства прошли трещины, — не одна, а ряд трещин. Миновало его золотое время, повеяло в хозяйстве новым духом. Слабый прирост крепостного населения показывает, что для крестьянского хозяйства крепостное право окончательно стало помехой: оно перестало быть организующей силой, содействующей развитию производительных возможностей средне-крестьянского хозяйсва, стало препятствием производственному прогрессу. Но этого мало: изучение техники земледелия показывает, что крепостная система и необходимо связанный с нею уровень технических средств и приемов перестали удовлетворять и экономически-передовую часть дворянства: началось искание новых путей и способов хозяйствования и не только в теории, но и на практике, притом в большинстве случаев новшества сопровождались несомненным успехом. Очевидно, в процессе роста торгового капитализма, денежного или товарного хозяйства с обширным рынком количество начало уже переходить в качество, стали слагаться перемены в самом существе дела, в коренных устоях, первоосновах старого хозяйства.

При таких условиях неудивительно, что и в области индустрии старое крепостное здание мануфактуры, домашней индустрии, ремесла, мелкого кустарничества, вообще ручной техники стало колебаться. Мордвинов в 20-х годах настаивал на переходе России от земледельческого быта к промышленному, требовал основания банков, составления геологической карты России, устройства железных дорог и пароходства, добывания каменного угля, фабрикации машин [1]). И это уже отчасти стало оправдываться жизнью именно в 20-х годах: в 1817 году Берду была выдана привилегия на первое пароходство в России [2]); в 1805 году в Петербурге на хлопчатобумажной фабрике Осовского впервые в России был применен паровой двигатель, введено машинное, а не ручное производство [3]); Полторацкий не ограничивался тем, что он вводил технические улучшения в земледелие, — он вырабатывал на продажу молотилки и плуги; то же стал делать и Ростопчин в своем Воронове, а граф Орлов-Чесменский, Мальцев и другие составили с тою же целью акционерную компанию с основным капиталом в 60.000 руб., разделенным на 60 акций по 1.000 руб. каждая, причем сам император Александр I купил 5 акций [4]).

Чтобы установить более или менее точно степень влияния новых технических улучшений, относительную глубину

---

[1]) Иконников, Граф Н. С. Мордвинов, стр. 386 — 388, 399, 400 455 — 456.

[2]) Корнилов, Курс истории России в XIX в., I, стр. 218.

[3]) Ляхов, Осн. черты социал. и эконом. отнош. при Александре I, стр. 113.

[4]) Письма гр. Ростопчина к кн. Цицианову: „Девятнадцатый Век", ч. 2-я, стр. 23.

проникновения новых начал в старое крепостное хозяйство, необходимо исследовать формы производства в сельском хозяйстве и обрабатывающей промышленности.

В русской исторической литературе высказано категорическое мнение, что в области форм помещичьего хозяйства к 20-м годам XIX века произошла перемена, смысл и значение которой состоит в том, что крепостные формы хозяйства — именно барщина — усилились в ущерб оброку — этой переходной к более свободной для крестьян хозяйственной форме [1]). Выходит, что тогда как в технике хозяйства наблюдался частичный прогресс, выводивший часть русского помещичьего хозяйства за пределы крепостничества, — в формах хозяйства совершалась реакция, возврат назад, к сугубому крепостничеству.

На какой же материал опирается этот вывод, поскольку он касается 20-х годов? (О дальнейших десятилетиях речь пойдет особо в свое время). Это — несколько деревень Осташковского уезда, Тверской губ. и Торопецкого и Холмского уездов Псковской губ. В этих деревнях, как то формулируется г-ном Струве, в 80-годах XVIII в. преобладающей формой крестьянских повинностей „было сочетание оброка с нерегулярной и легкой барщиной“ („оброк с поработками“); в 1793 году все крестьяне были переведены на чрезвычайно высокий оброк; „в 1814 г. вся эта группа деревень состоит почти исключительно из чистых барщинников“, а тем, где удерживается денежный оброк, он сильно растет [2]).

Допустим даже, что все это изображение представляет собою точный снимок с действительности. В таком случае необходимо было бы в первую очередь решить вопрос, насколько оно типично для того времени и для всей России. Но как раз Тверская губерния, данными по которой главным образом и оперирует г. Струве, не является типичной для нечерноземной России, к которой она принадлежит: она принадлежит к числу тех немногих нечерноземных губерний, в которых процент издельных или барщинных крестьян в XIX веке повышался сравнительно с XVIII столетием [3]). Стало быть, обобщать сделанные г-ном Струве выводы, если бы они были даже верны, — рискованно, на это нет серьезных оснований, и есть, с другой стороны, основания против такого обобщения.

А затем: чтобы уяснить себе истинный смысл приведенных наблюдений, надо было бы поставить их в связь с общим состоянием хозяйства в описываемых деревнях и имениях: были ли там какие-либо технические улучшения, или хозяйство велось по рутине, по старинке? Этот вопрос остался

[1]) Струве, Крепостное хозяйство, стр. 62 и след.

[2]) Там же, стр. 63.

[3]) Семевский, Крестьянский вопрос в России; Игнатович, Помещичьи крестьяне накануне освобождения.

совершенно не раз'ясненным. Повидимому, хозяйство было рутинное. А если так, то эти переходы от барщины к оброку и опять к барщине — лучшее доказательство кризиса, переживавшегося рутинным хозяйством: очевидно, пытались, отчаянными мерами, во что бы то ни стало спастись. Вот максимум возможных выводов, какие мыслимы при критической оценке наблюдений г-на Струве, даже если бы они были вполне верны. Выходит, что здесь вовсе нет опровержения факта начавшегося падения крепостного хозяйства, а имеется новое, веское его подтверждение.

Но, к сожалению, нельзя признать и эти наблюдения вполне верными. Прежде всего они относятся только к нескольким деревням Осташковского уезда, Тверской губ., псковские же деревни не анализированы детально, и данных о них в таблицах г. Струве почти нет. Затем неверно, что в 20-х годах оброк фактически повысился: рубль, стоивший в конце XVIII века 74—80 к., упал в 20-х годах до 20—23-х коп., и исследователи справедливо указывают, что реальный оброк, несмотря на номинальное повышение, почти не изменился: вместо 10—12½ р. серебром с тягла при Екатерине II, после 1812 года стали платить 13—14 р. серебром [1]). Наконец, обратимся к таблицам г-на Струве и проверим, то ли они говорят, что выводит из них этот исследователь. Уже первая таблица показывает, что вовсе не все крестьяне были в 1814 г. барщинниками, — были между ними, хотя, и в меньшинстве, и оброчники [2]).

Вторая таблица, касающаяся всего одной деревни Торопецкого уезда, Псковской губ., показывает, что барщина здесь была общераспространенной с 1801 г., а не с 1814, причем между 1801 и 1808 годами размеры барщины не увеличились, а данных о размере барщины в 1814 году нет, как и в первой таблице, между тем как именно эти данные в этом случае и должны были бы иметь решающее значение, как доказательство положений, выдвигаемых г-ном Струве. Третья таблица опять относится к Тверской губ. И что же мы там видим? В 1785 году полное господство барщины, в 1793 году — оброк, в 1814 г. опять барщина в неизвестном размере: картина совсем не та, которую рисует г. Струве: оброчная система 1793 года — просто случайный и временный эпизод, заменивший собою не большой оброк с легкой барщиной, а настоящее развитое крепостное изделье.

В общем, таким образом, детальный обзор и анализ фактов показывает, что мы, всего вернее, имеем дело не с процессом развития крепостного хозяйства, а именно с началом его кризиса, с беспомощными метаниями рутинеров-крепост-

[1]) Корнилов, Курс истории в XIX в., I, стр. 203.

[2]) По указанию самого г. Струве в этой таблице, два двора были на оброке.

ников в их попытках спасти крепостную старину, ощущавшую, очевидно, влияние перемен, начинавших уже обнаруживаться бок-о-бок с ними. Конечно, этот процесс метания только еще начинался и, быть может, в такой губернии, как Тверская, бывшая и в это время отчасти, и, как увидим, позднее ареной применения новшеств, он начался раньше, чем во многих других местах. На такие заключения материал, при его внимательном рассмотрении, нас действительно уполномачивает, тогда как выводы г-на Струве критики не выдерживают, — по крайней мере для изучаемого нами сейчас периода. Позднее мы к ним еще вернемся в другой связи.

Впрочем, и в других нечерноземных губерниях были уже заметны признаки метания помещиков между разными формами хозяйства Так, в Ярославской губернии в имении Бабарыкиных крестьяне сидели почти исключительно на оброке, но в 1808 году были сразу переведены на барщину. В результате получилось „катастрофическое уменьшение земледельческого населения вотчин", разорение и крестьян, и их владелец — сестер Бабарыкиных. Имение было отдано в опеку, и пришлось вернуться к старой оброчной системе. Подобные же опыты если не введения, то усиления барщины до „изнурительности" и крайнего увеличения оброка делал тогда и другой ярославский помещик, Власьев, — и с теми же результатами: и его имение попало под опеку, и крестьян в значительной мере повернули на старое [1]).

Эти примеры также показывают, что положение о росте барщины в ущерб оброку в 20-м годах не оправдывается фактами.

И это все тем более верно, что исследованные сейчас явления нельзя рассматривать изолированно, вне связи с тем, что совершалось по соседству, в передовых имениях и, главное, в самом крестьянском хозяйстве.

Мы имеем по отношению к 20-м годам компетентное свидетельство о том, что „богатые помещики" (в подавляющем большинстве, конечно, а не все, как выходит, если следовать буквальному смыслу слов нашего источника), „как известно, содержат вотчины свои на оброчном положении" [2]). Если присмотреться затем к формам и размерам крестьянской барщины в технически-передовых имениях, то окажется, что она в них не усиливалась, а облегчалась: один из самых прогрессивных помещиков находил, что при четырехпольном севообороте и употреблении усовершенствованных плугов для обработки 160 дес. нужны не все крестьяне, а только 12 работников

[1]) Романов, Эпизод из хозяйственной жизни крепостной вотчины XIX века: „Архив истории труда в России", книга первая, Петр., 1921, стр. 124 — 145.

[2]) Пос·ание калужского помещика к членам моск. общества сельс.-хоз.: „Земледельч. Журнал" за 1821 г., № II, стр. 209 — 210.

все время: „у помещиков больше выгоды, а у крестьян меньше работы". При этом он категорически заявлял: „решительно сказать можно, что нельзя без отягощения крестьян работать только их лошадьми, и едва ли не будет это очень худая работа" [1]). Мы уже отмечали в свое время, что Захаров, автор книжки „Усадьбы или новый способ селить коестьян и собирать с них оброки", отстаивал и хуторское крестьянское хозяйство, и замену барщинного, вообще крепостного труда вольнонаемным на том основании, что барщинный крестьянин „всегда уныл, ленив и недоброхотен". За такое же хуторское хозяйство в 1822 г. стоял один из сотрудников „Земледельческого Журнала" [2]). Этот автор особенно важен также в том отношении, что подтверждает факт полной зрелости крестьянского хозяйства для самостоятельного, свободного существования: „неоспоримо", говорит он, „что положение крестьян на умеренном оброке есть самое способное для них" [3]).

Конечно, все это были лишь первые ростки новых отношений и порядков. Они лишь поверхностно затрагивали существовавшую тогда действительность. Вообще в формах сельского хозяйства сравнительно с XVIII веком было мало изменений, гораздо даже меньше, чем в его технике; здесь почти все было еще делом будущего. Немногие пионеры только слегка намечали грядущие пути развития.

Подобное же совершалось и в формах обрабатывающей промышленности. Мы уже наблюдали выше первую настоящую фабрику в России: хлопчатобумажную фабрику Осовского, работавшую посредством паровой машины. Но то ведь была только первая ласточка, которая весны не делает. Преобладали же, почти безраздельно, и господствовали старые формы ремесла, кустарничества, домашней индустрии, наконец, мануфактуры.

Однако, было бы большой ошибкой и здесь рисовать себе картину стоячего болота. Нет, и здесь началось разложение старого и движение к новому, пока еще робкое, малоуверенное, слабое в достаточной мере, но тем не менее уже совершенно несомненное.

Кустарная промышленность росла и расширялась: в Слободской Украине на рубеже XVIII и XIX веков 12% всего населения были заняты городским ремеслом и сельским кустарничеством [4]); во всей России статистика того времени насчитывала до 700 тысяч человек кустарей и ремесленников [5]).

---

[1]) Неизвестный. Заметка о хоз., устроенном в одной подмосковной: „Землед. Жур.", № I. стр. 85.

[2]) Кн. В—ский, Указания на некоторые неудобства в хлебопашестве Калужск. губ., „Землед. Жур." за 1822 г., № IV, стр. 15.

[3]) Там же, стр. 21.

[4]) Багалей, Очерки из русской истории, т. II, стр. 9.

[5]) Арсеньев, Начертание статистики Росс. государства, стр. 137.

Мало того, как раз в это время пошел, казалось, вперед начавшийся еще раньше, в XVIII веке, процесс разложения мануфактуры на кустарные промысла, так как мануфактура, где господствовал ручной труд, была технически ничем не выше кустарной избы: так, в начале XIX века в Московской губернии появились, отслоившись от мануфактуры, новые кустарные промыслы — патронная промышленность (производство гильз) и шитье лайковых перчаток[1]); в 1812 году кустарная набойка и кустарное ткачество бумажных материй распространяется из Москвы в селе Иванове, Шуйского уезда Владимирской губернии[2]). Но истинный смысл этих и им подобных явлений вскрывается только при более пристальном их исследовании: оказывается, что не крестьяне и даже не помещики получают здесь главную выгоду, а те же фабриканты того времени, владельцы мануфактур, да еще, конечно, капиталисты-скупщики, организаторы товарно-кустарного производства или, что то же, домашней индустрии с раздачей материалов и орудий в долг и эксплоатацией кустаря крупным торговым капиталом-посредником по сбыту товара на обширный рынок. Характерными в смысле эксплоатации кустарей владельцами мануфактур являются в особенности следующие факты: около 1825 года владельцы мануфактур в Шуе и Иванове массами раздавали кустарям для работы полуфабрикат — пряжу; так, на мануфактуре Посылиных в Шуе тогда работало всего 200 станов, а ее владельцы раздавали по деревням пряжи в 10 раз более — на 2.000 станов; у Баранова на его мануфактуре в селе Иванове совсем не было ткацких станов; зато по деревням раздавалось пряжи на 400 станов; у Кубасова в том же селе вся пряжа раздавалась по деревням, а на мануфактуре только набивался миткаль; „таких фабрик, совсем не имевших ткацких станов, а раздававших пряжу, в селе Иванове было очень много“ [3]).

На самих мануфактурах к 20-м годам XIX века наблюдается новая, важная тенденция — в сторону освобождения фабричного труда. XVIII век завещал XIX веку несвободную фабрику двух видов — вотчинную — дворянскую, на которой работа производилась помещичьими крепостными, и купеческую — поссессионную, где работали так называемые поссессионные крестьяне, т.-е. крестьяне, прикрепленные к фабрикам и заводам по закону Петра Великого, изданному в 1721 году: их нельзя было отчуждать без фабрик и заводов и употреблять на другие работы, кроме фабричных. К числу поссессионных фабрик принадлежали еще так называемые обязанные фабрики, которые должны были поставлять в казну опреде-

[1]) Туган-Барановский, Историч. роль капитала в развитии нашей кустар. промышленности: „Новое Слово“ за 1897 г., апрель, стр. 9.
[2]) Там же, стр. 10.
[3]) Там же, стр. 10 — 11, прим. 2-е.

ленное количество своих изделий. На некоторых вотчинных, помещичьих, дворянских фабриках работа производилась так же, как и крепостная земледельческая барщина: работали брат на брата, т.-е. одновременно половина рабочих исполняла работу, а другая оставалась дома, чтобы затем сменить первую; платы не полагалось.

Характерно, однако, что уже в начале XIX века на большей части вотчинных фабрик появилось вознаграждение натурой, иногда даже деньгами. Это — первый признак начавшегося освобождения труда, перехода от крепостной к наемной фабричной работе [1]).

Поссессионная фабрика была в смысле организации производства едва ли не более несвободной, чем вотчинная: дело в том, что владелец поссессионной фабрики не мог ни уменьшать, ни увеличивать ее размеры, ни изменять характер производства, ни переводить рабочих на другую фабрику. Но в одном отношении поссессионная купеческая фабрика была свободнее дворянской — вотчинной: здесь лишь изредка встречалась работа брат на брата, без денег, но почти всегда существовала денежная заработная плата [2]).

Вот почему важное значение в качестве показателя процесса начинавшегося освобождения фабричного труда имеет постепенное уменьшение числа вотчинных фабрик и крепостных рабочих: в 1825 г. крепостных рабочих считалось на этих фабриках уже только 35% общего числа фабричных рабочих в России, т.-е. немногим более трети, значит уже меньшинство [3]). В 1804 году 48% всех русских фабричных рабочих были вольнонаемные. В 1825 году процент вольнонаемных рабочих повысился до 54-х [4]).

Этому росту свободного вольнонаемного труда и преобладанию его вместе с полусвободным поссессионным над совершенно несвободным крепостным способствовало еще одно важное явление, обнаружившееся с конца XVIII века: переход главной части фабрик в руки крестьян, разбогатевших и выкупившихся на волю. Многочисленные фабриканты села Иванова и Морозовы в Зуеве, вышедшие из числа крепостных графа Шереметева, — яркие тому примеры [5]).

Подвигаясь далее — к тем областям хозяйственных отношений, которые связывают хозяйство уже непосредственно с социальным строем, служат переходными к нему звеньями, мы обнаруживаем в области землевладения опять-таки и наследие, отчасти и завершение старины, и некоторые новообразования, зародыши будущего.

---

[1]) Туган-Барановский, Рус. фабрика в прошлом и настоящем, т. I.
[2]) Там же.
[3]) Там же.
[4]) Там же, стр. 85.
[5]) Там же, стр. 89.

Традиции старины и в 20-х годах и позднее, вплоть до 1861 года, поддерживали основное положение русского поземельного права всей первой половины XIX в., сводившееся, как и в XVIII столетии, к идее о том, что владение землей населенной составляет сословную привилегию дворянства. Такая идея была юридическим постулатом существования крепостного права; раз было признано, что одни только дворяне имеют право владеть крепостными крестьянами, — а такое признание окончательно установилось в законодательстве второй половины XVIII века,— то логически необходимо было вывести отсюда заключение, что только дворяне могут владеть на праве собственности населенной крепостными землей. Таким образом Россия до реформы 1861 года продолжала быть страной с господством сословной дворянской полусвободной земельной собственности. Мы называем эту собственность полусвободной по той причине, что она была сословной, т.-е. населенная земля могла подвергаться гражданскому обороту (купле-продаже, залогу, дарению, мене) только в пределах дворянского сословия. Без сомнения, такие юридические отношения лица к земле вытекали из тех экономических условий, в каких находилась страна в XVIII веке, т.-е. главным образом из относительной еще слабости развития товарного хозяйства, из торгового лишь, а не производственного капитализма при перевесе в то же время земледелия над другими отраслями производства. Перевес земледелия и наличность развивающихся сельских промыслов делали землевладельческое дворянство определяющей, почти всецело господствующей общественной группой, замыкал его в самом себе, заставлял пренебрежительно и свысока относиться к иным экономическим и социальным явлениям. В том же направлении сословной замкнутости и привилегии действовало и недостаточное развитие товарного хозяйства: только развитое, сложившееся, широко и глубоко распространившееся денежное хозяйство требует вполне свободного гражданского оборота земли, постоянной и неограниченной возможности обратить землю в деньги и найти приложение денежному капиталу в земле.

Мы знаем, однако, уже теперь, что успехи товарного оборота к 20-м годам XIX века существенно поколебали крепостное хозяйство. Отсюда стал зарождаться целый ряд чрезвычайно важных и интересных новых явлений, начинавших постепенно проторять дорогу новым свободным формам земельной собственности, уничтожению дворянской привилегии по владению землей.

Самым важным из этих нових явлений надо, несомненно, считать начавшийся рост недворянского (купеческого, мещанского, крестьянского) землевладения в изучаемое время. Косвенным подтверждением этого служит уже известный нам факт ослабления роста крепостного населения в 20-х годах. Не-

дворянское землевладение росло по преимуществу, конечно, там, где крепостных было мало, — на юге и юго-востоке России. Рост недворянского землевладения важен в двух отношениях: во-первых, он сокращал количество дворянских полусвободных, сословных земель, потому что некоторые дворяне отпускали на волю или переводили в другие имения своих крепостных и потом продавали землю без населения недворянам: земля становилась, таким образом, об'ектом свободного гражданского оборота; во-вторых, рост недворянской земельной собственности ярко подчеркивал тенденцию денежного капитала найти себе приложение в землевладении.

Вторым важным признаком того, что общие экономические условия времени начали перерастать принцип полусвободной земельной собственности, является начало сильной задолженности русского дворянского землевладения. Справедливо указывают, что здесь повлияли континентальная блокада и разорение 1812 года [1]). Но дело не только в этих крупных событиях лишь действовавших в направлении, созданном общими условиями, а именно в этих общих условиях, начинавших уже существенно менять экономический облик страны, как то выше показано.

Отметим, наконец, что некоторые помещики уже в 20-х годах стали приходить к мысли о вреде крестьянских переделов и о необходимости укрепления среди крестьян собственнических инстинктов в отношении к земле. „Полезно было бы помещику", писал один помещик, „в мыслях крестьянина утвердить привязанность к земле, исключительно ему с семейством для обрабатывания данной. Сие весьма легко произвесть, если правилом постановлено будет, что участок, ему по жребию доставшийся, навсегда для работы его и потомства назначен, не подвергаясь раздроблению и переделу" [2]). При всей крепостнической форме, в какую отлилась здесь эта мысль, — сама по себе она знаменательна: крестьянин-собственник — явление уже не крепостной, а капиталистической эпохи.

Как ни много отдельных зародышей нового хозяйства проявлялось в России 20-х годов XIX века, — все же это были лишь отдельные зародыши, а не целый и более или менее стремительный поток нововведений. Поэтому слабее всего новшества отразились на распределении хозяйственных благ.

Мы уже видели, что оброки повышались, но реально пока не сильно,— процентов на 15, не более. Попытки усиленной крепостнической эксплоатации, повидимому, едва только начинались. Они, однако, уже дополнялись эксплоататорской деятельностью деревенских кулаков из своей же братии — крепостных: по словам одного помещика 20-х годов, везде богачи-

[1]) Корнилов, Курс ист. Рос. в XIX в., 1, стр. 201.

[2]) Кн. Н-й В-ский. Указание на некоторые неудобства в хлебопашестве Калужской губ.: „Землед. Журнал" за 1822 г., № IV. стр. 24.

кулаки „властвовали“ над крестьянами, среди которых „редко видим уравнительное и общее благосостояние“ [1]). Он же указывает, что, кроме сельского хозяйства, „крестьяне часто занимаются еще торговлей и ремеслами“ [2]), и это несомненно указывает на невозможность для крестьянина уже в то время покрывать помещичьи оброки и государственные подати без этих подсобных занятий. Конечно, в такого рода явлениях следует видеть уже также зародыш кризиса крестьянского хозяйства, начинавшегося вследствие устарелости крепостных отношений.

Но все же влияние крепостного хозяйства на весь склад распределения хозяйственных благ в 20-х годах было еще очень сильно. Именно поэтому цены на землю, особенно на окраинах, а следовательно и земельная рента,— не были высоки: при Павле и Александре I в Оренбургской и Саратовской губерниях платили по 3—5 руб. за десятину [3]). Ценность имений определялась главным образом еще не землей, а определенным количеством крепостных душ. Точно так же заработная плата в обрабатывающей промышленности была очень низка: так, ткачи на суконных фабриках Московской губернии получали в среднем в 1803 году по 4 р. 50 к. в месяц (от 3 р. до 6 р. 60 к.), на шелковых фабриках от 3 р. 75 к. до 7 р. 80 к. [4]); переводя эти цифры на деньги начала XX века, до последней войны, получаем в среднем реальную заработную плату в 6 р. 50 к. в месяц, что, несомненно, весьма мало. Несколько выше был заработок лишь на ситцевых и хлопчатобумажных фабриках, где он доходил на наши довоенные деньги до 10—16 руб. в месяц.

Положение широких народных масс в общем было бедственное. Правительство неоднократно убеждалось, что помещичьи крестьяне не в состоянии платить налоги в тех размерах, в каких платили их крестьяне государственные. Мало того: казне приходилось постоянно делать значительные приплаты в виде пособий на прокормление голодающего крепостного населения, а голодовки были тогда обычным нормальным явлением. Правительство пыталось прийти на помощь населению в этой беде и с этою целью прибегало к разным паллиативам, неизменно кончавшимся полнейшей неудачей, и иногда чрезвычайно курьезным. Одной из таких мер было устройство сельских запасных хлебных магазинов для засыпки которых хлебом рекомендовалось завести общественные запашки. Но обыкновенно общественные запашки обрабатывались весьма плохо, и урожай на них был весьма слаб: большею частью

[1]) Там же, стр. 19—20.

[2]). Там же, стр. 18.

[3]) Нечто о хлебопашестве и о фабриках в России: „Рус. Земледелец“, изд. проф. Павловым, за 1838 г., № 10, стр. 47.

[4]) Туган-Барановский. Русская фабрика, т. I.

едва собирали посеянные семена, в лучшем случае урожай был сам-друг [1]). К числу печальных курьезов относится стремление правительства распространить в крестьянской среде различные суррогаты хлеба в качестве питательного материала. Так, в 1822 году министерство внутренних дел разослало предводителям дворянства несколько тысяч экземпляров брошюр с описанием изобретения, сделанного неким аптекарем Бранденбургом: он, оказывается, изобрел „средство печь хлеб с примесью исландского моха“; при этом в циркуляре министра графа Кочубея было сказано, что „хлеб таковой признан не только не вредным, но и выгодным к приуготовлению“ и потому должен рассматриваться, как „вспомогательное средство к прокормлению народа в случае неурожаев“ [2]) . . .

Н. РОЖКОВ

РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

1 [3])

Общее представление о развитии фабричной промышленности в дореформенной России можно получить из нижеследующих данных:

Фабрики и заводы Российской империи [4]) (без Царства Польского и Финляндии)

Годы	Число фабрик	Число рабочих	На 1 фабр. рабочих	Годы	Число фабрик	Число рабочих	На 1 фабр. рабочих
1815	4.189	172.882	41	1819	4.531	176.635	39
1816	4.484	187.061	42	1820	4.578	179.610	39
1817	4.385	187 337	43	1825	5.261	210.568	40
1818	4.457	178.419	40	1826	5.128	206.480	40

[1]) Данные об этом в большом числе сохранились, напр., в Архиве моск. дворянства.

[2]) Архив московского дворянства, 1822 г., № 17.

[3]) М. Туган-Барановский. Русская фабрика в прошлом и настоящем историческое развитие русской фабрики в XIX в. Перепечатано с третьего издания. „М. Р.“. М. 1922 г., стр. 64.

[4]) От 1815 — 20 г.г. по „Статистическим Ведомостям о состоянии российских мануфактур“, за соответствующие годы; от 1825 — 61 г.г. — по официальным рукописным „Отчетам Департамента Мануфактур и Внутренней Торговли“ (Арх. д-та торг. и ман). Приведенные цифры относятся ко всем фабрикам и заводам, кроме горных, винокуренных и пивоваренных. Свеклосахарные заводы и табачные фабрики сюда включены.

Годы	Число фабрик	Число рабочих	На 1 фабрику раб.	Годы	Число фабрик	Число рабочих	На 1 фабрику раб
1827	5.122	209.547	41	1844	7.399	469.211	63
1828	5.244	225 414	43	1845	8.302	507.577	61
1829	5.260	231.624	44	1846	8.333	508.607	61
1830	5.450	253.893	47	1847	9.029	532.056	59
1831	5.599	264.358	47	1848	8.928	483.542	54
1832	5.636	272.490	48	1849	9.172	495.364	54
1833	5.664	273.969	48	1850	9.848	501.639	51
1836	6.332	324,203	51	1851	10.126	465.016	46
1837	6.450	376.838	58	1852	10.388	470.914	45
1838	6.855	412.931	60	1853	10.087	481.018	47
1839	6.894	454.980	66	1854	9.944	459.637	46
1840	6.863	435.788	63	1856	11.556	518.661	45
1841	6.831	429.638	63	1857	10.856	513.324	47
1842	6.939	455.827	66	1858	12.259	548.921	45
1843	6.813	466.579	68	1861	14.148	522.500	37

Легко заметить, что число фабричных рабочих почти до конца 40-х годов (1847 г.) быстро растет, затем начинает с колебаниями падать. Размер фабрики (среднее число рабочих на 1 фабрику) возрастает до начала 40-х годов (1843 г.), затем следует также падение. До 40-х годов фабричное производство энергично развивалось, и сами фабрики становились крупнее; с конца 40-х годов рост фабричного производства приостановился, и фабрики стали раздробляться.

2 [1])

Капиталистическое производство было невозможно в петровской России вследствие отсутствия первого условия такового — свободного рабочего. Правительство пыталось создать капиталистическую фабрику, но, силою вещей, создалась крепостная фабрика. По мере роста городского населения, распространения отхожих промыслов, вытеснения в промышленном районе барщинной системы оброчной, пользование свободным

[1]) М. Туган-Барановский. Русская фабрика, стр. 70—73.

трудом на фабриках возрастало. В начале XIX века количество вольнонаемных рабочих на фабриках равнялось приблизительно 48% всех рабочих:

Число фабрик	На них рабочих	В том числе вольнонаемных
1804 г. [1]) — 2.423	95.202	45.625

По отдельным родам производства вольнонаемные и обязательные рабочие распределялись следующим образом: [2])

	Число фабрик	Всех рабочих	В том числе вольнонаемных	Среднее число рабочих на 1 фабрику
Суконные и шерстяные фабрики	155	28.689	2.788	185
Полотняные	285	23 711	14.327	83
Ситцевые и миткалевые	199	6.566	5.436	33
Шелковые	328	8.953	6.625	27
Писчей бумаги	64	6.957	1.533	109
Стальные, игольные и железные	26	4.121	1.144	159
Кожевенные	850	6.304	6.115	7
Канатные	58	1.520	1.295	26
Стеклянные и хрустальные	114	3.937	1.685	35

Мы видим, что в начале XIX века некоторые отрасли производства основывались почти исключительно на принудительном труде, в других же решительно преобладал свободный труд. К числу первых принадлежали суконные фабрики, писчей бумаги, железные, игольные и стальные заводы; к числу последних — ситцевые и миткалевые фабрики, шелковые, кожевенные и канатные заводы. Полотняные фабрики и стеклянные заводы занимали среднее место — процент несвободных рабочих на них близок к 50. Вместе с тем легко заметить, что фабрики первой группы принадлежали к числу крупных; среднее число рабочих на 1 фабрику превосходило 100; фабрики 2-й группы — мелкие — число рабочих на 1 фабрику колеблется от 7 до 33 и, наконец, фабрики 3-й группы и в этом отношении занимают промежуточное место.

[1]) Семенов, III, 262.

[2]) Е. Зябловский, „Статистическое описание Российской империи". 1808 г. Спб. Часть V, стр. 9 — 73.

Итак, принудительный труд в начале XIX века в некоторых производствах господствовал, в других играл совершенно ничтожную роль. Отчего это зависело?

Я сказал, что фабрики с преобладанием принудительного труда принадлежали к числу крупных, а с преобладанием свободного труда — к мелким. В этом отразилось различие условий, вызвавших к жизни фабрики того или другого рода. Наша фабричная промышленность, как я говорил в предшествовавшей главе, имела, так сказать, два корня — с одной стороны, она была вызвана правительством для удовлетворения нужд государства, а с другой — она постепенно развилась в народной среде, удовлетворяя потребностям широких классов населения. Фабрики, возникшие под непосредственным влиянием государства, основались на принудительном труде. При их устройстве владельцы нередко получали значительные пособия от казны — постройки, земли и рабочие руки. Так как фабрики этого рода не имели непосредственной связи с мелкою крестьянскою промышленностью, а устраивались крупными капиталистами - купцами и дворянами, то естественно, что и размеры их были крупные. Такой характер имели старинные фабрики XVIII века — суконные, писчебумажные, железные, отчасти полотняные. Принудительный труд в них продолжал преобладать и в начале XIX века, хотя условия производства и рабочего рынка изменились.

Напротив, ситцевое, бумаготкацкое, канатное и кожевенное производства развивались при совершенно иных условиях. Эти отрасли промышленности работали не на государство, а на народную массу. Они непосредственно сливались с крестьянскою промышленностью; производство на фабриках этого рода было более мелким, дворянство их почти не устраивало и по этой причине они не пользовались крепостным трудом. Шелкоткацкое производство первоначально возникло в виде крупных фабрик, но уже в XVIII веке оно начинает распространяться в крестьянской среде и переходит в руки мелких капиталистов; вместе с тем увеличивается и число вольнонаемных рабочих на шелковых фабриках.

Но именно фабрики с вольнонаемными рабочими быстро развивались в XIX веке. Поэтому восстановление императором Павлом права покупки к фабрикам крестьян далеко не имело такого значения, какое имел в свое время знаменитый петровский указ, впервые узаконивший этот своеобразный порядок снабжения фабрик рабочими руками. Общие экономические и социальные условия нового времени благоприятствовали развитию не крепостного, но капиталистического производства, основанного на свободном, а не на принудительном труде. Поэтому и указ Павла не оказал никакого влияния на строй нашей фабрики. Купечество пользовалось предоставленным ему правом прикупать крестьян к фабрикам не столько

для снабжения фабрик рабочими, сколько в обход закону, для приобретения дворовых и поместий.

Непродолжительное царствование Павла сменилось новой дворянской эпохой: на престол вступил „Екатеринин внук". Восстановление дворянских прав было одним из первых актов царствования Александра I[1]). Вместе с тем уже в 1802 г. указом 3 июля право покупки крестьян к фабрикам было ограничено условием, чтобы при этом крестьяне не были переселяемы на другое место. В 1808 г. правительство Александра, нуждаясь в сукне, которого не хватало для потребностей войска, сделало попытку расширить область применения принудительного труда, выработало особые правила, на основании которых покупка крестьян к суконным фабрикам была разрешена и на свод, с переселением их на другое место; но крестьяне через 20 лет получали свободу. Этими правилами, однако, никто не пожелал воспользоваться. В 1816 г. указом 6 ноября, покупка крестьян к фабрикам и заводам вновь, и на этот раз уже окончательно, была запрещена[2]).

Известно, что со времени Александра I правительство начинает стремиться к ликвидации крепостного права, тщательно остерегаясь в то же время нарушить интересы помещиков. В начале XIX века в наше общество проникла новая идея, что крепостное право не только тяжело для крепостных, но и невыгодно для помещиков. Идея эта выразилась и в задачах, поставленных в 1812 г. Вольно-Экономическим Обществом. Общество об'явило конкурс на две задачи: „что выгоднее для хозяина — обрабатывать землю частными людьми, или собственными крестьянами? — и другую задачу — как отделить в помещичьих имениях землевладельцев от фабричных рабочих?"

Мысль о невыгодности крепостного права была навеяна знаменитым сочинением Адама Смита, которое быстро приобрело популярность в русском обществе и правительственных сферах. По приказанию м-ра финансов графа Васильева, сочинение Смита было переведено на русский язык; в официальном издании м-ва внутренних дел — „Санкпетербургском Журнале" учение Смита неоднократно излагалось, причем Смит назывался „великим человеком, постигнувшим великие истины"[3]). Но в области земледелия крепостной труд упорно держался, и все попытки правительства побудить помещиков добровольно освободить своих крестьян кончились полной неудачей: на основании закона о свободных хлебопашцах

[1]) Романович-Славатинский. 236.

[2]) П. С. З., XXVII, 20352; XXX, 23132 и 23579; XXXIII, 26504.

[3]) „Санкпетербургский Журнал, 1804 г.," август, стр. 133. Адм Мордвинов в своих речах в Государств. Совете называл Ад. Смига „писателем знаменитым в наши времена по изложению истинных начал государственного хозяйства" и ссылался на его мнение, как на высший научный авторитет. „Чтения О-ва Истории и Древностей Российских". 1854. Книга 4. Мнение адмирала Мордвинова о новых налогах.

1803 г. в царствование Александра I было освобождено только 33.782 д. м. п., а в царствование Николая I, на основании того же закона — 66.109 д. м. п. и, кроме того, на основании закона 1842 г. об обязанных крестьянах — 24.708 д. м. п. [1]), т.-е. в общей сложности менее 1% крепостного населения России. Очевидно, в области земледелия помещики находили для себя более выгодным крепостной труд. Крепостное право могло быть ликвидировано только непосредственным актом государственной власти.

Как же обстояло дело с фабричной промышленностью? Я говорил, что уже в начале XIX века около половины всех фабричных рабочих работали по вольному найму. К сожалению, цифровых данных о распределении фабричных рабочих на вольнонаемных и не свободных после 1825 г. не имеется. В 1825 г. всех фабрик было 5261, рабочих на них 210.568, в том числе вольнонаемных — 114.515. По отдельным производствам вольнонаемные рабочие распределялись следующим образом:

Род производства	Число фабрик	Число всех рабочих	В том числе вольнонаемных
Суконное	324	63.603	11.705
Бумажных материй	484	47.021	44.535
Полотняное	196	26.832	18.720
Шелковое	184	10.204	8.481
Писчебумажное	87	8.272	2.019
Стальное, игольное, чугунное	170	22.440	4.970
Канатное	98	2.503	2.303
Кожевенное	1.784	8.001	7.460

Сравнительно с 1804 г. общее число рабочих на фабриках возросло более чем вдвое, но распределение рабочих изменилось не очень значительно — в 1804 г. вольнонаемные составляли 48% всех рабочих, а в 1825 — 54%. В тех родах промышленности, в которых раньше преобладал крепостной труд (суконные, писчебумажные, стальные и железные фабрики), он остался преобладающим и в 1825 г.

Наша промышленность возникает [2]) в начале XVIII века в виде крупных фабрик, сосредоточенных, главным образом,

[1]) Семевский. „Крестьянский вопрос в России" I, 266; II, 569.

[2]) Из статьи проф. Л. И. Туган-Барановского „Война 1812 года и промышленное развитие России", помещенной в 7 томе юбилейного издания „Отечественная война и русское общество", стр. 107 — 112.

в центральном районе России и, всего более, в самой Москве и ее окрестностях. Нашествие Наполеона захватило в свой район именно те местности, которые являлись центрами нашей фабричной промышленности. Оно имело чрезвычайно опустошительный характер благодаря тому, что население покидало местности, занятые неприятелем, и оставляло на произвол судьбы имущество, постройки, промышленные заведения, лавки и пр. Именно в силу этой своей особенности отечественная война явилась выдающимся событием и в экономической истории России.

Москва была, как сказано, сосредоточием фабричной промышленности России. Неудивительно, что как в самой Москве, так и по пути движения наполеоновских войск погибло множество фабричных заведений. Некоторые отрасли фабричной промышленности были почти целиком уничтожены наполеоновским нашествием.

Первая частная бумагопрядильная фабрика была устроена в России купцом Пантелеевым в 1805 г. Континентальная система, крайне затруднившая подвоз в Россию английской бумажной пряжи, вызвала учреждение в Москве еще несколько таких же фабрик. К 1812 г. в Москве их было уже 11. Фабрики эти приобрели такое значение, что собственники их обратились к правительству с просьбой о запрещении ввоза в Россию иностранной бумажной пряжи. Пожар Москвы уничтожил все эти фабрики, причем фабриканты оказались не в силах возобновить производство по очищении Москвы неприятелем. В результате, в России осталась только одна бумагопрядильная фабрика, правда очень крупная, казенная Александровская мануфактура в Петрограде, основанная еще в 1799 г. со специальной целью содействовать распространению в России машинного прядения и ткачества. События 1812 года надолго прервали развитие нашего бумаго-прядильного производства и частные бумагопрядильни начинают основываться в России только с конца двадцатых годов XIX века.

Нашествие Наполеона привело к уничтожению и многих других московских фабрик — шерстяных, шелковых, суконных, бумаготкацких и ситцепечатных; пострадали, как сказано, вообще все фабрики, лежавшие по пути следования великой армии. Последствия этого удара нашей фабричной промышленности были весьма важны. Надо иметь в виду, что русские фабрики, возникшие в очень большом числе в XVIII веке, явились школами промышленного искусства для массы русского населения. В этом отношении между условиями русского промышленного развития и западно-европейского существует глубокое различие, так как на Западе крупному капиталистическому производству предшествовала высокая промышленная культура иного типа, средневековая цеховая промышленность; в России же положение было совершенно иное. Россия не

знала ничего аналогичного средневековому городскому ремеслу и не обладала до эпохи появления у нас крупной промышленности никакой сколько-нибудь развитой промышленной культурой. Крупные фабрики являлися у нас поэтому рассадниками промышленной культуры и чрезвычайно существенно содействовали повышению производительности промышленного труда. В то же время, производство на этих фабриках (которые, употребляя точную экономическую терминологию, были не фабриками, а мануфактурами) имело в огромном большинстве случаев не машинный, а ручной характер. Производство велось при помощи ручных и очень несложных инструментов, которые каждый крестьянин мог завести и в своей собственной избе.

Благодаря этому возникновение фабрик дало в России могучий толчок к развитию кустарной промышленности. Бывшие фабричные рабочие, возвращаясь к себе домой, начинали производить в своей избе те же товары, которые они изготовляли прежде на фабрике. Кустарная изба с большим успехом конкурировала с фабрикой, и нередко фабрика в результате этой конкуренции должна была приостановить производство, перемещавшееся окончательно в избу кустаря и мелкую мастерскую.

Этот своеобразный ход русской промышленной эволюции в первой половине XIX века был значительно усилен и ускорен войной 1812 года, которая разорила множество фабрик, но не лишила бывших фабричных рабочих приобретенного ими промышленного искусства.

Так, напр., чрезвычайно энергичное развитие в некоторых районах Владимирской губернии кустарной промышленности находилось в непосредственной связи с наполеоновским нашествием. В селе Иванове уже в XVIII веке было сильно распространено ткачество льна и набойка по льну. Но бумажное ткачество и набойка по бумажной ткани начинает приобретать большое значение в Ивановском районе только после 1812 г. в связи с уничтожением московских фабрик. Первое десятилетие после этого года осталось надолго в памяти ивановских жителей, как „золотое время".

Вот, напр., как описывает это время один знаток местной истории, — промышленный деятель пятидесятых годов прошлого века Несытов. „Знаменитую эпоху 1812 — 1822 гг. можно считать для ситцевонабивной промышленности Владимирской губернии самой счастливой и благодетельной, особенно для набойщиков. В то время набойщик нанимался чуть ли не на вес золота, — так тогда ценно было его искусство. Прилежный и ловкий набойщик при помощи своего небольшого семейства мог приготовить в день до двадцати штук ситца прогаландривал их у посторонних на машине, где ему складывали ситцы в штуки, прессовали и в таком опрятном виде товар

поступал в полное распоряжение набойщика, который получал уже название мелочника, кустарника или горшечника. В первый базарный день этот горшечник продавал свои товары в селе Иванове купцам, приезжавшим из разных мест для покупки ситцев". По словам другого знатока истории села Иванова, Гарелина, бывшего впоследствии крупным ивановским фабрикантом и много писавшего об этом селе, после московского пожара спрос на набойщиков в Иванове настолько повысился, что они без труда зарабатывали по 100 рублей ассигнациями в месяц. Около этого времени совершился переход многих кустарей набойщиков в крупные фабриканты.

„Это время, — говорит Гарелин, — для набойщиков было золотым и только ленивый да разгульный не составили себе капитала исключительно набивным мастерством". Скопить себе небольшой капитал для набойщика было совсем не трудно. Миткаль можно было всегда получить в кредит. Капитал оборачивался необыкновенно быстро. За несколько дней набойщик успевал набить миткаль и придать ему окончательную обделку, а в первый базарный день в Иванове он мог легко ситец продать купцам, с'езжавшимся в Иваново со всей России. Таким образом началась история многих крупных торгово-промышленных фирм в России. „Большая часть фабрикантов села Иванова и вообще Шуйского уезда возвысилась в капиталах своих от счастливого перехода из набойщиков в фабриканты — капиталисты", говорит Несытов.

Но не только набойный и бумаготкацкий промыслы села Иванова развились под непосредственным влиянием московского разорения. Московские статистики, исследовавшие кустарную промышленность Московской губернии, уже давно обратили внимание на тот факт, что большая часть крестьянских промыслов относительно недавнего происхождения, очень многие из них возникли в начале XIX века. Тоже самое подтверждается относительно других промышленных губерний — не только Владимирской, но и Ярославской, Костромской и др. И вот не подлежит сомнению, что целый ряд чрезвычайно важных промыслов в губерниях московской группы ведет свое начало от „французского" года, по выражению кустарей.

„Французский" год ускорил ту промышленную эволюцию, которая определялась общими условиями русского хозяйственного развития, — эволюцию, выражающуюся в росте кустарной промышленности на счет фабричной, что было характерно для России первой половины прошлого века.

Непосредственным результатом великой борьбы России с Наполеоном были некоторые важные события в области нашей таможенной политики. Как сказано, тариф 1811 г. имел по многим статьям совершенно запретительный характер. Тариф этот, при выработке которого имелись в виду определенные политические соображения, возобновлялся в неизменном

виде вплоть до 1815 г. Запретительная система была не популярна в русском дворянском обществе, мало заинтересованном в развитии промышленности, но очень тяготившемся связанным с этим тарифом вздорожанием фабричных продуктов.

Министерство финансов, в лице своего главы Гурьева, также относилось к этому тарифу с большим несочувствием Напротив, государственный канцлер гр. Румянцев выступил с очень решительной защитой запретительной системы. Он представил государю записку некоторых московских фабрикантов, в которой говорилось, между прочим, следующие: „Слухи прошли, что будто идут рассуждения о тарифе и якобы есть наклонность ныне существующий тариф отменить и будто-бы прилагать старание, чтобы новым тарифом на будущее время разрешить привоз в Россию ныне запрещенных товаров; буде сие справедливо, что оные запрещенные товары к привозу позволятся, то в нынешнее несчастливое время разорения от неприятеля грабежом и огнем, от разрешения товаров последует заводчикам вторичное разорение". Присоединяясь к этим соображениям, Румянцев с своей стороны замечает: „Какой мотив мог бы побудить правительство изменить началу, которого пригодность была доказана в течение долговременного применения его к таможенной системе и которое оказало народу столь значительное благодеяние? Если это только слухи о том, что московские фабрики совершенно разорены пожаром и не могут производить товаров, то это несправедливо. Москва восстала из пепла с прежней энергией и с прежним трудолюбием, и ее промышленные заведения быстро восстанавливаются". Последнее утверждение было совершенно неверно, так как, как выше было указано, многие московские фабрики совершенно прекратили производство и более не возобновлялись.

На некоторое время сторонники запретительной системы восторжествовали, и Александр предписал проект министра финансов оставить без движения. Но в скором времени соображения внешней политики заставили Александра склониться к отмене запретительной системы, бывшей, как сказано, крайне непопулярной среди дворянства того времени.

На Венском конгрессе были заложены начала нового строя международных отношений. Александр решил и в экономической области принять меры к сближению России с другими европейскими странами. Надобность в этих мерах вытекала, между прочим, и из условий получения нами царства Польского. На Венском конгрессе было, как известно, постановлено, что области бывшего Польского Королевства должны сохранить между собой известные торговые связи.

Уже в 1816 г. Александр решительно порвал с прежней запретительной системой обнародованием нового тарифа, который хотя и сохранил в силе запретительные статьи прež-

него тарифа, но в тоже время допускал к привозу целый ряд товаров, запрещенных прежним тарифом. За этим первым шагом последовали другие, более решительные. В 1817 г. в соответствии с постановлениями Венского конгресса была учреждена в Варшаве трехсторонняя комиссия из представителей России, Австрии и Пруссии для выработки таможенного тарифа царства Польского.

Представители Австрии и Пруссии настаивали в этой комиссии на облегчении привоза товаров их стран не только в царство Польское, но и в пределы России. В конце-концов, после многих переговоров и перенесения их в Петербург, важнейшие из этих домогательств были удовлетворены, и в 1818 г. получила ратификацию конвенция с Австрией, а в следующем году и с Пруссией. В связи с этими конвенциями 20 ноября 1819 г. был издан новый таможенный тариф для всей империи, согласно которому начала, положенные в основу тарифа царства Польского, были распространены и на Россию.

Тариф этот был одним из самых либеральных, когда-либо действовавших в России. Запретительные статьи были отменены, и все товары были дозволены к провозу под условием оплаты сравнительно очень умеренных пошлин.

Последствием резкого перехода к новой таможенной системе явилось огромное увеличение ввоза в Россию иностранных товаров, как видно из нижеследующих данных.

	Общий привоз по европейской торговле в тыс. рублей	В том числе привоз изделий			
		Бумажных	Шелковых	Льняных	Шерстяных
1819 г.	155.454	7.894	2.263	420	11.966
1820 г.	227.349	22.930	10.491	2.380	22.352
1821 г.	196.192	18.949	9.227	1.657	28.862

Вполне естественно, что наши промышленники были очень недовольны отказом правительства от запретительной системы. Начались, как это всегда бывает в подобных случаях, жалобы на невозможность продолжения производства при новых таможенных условиях. Гр. Канкрин впоследствии не обинуясь, заявлял, что тариф 1819 г. убил русскую промышленность.

Сопротивление промышленников новому тарифу быстро оказало свое действие и уже в марте 1821 г. в официальной С.-Петербургской газете появилась статья, в которой было об'явлено об отказе правительства от нового тарифа. В статье этой указывалось, что русские мануфактуры погибают при действующем тарифе и что другие государства остались при прежней запретительной системе, в то время как Россия коренным образом изменила свой тариф. Этими соображениями обосновывалась необходимость вернуться к прежней системе таможенной политики.

Однако цифры показывают, что ничего похожего на гибель наших фабрик под влиянием нового тарифа в действительности не произошло. Вот данные о числе фабрик в России и занятых на них рабочих за три года:

	Число фабрик и заводов в империи	Число занятых на них рабочих
1819 г.	4.531	176.635
1820 г.	4.578	179.610
1821 г.	4.658	183 354

Отсюда с полной ясностью видно, что никакого удара русской фабричной промышленности либеральный тариф 1819 г. не нанес. Несмотря на это, Россия возвращается в 1822 г. к старой запретительной системе, которая господствовала и до войны — кратковременное увлечение новыми экономическими идеями миновало.

М. ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ

ВОЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ [1])

Хотя идея учреждения военных поселений, как говорят историки, была не нова [2]) — она бродила и у императора Павла, высказывалась польским публицистом Сташицем, находила себе некоторое осуществление в устройстве австрийской военной границы и т. д., тем не менее, по всей справедливости, это „небывалое великое государственное предприятие" должно быть всецело отнесено на долю личного творчества императора Александра I.

Родилась ли эта „счастливая мысль" во „всеоб'емлющем уме" Александра, как об'являл в одном из своих приказов 1826 г. Аракчеев, или она пришла ему при чтении статьи профессора Сервана Jur les forses frontieres des états, как думал Шильдер, при знакомстве ли с ландверной системой Шарнгорста (мнение А. Н. Петрова) — во всяком случае Аракчеев имел право в цитируемом приказе сказать, что „сие новое, никогда, нигде на принятых основаниях небывалое вели-

---

[1]) Из статьи С. П. Мельгунова. „Правительство и общество после войны". В 7 томе издания „Отечественная война и русское общество". Изд. Сытина М. 1912, стр. 209 — 221.

[2]) „Военные поселения" существовали еще в XVII в. — говорит полковник А. С. Лыкошин, — для защиты пограничных областей от набегов кочевников на южных и восточных окраинах России. В XVIII в. были организованы военные поселения во внутренних губерниях из нижних чинов, уволенных в отставку за ранами, болезнями и старостью (Лыкошин „Военные поселения" во II т. „Великой Реформы"). Но едва ли военные поселения александровского времени имели даже по идее что-либо общее с поселениями на сторожевых постах XVIII в.

кое государственное предприятие, справедливо обратившее на себя внимание целой Европы, обязано своим началом и осуществлением величайшему из царей". Генерал Маевский, служивший в военных поселениях, свидетельствует, что он вместе с Аракчеевым читал проект их учреждения, собственноручно написанный императором. И другой сослуживец Аракчеева, Мартос, тоже подтверждает, что Аракчеев выставил себя только исполнителем воли монарха. Но как бы то ни было, именно Аракчеев явился главным проводником в жизнь идеи императора, и 29 июня 1810 г., получив уведомление, что военные поселения поручают его ведению и заботам, он в таких восторженных словах благодарил за оказанную ему милость: „Я не имею столько ни разума, ни слов, чтобы из'яснить, батюшка ваше величество, всей моей благодарности". Аракчеев и испортил, по мнению Свербеева, „благую мысль" Александра. „Благая мысль" заключалась в том, чтобы не отрывать крестьян в мирное время от земледельческих занятий, а вместе с тем облегчать государственный бюджет по содержанию армии. Первый опыт был сделан в 1810 г., когда поселен был Елецкий мушкатерский полк в Климовицком уезде, Могилевской губернии. И первый уже опыт мог быть зловещим предзнаменованием того, как в жизни будет осуществляться „великодушное побуждение". При осуществлении великого замысла на первых же порах не считали нужным учитывать интересы тех, кого хотели облагодетельствовать. Судьба несчастных крестьян Могилевской губернии, выселенных в Харьковскую, чтобы очистить место для первых военных поселенцев, в этом отношении удивительно характерна: по словам современников, лишь „немногие достигли" места своего нового жительства, — большинство умерло „от голода".

События 1812 г. приостановили развитие военных поселений. Зато теперь, с 1816 г., принялись за них с еще большей энергией, так как для развития их явился новый повод: благодарность армии за славу, данную России и ее государю.

„В награду" давалась оседлость, которая должна была содействовать „улучшению состояния воинов". „Желая, с одной стороны, из'явить особенное внимание к заслугам победоносных наших воинов, — гласила грамота, данная 21 марта 1821 г. Украинскому Уланскому полку и перечислявшая все преимущества военных поселений, [1]) — с другой, отвратить всю тягость, сопряженную для любезноверных подданных наших с ныне существующей рекрутскою повинностью, по коей поступившие на службу должны находиться в отдалении от своей родины, в разлуке со своими семействами и родными, что естественно устрашает их при самом вступлении в службу, и с тоскою по своей родине ослабляет их силы, и новое их состояние делает

[1]) Она повторяла содержание грамот предшествующих.

им несносным. С отеческим попечением, занимаясь средствами сделать переход сих людей в военное состояние нечувствительным и самую службу менее тягостною, мы положили в основание сему то правило, чтобы в мирное время солдат, служа отечеству, не был отдален от своей родины, и посему мы приняли непреложное намерение дать каждому полку свою оседлость в известном округе землею и определить на укомплектование оного единственно самих жителей сего округа". В такую форму вылилась идея военных поселений, и когда они „окончательно устроятся", тогда в России „не будет рекрутских наборов", как по словам Якушкина, заявил Александр П. Д. Киселеву, не сочувствовавшему любимой идее императора. Эту идею создания „военной касты с оружием в руках и не имеющую ничего общего с остальным народонаселением", Якушкин называет не только вредной, но и бессмысленной. В действительности за официальными грамотами, в которых рисовались идиллические картины будущего благополучия воинских чинов, скрывалась и другая мысль, которую верно отметил А. Н. Пыпин. „Учреждения воинских поселений надо поставить в связь с европейской политикой Александра: это была попытка создать огромную армию, которая обеспечивала влияние России и спокойствие Европы". Утопичность этой мечты была официально засвидетельствована уже при приемнике Александра.

На первых порах для военных поселений не было выработано какой-либо определенной системы. Они развивались на опыте и регулировались отдельными мерами, которые затем становились общей нормой.[1]) Общее положение заключалось в том, что солдат одновременно должен был сделаться и земледельцем. Первоначально коренные жители местности, избранной для учреждения военных поселений, переселялись в другой край. Но солдаты, отвыкшие от сельского хозяйства, оказались плохими хлебопашцами, поэтому, при дальнейшем развитии военных поселений, коренные жители местности, назначенной для учреждения военного поселения, также зачислялись в военные поселенцы. Из этих коренных жителей, женатых и отличавшихся „совершенно беспорочным поведением", выбирались „хозяева, получавшие земельный надел". В эту привилегированную группу попадали и лучшие нижние чины поселяемого полка. Другие местные жители, годные к военной службе, зачислялись в помощники хозяев, жили у последних, работая на них и имели надежду впоследствии самим сделаться хозяевами „посредством женитьбы с коренными жителями и помещения у бездетных, по их согласию, избранных ими себе в наследники". Эти помощники числились в действующих частях полка. Воинские чины поселенных частей, т.-е. поселяне-

[1]) Общие правила получили утверждение лишь 23 мая 1820 г.

хозяева избавляются навсегда от похода и от необходимости переносить разные неизбежные с тем неудобства и недостатки, но будут жить в своих домах неразлучно со своими семействами, иметь всегда свежую и здоровую пищу и другие удовольствия жизни и обращая в свою собственность все то, что от самих их зависит приобресть рачительным возделыванием земли и разведением скота, умножать тем, год от года, состояние свое и упрочить оное своим детям" — так определяются выгоды оседлости в „правилах", разработанных Аракчеевым и высочайше утвержденных 13 июля 1818 года. Чины действующих частей „в мирное время также станут жить в домах сотоварищей своих, чинов поселенных и разделяя с ними упражнения их, пользоваться тою пищею, какую сами они употребляют, а выступая в поход не будут уже заботиться об участи жен и детей своих и о целости своего имущества, потому что все сие в поселенных эскадронах будет и без них призрено, успокоено и сбережено их товарищами, так точно, как бы самими ими".

Исключительно из военных поселян должен был комплектоваться полк; все остальные жители уездов, где учреждены поселения, освобождались в мирное время от рекрутских наборов и за это несли лишь в усиленных размерах другие повинности. Всех военных поселян одели в форменную одежду и обязали до 45 лет одновременно выполнять и фронтовые занятия и земледельческие работы, т. - е. действительно „хлебопашца принудили взяться за ружье, а воина за соху". Воин должен был проникнуться мыслью, что „земледельческие и все прочие по хозяйству занятия по важности и ответственности равны как бы по службе во фронте". Хлебопашец должен был иметь „твердое знание всего касающегося до военной экзерциции", — так гласили цитированные выше правила.

После 45-летнего возраста военный поселянин попадал в число „инвалидов", употребляемых уже для других хозяйственных надобностей. Дети военных поселенцев, зачисляемые в кантонисты с семи лет, обмундированные в форменную одежду также „принадлежали полку". До 12 лет оставаясь при родителях, они обучались в школе; от 12 до 18 лет приучались к хозяйству, помогая родителям, и занимались фронтовой службой. Далее из способных к службе комплектовались действующие части поселенного полка, остальными замещались нестроевые должности (правила 11 мая 1817 г.).

Такова в общих чертах была организация военных поселений. Волость с военными поселениями была из'ята из ведения гражданского начальства (земская полиция имела право в'езжать в волость „не иначе, как и тогда только, как батальонный командир признает нужным"). Всей хозяйственной частью в военных поселениях распоряжался также полковой комитет. Вся эта организация создалась попечениями гр. Аракчеева,

который имел „главные заботы“ о Высоцкой волости, Новгородской губ., где был поселен в 1816 г. 2-й батальон гренадерского имени его полка. Устройство этих поселений должно было служить „образцом для прочих поселений“, как сообщает Аракчеев в докладе, представленном императору 11 января 1817 г. [1]). Теоретическая бессмыслица получает характер чего-то ужасающего, потому что Высоцкая волость до точности воспроизводит порядки, царившие в грузинской вотчине гр. Аракчеева. А так как по всей России военные поселения осуществляются по однообразному плану, то эти знаменитые порядки распространяются повсюду, где возникают военные поселения. Грузинская вотчина имела блестящий вид: повсюду чистота и как будто бы довольство. Всюду проведены шоссейные дороги, устроены прекрасные строения, и даже „мирские банки“ и т. д. Впечатление от благоустройства такое, что Александр при посещении Грузина в 1810 г. не мог не удержаться от благодарственного рескрипта образцовому хозяину: „Быв личным свидетелем, — пишет Александр 21 июля, — того обилия и устройства, которые в краткое время, без принуждения (?!) одним умеренным и правильным распределением крестьянских повинностей и тщательным ко всем нуждам их вниманием успели вывести в ваших селениях, я поспешаю изъявить вам истинную мою признательность за удовольствие, которое вы мне сим доставили, когда с деятельною государственною службою сопрягается пример частного доброго хозяйства, тогда и служба и хозяйство получают новую цену и уважение“. Александр ошибся, однако, в том, что блестящее состояние грузинской вотчины было достигнуто „без принуждения“. Письменные приказы грузинского гран-сеньера, регламентирующие до мелочей жизнь его верноподданных рабов, опровергают в достаточной мере необоснованное суждение Аракчеевского друга. Эти приказы и целые даже „положения“ о метелках, при посредстве которых наводится блеск и чистота, вмешиваются в самые интимные семейные дела. Что может быть характернее знаменитого приказа Аракчеева о рождении детей. „У меня всякая баба должна каждый год рожать и лучше сына, чем дочь. Если у кого родится дочь, то буду взыскивать штраф. Если родится мертвый ребенок или выкинет баба — тоже штраф. А в какой год не родит, то представь десять аршин точива“. Аракчеев по списку определял: кому на ком жениться, но и после женитьбы не оставлял своих подданных в покое. Им издаются даже „краткие правила для матерей-крестьянок грузинской вотчины“ о кормлении грудных младенцев. Таков был попечительный грузинский по-

[1]) Все эти правила, доклады и т. д. приведены в приложениях к очерку А. Н. Петрова „Исторический обзор устройства и управления военных поселений“ в книге, изданной „Русской Стариной“ в 1877 г. „Гр. Аракчеев и военные поселения“.

мещик, но у него была и другая черта, за которую Вигель называл Аракчеева „раз'яренным бульдогом", а именно жестокость. Нарушение всех многочисленных приказов в грузинской вотчине влекло самое строгое наказание: у каждого крестьянина в кармане должна была находиться особая „винная книжка", также велись и особые журналы наказаний. Если Аракчеев „с нижними чинами поступал совершенно по собачьи", то еще меньше он стеснялся со своими личными рабами. „Я имел случай узнать всю его (Аракчеева) коварность и злость, — пишет сослуживец графа Мартос, — превышающую понятие всякого человека, образ домашней жизни, беспрестанное сечение дворовых людей и мужиков, у коих по окончании всякой экзекуции сам всегда осматривает спины". Для наказания своих „добрых крестьян", которых Аракчеев любит „как детей" (о чем свидетельствует он в 1812 г. в письме к новгородскому губернатору Сумарокову), в Грузинской вотчине существовала сложная система. Так, на женщин надевались рогатки и в таком виде заставляли их в праздник молиться в соборе. В графском арсенале всегда стояли в то же время и кадки с рассолом, в которых мокли орудия сечения. За первую вину граф сек своих дворовых на конюшне; за вторую отправлял в Преображенский полк, где виновных наказывали особо толстыми палками — аракчеевскими; по третьей вине экзекуция совершалась при помощи специалистов — палачей из Преображенского полка уже в грузинском дворце, перед кабинетом или в той библиотеке, в которой на ряду с порнографическими произведениями было так много книг благочестивого и сентиментального свойства. Так как граф имел обыкновение лично осматривать — должным ли образом наказаны виновные, то во избежание повторения экзекуции, наказанные нередко кровью животных покрывали рубцы на исполосованной спине. В усадьбе была и своя домашняя подземная тюрьма, изысканно именуемая „Эдикул", где неделями и месяцами сидели нарушившие хозяйственные „приказы" грузинского вотчинника. Не уступала в своих зверских инстинктах Аракчееву его домоправительница и любовница Анастасия Минкина — эта „великомученица" (по отзыву арх. Фотия), убитая крепостными. Она, как и ее возлюбленный, вырывала кусками мясо, и особенно у тех дворовых девушек, до которых был так падок ее сластолюбивый повелитель, упивавшийся чтением книг о ласках любовников. Любитель „благочестия", как и подобало, после зверского истязания любил прочитать „презренному преступнику" назидательное нравоучение. Иногда, для большей изысканности или благочестия, наказуемые поролись при пении хором к р а с и в ы х девушек: „Со святыми упокой, господи". Вот что из себя представляла грузинская вотчина графа Аракчеева, достойная, по мнению Александра, особенного уважения.

Тоже самое было осуществлено и в военных поселениях. Здесь было еще хуже, потому что к ужасам крепостного прибавлялись еще и ужасы тогдашней военной дисциплины [1]), того тиранства, которое делало военную службу, по выражению Якушкина, почти „каторгой". Там, где господствовала аракчеевская палка, жестокости должны были удесятеряться, тем более, что и состав офицерства в военных поселениях был самый низкий, так как служба здесь вызывала у большинства в буквальном смысле слова „омерзение". И при таких условиях звучало большой иронией требование, чтобы поселенный офицер „был кроток, терпелив, справедлив и человеколюбив". На военных поселениях муштровка не только не уступала общеармейской дисциплине, но, пожалуй, даже превосходила ее. Не даром такой любитель солдатчины, известный уже в то время „за жестокое обращение с офицерами и солдатами, за беспрерывные мелочные придирки по службе", — великий кн. Николай Павлович, осматривавший новгородские военные поселения вместе с братом утверждал, что он в гвардии никогда не видел таких учений. О том же фронтовом совершенстве, не раз засвидетельствованном официально, говорит нам и другой современник, гр. Чернышев.

Нетрудно себе теперь представить, как жилось тем, которые должны были соединить соху с обучением ружейным приемам и другим всевозможным военным экзерцициям. Военное поселение это — в сущности полковой лагерь, где повседневная жизнь регламентируется уставами и соответствующими предписаниями начальства. И по внешней форме военное поселение напоминает, как бы постоянно правильно распланированный лагерь: впереди — дорожка для начальствующих лиц, сзади — для поселян. В новгородских поселениях все дома выстроены по одному образцу, каждый для четырех поселян — хозяев. На внешнее оборудование „образцовых" поселений затрачиваются огромные деньги, дабы все отличалось той аккуратностью и единообразием, которые так любил и в своем личном поместье гр. Аракчеев. Уничтожаются все препятствия, мешающие однообразию, хотя эта пунктуальность в распланировке подчас стоит колоссальных сумм: считают, что на организацию военных поселений затрачено более 100 мил. руб. Аракчеев вообще любил строить, отчасти, как оказывается, из честолюбивых замыслов: „надо строить и строить, ибо строения после нашей смерти некоторое хотя время напоминают о нас, а без того со смертью нашею и самое имя наше пропадет". Аракчеев ошибался, дела его не забыты потомством и, вероятно, никогда не будут забыты; строения же военных поселений давно уже разрушились. Быть-может, только в заштатном городе Чугуеве, Волчанского уезда, Харь-

[1]) См. статью А. А. Кожевникова.

ковской губ., сохранилась архитектурная особенность, говорящая, что здесь некогда было учреждение — пока еще единственное в мировой истории. И Аракчеев строил и достигал успеха „в той мере, какую только позволяли все усилия человеческие“ (его собственное выражение в докладе императору 4 ноября 1818 г.). В военных поселениях „все“ было „придумано ко благу человека“ — как выражался Маевский: „самые отхожие места — все царские“. И чего только не было в военных поселениях: чистые шоссированные улицы на несколько верст, освещенные ночью фонарями, бульвары, госпитали, богадельни, школы, заводы, заемные банки, прекрасные дома (в которых жители, однако, зимой мерзли), в окнах занавески, на заслонках печей — амуры, родильные с ванными и повивальными бабками; при штабе военных поселений существуют литографии (в то время еще большая новость), издается даже свой собственный: „Семидневный листок военного поселения учебного батальона гренадерского графа Аракчеева полка“. Не было только одного — человеческого отношения к тем, которых хотели облагодетельствовать столь оригинальным образом.

Жизнь в военных поселениях идет по раз заведенному масштабу, с соблюдением всех предписаний воинских уставов. Хозяйственные работы производятся ротами под наблюдением офицеров: отлучка на ночь допускается лишь с разрешения ротного командира. Женитьба и замужество совершаются также по приказу начальства, хотя официально в „положениях“ и говорится, что „брачные союзы совершаются не иначе, как по обоюдному, не принужденному, добровольному на то согласию жениха и невесты“. В действительности вопрос о брачных союзах разрешался проще, именно так, как это практиковалось исстари в грузинской вотчине. Составляются списки тем, кому пришла пора жениться или выходить замуж. В назначенный день собирают кандидатов для брачного союза и по жребию намечают пары. А дальше — тоже, что и в грузинской вотчине. Вигель имел полное право сказать про военные поселения: „женщины не смели родить дома: чувствуя приближение родов, они должны были являться в штаб“.

Одним словом, регламентируются все семейные отношения, все подробности обыденной жизни. Особенное внимание обращается на нравственность поселян, которым предписывается быть „попечительным отцом“, „добрым мужем“, „надежным другом и товарищем“ (последнее при развитой и усиленно покровительствуемой системе доносов). „Добронравное обхождение в кругу своего семейства,—гласит „правило“,—является как бы порукою по себе начальству в хороших качествах“... Весьма скоро, как официально констатировал Аракчеев, военные поселения крестьянам „очень полюбились“. Дети и взрослые „приняли свойственный солдату вид“, изучив солдатскую

муштру, по доброй их воле без принуждения—„можно сказать играючи". Также процветали и хозяйственные работы. Во время официальных обозрений военных поселений Аракчеев получал со всех сторон восторженные отзывы: „Все торжественно говорят, что совершенства в них по части фронтовой, так и экономической, превосходят всякое воображение", замечает современник. Все почетные гости, иностранные принцы и посланники считают своей обязанностью с'ездить на Волхов и осмотреть это „удивительное чудо". Чудо удивительное в действительности: „там, где за восемь лет были непроходимые болота, видишь сады и огороды", писал в 1825 году Карамзин.

„Кроме похвалы, никто из моего рта другого не слыхал", сообщает Александр верному исполнителю своих идей после осмотра новгородских поселений в 1822 году; „чудесными военными поселениями" восторгается в 1825 г. Сперанский, выставлявший в своей брошюре о военных поселениях в их пользу те самые аргументы, которые ложились в основу их при учреждении: неудобство и тяжесть рекрутчины, уменьшение государственных расходов на армию при новых условиях ее комплектования и, наконец, что особенно важно, наделение в собственность земли крестьянам-воинам [1]). Удачное начало заставляло развивать военные поселения, число округов которых с каждым годом растет. В 1825 году население округов военных поселений состояло уже из 378.480 человек. Помимо новгородских поселений на Волхове и близ Старой Руссы, имеются таковые в Петербургской, Могилевской, Слободско-Украинской, Херсонской и Екатеринославской губерниях. Но в действительности, несмотря на внешнее процветание, как должны были признать и современники, основные цели военных поселений не достигались. На это указывал уже

[1]) Аракчеевские льстецы не останавливались ни перед какими похвалами военным поселениям, „основанным на истинном человеколюбии и выгодах общественных". Вот что писал, напр., о преимуществах военных поселений неизвестный нам, довольно чувствительный автор одной из записок, поданных Аракчееву: „Что может быть ужаснее зрелища для каждого, имеющего хоть малейшее сострадательное сердце, с понятием о человечестве, как производство рекрутских наборов в России"... Человек определенный „в почетное звание солдата, не сделав еще никакого преступления, ведется для отдачи на военную службу, как преступник под звуком кандалов"... „В казенных имениях, а наиболее в помещичьих, стараются сбыть в службу развращенных и порочных людей и там почтенное звание солдат делают наказательным". Военные поселения имеют перед рекрутством огромное преимущество уже потому, что сыновья „родятся в военном звании, всасывают в себя с молоком матери дух воинственный". Кроме того, военные поселения „доставляют способы открывать природные способности: из сего класса людей могут выходить великие люди, как были примеры в России Ломоносовых, кн. Меньшиковых, и пр., и природой даро-ванные гении не будут исчезать под сохою". Как же после этого не считать военные поселения не только полезным, но „даже необходимым для Российского Государства?"

Барклай-де-Толли: „вместо чаемого благоденствия“ поселенец подпадает „отягощению в несколько раз большему и несноснейшему, чем самый беднейший помещичий крестьянин“, и тем самым уничтожается даже и мечтательное утешение военного поселянина на будущее его благосостояние“. „Нельзя ожидать,— говорил правдивый генерал,— ни успокоения воинов, ни улучшения их состояния, а в противоположность должно даже опасаться упадка военного духа в солдатах и жалобный ропот от коренных жителей“.

Эта „ужасная система“ (по выражению Карамзина), ошибочная в своем основании, не могла иметь никаких положительных результатов уже потому, что хозяйство в военных поселениях велось в действительности самым безобразным образом: оно не облегчало казны и разоряло крестьян. По словам Брадке, богатый крестьянин делался бедным после приписки к военным поселениям. „Иначе и не могло быть при аракчеевской системе, руководившейся, по словам Маевского, правилом: „нет ничего опаснее богатого поселянина. Он тотчас возмечтает о свободе и не захочет быть поселянином“. Несмотря на огромные затраты на организацию поселений, несмотря на то, что с каждым годом росли капиталы [1]) военных поселений (из которых даже субсидировалось военное министерство), получавших все новые и новые льготы, население в такой же пропорции бедняло. „Обиравшиеся со всех сторон поселяне-хозяева с трудом могли прокормить себя, а между тем,— говорит А. Н. Петров — они обязаны были постоянно даром кормить своих постояльцев [2]) из солдат поселенных войск, доставлять овес и сено для полковых конных заводов и исполнять четыре дня в неделю казенную работу, а за поденную плату получать по 10 коп. в день“.

В теории через три года по образованию округа военных поселений все войска, находившиеся в поселении, должны были находиться на полном содержании поселян без всяких расходов из казны. Поэтому постепенно уничтожались все привилегии, даруемые коренным жителям при переходе на поселение, прекращалась и выдача казенного провианта в виду того, что „теперь хозяева настолько обжились, что не только в том не нуждаются, но даже отказываются, и подобные выдачи только идут на пирушки“. Данные о жизни военных поселян, собранные в 1821 году полуофициальным путем, показывают довольно ярко, какую нужду испытывали в действительности военные поселяне: при официальных осмотрах фигурировал жареный поросенок, который из одной избы переносился в другую, в обычное же время у поселян мяса

---

[1]) Капиталы эти Аракчеев в 1823 г. исчислял в 17 639 392 р., А. С. Лыкошин исчисляет эти капиталы к концу царствования Александра в 32 мил.

[2]) Трех или четырех, а наиболее достаточные хозяева из 7 — 9.

„никогда не было, соли не бывает" „часто дней по 10". „Роты обыкновенно собираются в батальонный штаб на трое суток для учения, ходят всегда на таковые с одним только хлебом, без всякого приварка". При такой еде фронтовые занятия происходят от 6 час. утра до 11 час. и от 2 после обеда до 10 час., при чем „между учением метут тротуары и чистят канавы перед строением", „праздничных дней во все летнее время не имеют" ... „заставляют ночью плести лапти к будущему дню" и т. д. Не мудрено, что при таких условиях „все поселяне изнурены так, что похожи больше на тени, нежели людей". При таком усердии благосостояние крестьян-воинов должно было быть нищенским еще и потому, что хозяйственные распоряжения военного начальства были весьма нецелесообразны. План летних хозяйственных работ, определяемый Арачкеевым, можно характеризовать одним примером из 1825 г.: „люди, живущие за 80 верст,— рассказывает Маевский,— должны были, подобно волне, сменять одну другую, не оставаясь дома и двух часов". Конечно, это грозило полным разорением для поселян, но тем не менее пунктуальный Аракчеев ни за что не соглашался отменить свой несуразный план: „Печатного моего приказа ни за что не переменю прежде двух лет,—заявил он Маевскому.—А ты сделай, как хочешь, чтобы и волки были сыты, и овцы целы" ... „Бережливость и чистота погребли пользу всего учреждения". И это, пожалуй, до некоторой степени верно. Когда нужно было белить избу или нечто подобное, то все уже отступало на задний план. Пусть сыплется рожь — прежде всего гигиена. В конце-концов, какова была действительность указывает тот факт, что число рождавшихся (о чем весьма, как мы знаем, заботился Аракчеев) в военных поселениях было значительно меньше умиравших. „При десятой доле умирающих, — рассказывает служивший в военных поселениях инженер Панаев,— смертность не считалась большой, когда умирала 1/8, тогда производилось следствие". Отсюда „надежды на избавление губернии от рекрутской повинности сделались пустою мечтою" — официально признавалось в 1826 г.: „ясно видно, что едва ли 6-я часть убыли может быть пополнена кантонистами".

Такова была оборотная сторона военных поселений, официально до 1826 г. процветавших и пользовавшихся любовью облагодетельствованных крестьян. Эта любовь к военным поселениям такого рода, что в 1817 г. несколько сот поселенцев останавливают вел. кн. Николая Павловича и на коленях просят их пощадить: „Прибавь нам подать, требуй из каждого дома по сыну на службу, отбери у нас все... но не делай всех нас солдатами"... Много раз они молят о защите „крестьянского народа от Аракчеева". В военных поселениях замечается эпидемия самоубийств, происходящих „по неизвестной причине", которая заключается в „невыносимости здешней

жизни". За мольбами идут протесты и волнения (они систематически происходят и при самом водворении военных поселений [1]), которые в сущности с самого начала вводятся насильственно. В 1817 г. происходит бунт в округе Новгородских военных поселений; в 1819 г. взбунтовались поселяне в Чугуеве, заявив: „не хотим военного поселения — это служба Аракчееву, а не государю". За бунтами следуют жестокие кары. Самые сильные волнения были в Чугуеве, где было арестовано 2 000 человек; 275 человек были приговорены военным судом „к лишению живота". 235 человек было отослано в Оренбург, причем не избегли наказания рогами и женщины. „Чувствительная душа" (выражение Александра I) Аракчеева смягчила наказание приговоренных судом к смертной казни: их было приказано наказать шпицрутенами, прогнав каждого через тысячу человек. Нескольким десяткам было дано от 3.000 до 12.000 ударов. В действительности наказание шпицрутенами было жестокой смертной казнью: припомним, что шпицрутен это гибкий, гладкий лозовый прут в диаметре несколько менее вершка, в длину — сажень.

Живого человека „рубили как мясо". Сам Аракчеев должен был признаться в письме к императору Александру, что „несколько преступников, самых злых, после наказания, законами определенного, умерли", и несмотря на такое жестокое истязательство, никто из истязуемых не принес повинной. Понятно, что на мыслящих современников, на всех тех, кого нельзя было зачислить в группу „паяцев самодержавия" (Н. Тургенев), истинное положение вещей в военных поселениях производило кошмарное впечатление. „Права собственности, права человечества — забыты", восклицал Н. И. Тургенев еще в 1817 г. Фактически осуществители идеи военных поселений, по словам Трубецкого, делались „предметами всеобщего омерзения, и имя самого императора не осталось без нарекания". И действительно, именно под влиянием известий о том, что происходит в военных поселениях, у И. Д. Якушкина появляется даже мысль о цареубийстве... До Александра, конечно, доходили слухи о „петербургских праздноглаголениях" как выражался Аракчеев. Но он считал военные поселения „одним из величайших дел своего царствования", считал их таковыми, вероятно, из обычного своего упрямства — ведь это была его мысль, его идея. И мы уже знаем, что когда ему указывали на отрицательные стороны военных поселений, он отвечал: „Они будут во что бы то ни стало, хотя бы пришлось уложить трупами дорогу от Петербурга до Чудова"... Действительность была не далека от этого, но об этой действительности „по воле государя" в 1825 г. было запрещено что-либо сообщать в печати. Поистине, военные поселения были венцом реакции. Они

[1]) Это, право, с „непривычки" по мнению Аракчеева.

были введены во имя благодарности за вечно незабвенную отечественную войну; таковы, следовательно, были и окончательные итоги войны: это были „цветущие поля“ и „блуждающие тени“, — самое несчастливейшее зрелище, по официальным отзывам 1826 г. „Если сличить одно с другим, — заключает историк военных поселений А. Н. Петров свой очерк, — то эти цветущие поля, со всей справедливостью, можно было бы назвать землею крови и скорби“...

Некоторые из будущих декабристов думали, что образование военных поселений должно послужить одной из причин „переворота“. И эти предположения нашли себе отклик в официальной записке 1826 года, представившей самую строгую критику опасности существования в государстве „нестерпимого порабощения“. „Можно-ли, — писал автор этой записки, по поручению императора Николая, собиравший сведения о положении военных поселений, — при настоящем брожении умов и при явно вероломных покушениях на ниспровержение престолов, равнодушно ведеть целые селения вооруженные, состоянием своим недовольные и под командою офицеров угнетенных — видеть все сие у ворот, так сказать столицы, и спать спокойно“. Автор приходил к выводу, что военные поселения „в политическом отношении“ есть „предприятие... опасное“. Военные поселения продолжали еще существовать; в них происходили бунты, усмиряемые с неменьшей жестокостью [1]), но самая идея военных поселений была подорвана.

С. МЕЛЬГУНОВ

---

1) При Новгородском бунте 1831 г. было осуждено до 3.000 человек, из которых умерло 7% под кнутом во время экзекуции.

II. ДОКУМЕНТЫ ДЕКАБРИЗМА

„РУССКАЯ ПРАВДА“ ПЕСТЕЛЯ[1])

1. Единая и неделимая Россия

Что же в особенности касается до России, то, дабы в полной мере удостовериться, до какой степени федеративное образование государства было бы для нее пагубно, стоит только вспомнить, из каких разнородных частей сие огромное государство составлено. Области его не только различными учреждениями управляются, не только различными гражданскими законами судятся, но совсем различными языками говорят, совсем различные веры исповедуют; жители оных различное происхождение имеют, к различным державам некогда принадлежали; и потому, ежели сию разнородность еще более усилить через федеративное образование государства, то легко предвидеть можно, что сии разнородные области скоро от коренной России тогда отложатся, и она скоро потеряет тогда не только свое могущество, величие и силу, но даже может быть и бытие свое между большими или главными государствами. Она тогда снова испытает все бедствия и весь неизъяснимый вред, нанесенный древней России удельною системою, которая также не что иное была, как род федеративного устройства государства; и потому, если какое-нибудь другое государство может еще сомневаться во вреде федеративного устройства, то Россия уже никак сего сомнения разделять не может: она горькими опытами и долголетними бедствиями жестоко заплатила за сию ошибку в прежнем ее государственном образовании. А посему, соединяя все сии обстоятельства в общее соображение, постановляется коренным законом Российского государства, что всякая мысль о федеративном для него устройстве отвергается совершенно, яко пагубнейший вред и величайшее зло. Избегать надлежит всего того, что посредственно или непосредственно, прямо или косвенно, открыто или потаенно к такому устройству государства вести бы могло. Вследствие всего здесь сказанного об'является Российское государство, в пределах, выше обозначенных, единым и неразделимым, отвергающим притом совершенно всякое федеративное образование, устройство и существование государства.

---

[1]) П. И. Пестель. „Русская Правда. Наказ Временному Верховному Правлению Спб. 1906. Стр. 23 — 24; 55 — 56; 52 — 53; 60; 217 — 218; 238 — 239; 237 — 238; 239; 75 — 79; 224 — 225; 66, 89; 85 — 86; 240 — 241 90 — 91.

2. Национализм

Все племена должны слиты быть в один народ. Из всего содержания главы сей явствует, что при всех мероприятиях временного Верховного правления в отношении к различным народам и племенам, Россию населяющим, беспрестанно должно непременную цель иметь в виду, чтобы составить из них всех только один народ и все различные оттенки в одну общую массу слить так, чтобы обитатели целого пространства Российского государства все были русские. К сей цели ведут многоразличные способы, могущие на два раза быть разделены: на средства общие и средства частные. — Средства общие состоят главнейше в том, чтобы, во-первых, на целом пространстве Российского государства господствовал один только язык российский; все сношения тем самым чрезвычайно облегчатся, понятия и образ мысли сделаются однороднее; люди, об'ясняющиеся на одном и том же языке, теснейшую связь между собой возымеют и однообразнее составлять будут один и тот же народ. Во-вторых, так как ныне существующее различие в названиях народов и племен, Россию населяющих, всегда составлять будет из жителей Российского государства отдельные друг от друга массы и никогда не допустит столь для блага отечества необходимого совершенного в России единородства, то чтобы все сии различные имена были уничтожены и везде в общее название русских воедино слиты. — В третьих, чтобы одни и те-же законы, один и тот-же образ управления по всем частям России существовали и тем самым в политическом и гражданском отношениях вся Россия, на целом своем пространстве, являла бы вид единородства, единообразия и единомыслия. Опыты всех веков и всех государств доказали, что народы везде бывают таковыми, каковыми их соделывают правление и законы, под коими они живут. Вот главные средства общие. Что-же касается до частных, то было о них упомянуто выше сего в отношении к каждому народу или племени особенно. Соединяя общие средства с частными, можно будет с полной уверенностью ожидать, что цель будет достигнута и что все различные племена, в России обретающиеся, к общей пользе совершенно обрусеют и тем содействовать будут к возведению России на высшую степень благоденствия, величия и могущества.

3. Антисемитизм

Евреи составляют в государстве, так сказать, свое особенное, совсем отдельное государство и при том ныне в России пользуются большими правами, нежели сами христиане. Хотя самих евреев нельзя винить ни в том, что они сохраняют столь тесную между собой связь, ниже в том, что пользуются столь

большими правами, которые даровало им прежнее правительство, не менее того не может далее длиться такой порядок вещей, утвердивший неприязненные отношения евреев к христианам, и поставивший их в положение, противное общественному порядку в государстве. Для приведения сего порядка вещей в надлежащее состояние открывается два способа. Первый состоит в совершенном изменении сего порядка: изменение сие должно относиться до всех тех предметов, которые в теперешнем их положении и устройстве вредны и злоупотребительны. Паче-же всего надлежит иметь целью устранение вредного для христиан влияния тесной связи, евреями между собою содержимой или противу христиан направленной и от всех прочих граждан их совершенно отделяющей. Для сего может Верховное временное правление ученейших раввинов и умнейших евреев созвать, выслушать их представления и потом мероприятия распорядить, дабы вышеизъясненное зло прекращено было и таким порядком заменено, который бы соответствовал в полной мере общим коренным правилам, имеющим служить основанием политическому зданию Российского государства. Ежели Россия не выгоняет евреев, то тем более не должны они ставить себя в неприязненное отношение к христианам. Российское правительство, хотя и оказывает всякому человеку защиту и милость, но однакоже прежде всего помышлять обязано о том, чтобы никто не мог противиться государственному порядку, частному и общественному благоденствию. Второй способ зависит от особенных обстоятельств и особенного хода внешних дел и состоит в содействии евреям к учреждению особенного отдельного государства в какой-либо части Малой Азии. Для сего нужно назначить сборный пункт для еврейского народа и дать несколько войск им в подкрепление. Ежели все русские и польские евреи соберутся на одно место, то их будет свыше двух миллионов. Таковому числу людей, ищущих отечество, не трудно будет преодолеть все препоны, какие турки могут им противопоставить, и, пройдя всю Европейскую Турцию, перейти в Азиатскую и там, заняв достаточные места и земли, устроить особенное еврейское государство. Но так как сие исполинское предприятие требует особенных обстоятельств и истинно гениальной предприимчивости, то и не может быть оно поставлено в особенную обязанность временному Верховному правлению, и здесь упоминается только для того об нем, чтобы намеку представить на все то, что можно бы было сделать.

4. Сословия упраздняются

Все люди в государстве должны непременно быть перед законом совершенно равны и что всякое постановление, нарушающее сие равенство всех перед законом, есть нестерпимое

зловластие, долженствующее непременно быть уничтоженным. Сверх того нарушают сии различия добрую между гражданами связь, разделяя их на несколько отделений, имеющих совсем различные виды и выводы, а следовательно и образ мыслей. Сколь же добрая связь между гражданами важна для благоденствия государства, ясно доказано было в предыдущей главе, и точно также нарушается различием сословий, как и разнородством племен. Сословия тем еще пагубнее, что они только одним пристрастием дышат, что некоторым членам народа выгоды дают, в коих другим отказывают без всякой причины и без всякой для государства пользы, что для пресыщения корысти нескольких людей жестокую оказывают несправедливость против наибольшей части народа, и что противны цели государственного существования, состоящей не в пристрастии к малому числу, но в елико возможно большем благоденствии многоленнейшего (?! В. А.) числа людей в государстве. А из всего вышесказанного следует, что учреждение сословий непременно должно быть уничтожено, что все люди в государстве должны составлять только одно сословие, могущее называться гражданским, и что все граждане в государстве должны иметь одни и те же права и быть перед законом все равны.

5. Избирательные права

Таким образом будет весь народ размещен по земским собраниям для всеобщего участия в составлении наместных собраний. Наместные собрания будут сим способом и всех онаго граждан в полной мере без изъятия представлять. Никто не будет зловластно от участия в государственных делах исключен, а поелику участие сие устроено будет порядком представительным и посредственным, то и будут в полной мере соглашены невозможность для граждан собираться всем на одно место с обязанностью даровать всем гражданам одинаковые права на сие соучастие. Строгое будет соблюдено — беспристрастие против всех и каждого. Богатые не лишатся своих прав, бедные приобретут оные. Гибельный обычай даровать некоторым людям привилегии за исключением массы народной будет совершенно уничтожен. Выборы, не будучи направляемы никакими насильственными средствами, будут падать на самых достойнейших и просвещеннейших мужей. Дворяне и богатые будут, вероятно, чаще других граждан избираемы, если будут просвещеннее прочих. Но таковой выбор, основанный на общем доверии, не есть политическое право для лица, а есть общая выгода для всего государства, тем более, что достигаема будет правильным образом без всяких насильственных или принудительных постановлений. Что-же касается опасения, чтобы так называемая чернь не волно-

вала государства, когда в выборах участвовать она будет, то опасение сие совершенно лишнее и напрасное. Чернь производит беспорядки тогда, когда ее угнетают, или когда богатые для своих видов ее подкупают и волнуют; сама-же пребывает она всегда в спокойствии. Все летописи свидетельствуют о том, что волнения в государствах никогда не были чернью производимы, но всегда богачами и аристократами. В изложенном же здесь порядке не будут даже и богачи повода иметь чернь волновать, ибо в избрании членов в уездные и окружные наместные собрания много волостей участвуют вдруг, и нельзя всех граждан во всех волостях разом прельстить или подкупить. Да сверх того ничто не будет решаться в земских собраниях, а все в наместных. На наместных же собраниях иметь влияние нельзя будет, потому что, так как нельзя было иметь влияние на избрание членов в сии наместные собрания, то и можно с полной уверенностью ожидать, что народ, не будучи никакими побочными соображениями и страстями волнуем, изберет в члены наместных собраний истинно достойных людей. А оттого тем еще более можно ожидать, что нельзя будет наместные собрания волновать, и что все их действия к общей пользе клониться будут и только оную в виду иметь. А из сего и явствует, что разделение народных собраний на земские и наместные все несправедливости и затруднения отвращает, сколько-то в силе законодательной власти состоять может, соединяя притом подобным же образом все выгоды и удобства.

6. Свобода печати

Коренные правила в отношении к свободе книгопечатания постановляются следующие: 1) Каждый гражданин имеет право писать и печатать все то, что он хочет с тем только, чтобы его имя было на его сочинении выставлено. От сего исключаются одни только личные ругательства, которые никогда допускаемы быть не должны. 2) Каждый гражданин пользуется правом иметь типографию с тем только, чтобы о том было предварительно правительство извещено и чтобы на каждой печатной вещи находилось имя хозяина типографии. 3) За мнения и правила, в сочинении изложенные, отвечает каждый писатель на основании вышеупомянутых правил об учении и проповедывании противных законам и чистой нравственности и судится общим судебным порядком. 4) Ежели в сочинении излагаются какие-нибудь происшествия или что-нибудь утверждается, то сочинитель обязан оные доказать, если к суду обиженною стороною призван будет. Если же доказать не может, то подвергается уголовному наказанию и суду присяжных, судясь обыкновенным порядком и 5) Сему распорядку подлежат все сочинения большие и малые, все переводы, все ведо-

мости и срочные издания, все живописи, гравировки и, одним словом, все то, что какого бы ни было рода сочинение составляет. Верховное правление разрешает все подробности по своему усмотрению постановить; срочные же сочинения должны быть издаваемы не иначе как по предварительному извещению правительства о сем намерении.

7. Запрещение частных обществ

Всякие частные общества, с постоянною целью учреждаемые, должны быть совершенно запрещены, как открытые, так и тайные, потому что первые бесполезны, а вторые вредны. Первые потому бесполезны, что они таких только предметов касаться могут, которые входят в круг действия правительства и для которых правительство уже учреждено со всеми отраслями, частями и подразделениями, особенно при существовании волостных обществ. Вторые же потому вредны, что они таких только могут касаться предметов, которые не могут быть сделаны гласными, а таковые предметы не могут быть иначе признаны, как зловредными, ибо государственный порядок, в сей „Русской Правде" постановляемый, не только ничего доброго и полезного не принуждает скрывать, но даже напротив того все средства дает на их введение и обнародование законным порядком и к об'явлению таких предметов и статей дружески и благосклонно всех и каждого приглашает. Следовательно скрывать нечего добро.

8. Православие — господствующая религия

Коренные правила в отношении к свободе вероисповедания и духовных действий состоят в следующем: 1) Христианская православная, греко-российская вера признана быть должна господствующей верою великого государства Российского. 2) Все прочие христианские исповедания, равно как и все инородные веры дозволяются в России, если только не противны они российским законам духовным и политическим правилам, чистой нравственности и не нарушают естественных обязанностей человека.

9. Военные поселения

Военные поселяне. Одна мысль о военных поселениях, прежним правительством заводимых, наполняет каждую благомыслящую душу терзанием и ужасом. Сколько пало невинных жертв для пресыщения того неслыханного зловластия, которое с яростию мучило несчастные селения, для сего заведения отданные! Сколько денежных сумм, на сей предмет расточенных: все силы государства нарочито соединяя для гибели

государства: и все сие для удовлетворения неистовому упрямству одного человека! Какие же предвещали государству выгоды от учреждения военных поселений? Три главные: 1) что не будет более рекрутства существовать; 2) что воины получат оседлость и 3) что продовольствие армии провиантом и фуражем ничего казне стоить не будет. При рассмотрении сих обещанных выгод, легко удостовериться можно, что сии выгоды суть или мнимые или даже, напротив того, истинный вред или величайшее зло: 1) Военные поселения могут от рекрутства народ освобождать единственно в мирное время, а в военное предполагается по самым постановлениям военного поселения наполнять армию рекрутами со всего государства. Да иначе сие и быть не может, ибо в противном случае полк, потеряв много людей на войне и комплектующийся из одного своего поселения, расстроил бы оное совершенно и даже бы мог уничтожить. Но вместе с тем и освобождение народа от рекрутства через посредство военных поселений делается лишним, тем более, что в то самое время от сей повинности не освобождает, когда она бывает самая тягостнейшая. 2) Ничто не может быть для войска вреднее, как оседлость или беспрестанное нахождение каждого воина в кругу своего семейства, ибо таковое состояние неминуемо изнежит оное и лишит воинского духа, приобретаемого единственно в сообществе начальников и товарищей, из коих составляется, так сказать, новое воинское семейство. Родителям сохранение сына всегда важнее и милее казаться будет, чем все его подвиги, и потому при об'явлении войны будет поселянное войско всегда с плачем и скорбью в поход выступать и разве только надеждою на добычу утешаться. Сие тем справедливее, что при теперешнем устройстве государственного порядка и при теперешней величине государства внешние его сношения так многосложными сделались, что войско не может в подробности знать всех обстоятельств, соделывающих войну неизбежною: следовательно, и не может в самых причинах черпать пламенную к ней охоту, которую посему найти может единственно в желании отличиться и славу приобрести. — Сии же чувства подавляются оседлостью войска. 3) Хотя продовольствие армии, может статься, и могло быть через военные поселения устроено без особенных на то издержек со стороны казны, но однако же сие не значит, чтобы оно тогда ничего не стоило, ибо, при возложении на военные поселения обязанности армию продовольствовать, избавляются они от всякого платежа каких бы то ни было податей. Если же сравнить выигрыши казны от продовольствия армии через военные поселения с убытком казны от избавления военных поселений от всякого платежа податей, то и полное получится удостоверение, что сия выгода есть совершенно мнимая. — Из сего явствует, что из трех представленных доводов в пользу военных поселений одно заклю-

чает истинный вред, а два совершенно мнимую пользу. Обращая теперь взоры на несправедливость, неудобства и худые последствия, с поселением войска сопряженные, нельзя довольно надивиться, как могла таковая мысль когда-либо прийти в ум, не лишенный совершенно всякого здравого рассудка. Не будем о сих соображениях здесь распространяться, ибо они так многочисленны, что целые стопы бумаг исписать бы должно было, дабы их исчислить, упомянем вкратце только о двух, из коих одно относится к войску поселенному, а другое — к народу и государству. 1) Никакое правительство не может никогда права иметь отделить от общей массы народа часть оного с тем, чтобы на сию часть возложить за исключением остальных самую тягостнейшую и жесточайшую повинность, какова есть военная. Как можно до такой степени все чувства совести и справедливости отвергнуть, чтобы навеки некоторые семейства назначить для войны со всеми их детьми, внуками и вообще потомством; на сии семейства возложить исключительно повинность военной службы и пролитие крови за народ, коего они знают только потому, что за него всегда готовыми быть должны терять всех своих детей, сих драгоценнейших предметов их любви и нежности! Разве военные поселяне не такие же чувства имеют, разве они не такие же граждане нашего отечества, разве они не те же права имеют на благоденствие. как и прочие россияне, разве прочие россияне не те же имеют обязанности к отечеству, как и они и разве защита отечества не есть священная обязанность для всех и каждого? И потому ясным образом из сего можно вывесть заключение, что военные поселения суть самая жесточайшая несправедливость, какую только раз'яренное зловластие выдумать могло. 2) Как военные поселения жестоки для подлежащих оным, так равно пагубны они и для самого государства: образуя в оном другое, совсем особое, государство, которое имеет совсем отдельные и различные выгоды, не сохранило никакой связи с остальными частями и никакого не оставило в оных залога в своей верности, имея при себе все, что ему мило и дорого, и чувствует сверх того, что вся сила находится у него в руках, ибо оно вооружено, между тем, как остальное государство против него безо всякой находится защиты. Легко можно предвидеть, что, если бы вся армия была поселена и сей порядок был бы уже совершенно введен так, чтобы поселенные войска к оному привыкли, и из памяти их бы изгладилось всякое воспоминание о прежней связи войска с гражданами, то скоро бы поселения захотели управляться собственными своими начальствами и чиновниками, выбранными из их среды, чего никакая дисциплина удержать бы не могла, и потом в скорости, взглянули на государство, как на ближнюю добычу, и зная свою силу, овладели бы оным совершенно и разделили бы между собою, как варвары делили

завоеванные земли. Они снова бы представили нашествие татар и притом гораздо опаснейшее, ибо сильнее и умнее бы их были и менее или даже никакого противоборства найти бы не могли от беззаботных и безоруженных граждан. Тогда подверглось бы государство ужаснейшим бедствиям и превращениям, которые бы кончились введением феодального зловластия и всеобщим порабощением и несчастием. Сии неизбежные от военных поселений последствия достаточно доказывают, что одна из первейших обязанностей временного Верховного правления состоит в уничтожении военных поселений и в освобождении от ужасного сего ига всех селений, ныне к оным принадлежащих. На основании всего здесь сказанного обязывается временное Верховное правление: 1) в военных поселениях отделить войско от поселян, причислить войско к общему составу армии на общих правилах и разместить войско по разным местам сообразно общему расквартированию армии; 2) привести военные поселения в общее земледельческое состояние, составить из оного волости на основании общих правил, военных поселян признать гражданами наравне со всеми прочими россиянами, даровать им совершенно те же права и устроить в прекращающихся военных поселениях тот же образ управления, как и в прочих местах России и 3) все меры принять, какия только нужными и возможными окажутся для доставления военным поселянам нужных льгот и необходимых средств для поправления разоренных их имуществ. А вместе с тем и возвратить к семействам всех несчастных, находящихся ныне по разным местам в ссылке и заточении. Подробности и частности сего мероприятия предоставляются распоряжениям и соображениям временного Верховного правления, обязывающегося сим предметом заняться с любовию и старанием.

10. О священном праве собственности

Право собственности или обладания есть право священное и неприкосновенное, долженствующее на самых твердых положительных и неприкосновенных основах быть утверждено и укреплено, дабы каждый гражданин в полной мере уверен был в том, что никакое самовластие не может лишить его ниже малейшей части его имущества. В сем духе определяются следующие два правила: 1) ежели кто собственности своей лишен быть должен для блага общего, то надлежит к тому приступить не иначе как, когда полномерное существует убеждение в том, что благо общее неминуемо того требует и не может иначе быть достигнуто; но и в сем случае должно всегда последовать наперед предварительное полное возмездие; 2) конфискация имуществ в пользу казны никогда существовать не должна.

11. Крепостное право уничтожается

Обладать другими людьми, как собственностью своею, продавать, закладывать, дарить и наследовать людей наподобие вещей, употреблять их по собственному своему произволу без предварительного с ними соглашения и единственно для собственной своей прибыли, выгоды, а иногда и прихоти, есть дело постыдное, противное человечес ву, противное законам естественным, противное святой вере христианской, противное наконец, заповедной воле всевышнего, гласящего в священном писании, что люди перед ним все равны, и что одни деяния их и добродетели разницу между ими поставляют. И потому не может далее в России существовать позволение одному человеку иметь и называть другого своим крепостным. Рабство должно быть решительно уничтожено, и дворянство должно непременно навеки отречься от гнусного преимущества обладать другими людьми. Нельзя ожидать, чтобы нашелся хоть один злосовестный дворянин, чтобы не содействовать всеми силами к уничтожению рабства и крепостного состояния в России.

Но ежели паче всякого чаяния нашелся изверг, который бы словом или делом вздумал сему действию противиться или оное осуждать, то временное Верховное правление обязывается всякого такого злодея без'из'ятно, немедленно взять под стражу и подвергнуть его строжайшему наказанию, яко врага отечества и изменника противу первоначального коренного права гражданского. Сие уничтожение рабства и крепостного состояния возлагается на временное Верховное правление, яко священнейшая и непременнейшая его обязанность. Позывается оно к престолу всевышнего на вечное посрамление, если не устремится всеми силами на исполнение сего веления в скорейшем времени решительнейшими и действительнейшими мероприятиями.

Поелику таковое важное предприятие требует зрелого обдумания и весьма большую производит в государстве перемену, то не может оное иначе к успешному окончанию приведено быть, как введением постепенным. О сем предмете должно Верховное правление потребовать проекты от грамотных дворянских собраний и по оным мероприятия распорядить, руководствуясь следующими тремя главными правилами: 1) освобождение крестьян от рабства не должно лишить дворян дохода, ими от поместий своих получаемого; 2) освобождение сие не должно произвести волнений и беспорядков в государстве, для чего и обязывается Верховное правление беспощадную строгость употреблять против всяких нарушителей спокойствия; 3) освобождение сие должно крестьянам доставить лучшее положение противу теперешнего, а не мнимую свободу им даровать.

12. Аграрная программа

В отношении к крестьянам, казне принадлежащим, обязывается Верховное правление следующие мероприятия в частном их применении сообразить и потом введение или исполнение оных по лучшей местной удобности распорядить, по усмотрению своему давая оным надлежащий ход и действия:

1) Не различать казенных поместий на государственные, удельные и арендные, но даровать им всем одинаковое существование, образование, управление и предназначение, считая их всех государственным имуществом.

2) Разделить сии поместья на волости по соображению местности удобной и местного положения и ввести в оное волостное правление, как оное впоследствии в сей „Русской Правде“ описано будет.

3) Разделить все земли в каждой волости по угодьям на две половины, из коих дать одной название общественной земли, а другой казенной земли. Общественную землю отдать в собственность волостному обществу, а казенную оставить собственностью казны, т. - е. входящею в состав государственных имуществ. — Подробность сего положения определит Верховное правление.

4) Крестьяне казенных поместий или селений продолжают обрабатывать, как общественные, так и казенные земли теперешним порядком и платят казне тот же оброк за оные, который и ныне платят.

5) Сей порядок будет продолжаться 10 или 15 лет сряду, а после сего срока не будут крестьяне никакого оброка платить за общественную землю, а за казенную, которую пожелают для обрабатывания на откуп взять, будут они деньги платить по назначению, какое тогда имеет быть сделано, и для которого потребуется от крестьян предварительные их предположения.

6) После десяти или пятнадцати лет и если удобно будет, то и прежде, когда сей новый порядок окончательно возымеет существование, ход и действие, будут казенные крестьяне пользоваться совершенною свободою и будут об'явлены совершенно вольными, причем общественная земля никому не будет принадлежать частно, но всему волостному обществу совокупно, а казенная земля останется собственностью казны, и крестьянам будет отдаваться в откуп.

7) Волостное общество не должно иметь права общественную землю продавать или закладывать — она есть собственность, в сем отношении неприкосновенная. Казна же является в отношении к казенной земле в виде частного человека и потому продавать казенные земли право имеет. — Если крестьянин купит у казны какую - нибудь казенную землю или часть оной, тогда сей участок, им купленный, будет он иметь право

закладывать, продавать, дарить, в наследство и приданое отдавать — одним словом оным распоряжаться по своей воле, как совершенною частною собственностью своею.

8) Весьма будет полезно завести в каждой волости, по мере возможности, маленькие банки и ломбарды, а равным образом и страховые учреждения. Сие, конечно, вдруг или скоро воспоследовать не может, а потому, сказано, что надлежит оное заводить по мере возможности. Надлежит также распространить на казенных крестьян права купечества и мещанства, о чем Верховное правление особое сделает распоряжение.

13. Промышленная программа

Коренные правила в отношении к ходу промышленности постановляются следующие: 1) Всякий гражданин имеет право заниматься тою или теми отраслями промышленности, которые, заблагорассудит избрать и может оные по своему произволу переменять и соединять как ему угодно, лише бы только не вредил другим гражданам и не действовал вопреки законов и нравственности. 2) Временные товарищества дозволяются, но постоянные компании, как-то: нынешняя Американская или подобная английской, Ост-индской решительно запрещаются. 3) Правительство должно от всяких монополий непременно отказаться и таковые частным людям всемерно воспрещать. 4) За новые открытия могут частным людям дарованы быть льготы и срочное исключительное право пользоваться выгодами сих открытий. 5) Ярмарки во многих местах необходимы, во многих отлично полезны и везде допускаемы быть должны, но с'езды, называемые контракты как-то Киевские не должны существовать, потому что дела, на оных производимые, должны возможность иметь во всякие времена быть заключены и 6) Тарифы могут быть учреждаемы с той единственною целью, дабы защищать народную промышленность от внешних подрывов, но отнюдь не для того, чтобы увеличивать казенные доходы, которые признаваемы быть должны вещью совсем побочною при издании и определении таможенных постановлений.

14. Рабочая программа

Заводские крестьяне суть или дворянские или казенные. Дворянские суть люди крепостные, и потому суждение об улучшении их состояния и о постепенном даровании им вольности принадлежит к статье о дворянских крестьянах, где действие свое иметь будут грамотные дворянские собрания с окончательным решением и утверждением Верховного правления. — Касательно же казенных заводских крестьян, обязывается Верховное правление следующие мероприятия распорядить, соображая по своему усмотрению все частные случаи и

местные обстоятельства : 1) Всех крестьян, на заводах работающих, заменить людьми вольнонаемными или, что еще лучше, преступниками разного рода, распределяя их по соображению важности преступления и тягости работы. 2) Всех заводских крестьян обратить в первобытное земледельческое состояние, устраивая для сего, в случае надобности, переселения и составляя из них волости на тех же основаниях, как выше сказано в статье о казенных крестьянах, к коим и их причислить. — Из политической экономии известно, что те только изделия полезны, которые заводимы быть могут без всяких насильственных или принудительных мероприятий и которые, следовательно, собственным своим избытком себя поддерживать могут. По сей причине одни вольнонаемные работники должны бы при всяких заводах быть употребляемы. Но поелику в числе заводов находятся такие, которые необходимы для блага государства, а другие, кои безрассудно бы было бросить, после всех издержек, для них сделанных, то и дозволяется преступников на заводах употреблять тем более, что никакого не может быть лучшего дано предназначения людям, преступлениями потерявшим право на свободу, как занятия, к пользе государственной служащие.

П. И. ПЕСТЕЛЬ

ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ Н. МУРАВЬЕВА [1])

1. Русский народ, свободный и независимый, не есть и не может быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства.

2. Источник верховной власти есть народ, которому принадлежит исключительное право делать основные постановления для самого себя.

3. Гражданство есть право, в определенном в сем уставе порядке участвовать в общественном управлении : посредственно т. - е. выбором чиновников или избирателей ; непосредственно, т. - е. быть самому избираемым в какое-либо общественное звание по законодательной, исполнительной или судебной власти.

10. Все русские равны перед законом.

Крепостное право отменяется

13. Крепостное состояние и рабство отменяются. Раб, прикоснувшийся земле Русской, становится свободным. Разделение между благородными и простолюдинами не принимается,

[1]) В. Е. Якушкин. Государственная власть и проекты государственной реформы в России. Спб. 1906 г., стр. 131—145; 14/—150; 153.

поелику противно вере, по которой все люди братья, все рождены благо по воле божьей, все рождены для блага и все просто люди: ибо все слабы и несовершенны.

Свобода слова и печати

14. Всякий имеет право излагать свои мысли и чувства невозбранно и сообщать оные посредством печати своим соотечественникам. Книги, подобно всем прочим действиям, подвержены обвинению граждан перед судом и подлежат присяжным.

Цехи упраздняются

15. Существующие ныне гильдии и цехи в купечестве, ремеслах уничтожаются.

16. Всякий имеет право заниматься тем промыслом, который ему покажется выгоднейшим: земледелием, скотоводством, охотою рыбною ловлею, рукоделиями, заводами, торговлею и так далее.

Право собственности не распространяется на людей

23. Право собственности, заключающее в себе одни вещи, священно и неприкосновенно.

Крестьяне освобождаются без земли

24. Земли помещиков остаются за ними. Дома поселян с огородами оных признаются их собственностью со всеми земледельческими орудиями и скотом, им принадлежащим.

25. Крестьяне экономические и удельные будут называться общими владельцами, равно как и ныне называющиеся вольными хлебопашцами, поелику земля, на которой они живут, представляется им в общественное владение и признается их собственностью. Удельное правление уничтожается.

27. Поселяне, живущие в арендных имениях, равно делаются вольными, но земли остаются за теми, кому они были даны, и по то время, по которое были даны.

Военные поселения уничтожаются

28. Военные поселения немедленно уничтожаются. Поселенные батальоны и эскадроны с родственниками рядовых вступают в звание общих владельцев.

29. Разделение людей на 14 классов отменяется. Гражданские чины, заимствованные у немцев и ничем не отличающиеся между собою, уничтожаются сходственно с древними постановлениями народа Русского.

Названия и сословия однодворцев, мещан, дворян, именитых граждан заменяются все названием гражданина же Русского.

Заботы о попах

30. Жалование священнослужителям будет производиться и впредь. Равным образом они освобождаются от постоя и подвод.

Отношение к нацменьшинствам

31. Кочующие племена не имеют прав гражданских. Право участвовать в выборе волостного старшины предоставляется однако-ж и оным.

Право петиций

36. Граждане имеют право обращаться со своими жалобами и желаниями к народному вечу, к императору и к правительствующим сословиям держав.

О свободе совести

42. Никто не может быть беспокоиваем в отправлении своего богослужения по совести и чувствах своим, лишь бы только не нарушил законов природы и нравственности.

Помещик и буржуй имеют в пятьсот раз больше избирательных прав, чем крестьянин

44. В каждом уезде граждане, имеющие недвижимой собственности на 500 руб. серебром или движимой на 1000 руб. серебром, собираются в уездном городе и выбирают тысяцкого на один год.

1) Те, которые пользуются землями в общественном владении, не суть владельцы и следовательно, сюда не принадлежат.

. . . . . .

45. Общие владельцы не имеют права каждый лично участвовать в выборе тысяцкого, народных представителей и других чиновников, но все общество на сходке имеет право назначить одного избирателя с каждых 500 жителей мужского пола, и сии избиратели, назначенные общими владельцами, подают голоса, наравне с прочими гражданами, как уполномоченные целым обществом, лишь только они пред'явят поверительные грамоты своего общества, засвидетельствованные волостными старейшинами. Впрочем, каждый из общих владельцев, имеющий капитал, означенный выше, участвует в выборах непосредственно и не лишается прав избирательства качеством общего владельца. За то он не участвует в избрании уполномочивающего общества.

Тысяцкий должен быть только из помещиков и крупных буржуа

46. Чтобы быть тысяцким, должно иметь, по крайней мере, 21 год от рождения, непорочного поведения и недвижимого имения в собственном своем владении ценою не менее 1.500 фунтов чистого серебра (30.000 р. сер.) или движимого не менее 3.000 фунтов чистого серебра (60.000). Если избранный в сие звание не владеет таковым имением, то он не должен принимать сего звания. В противном случае он лишается места и вносит пеню 100 фунтов чистого серебра (2.000 руб.).

Крестьяне и большинство горожан не имеют права быть избираемыми в члены верховной думы, правители держав, члены державных дум и проч.

47. Должность тысяцкого состоит в следующем:

. . . . . .

6) Составляет два списка тех из граждан уезда, кои владеют недвижимым имением ценою не менее 1.500 фун. чистого серебра или движимым ценою не менее 3.000 фунтов чистого серебра; 2-й тем, кои владеют недвижимым имением не менее 250 фунтов или движимым не менее 500 фунтов чистого серебра. Граждане первого списка могут быть (если при том отвечают прочим условиям) избраны в члены верховной думы, правители держав, наместники державных правителей, тысяцкие и члены державных дум и члены державных судов.

Граждане второго списка могут быть присяжными и избирателями.

Граждане первого списка пользуются правами и второго списка.

56. В выборе волостном участвуют все граждане без из'ятия и различия.

Двухпалатность

59. Народное вече, состоящее из верховной думы и палаты народных представителей, облечено всей законодательной властью.

Палата представителей

60. Палата представителей составлена из членов, выбранных на два года гражданами держав.

64. Число представителей определяется соразмерно населению следующим образом:

Каждые 50.000 обывателей мужского пола посылают в палату представителей одного представителя. В числе сих 50.000 должно только полагать жителей, имеющих оседлость, постоянное жилище, не принимая в счет кочующих племен.

72. Палата представителей сама избирает своего председателя, она одна пользуется правом предавать суду сановников империи.

Верховная дума

73. Верховная Дума состоит из трех граждан каждой державы, двух граждан Московской области и одного гражданина Донской области. Всего 42 — члена. Члены Верховной Думы избираются правительственными сословиями держав и областей, т. - е. обоими соединенными в одно место палатами выборных и державными думами.

75. Условия, необходимые, чтобы быть членом Верховной Думы, суть: 30 лет возраста, 9 лет гражданства в России для иностранца и жительство во время избрания в той Державе, которая его избирает, недвижимого имения ценою на 1.500 фунтов чистого серебра или движимого на 3.000 фунтов чистого серебра.

Неприкосновенность членов Народного Веча

83. ... Ни в каком случае, кроме измены, преступления и нарушения общественного порядка, нельзя брать под стражу членов Народного Веча ни во время заседаний, ни на пути их в столицу, ни во время возвращения их.

84. Нигде нельзя их тревожить за то, что они говорили каждый в своей палате, и никто не в праве требовать от них об'яснения речей их, там произнесенных. Член палаты, уличенный в преступлении, до приговора судебного исключается палатою своей.

87. О всяком предложении налогов или набора ратников должно быть наперед рассуждаемо в палате представителей, но дума может делать оным изменения, как и во всяком предложении. Изменения сии в предложении о налогах тогда только становятся действительными, когда палата представителей оные допустит.

Палаты и монарх

89. Всякое предложение, получившее согласие думы и палаты представителей должно еще быть представлено императору чтобы получить силу закона. Если император одобряет предложение, то подписывает оное, ежели не одобряет, то отсылает с своими замечаниями в ту палату, в которую оно сначала поступило. Палата записывает в свой журнал все замечания императора против всего предложения и вновь открывает об этом рассуждение. Если после сего вторичного суждения о предложении $^2/_3$ членов остаются в пользу предложения, то оное поступает со всеми замечаниями императора в другую палату, которая начинает также разбирать оное вновь, и там, если таковых большинство одобряет оное, оно становится уже

от того законом. В подобных сему случаях члены палаты должны подавать свои голоса через одно выражение да или нет, и в журнале каждой палаты записываются имена всех членов, подававших голоса в пользу или против сего предложения.

90 Ежели император по прошествии 10 дней (исключая воскресного) не возвратит представленного ему проекта, то оный получает силу закона. Если же Народное Вече отсрочит между тем свои заседания, то предложение не становится законом. Всякое приказание, решение, или прокламация и манифест, требующие содействия обоих Палат (исключая рассуждения об отсрочке заседаний), должно быть представлено императору и утверждено им, чтобы быть приведенным в исполнение. Если же он отвергнет оное, то оно должно быть снова принято $^2/_3$ обоих палат, сходно с правилами, выше означенными

91. Проект отвергнутый одной из палат, может быть вновь представлен только в следующий с'езд Народного Веча.

100. Народное Вече имеет право взять частную собственность в общественное употребление за справедливое вознаграждение, но для сего должен быть предварительно выдан закон обыкновенным порядком, т.-е. оный должен пройти через обе палаты и быть утвержден императором.

Монархия

101. Император есть: верховный чиновник Российского правительства. Его права и преимущества суть:

1) Власть его наследственная по прямой линии от отца к сыну, но от тестя она не переходит к зятю.

2) Он соединяет в особе своей всю исполнительную власть.

3) Он имеет право останавливать действие законодательной власти и принуждать ее ко вторичному рассмотрению закона.

4) Он верховный начальник сухопутной и морской силы.

5) Он верховный начальник всякого отделения земских войск, поступающего в действительную службу империи.

6) Он может требовать письменного мнения главного чиновника каждого исполнительного департамента о всяком предмете, с его обязанностью сопряженным.

7) Ведет переговоры с иностранными державами и заключает мирные трактаты с совета и с согласия Верховной Думы, лишь только две трети присутствующих Думы на то согласились. Трактат таковым образом заключенный поступает в число верховных законов.

8) Он назначает посланников, министров и консулов и представляет Россию во всех ее отношениях с иностранными державами. Он назначает всех чиновников, о которых не говорено в сем уставе.

9) Не может однако же помещать в трактатах статей, нарушающих права и состояние граждан внутри отечества. Равным образом не может включать в оные без согласия Веча Народ-

ного условий напасть на какую-либо землю, не может уступить никакого участка земель, принадлежащих России.

10) Назначает судей верховных судебных мест с совета и согласия Верховной Думы.

11) Он наполняет все места, сделавшиеся свободными, когда Народное Вече распущено, и дает от себя постановленным временным чиновникам грамоты на сии места, которые имеют силу до окончания первого С'езда Думы.

12) Он означает и постановляет по каждой отрасли дел или в каждом Приказе Главу, как-то:

1) Главу Казначейского Приказа (М. Фин.).
2) Главу Приказа сухопутных сил (Мин. Воен.).
3) Главу Приказа Морских сил (Морск. мин.).
4) Главу Приказа внешних сношений.

13) Он обязан при каждом с'езде обоих палат доставлять Народному Вечу сведения о состоянии России и представлять его суждению принятие мер, которые ему покажутся необходимыми или приличными.

14) Он имеет право созывать обе палаты и Верховную Думу в случае переговоров или суда.

15) Не может употреблять войска во внутренности России в случае возмущения, не сделав о том предложения Народному Вечу, которое немедленно обязано удостовериться посредством следствия в необходимости военного положения.

16) По востребованию его обе палаты разбирают его предложение в тайном совещании, ежели сие покажется ему нужным.

17) Если бы палаты не согласились между собой на время отсрочки их заседаний, то он может отсрочить оные, но не более, как на три месяца.

18) Он принимает послов и уполномоченных иностранных правительств.

19) Наблюдает за строгим исполнением обществен. законов.

20) Дает грамоты назначения всем чиновникам империи.

21) Ему дается титул — его императорского величества,— никакой другой не допускается. Выражения: именное повеление, высочайшее соизволение, соизволение быть по сему и т. п. уничтожаются, яко неприличные и не имеющие никакого значения в земле благоустроенной.

114) Всякий чиновник исполнительной власти отвечает за каждое свое действие; никто не может оправдаться полученным приказанием, ибо в гражданском быту слепое повиновение не может быть допущено, и всякий исполнитель противузаконного веления будет наказан так, как и подписавший веление. Император не подлежит суждению; если же сам император лично учинит какое-либо преступление, за которое никто другой не подлежит ответственности, то сие приписывается нравственному недугу Народным Вечем, которым, в таком случае, учреждается регентство, посредством особого закона.

Проект манифеста [1])

В манифесте Сената об'является:

1. Уничтожение бывшего правления.

2. Учреждение временного до установления постоянного выборными.

3. Свободное тиснение, и потому уничтожение цензуры.

4. Свободное управление богослужения всем верам.

5. Уничтожение права собственности, распространяющееся на людей.

6. Равенство всех сословий пред законом, и потому уничтожение военных судов и всякого рода судных комиссий, из коих все дела судные поступают в ведомство ближайших судов гражданских.

7. Об'явление права всякому гражданину заниматься чем он хочет, и потому дворянин, купец, мещанин, крестьянин — все равно имеют право вступать в воинскую и гражданскую службу, и в духовное звание, торговать оптом и в розницу, платя установленные повинности для торгов. Приобретать всякого рода собственность, как-то: земли, дома в деревнях и городах. Заключать всякого рода условия между собою, тягаться друг с другом пред судом.

8. Сложение подушных податей и недоимок по оным.

9. Уничтожение монополий, как-то: на соль, на продажу горячего вина и проч. и потому учреждение свободного винокурения и добывания соли, с уплатой за промышленность с количества добывания соли и водки.

10. Уничтожение рекрутства и военных поселений.

11. Убавление срока службы военной для нижних чинов, но определение оного последует по уравнении воинской повинности между всеми сословиями.

12. Отставка всех без из'ятия нижних чинов, прослуживших 15 лет.

13. Учреждение волостных, уездных, губернских и областных правлений, о порядке выборов членов сих правлений, кои должны заменить всех чиновников, доселе от гражданского правительства назначаемых.

14. Гласность судов.

15. Введение присяжных в суда уголовные и гражданские. Учреждается правление из 2-х или 3-х лиц, которому подчинить все части высшего управления, то есть все Министерства, Совет, Комитет Министров, армии, флот. Словом, всю верховную исполнительную власть, но отнюдь не законодательскую и не судную. Для сей последней остается Министерство, подчиненное временному Правлению, но для суждения не решен-

---

[1]) Из книги М. В. Довнар-Запольского „Мемуары декабристов", стр. 94 — 95.

ных в нижних инстанциях остается департамент Сената уголовный и учреждается департамент гражданский, кои решают окончательно, и члены коих останутся до учреждения постоянного правления.

Временному правлению поручается приведение в исполнение:

1. Уравнение прав всех сословий.
2. Образование местных волостных, уездных, губернских и областных правлений.
3. Образование внутренней народной стражи.
4. Образование Судной части с присяжными.
5. Уравнение рекрутской повинности между всеми сословиями.
6. Уничтожение постоянной армии.
7. Учреждение порядка избрания выборных в палату представителей народных, кои долженствуют утвердить на будущее время имеющий существовать порядок правления и государственное законоположение.

ПРАВОСЛАВНЫЙ КАТЕХИЗИС С. МУРАВЬЕВА-АПОСТОЛА [1])

Во имя отца и сына и святого духа.

В о п р о с: Для чего бог создал человека?

О т в е т: Для того, чтобы он веровал в него, был свободен и счастлив.

В. Что значит веровать в бога?

О. Бог наш Иисус Христос, сошедши на землю для спасения нас, оставил нам святое свое евангелие.

Веровать в бога — значит следовать во всем истинному смыслу начертанных в нем заповедей.

В. Что значит быть свободным и счастливым?

О. Без свободы нет счастия. Святой апостол Павел говорит: „ценою крови куплены есте, не будете рабы человекам".

В. Для чего же русский народ и русское воинство несчастны?

О. От того, что цари похитили у них свободу.

В. Стало-быть цари поступают вопреки воли божией?

О. Нет. Христос сказал: „не можете богу работати и мамоне"; от того-то русский народ и русское воинство страдают, что покоряются царям.

В. Что же святой закон наш повелевает делать русскому народу и воинству?

---

[1]) С. Берсенев. С. И. Муравьев-Апостол. Изд. „Альциона". М. 1919 г., стр. 55 — 59.

О. Расскаяться в долгом раболепствии и, ополчась против тиранства и нечестия, поклясться: да будет всем един царь на небеси и на земли — Иисус Христос.

В. Что может удержать от исполнения святого сего подвига?

О. Ничто. Те, кои воспротивятся святому подвигу сему, суть предатели, богоотступники, продавшие души свои нечестию, и горе им лицемерам, яко страшное наказание божие постигнет их на сем свете и на том.

В. Каким же образом ополчиться всем чистым сердцем?

О. Взять оружие и следовать за глаголющим во имя господне, помня слова спасителя нашего „Блажени алчущие и жаждущие правды, яко те насытятся", и, низложив неправду и нечестие тиранства, восстановить правление, сходное с законом божием.

В. Какое правление сходно с законом божием?

О. Такое, где нет царей. Бог создал всех нас равными, сошедши на землю, избрал апостолов из простого народа, а не из знатных и царей.

В. Стало-быть бог не любит царей?

О. Нет. Они прокляты суть от него, как притиснители народа, а бог есть человеколюбец. Да прочтет каждый желающий знать суд божий о царях, книги царства главу 8-ю: „собрашася мужи израилевы и придоша к Самуилу и рекоша ему: ныне постави над нами царя, да судить ны; и бысть лукав глагол сей перед очами Самуиловыми, и помолися Самуил ко господу и рече господь Самуилу: „послушай ныне гласа людей, яко же глаголят тебе, яко ни тебе уничтожиша, но мне уничтожиша, я же не царствовати ни над ними, но возвестиши им правду цареву". И реча Самуил и вся словеса Господня к людям, просящим от него царя, и глагола им: „Сие будет правда царева: сыны ваша возьмет и дщери ваша возьмет и земли ваши одесятствует, и вы будете ему раби и возопиете в день он от лица царя вашего, его же избрасьте себе, и не услышит вас господь в день он, яко вы избрасьте себе царя..." Итак, избрание царей противно воле божией, яко един наш царь должен быть Иисус Христос.

В. Стало, и присяга царям богопротивна?

О. Да богопротивна. Цари предписывают принужденные присяги народу для погубления его; не призывай всуе имени господня; господь же наш и спаситель Иисус Христос изрек: „аз же глаголю вам, ни клянитеся всяко", и так, всякая присяга человеку противна богу, яко надлежащее ему единому.

В. Отчего упоминают о царях в церквах?

О От нечестивого приказания их самих, для обмана народа, и ежечасным повторением царских имен оскверняют они службу божию вопреки спасителя веления: „молящие не меньше глаголят, яко же язычники".

В. Что же наконец подобает делать христолюбивому российскому воинству?

О. Для освобождения страждущих семейств своих и родины своей и для исполнения святого закона христианского, помолясь теплою надеждою богу, поборающему по правде и видимо покровительствующему уповающим твердо на него, ополчиться всем вместе против тиранства и восстановить веру и свободу в России. А кто отстанет, тот, яко Иуда-предатель, будет анафемо проклят. Аминь.

ВОЗЗВАНИЕ С. МУРАВЬЕВА-АПОСТОЛА [1])

Бог умилосердился над Россией, послал смерть тирану нашему. Христос рек: „не будете рабами человеков, яко искуплены кровью моею". Мир не внял святому повелеванию сему и впал в бездну бедствий. Но страдания наши тронули всевышнего. Днесь он посылает нам свободу и спасение. Братья, раскаемся в долгом раболепствии нашем и поклянемся: да будет нам един царь на небеси и на земли Иисус Христос; все бедствия русского народа проистекали от самовластного правления. Оно рушилось. Смертью тирана бог ознаменовал волю свою, дабы мы сбросили с себя узы рабства, противные закону христианскому. Отныне Россия свободна. Но как истинные сыны церкви, не покусимся ни на какие злодеяния и без расприй междоусобных установим правление народное, основанное на законе божием, гласящим: „да первый из вас послужит вам". Российское воинство грядет восстановить правление народное, основанное на святом законе. Никаких злодействий учинено не будет. — Итак, да благочестивый народ наш пребудет в мире и спокойствии и умоляет всевышнего о скорейшем совершении святого дела нашего. Служители алтарей, доныне оставленные в нищите и призрении злочестивым тираном нашим, молят бога о нас, восстановляющих во всем блеске храмы господни.

ПРАВИЛА СОЕДИНЕННЫХ СЛАВЯН [2])

1) Не надейся ни на кого, кроме твоих друзей и своего оружия. Друзья тебе помогут, оружие тебя защитит.

2) Не желай иметь раба, когда сам рабом быть не хочешь.

3) Каждый почтет тебя великим, когда гордости и избытку ты искать не будешь.

---

[1]) С. Берсенев. С. И. Муравьев-Апостол., стр. 59 — 60.

[2]) Проф. М. В. Довнар-Запольский. Тайное общество декабристов Исторический очерк, написанный на основании следственного дела. М. 1906 года, стр. 142 — 144.

4) Простота, трезвость и скромность, сии блюстительницы, сохранят твое спокойствие.

5) Не желай более того, что имеешь, и будешь независимым.

6) Богиня просвещения пусть будет пенатом твоим и удовольствия с любовию водворятся в доме твоем.

7) Почитай науки, художества и ремесла. Возвысь даже к ним любовь до энтузиазма и будешь иметь истинное уважение от друзей твоих.

8) Невежество с детьми своими гордостью, суетностью и фанатизмом да будет твоим злым духом Велзевулом.

9) Будешь терпеть все вероисповедания и обычаи других народов, пользоваться же только истинно хорошими обязан.

10) Будешь стараться разрушать все предрассудки, а наиболее до разности состояний касающиеся, и в то время станешь человеком, когда станешь узнавать в другом человека.

11) Будешь добродельным, и добродетель целой жизни соплетет венец спокойствия для твоей совести.

12) Употребить даже свое оружие, если того нужда будет требовать на защиту невинности, и от несправедливости и мщения не погибаешь, ибо друзья твои защищать тебя будут.

13) Будешь помогать своим рассудкам и своим оружием друзьям твоим, ибо и они также помогать тебе будут.

14) Будешь таким и гордость тирании своею суетностью падет тобою на колена.

15) Ты еси славянин и на земле твоей при берегах морей, ее окружающих, построишь четыре флота — Чорный, Белый, Далмацкий и Ледовитый, а в средине оных воздвигнешь город и в нем богиню просвещения и своим могуществом на троне посадишь, оттуда будешь получать для себя правосудие и ему повиноваться обязан, ибо оное с дороги тобою начертанной совращаться не будет.

16) В портах твоих, славянин, будут цвести торговля и морская сила, а в городе посреди земли твоей справедливость для тебя обитать станет.

17) Желаешь иметь сия — соединись с твоими братьями, от которых невежество твоих предков отдалило тебя. Желаешь все то иметь — будешь жертвовать 10 частью твоих доходов годовых и будешь обитать в сердцах друзей твоих.

L'esprit de servitude paraît naturellement ampoule, comme celui de la liberté est nerveux et celui de la vrai grandeur est simple. Voila que vous devez observer, т. е. дух рабства показывается обыкновенно надменным, подобно как дух вольности бодрым, а дух истинной великости простым. Вот что вы должны наблюдать.

ПРИСЯГА СОЕДИНЕННЫХ СЛАВЯН [1])

Вступая в число Соединенных Славян для избавления себя от тиранства и для возвращения свободы, столь драгоценной роду человеческому, я торжественно присягаю на сем оружии на взаимную любовь, что для меня есть божеством, и от чего я ожидаю исполнения всех моих пожеланий. Клянусь быть всегда добродетельным, вечно быть верным нашей цели и соблюдать глубочайшее молчание. Самый ад со всеми своими ужасами не вынудит меня указать моим тиранам моих друзей и их намерения. Клянусь, что уста мои тогда только откроют название сего союза пред человеком, когда он докажет несомненное желание быть участником оного; клянусь до последней капли крови, до последнего вздоха вспомоществовать вам, друзья мои, от этой святой для меня минуты. Особенная деятельность будет первою моею добродетелью, а взаимная любовь и пособие святым моим долгом. Клянусь, что ничто в мире тронуть меня не будет в состоянии. С мечом в руках достигну цели, нами назначенной. Пройдя тысячи смертей, тысячи препятствий, пройду и посвящу последний вздох свободе и братскому союзу благородных славян. Если же нарушу сию клятву, то пусть угрызение совести будет первою местью гнусного клятвопреступления, пусть сие оружие обратится острием в сердце мое и наполнит оное адскими мучениями, пусть минута жизни моей вредная — для друзей — будет последнею, пусть от сей гибельной минуты, когда я забуду свои обещания, существование мое превратится в цепь неслыханных бед, пусть увижу все, любезное моему сердцу, издыхающим от сего оружия в ужасных мучениях и оружие сие, достигая меня преступного, пусть покроет меня руками и, собрав на главу мою целое бремя физического и морального зла, выдавить на челе печать юродливого сына всей природы.

---

[1]) М. В. Довнар-Запольский. Тайное общество декабристов. Стр. 145 — 146.

III. ХОД СОБЫТИЙ РЕВОЛЮЦИИ

ДЕНЬ 14 ДЕКАБРЯ 1825 г. В ПЕТЕРБУРГЕ [1])

В Зимнем дворце, получивший накануне от Константина Павловича категорическое требование, чтобы его „более не беспокоили", император Николай отдавал распоряжения о приводе войск к новой присяге.

Он знал уже, что в столице далеко не все обстоит так благополучно, как это казалось с внешней стороны. Пред ним уже находились доставленные из Таганрога бумаги Александра Павловича, среди которых были доносы о существовании заговора. Уже уехали в южную армию генералы для производства там арестов, уже имел место разговор Николая с молодым Ростовцевым, из которого царь умозаключил о многом, „во мраке таящемся [2])

Получилось известие и об „hésitation à l'artillerie", — на самом деле о попытке графа Коновницына и других молодых офицеров поднять артиллеристов. Но вот и роковая весть: Московский полк находится в полном восстании...

Николай вышел из Зимнего дворца, приказавши на всякий случай заготовить для членов своей семьи дорожные кареты... [3])

Когда он находился вблизи Сенатской площади, несколько рот Московского полка с князем Щепиным-Ростовским и Александром и Михаилом Бестужевым во главе были уже там, построившись в карре. Их окружали густые толпы народа, т.-е. сочувствовавшей мятежникам, по выражению Корфа, „черни", которая вскоре стала осыпать камнями и поленьями правительственные войска и не одному десятку из состава которой пришлось в тот же день сложить головы под градом картечи.

Первое отступление от выработанного накануне плана инсургентами было уже совершено. Вместо того, чтобы итти с солдатами Московского полка, как было предположено, в другие части, Бестужевы и князь Щепин-Ростовский провели своих солдат прямо на Сенатскую площадь. Явился туда и Рылеев, он искал князя Трубецкого, его не было, и Рылеев, отправился за ним в поиски. Что делалось в других частях, ни московцы, ни их вожди не знали. К ним присоединились

---

[1]) Из статьи под тем же названием В. Я. Богучарского, напечатанной в VII томе издания „Отечественная война и русское общество".

[2]) Об этом см. ст. В. Я. Богучарского „Яков Иванович Ростовцев" в сборнике „Великая Реформа", т. V.

[3]) Царь сильно перетрусил. Он не только заготовил кареты. Он даже, взяв на руки своего семилетнего сына, обратился к стоявшим у главных ворот: „если меня не станет в живых, вот ваш император". См. П. Голенищев-Кутузов. — Толстой. „Четырнадцатое декабря", Русский Архив, 1882 г., III том, стр. 231.

в этот момент лишь несколько офицеров других частей войск, — князь Оболенский, князь Одоевский, Петр Бестужев, Якубович да несколько „штатских“ или, как выражается „донесение следственной комиссии“ „людей гнусного вида“ — Каховский, Пущин, Глебов и Вильгельм Кюхельбекер. Петербургский генерал-губернатор граф Милорадович, полагая, что дело идет лишь о недоразумении по поводу присяги, старался образумить солдат. „Обреченный“ Каховский решил этому воспрепятствовать. „Едва успели инсургенты построиться в карре, — рассказывает в своих „Записках“ барон Штейнгель, — как показался скачущим из дворца в парных санях, стоя в одном мундире и голубой ленте, Милорадович. Слышно было с бульвара, как он, держась левою рукою за плечо кучера и показывая правою, приказал ему: „Об'езжай церковь и направо, к казармам“. Не прошло трех минут, как он вернулся верхом перед карре и стал убеждать солдат повиноваться и присягнуть новому императору. Вдруг раздался выстрел., граф замотался, шляпа слетела с него, он припал к луке и в таком положении лошадь донесла его до квартиры того офицера, которому принадлежала. Увещая солдат с самонадеянностью старого отца-командира, граф говорил, что сам охотно желал, чтобы Константин был императором, но что же делать, если он отказался; уверял их, что он сам видел новое отречение и уговаривал поверить ему. Один из членов тайного общества — князь Оболенский, видя, что такая речь может подействовать, выйдя из карре, убеждал графа от'ехать прочь, иначе угрожал опасностью. Заметя, что граф не обращает на него внимания, он нанес ему штыком легкую рану в бок. В это время граф сделал вольт-фас, а Каховский пустил в него из пистолета „роковую пулю, накануне вылитую“ [1]).

Правительственные войска все в большем и большем количестве выстраивались против карре инсургентов. Николай держался поодаль. К нему подошел вышедший из карре другой „обреченный“ капитан Якубович и вступил с ним в разговор. Минута могла быть весьма трагическая [2]).

Тут же находился, как мы уже припоминали, с заряженными пистолетами в карманах третий „обреченный“ полковник Булатов, сам потом признавшийся Николаю в своих относительно его в тот день намерениях и умерший в Петропавлов-

[1]) Общественные движения в первую половину XIX века. Том I. Под редакцией В. И. Семевского, В. Я. Богучарского и П. Е. Щеголева. Изд. Пирожкова. Спб. 1905 г., стр. 441.

[2]) Пристрелить Николая I в этот день не представляло никаких затруднений. В особенности благоприятным был момент, когда перепуганный Николай, услыхав о событиях на площади, выбежал в одном мундире и с одним лишь ад'ютантом к головным воротам дворца. Труднее обстояло дело на площади, где Николай стоял окруженный своими генералами Якубович пытался застрелить царя. Притворившись раскаявшимся он подошел к царю. Но у Якубовича не хватило духу. Выстрелить он не решился. В. А.

ской крепости еще до постановки по делу всех декабристов приговора... Вскоре на площадь прибыли сначала, приведенные Николаем Бестужевым моряки гвардейского экипажа, а потом и лейб-гренадеры, приведенные Сутгофом, Пановым. Тут произошел снова, окончившийся, по свидетельству самого „донесения", счастливым для царской семьи образом, лишь благодаря случайности, момент. Без такой случайности Панов с своею ротою, как утверждают все официальные и неофициальные о событиях 14 декабря данные, мог легко овладеть Зимним дворцом, захватить всю царскую фамилию в качестве заложников и продиктовать затем свои условия, резко накренить весы судьбы этого дня в весьма определенную сторону...

Московский полк приветствовал присоединившихся к нему моряков и лейб-гренадеров восторженным „ура". Но с гренадерами прибыл и их полковой командир полковник Стюрлер, убеждавший всю дорогу своих солдат вернуться к повиновению. Лишь только гренадеры поравнялись с московцами, как из рядов инсургентов раздался, сразивший Стюрлера, выстрел. То была снова рука Каховского. „Ты ли это выстрелил?" спросил Каховского Сутгоф. „Теперь не время об этом говорить", ответил на это Каховский. Видя пистолет в руке князя Одоевского и полагая, что это он сразил Стюрлера, один лейб-гренадер выскочил из роты и поцеловал его...

К карре под'езжали затем генералы Войнов и Сухозанет. Их убеждения остались тщетными, их спрашивали лишь, принесли ли они конституцию...

Под'ехал, наконец, к карре и великий князь Михаил Павлович. Кюхельбекер направил в него пистолет, но выстрелить ему не дали сами инсургенты. Михаил Павлович принужден был, тем не менее, от'ехать [1]).

Николай послал увещевать бунтовщиков митрополита Серафима в полном церковном облачении. Его миссия также не имела успеха.

— Ну, что, — спросили митрополита, когда он возвратился, — что там делается? — Обругали и прочь отослали, — отвечал Серафим.

Показался на площади и сам Николай Павлович, пожелавший лично осмотреть расположение местности. По нем раздался залп. „Пули, — писал сам Николай, — просвистали мне через голову и, к счастью, никого из нас не ранило. Рабочие Исакиевского собора начали кидать в нас поленьями; надо было решиться положить сему скорый конец, иначе бунт мог

[1]) Михаил Павлович прибыл на площадь с своим отрядом для усмирения восстания. Кюхельбекер чуть было не подстрелил Михаила Павловича. Существует рассказ о том, что Кухельбекеру помешели в этом матросы, но это не соответствует действительности. Сделать выстрел Кюхельбекеру помешал мичман П. А. Бестужев, бывший среди декабристов. См. записки В. И. Фелькнера „Русская Старина", 1870 г., т. II, стр. 152—153. В. А.

сообщиться черни, и тогда окруженные ею войска стали бы в самом трудном положении".

Упомянутый выше генерал Войнов получил удар в спину поленом, брошенным из толпы народа.

Михаил Бестужев рассказывает, что Кюхельбекер и Пущин уговаривали народ очистить площадь, так как уже готовили пушки, но на все уговоры получали в ответ: „умрем вместе с вами".

Попробовали послать против инсургентов в атаку конную гвардию под командою генерала Орлова [1]), но атака была отбита беглым ружейным огнем.

Так прошло несколько часов.

Инсургентов было до 2.000 человек, окруженных целыми массами сочувствовавшей им „черни". Такие силы в руках одного вождя могли решить все дело тем более, что из рядов правительственных войск постоянно приходили от солдат советы продержаться до ночи, а тогда и они перейдут на сторону восставших. Но тут-то и обнаружилась в рядах инсургентов полная дезорганизация. Ждали диктатора, он не появился. Не было единства действий, единства распоряжения. Наступал вечер, вечер декабрьский, холодный, солдаты утомились, озябли, проголодались. А Трубецкой все не являлся...

Перед инсургентами показались жерла пушек. В качестве прикрытия к ним был поставлен взвод кавалергардов под командою, — опять обстоятельство, которое могло бы иметь решающее значение, — члена тайного общества, бывшего накануне на революционных совещаниях у Рылеева, поручика кавалергардского полка Анненкова... Артиллерийская прислуга, как это тут же обнаружилось, не хотела вначале стрелять „по своим"...

Перейди в этот момент инсургенты в наступление, и при создавшемся положении орудия легко могли очутиться в их руках, а тогда дело, конечно, приняло бы совсем другой оборот...

Но за отсутствием единого ответственного руководителя, распорядиться было некому, а при таких обстоятельствах неизбежно должно было случиться то именно, что и случилось в действительности...

Раздалась команда стрелять из первого орудия, но выстрела не последовало. Командовавший орудиями поручик бросился к пальщику и закричал — почему он не стреляет?

— Свои, ваше благородие! — было ему ответом.

— Если бы даже я сам стоял перед дулом и скомандовал „пли", тебе и тогда не следовала бы останавливаться, — закричал поручик и сам пустил первый заряд.

---

[1]) А. Ф. Орлов — брат декабриста М. Ф. Орлова. В. А.

Картечь ударила высоко в здание сената. Посыпались тела покрывавшего крыши сенатского здания народа. В ответ на выстрел последовал „неистовый крик“ из лагеря мятежников и беглый ружейный огонь.

И все-таки в наступление они не перешли...

За первым выстрелом последовал второй, третий, четвертый, и на этот раз картечь делала свое губительное дело в самой гуще инсургентов и народа. Все бросились бежать врассыпную. Михаил Бестужев хотел построить остатки своих войск на льду Невы и броситься с ними на Петропавловскую крепость, но по ним стали стрелять ядрами, и в довершение лед не выдержал тяжести массы народа и проломился. Раздались крики „тонем“. Трагедия приходила к концу. Лейб-гренадеры и моряки стали бежать по узкой Галерной улице. Но и туда послали орудия, которые открыли продольный огонь. „Люди, — рассказывает в своих „Воспоминаниях“ Николай Бестужев, — валились и валились на каждом шагу...“ Насколько в течение целого дня в правительственном стане было растерянности и нерешительности, настолько теперь в нем было силы и энергии...

К утру Сенатская площадь и прилегающие к ней улицы были очищены от трупов и раненых, уничтожены следы крови, все посыпано чистым снегом. Но эта ночь была ночью кошмарных ужасов. Трупы сбрасывали в наскоро сделанные в Неве проруби, та же участь постигла и раненых, недобитых...[1])

В ту же ночь начались среди „декабристов“ и аресты, за которыми последовала суровая, продолжавшаяся десятки лет, за 14 декабря расплата.

В. БОГУЧАРСКИЙ

ПОСЛЕ ПОДАВЛЕНИЯ ВОССТАНИЯ[2])

Во весь день 14 декабря 1825 г., кроме войск, толпилось множество народу на Адмиралтейской и Сенатской площади, в концах ближайших к ней улиц, на Исаакиевском мосту и набережных обоих сторон Невы. Из народа почти никто не участвовал в бунте: большею частью были только зрители.[3])

---

[1]) Об этом свидетельствует, между прочим, на основании бумаг тайного советника П. М. Попова, в своем исследовании и Шильдер: В ночь на Неве было сделано много прорубей, в которые опустили не только трупы, но, как утверждали, и многих раненых, лишенных возможности спастись от ожидавшей их участи“. (Шильдер. „Император Николай“, т. I, стр. 516). См. также „Исторический Вестник“ 1904 г., январь, стр. 74.

[2]) Из статьи охранника М. М. Попова „Конец и последствия бунта 14 декабря 1825 г.“, помещенной в историческом сборнике „О минувшем“, 1909 г., стр. 110 — 111.

[3]) Это явно неверно. Толпа была довольно активна. Прекрасно летели поленья дров. В. А.

К вечеру, часа в четыре, начали стрелять из пушек, поставленных против всех пунктов, где находились толпы: в Галерную улицу, вдоль по Исакиевскому мосту, по набережным — через гранитные перила на Васильевский остров. Пальба продолжалась с час. Тут не могло быть и не было никакого разбора: не столько участники мятежа, сколько простые зрители ложились рядами. В толпах от испуга и давки, от неловкости или слабости, люди давили друг друга и гибли, догоняемые ядрами и картечью. Как далеко долетали заряды, видно из того, что одно ядро ударило в третий этаж Академии Художеств, в квартиру учителя К а л а ш н и к о в а, прошибло стену и ранило кормилицу этого учителя, которая держала в руках его ребенка. Во всех домах ворота и двери были заперты и не отпирались ни на какой вопль: всякий боялся отвечать за мятежника. Народу было так много, что Нева, набережная и улицы были покрыты трупами.

Тотчас по прекращении стрельбы, новый государь приказал обер-полицеймейстеру Ш у л ь г и н у, чтобы трупы были убраны к утру. Шульгин распорядился бесчеловечно. В ночь по Неве от Исаакиевского моста до Академии Художеств и дальше, к стороне Васильевского острова, сделано было множество прорубей, величиною, как только можно опустить человека, и в эти проруби к утру опустили не только все трупы, но (ужасное дело!) и раненых, которые не могли уйти от этой кровавой ловли. Другие ушедшие раненые таили свои раны, боясь открыться медикам и правительству, и умирали, не получив помощи. От этого-то в Петербурге почти не осталось в живых из тех, которые были ранены 14-го декабря.

Государь был очень недоволен Ш у л ь г и н ы м и сменил этого господина. Безрассудность его распоряжения открылась еще больше всего. Когда по Неве начали добывать лед, то многие льдины вытаскивали с примерзшими к ним рукой, ногой или целым человеческим трупом. Правительство должно было запретить рубку льда у берега Васильевского острова и назначило для этого другие места на Неве. Со вскрытием реки, трупы погибших унесены в море.

Не меньше неприятно то, что полиция и помощники ее в ночь с 14 на 15 декабря пустились в грабеж. Не говоря уже, что с мертвых и раненых, которых опускали в проруби, снимали платье и обирали у них вещи, даже убегающих ловили и грабили.

Во всю ночь верные полки расположены были биваками по площадям около Адмиралтейства, по улицам Адмиралтейских частей и Васильевскому острову Везде горели бивачные огни и ездили густые патрули. Зимний дворец обведен был непрерывною цепью пушек, артиллеристами, пионерами и кавалергардами. Дня два или три после этого патрули продолжались день и ночь, не давая собираться толпам и не пропуская

людей сомнительних. Во дворце же недели две были в опасениях. Каждую ночь, как только засыпал город, безмолвно шли по Миллионной несколько рот Преображенцев и везли пушки.

Преображенцы помещались во дворе, а пушки ставили в воротах дворца. Утром, перед тем, как просыпаться городу, Преображенцы и пушки с тою же тишиною удалялись из дворца.

М. М. ПОПОВ

ПЕРВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНИЕ О СОБЫТИИ 14 ДЕКАБРЯ [1])

(„Русский Инвалид или Военные Ведомости“ № 300, 19 декабря 1825 г.)

Санкт-Петербург, 15 декабря

Вчерашний день будет без сомнения эпохою в истории России. В оный жители столицы узнали с чувством радости и надежды, что государь император Николай Павлович воспринимает венец своих предков, принадлежащий ему, и вследствие торжественного совершенно произвольного отречения государя цесаревича Константина Павловича, и по назначенію в бозе почивающего императора Александра, и в силу коренных законов империи о наследии престола. Но проведению было угодно сей столь вожделенный день ознаменовать для нас и печальным происшествием, которое внезапно, но лишь на несколько часов, возмутило спокойствие в некоторых частях города. Вскоре после издания височайшого манифеста о вступлении его императорского величества на престол, Государственный Совет, Правительствующий Сенат и Святейший Синод присягали в верности монарху; в течение утра должны были дать присягу все полки лейб-гвардии. В половине двенадцатаго часа командующий Гвардейским корпусом и начальник Гвардейскаго штаба донесли его величеству, что присяга учинена полками Конно-Гвардейским, Кавалергардским, Преображенским, Семеновским, Павловским, Гренадерским, Гвардейским Егерским, Финляндским и Саперным баталионом. О прочих полках не было еще известия по сему причиною полагали отдаленность их казарм от дворца. В двенадцать часов узнали, что четыре офицера гвардейской Конной Артиллерии, оказавшие сопротивление, взяты под стражу, но что прочие, как офицеры, так и нижние чины Гвардейского Артиллерийского корпуса присягали с отменным и единодушным усердием. Уже в исходе первого часа дошло до сведения его величества, что часть

[1]) Перепечатываем содержание этого документа по тексту, приведенному в „Русском Архиве“, 1881 г., т. II, стр. 337 — 340 (из прибавления к номеру 100 „Спб. Ведомостей“ 1825 года).

Московского полка (как сказывали, от 3 до 4-х сот человек), выступив из своих казарм с распущенными знаменами и провозглашая императором великаго князя Константина Павловича, идет на Сенатскую площадь. Толпы народа сбегались к сей площади и перед дворцом. Государь император вышел из дворца без свиты, явился один народу и был встречен изъявлениями благоговения и любви: отовсюду раздавались усердные восклицания. Между тем, две возмутившиеся роты Московского полка не смирялись. Оне построились в баталион-карре перед Сенатом; ими начальствовали семь или восемь обер-офицеров, к коим присоединилось несколько человек гнуснаго вида во фраках. [1]) Небольшие толпы черни окружали их и кричали: ура! Необходимость противопоставить им достаточное число верных войск была очевидна, государь император дал повеление вывести один баталион Преображенского полка, и предводительствуя оным, приблизился к месту, где были собраны бунтующие, но с твердым намерением не употреблять силы, пока будет хотя малейшая вероятность кротостью и увещанием образумить ослепленных мятежников. К ним под'ехал Санкт-петербургский военный генерал-губернатор граф Милорадович в надежде, что его слова возвратят их к чувству обязанности; но в эту самую минуту, стоявший возле него человек во фраке выстрелил по нем из пистолета и смертельно ранил сего верного и столь отличного военачальника. Он умер нынешнюю ночь.

Сие злодеяние ни в чем не изменило намерений его императорского величества. Твердость и милость равномерно оказывались в сделанных несколько раз по его повелению увещаниях возмутившимся. Государь призывал их к долгу и смирению, но не внимая никаким условиям, не скрывая от них, что и за самою покорностию долженствует необходимо и во всяком случае последовать примерное наказание зачинщиков мятежа.

Между тем его величество дал приказание, бывший в карауле у дворца полк Финляндский Егерский усилить Саперным баталионом, а полкам Кавалергардскому, Конно-Гвардейскому, Павловскому Гренадерскому и Лейб-Гвардии Артиллерийской первой бригаде явиться к нему. Все сии войска ревностно просили дозволения одним ударом уничтожить бунт и мятежников. К сим последним присоединилось несколько человек из Лейб-Гвардейского полка и Гвардейскаго Морского Экипажа; но с другой стороны великий князь Михаил Павлович, который в ту лишь минуту возвратился в С.-Петербург, узнавши, что часть принадлежащаго к его дивизии Московского полка обезславила себя восстанием на

[1]) Это комичное выражение правительственного сообщения впоследствии приобрело большую известность и много раз цитировалось. В. А.

законную власть, немедля отправился к казармам и там, даже не употребляя никаких строгих мер, привел к присяге шесть рот сего полка, кои при начале возмущения хотя отказывались присягать, однако же не хотели и следовать примеру вышедших на Сенатскую площадь. Его высочество, обязав сии роты клятвенным обещанием верности к государю императору Николаю Павловичу, привел их к августейшему брату своему; оне пылали равным с другими войсками нетерпением положить конец мятежу.

Но государь император еще щадил безумцев, и лишь при наступлении ночи, когда уже были вотще истощены все средства убеждения и самое воззваніе преосвященного митрополита Серафима пренебрежено мятежниками, его величество, наконец, решился, вопреки желанию сердца своего, употребить силу. Вывезены пушки, и немногие выстрелы в несколько минут очистили площадь. Конница ударила на слабые остатки бунтовавших, преследуя и хватая их. Потом розосланы по всем улицам сильные дозоры, и в шесть часов вечера из всей толпы возмутившихся не было уже и двух человек вместе: они бросали оружие, или сдавались в плен. В десять часов взято было дозорами более пяти сот, кои скитались рассеянные: виновнейшие из офицеров пойманы и отведены в крепость. В шесть часов вечера государь возватился во дворец и молебствие, по случаю восшествия его императорского величества на престол, совершено в присутствии их величеств, всего двора и при великом стечении знатных особ. В городе уже было восстановлено повсеместное спокойствие.

Таковы были происшествия вчерашнего дня; будучи очевидцами оных, мы описали все обстоятельства с величайшею подробностию и точностью. Они без сомнения горестны для всех русских и должны были оставить скорбное чувство в душе государя императора. Но всяк, кто был свидетелем поступков нашего монарха в сей памятный день, его великодушного мужества, разительнаго, ничем неизменяемого хладнокровия, коему с восторгом дивятся все войска и опытнейшие вожди их; всяк, кто видел с какой блистательной отважностью и успехом действовал августейший брат его, великий князь Михаил Павлович; наконец, всяк, кто размыслит, что мятежники, пробыв четыре часа на площади, в большую часть сего времени со всех сторон открытой, не нашли себе других пособников, кроме немногих пьяных солдат и немногих же людей из черни также пьяных; и что из всех Гвардейских полков ни один в целом составе, а лишь несколько рот двух полков и Морского Экипажа могли быть обольщены или увлечены пагубным примером буйства, — тот конечно с благодарностью к промыслу признает, что в сем случае много и утешительного; что оный есть не иное что, как минутное испытание, которое будет служить лишь к ознаменованию истинного

характера нации; непоколебимой верности величайшей без всякаго сравнения части войск и общей преданности русских к августейшему их законному монарху. Признания уже допрошенных важнейших преступников и добровольная явка главнейших зачинщиков, скорость, с коею бунтующие рассеялись при самых первых выстрелах, из'явления искреннего раскаяния солдат, кои сами возвращаются в казармы оплакивать свое минутное заблуждение, все доказывает, что они были слепым орудием, что провозглашение имени цесаревича Константина Павловича и мнимая верность присяге, от коей его императорское высочество сам произвольным и непременным отречением своим разрешил всех, служили только покровом настоящему явному намерению замысливших сей бунт навлечь на Россию все бедствия безначалия.

Праведный суд вскоре совершится над преступными участниками бывших безпорядков. Помощию неба, твердостию правительства они прекращены совершенно: ничто не нарушает спокойствия столицы, и войска, кои из предосторожности провели минувшую ночь на биваках близ дворца, возвратились в казармы.

Ныне поутру государь император об'езжал все находившиеся при нем полки и узнав, что рядовые Гвардейскаго Экипажа из'являют живейшее раскаяние, утверждают, что они были вовлечены в мятеж обманом, и уже в присутствии великаго князя Михаила Павловича дали присягу в верности, — дозволил сему баталиону предстать пред него, даровал им великодушное прощение и возвратил знамя, коего по воли его императорскаго величества они были лишены вчера. Они со слезами славят милосердие монарха.

ВЫСОЧАЙШИЙ МАНИФЕСТ О СОБЫТИИ 14 ДЕКАБРЯ

Божиею милостиею
мы, Николай первый,
император и самодержец
всероссийский
и прочая, и прочая, и прочая,
об'являем всем верным нашим подданным.

Печальное происшествие, омрачившее 14-й день сего месяца, день обнародования манифеста о восшествии нашем на престол, известно уже в его подробностях, из перваго публичного о нем об'явления.

Тогда, как все государственныя сословия, все чины военные и гражданские, народ и войска единодушно приносили нам присягу верности и в храмах божиих призаывли на цар-

ствование наше благословение небесное, горсть непокорных дерзнула противостать общей присяге, закону власти и убеждениям. Надлежало употребить силу, чтобы рассеять и образумить сие скопище. В сем кратко состоит все происшествие, маловажное в самом себе, но весьма важное по его началу и последствиям.

Сколь ни прискорбны сии последствия, но проведение показало в них новый опыт тех сокровенных путей, коими, карая зло, из самого сего зла оно производит добро.

По первому обозрению обстоятельств, следствием уже обнаруженных, два рода людей составляли это скопище: одни— заблудшие, умыслу непричасные, другие — злоумышленные их руководители.

Чего желали заблудшие? Быть верными данной им присяге. Всеми средствами обольщения они были уверены, что защищают престол, и в сем уверении не могли они внимать никаким другим убеждениям.

Чего желали злоумышленники? Священные имена преданности, присяги, законности, самое имя цесаревича и великого князя Константина Павловича было токмо предлогом их вероломства, они желали и искали, пользуясь мгновением, исполнить злобные замыслы, давно уже составленные, давно уже обдуманные давно во мраке тайны между ими тлевшиеся и токмо известные правительству: спровергнуть престол и отечественные законы, прекратить порядок государственный, ввести безначалие.

Какие средства? Убийство. Первою жертвою злоумышленников был военный генерал-губернатор граф Милорадович; тот, кого судьба войны на бранном поле в пятидесяти сражениях пощадила, пал от руки гнусного убийцы. Другие жертвы принесены были в тоже время: убит командир лейб-гвардии гренадерскаго полка Стюрлер; тяжко ранены генерал-маиор Шеншин, генерал-маиор Фридрихс и другие, кровию своею запечатлевшие честь и верность своему долгу.

Ни делом, ни намерением не участвовали в сих злодеяниях заблудшияся роты нижних воинов, невольно в сию пропасть завлеченные.

Удостоверясь в сем самым строгим взысканием, я считаю первым действием правосудия и первым себе утешением об'явить их невинными.

Но то же самое правосудие запрещает щадить преступников, они быв обличены следствием и судом, восприимут каждый по делам своим заслуженное наказание.

Сей суд и сие наказание, по принятым мерам, обнимая зло, давно уже гнездившееся, во всем его пространстве, во всех его видах, истребит, как я уповаю, самый его корень, очистит Русь святую от сей заразы, извне к нам нанесенной, смоет постыдное и для душ благородных несносное смещение подо-

зрений и истины, проведет навсегда резкую и неизгладимую черту разделения между любовию к отечеству и страстию к безначалию, между желаниями лучшего и бешенством превращений, покажет, наконец, всему свету, что российский народ, всегда верный своему государю и законам, в коренном его составе также неприступен тайному злу безначалия, как недосягаем усилиям врагов явных; покажет и даст пример, как истреблять сие зло, и доказательство, что оно не везде неисцельно.

Всех сих благотворных последствий мы имеем права ожидать и надеяться от единодушной приверженности к нам и престолу нашему всех состояний. В сем самом горестном происшествии мы с удовольствием и признательностию зрели от обывателей столицы любовь и усердие, от войск готовность и стремление по первому знаку государя своего карать непокорных, от начальников их преданность непоколебимую, на высоком чувстве, чести и любви к нам утвержденную.

Посреди их отличался Граф Милорадович. Храбрый воин, прозорливый полководец, любимый начальник, страшный в войне, кроткий в мире, градоправитель правдивый, ревностный исполнитель царской воли, верный сын церкви и отечества, он пал от руки недостойной, не на поле брани, но пал жертвою того же пламенного усердия, коим всегда горел; пал исполняя свой долг, и память его в летописях отечества пребудет всегда незабвенна. Дан в Санкт-Петербурге в 19-й день декабря месяца, в 1825-е лето от рождества христова, царствования же нашего в первое.

На подлинном подписано собственною его императорского величества рукою тако:

Николай [1])

В МОСКВЕ [2])

Московские события в среде членов записаны в записках Якушкина с большими подробностями, совпадающими в общем с тем, что показывали участники московских совещаний в следственной комиссии. Показания дают некоторые дополнения и в то же время и в записках Якушкина приводится смелое предложение его относительно восстания, неоправдываемое однако следственными показаниями. Заметим, что сам Якушкин был на следствии весьма молчалив, и поэтому подробности извлекаются преимущественно из показаний Муханова, Орлова, Нарышкина, Семенова.

---

[1]) Н. К. Шильдер. Император Николай Первый. Т. I. Изд. Суворова. Спб. 1903 г., стр. 666 — 668.

[2]) Из статьи М. В. Довнар-Запольского „Декабрьская революция 1825 г.“, помещенной в № 7 — 8 „Голоса Минувшего“ за 1917 г.

В Москве в момент восстания были очень влиятельные лица из числа членов общества, но они частью находились в отставке, частью заранее разорвали связи с обществом. Поэтому среди московских войск они, конечно, не могли иметь большого влияния. Тут были известный генерал М. Ф. Орлов, Фон-Визин, полковник Митьков, сюда же как раз перед событиями приехал из своей деревни Якушкин, с юга Нарышкин, был здесь Семенов и некоторые другие. Единой сплоченной группы декабристы здесь не составляли, и некоторые не были даже знакомы друг с другом до декабрьских совещаний. Тем не менее, в Петербурге весьма учитывали солидные имена московских членов. Еще 12-го декабря Пущин написал письмо в Москву Семенову, в котором извещал о петербургских слухах, об отказе цесаревича и о предположениях общества. Он писал, что в Петербурге рассчитывают на 50 или 60 офицеров и на 1000 или 1500 солдат, с помощью которых петербургские сообщники намерены провозгласить императором Константина. Пущин писал, что план окончательно еще не выработан, чем все это кончится — неизвестно, что он сам спит в одежде с тем, чтобы по первому требованию явиться на площадь. Когда его письмо получено будет в Москве, в Петербурге все уже будет кончено. В заключение Пущин просил показать это письмо московским сочленам [1]). По некоторым показаниям это письмо предназначалось для прочтения Орлову. Кроме того, Трубецкой в особом письме просил Орлова приехать в Петербург. Письмо это было доставлено Орлову Ипполитом Муравьевым [2]).

Известие о петербургских намерениях и вместе с тем о междуцарствии получено было в Москве 15-го или 16-декабря. Но Якушкин рассказывает, что, узнав об этом ночью от возвратившегося домой Алексея Шереметева, он немедленно поднялся и отправился вместе с Шереметевым к Фонвизину, разбудили его и вместе отправились к полковнику Митькову. Тут ночью стали они обсуждать, что можно сделать при данных обстоятельствах. Якушкин предлагал Фонвизину немедленно отправиться в Хамовнические казармы, надев свой генеральский мундир, и там поднять войска. Затем он предлагал вместе с Митьковым немедленно же отправиться к полковнику Гурко, начальнику штаба 5-го корпуса, на которого можно было подействовать, как на старого члена Союза Благоденствия. Предполагалось арестовать корпусного командира и московского градоначальника, а затем призвать войска, стоявшие в окрестностях Москвы, и по дороге подготовлять их к восстанию. Известие о результатах петербургского восстания должно было получиться на следующий день, и московское восстание послужило бы дополнением к петербургскому, в слу-

[1]) Гос. Арх., д. Семенова, л. 44.
[2]) Довнар-Запольский. Мемуары, в показаниях Орлова.

чае успеха там, или исполнением обязанности членов общества в случае неуспеха. Но все четверо решили, что они не имеют никакого права приступать к восстанию, и все собрание кончилось только тем, что решили на следующий день вечером с'ехаться у Митькова и пригласить на это совещание М. Орлова. [1]).

Весь этот рассказ Якушкина находится только в его записках.

Совещание предполагалось днем 18 декабря, как это видно из дальнейшего изложения. 17-го декабря письмо Пущина к Семенову было показано вечером Фонвизиным Орлову. Прочтя письмо, Орлов немедленно его сжег. Днем 18 декабря в Москве уже был известен печальный исход петербургской попытки к восстанию. Москва уже присягнула новому императору. В это утро Якушкин был у Орлова. Сюда же пришел и штабс-капитан Муханов, раньше неизвестный Якушкину. Муханов обладал уже многими подробностями о петербургских событиях, происхождение которых он об'яснял тем, что слышал их в соборе во время присяги. Но судя по сообщаемым им частностям, с упоминанием имен участников, быть может, он имел более определенный источник. Муханов был очень возбужден, весьма горевал о гибели участников восстания, настаивал на необходимости дать известие в южную армию и, по его собственным словам, он говорил: „они погибли, их ничего не спасет, кроме смерти государя, и многие наши знакомые погибнут вследствие сего происшествия“ [2]). В ответ на эти предложения, Орлов подошол к Муханову и, ничего не ответив ему, только „взял его за ухо и подрал“.

Орлов отказался ехать в собрание под тем предлогом, что он сегодня отказался присягать, сказавшись больным, а между тем сам он был в мундире и орденах, очевидно собираясь к присяге (наблюдение Якушкина). Так от Орлова Якушкин с Мухановым отправились к Митькову. Здесь нашли они Семенова, Нарышкина, Фонвизина и некоторых других. Муханов повторил известные ему подробности. Опять делались предположения о сообщении Южному Обществу, и здесь Муханов повторял, что только смерть государя могла бы спасти восставших. Намерения Муханова, несмотря на все оговорки, совершенно ясны. Но ясно также и то, что его предложения не имели успеха в Москве, и совещания кончились только разговорами [3]).

---

[1]) Записки И. Д. Якушкина, Москва, 1905, 73.

[2]) Гос. Арх., д. Муханова, л. 3.

[3]) Довнар-Запольский. Мемуары, 15—18 (показания Орлова). Гос. Арх., д. Муханова, с показаниями Якушкина и Нарышкина. л. л. 26, 43, 34—37. Гершензон, История Молодой России, 46—47. Общественные движения в России, т. I. стр. 46 и сл. Гос. Арх., д. Семенова, л. 44 и сл. Записки Якушкина, 75.

Этим исчерпываются бледныя события в среде московских членов. На юге, в районе южной армии, положение осложнилось и притом самым неожиданным образом.

М. В. ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКИЙ

НА ЮГЕ [1])

Переходя к рассказу о возмущении Черниговского полка, необходимо указать, что записки Горбачевского в этом отношении представляют собою замечательнейший материал. Они отличаются массою подробностей, проверяемых показаниями подсудимых. По всей видимости записки были составлены на основании опроса участников и, быть может, немедленно же записаны, или же Горбачевский обладал выдающейся памятью. Таким образом, подробное описание Горбачевского совпадает с подробностями данных на суде показаний. Так как показания касались, главным образом, внешней стороны действий, хорошо известных правительству, то участникам и скрывать было нечего. Другой вопрос, который вместе с этим представляет большой интерес — это вопрос о том, что переживало общество в период арестов, и какие меры принимались его членами для сокрытия бумаг, а равно и высказывались некоторые предположения в связи с возможностью начала действий. Тут, конечно, было многое, подлежащее к сокрытию, но мало-по-малу следствие вскрыло и эту сторону дела. Все эти факты являются совсем новыми в освещении декабристов на следствии потому что они не попали даже в позднейшие записки.

Известно, что первый извет о Южном Обществе Александр получил еще перед отъездом в Таганрог от юнкера Шервуда, случайно принятого в общество юным Вадковским. Сам Шервуд, делая извет, обладал очень ничтожными сведениями, и он был отправлен для дальнейших розысков. В Таганроге императором были получены более подробные данные со списками членов общества, и одним из последних его распоряжений была посылка в район южной армии генерала Чернышева для арестования Пестеля и др. Таким образом, деятельность Чернышева на юге совпала с периодом междуцарствия и продолжалась до начала января.

Если правительство успело заранее узнать о заговоре, то и заговорщики старались следить за правительством для того, чтобы заранее предвидеть опасности, если бы она угрожала. Уже в последних числах ноября Пестель имел сведения об

[1]) Из статьи Довнар-Запольского „Декабрьская революция 1825 г.“, помещенной в № 7—8 „Голоса Минувшего“ за 1917 год.

открытии заговора и опасности, угрожавшей Южному Обществу; между тем аресты начались только с половины декабря. Первые намеки на осведомленность штаба армии сообщил Пестелю Бошняк [1]), который со слов генерала Витта заключил, что правительство осведомлено об обществе. Известную роль в этом осведомлении сыграл и кн. Барятинский, ад'ютант главнокомандующего кн. Витгенштейна, повидимому, и сын последнего Александр. Среди признаков грядущей беды явилось для декабристов то обстоятельство, что им показался подозрительным приезд фельд'егеря из Таганрога в главную квартиру, внезапный от'езд начальника штаба генерала Киселева навстречу главнокомандующему и некоторая таинственность, которою были окружены действия высших начальников и изменение отношений Киселева и кн. Витгенштейна к офицерам из числа членов общества [2]). Это внешние признаки, за которыми скрывались и более точные сведения. Начались разезды и общение между членами, расположенными в различных пунктах края. Поручик Крюков 2-й выказывал наибольшую интенсивность в этом отношении. Повидимому, он был первым, сообщившим Пестелю о получении в штабе каких-то важных бумаг и даже отрывков из разговора Киселева с графом Витгенштейном. Из ставки он отправился к Пестелю через Браилов, т.-е. кружным путем, нашел у Пестеля майора Лорера и изложил им все, что ему было поручено. Тут же обсуждался вопрос о спасении бумаг, в котором потом Крюков принимал такое деятельное участие, и о сношении с Сергеем Муравьевым, к которому Крюков вызвался отправиться с письмом от Пестеля [3]). Князь Барятинский из главного штаба в Тульчине неоднократно посылал сведения Пестелю в Линцы, где стоял полк последнего. Эти вести передавались через Заикина, Загорецкого, Рынкевича и некоторых других, не говоря о Крюкове. Так Заикиным было доставлено Пестелю известие о болезни государя, через Загорецкого переданы известия о смерти Александра I-го. [4]) Несмотря на опасность, привлекали однако к делу новых членов. Во всяком случае, несколько недель все общество было в напряженном состоянии. Сам Пестель ежедневно ожидал ареста. Молодой офицер Бобрищев-Пушкин, весьма растерявшийся после ареста, свидетельствует, что „вообще, начиная от самого от'езда Крюкова (в Васильков к Сергею Муравьеву), все почти время было для нас временем грустных ожиданий“ [5]).

[1]) Елисаветградский помещик, агент-провокатор генерала Витта, следившего за декабристами. В. А.

[2]) Павлов-Сильванский. Пестель перед верховным уголовным судом, 171. Довнар-Запольский. Мемуары, рассказ Бобрищева-Пушкина, I, 287.

[3]) Гос. Арх., д. Крюкова 2-го, ответ на восьмой вопрос и л. 33 об.

[4]) Там-же л. 34.

[5]) Рассказ Бобрищева-Пушкина, Мемуары, 289.

Неудивительно, что такие тягостные обстоятельства побудили членов общества сделать известного рода приготовления— сжечь свои бумаги и взвесить свои силы.

Вопрос о сожжении бумаг является для нас небезразличным, ибо он об'ясняет, почему до нас дошло столь незначительное документальное наследие о деятельности общества и об'ясняет, как был спасен столь драгоценный памятник, как „Русская Правда" Пестеля. Пестель утверждал на следствии, что он сжег свои бумаги [1]). Поджио рассказывает, что собравшиеся 22-го декабря у Давыдова члены раз'ехались, чтобы уничтожить имевшиеся у них бумаги. Это было уже после ареста Пестеля [2]) Следовательно, многие члены возможно долгое время удерживались от истребления документов, но были бумаги, которыми особенно дорожил Пестель и др. и которые частью сохранились, частью подверглись уничтожению только тогда, когда наступила крайность. По приезде Крюкова из Василькова Пестель поручил ему отвезти „Русскую Правду", зашитую в холсте, и еще какие-то незапечатанные бумаги в местечко Немиров к майору Мартынову. Оберегавшие бумаги члены общества знали распоряжение Пестеля об истреблении этих бумаг в самом крайнем случае, особенно просил Пестель сохранить „Русскую Правду". Крюков приехал из Немирова, поручил поручику Заикину взять у Мартынова бумаги и принять меры к их сохранению. Последний отправился в Немиров и привез бумаги зашитыми в подушку к себе в село Кирнасовку под Тульчином. Он жил в одной избе с Бобрищевым-Пушкиным 2. Ночью оба офицера с помощью брата Бобрищева-Пушкина зарыли „Русскую Правду" в той же избе. Остальные бумаги еще, очевидно, нужны были и, кроме того, их разрешалось сжечь. Но вскоре многие тульчинские члены узнали о том, где хранятся бумаги. Когда Пестеля арестовали, то многие требовали сожжения бумаг. Поручик Аврамов нарочно приезжал с напоминанием о необходимости сжечь бумаги. Бобрищев-Пушкин не отрицал, что он возразил на это Аврамову: „Помилуйте, как можно сжечь этакие бумаги; уговори, чтобы не жгли". Аврамов на это ответил, что и ему так кажется. Это бережное отношение офицеров касается только „Русской Правды", потому что открытые бумаги были сожжены Заикиным и Бобрищевым-Пушкиным накануне 6-го декабря, т.-е. дня присяги Константину, когда Пестель еще не был арестован. Впрочем, решено было рассказать в Тульчине, что все бумаги сожжены, но „Русскую Правду" все же решено сохранить.

Однако же хранить „Русскую Правду", зарытую в квартире, казалось офицерам не безопасным, ввиду возможных обысков

[1]) Павлов-Сильванский, там же, 31.
[2]) Мемуары, 215.

и арестов. Крюков 2-й, знавший о сохранении „Русской Правды", уже из-под ареста передал Бобрищевым-Пушкиным совет сжечь бумаги. Тогда оба брата отправились к себе в Кирнасовку и ночью вырыли бумаги из-под пола, отправились за деревню и зарыл их в поле. Заикина при этом не было. О месте, где зарыты бумаги, братья потом сказали поручику Заикину и его брату Феодору (не бывшему членом общества). На следствии, когда выяснился вопрос о том, что „Русская Правда" зарыта (следственная комиссия весьма сильно добивалась найти ее), то Заикин нарисовал план местности, где зарыты бумаги.

Причина бережного отношения молодых офицеров к „Русской Правды" понятна: они сознательно относились к ее содержанию, а с другой стороны, им верилось, что, быть может, судьба повернется так, что „Правда" еще понадобится. Когда Бобрищев-Пушкин I показал Федору Заикину место ее хранения, он завещал ему: „когда все успокоится, отдайте бумаги хотя Лачинову, или кому другому, на которого можна положиться, с тем, чтобы оные давались по рукам для чтения и убеждения, что это дело не мальчишек". О себе братья не думали, что им придется показывать бумаги, потому что ожидали гибели своей... Бобрищев-Пушкин 2 тоже надеялся, что бумаги „по ходу дела могут понадобится" [1]).

К сожалению для декабристов они не понадобились, но потомство с великой признательностью не может не отнестись к тому, что молодые офицеры сохранили для него „Русскую Правду"; ее идеалы и сейчас представляют поучительное наследие декабризма.

Инцинцент с бумагами—превходящий. Гораздо важнее и интереснее то обстоятельство, что, когда сделалось известно о расследовании правительства и повидимому, в связи с известием о болезни, а потом и смерти императора, в среде Южного Общества зародилась мысль о возможности или необходимость попытки к восстанию.

Мы знаем уже, что 27 ноября Пестель посылал в Васильков поручика Крюкова 2. Содержание письма Пестеля к С. Муравьеву, по понятным причинам, установить трудно, но смысл его ясен из последующего. Пестель имел совещание в Умане с кн. Волконским и Давыдовым, а в Линцах с Крюковым и Заикиным о начале возмущения. Причины, побуждавшие к началу действия, были те, что общество открыто, а другая та, что болезнь и кончина императора могут представить к тому удобный момент. Но, повидимому, начало действий было отложено на январь, или даже несколько позже. Предполагалось начать возмущение, когда Вятский полк Пестеля займет караул в главной квартире и начать с арестования

[1]) Там же, 281 — 4, Гос. Арх., д. Заикина и Бобрищева-Пушкина 2.

главной квартиры южной армии. Предлагалось также освободить из под-ареста майора Раевского, который находился в Тирасполе при корпусной квартире генерала Сабанеева. По словам Пестеля, все это решение не было безусловным, но предполагалось сообразоваться с обстоятельствами. В начале возмущения, начатого Вятским полком, свитские офицеры из числа членов общества должны были пристать к Вятскому полку, затем должен был двинуться кн. Волконский с своими войсками, Бошняк должен был отправиться поднять военные поселения. Другим членам предоставлялось действовать каждому в своей части. Обо всем этом, очевидно, писалось С. Муравьеву через Крюкова, и нет ничего удивительного в том, что из Тульчина старались убедить Муравьева действовать не спеша, по общему плану, не начинать возмущения раньше Тульчина. Зная настроение Муравьева, можно было ожидать с его стороны преждевременного начала. Вероятно, преднамеренно Крюков приехал к Муравьеву в 2 ч. ночи. Раньше они не были знакомы. У Муравьева Крюков застал Бестужева-Рюмина и Матвея Муравьева. Сам Крюков в своих показаниях рассказывал, что здесь он узнал, что никакой опасности пока не предвидится что все идет очень хорошо и что у них все готово к восстанию, которое предполагалось начать в мае 1826 года, что в среде их имеется двенадцать или пятнадцать человек, решившихся на цареубийство. Бестужев из Василькова предполагал отправиться обратно в Бобруйск, но если Пестель уведомит о начале действий, то он направится в восьмую девизию, а оттуда во второй корпус. В беседах с другими офицерами Крюков передавал о том впечатлении, какое на него произвело свидание с Муравьевым. По его наблюдению, Муравьев обладал большою силою, Бобрищев-Пушкин I бесхитросно передает отрывки рассказа Крюкова о посещении Василькова. Рассказ очень характерный для экспансивного С. Муравьева. По словам Крюкова последний был „в таком расположении, что хоть сейчас впору". Он говорил Крюкову: „у нас ничего не бойтесь, говорите все и при всех; я вам это докажу". Он тотчас-же выстроил какую-то команду, и спросил ее: „Ребята, пойдете за мною, куда ни захочу".—„Куда угодно"—был ответ солдат. Муравьев уверял Крюкова, что „он не дастся, если его и брать будут". Получаемые из Василькова Пестеля письма были весьма решительного свойства. Муравьев нуждался только в двух неделях времени для начала действия. Крюков привез от Муравьева три письма и две бумаги, в одной из которых было известие о принятии новых членов и о настроении солдат, а в другой был совет подать начальству мысль об исправлении артиллерийских снарядов. Между прочим, заметим, что последняя мысль весьма беспокоила Борисова 2, который по опыту Кавказской войны знал о неисправности артиллерийских снарядов,

хранящихся при батареях, и опасался, чтобы это обстоятельство не отразилось на успехах восстания. Письма Муравьева содержали в себе повторение того, что он изустно передавал через Крюкова Пестелю. Последний читал их при Крюкове и при Лорере [1]).

Таким образом, план действий был выработан, обсужден, несколько отложен выполнением, но, зная Пестеля, можно поверить его сообщению: приехав после совещания с Волконским и Давыдовым в Линцы, он сообщил план Крюкову и другим офицерам, но сам никаких предварительных действий не предпринимал. Это вполне совпадает с тем, что мы знаем о характере Пестеля — великого теоретика революции, но не практического заговорщика [2]).

Начались аресты и начались с самого Пестеля и его ближайших сотрудников, Крюкова 2, кн. Барятинского, Юшневского. 21 или 22 декабря еще не арестованные члены Южного Общества собрались у Давыдова на совещание. Здесь были, кроме хозяина, Лихарев, Янтальцев, оба Поджио, сюда же заезжал накануне собрания князь Волконский с печальными известиями об арестах. Тут решили было послать шт.-капитана Поджио к Муравьеву, но он не успел поехать. „Здесь все разговоры клонились к неизбежной нашей гибели. Янтальцев особенно жалел Юшневского", — так говорит Поджио, но тут же себе противоречит, ибо он ожидал решения Южной Управы. Он составил письмо к Волконскому, убеждая его начать действие и спасти Пестеля. Это письмо было послано с Янтальцевым. Интересно, что члены общества обращаясь к Волконскому, тут же пришли к мысли, что на его инициативу нельзя рассчитывать. Янтальцев не советовал Поджио посылать письма к Волконскому: „Вы знаете, он действовать не будет", — говорил он. Давыдов безнадежно смотрел. — „Волконский один сам собою ничего не значит, ибо должен быть непременно кем-нибудь движим, чтобы быть к тому способным; дайте мне Пестеля, тогда дело другое". Знал и Поджио о нерасположении Волконского лично действовать, но он лелеял ту мысль, не начнет ли Муравьев, в надежде на помощь Волконского. Мы не знаем подробностей письма Поджио к Волконскому, но повидимому в нем содержался и план начала действий, бывший у Поджио. План состоял в том, чтобы Азовский полк поднял восстание и направился бы к Тульчину, где должен был арестовать генерала Киселева и дежурного генерала Байкова, а затем ожидать здесь С. Муравьева и вместе с ним направиться в Киев и здесь основать главную квартиру. Кроме того, Поджио предлагал и еще героическое средство. По словам Лихарева, он по прочтении плана

[1]) Павлов-Сильванский, там же, 89, 90, 104. Довнар-Запольский. Мемуары, 288. Гос. Арх., д. Крюкова 2, л. 33 об.

[2]) Довнар-Запольский. Тайное общество декабристов.

сказал: „работайте здесь, а я вам отвечаю, что в такой-то день государь не существует. Прошу только, чтобы Михаил Федорович Орлов приехал к сему времени в Петербург и принял командование гвардией". По словам других он предлагал „свои две руки", но Давыдов на это сказал: „твои две руки ничего не значат, тут надобно шесть". Комиссия очень настойчиво добивалась, ответил ли Поджио, что у него есть еще „руки" и кого он при этом имел в виду или же нет, но ввиду разноречивых показаний она ничего не добилась. Таким образом, самым решительным членом оказался подполковник Поджио, который предлагал средство героическое, но по тому времени не безнадежное.

На все эти предположения разбились прежде всего об отказ кн. Волконского, который отказался поднять 19 дивизию, потому что у него нет здесь, по его словам, ни одного человека, подготовленного к делу, между тем Поджио утверждал, что ему достоверно известно, что в Азовском полку есть люди, преданные Волконскому, и ему казалось, что он мог бы поднять эту часть войск. Об отказе кн. Волконского члены узнали, собравшись у Янтальцева. Подп. Поджио пришлось отменить свое намерение отправиться в Киев. Правда, мысль о покушении не оставляла его и здесь, и он говорил Янтальцеву, что есть еще удобный случай для покушения на царскую фамилию — время коронации в Москве. Но это уж были не планы, а мечты, потому что общество распадалось, разбегалось, и это были последние моменты жизни на свободе [1]). Дальнейшие аресты прекратили мечты о возможности восстания.

В районе Васильковской Управы, т.-е. в районе сосредоточения членов Общества Соединенных Славян, весь декабрь месяц прошел в чрезвычайном приподнятом и деятельном настроении. Надо припомнить, что члены этого общества еще летом горели нетерпением начать активные действия, и готовились выполнить те предположения, которые были отнесены на начало лета 1826 года. Неудивительно поэтому, что когда получились известия о смерти императора, то эти известия немедленно вселили в членах смутную мысль о пользе и необходимости немедленных действий. Это сознание охватило членов общества, повидимому, без особых побуждений со стороны руководителей Васильковской Управы. Разговоры, надежды высказываются в кружке славян, идут совещания с солдатами, а руководители Управы остаются как-то в тени, хотя Бестужев и сделал несколько предуведомлений. Но его распоряжения касались начала действий в марте, а потом отнесены на половину января. У славян не было побудительных причин

[1]) Довнар-Запольский, Мемуары, 216 (рассказ подполковника Поджио), Гос. Арх., д. Лихарева, л. 17, об. 19, 20. Дело штабс-капитана Поджио, л. 28 и сл. Дело Давыдова, л. 5,37 об., 28 об., 32 об., 40, 36 об., 40 об.

поднять восстание из опасения ареста, потому что от них были скрыты С. Муравьевым и Бестужевым полученные через Крюкова сведения. Итак, было одно побуждение — использовать момент для освобождения родины.

Как только разнеслась весть о смерти Александра I, славянам казалось необходимым немедленно поднять знамя восстания. По сообщению прекрасных записок Горбачевского, присяга Константину проходила среди ропота. В Черниговском полку произошло еще очень оригинальное обстоятельство, которое сделало существующий режим особенно ненавистным и сблизило солдат с офицерами. Полковник Гебель собрал полк для принесения присяги и, пользуясь сбором, сбыл с рук еще одно „дело" : исполнил резолюцию главнокомандующего и подверг телесному наказанию двух солдат, не выждав возможного при таких обстоятельствах освобождения от наказания по манифесту. Все явно роптали. С. Муравьев упал в обморок, дисциплина была нарушена. Присяга Николаю проходила еще при большем ропоте.[1])

Таково было настроение. Долгое время после присяги Константину славяне не получали никаких известий от С. Муравьева. Однако, они усиленно готовили солдат. Только перед 20 декабря начались раз'езды Андреевича 2-го между членами общества. Он сообщал известия об угрожающей опасности и предположение о начале действий в феврале или марте месяце. Извещал он также о том, что собирается в Петербург с некоторыми из членов славянского общества. Так, Горбачевский 20 декабря получил через фейерверкера письмо от Андреевича. Как раз в это время у Горбачевского в Баранове был Борисов 2. В этом письме сообщалось, что Бестужев радуется успехам славян и что начало действий близится. В момент чтения письма явился сам Андреевич и привез письмо от самого Бестужева, в котором он торопил славян в приготовлении нижних чинов. „Нам представляется случай, ранее нежели мы думали, умереть со славой за свободу и отечество; быть может, в феврале или марте месяце голос родины соберет нас вокруг хоругвей свободы", так писал Бестужев и тут же просил Горбачевского и Борисова 2 приехать к нему в Киев к 15 января. Известие о начале действий обрадовало славян. Немедленно был вызван Горбачевским Бечастный, и всю ночь провели они в сообщении и во взаимном обмене мнений о будущих действиях. Борисов написал для Бестужева записку для передачи через Андреевича, в которой набросал план действий. Артиллеристы требовали прикрытия из пехоты и конницы. Это прикрытие должно немедленно подойти к расположению батарейных рот, потому что некоторые офицеры из

[1]) Записки декабриста И. И. Горбачевского, 1916 г., 63. Эти записки ранее были напечатаны в „Русском Архиве", 1882 г.

числа членов общества в командировках, артиллерийские лошади находятся в 45 верстах от парка. Поэтому артиллеристы, вооруженные только тесаками, не справятся в начале действия. Только одна вторая легкая рота была вполне готова. Немедленно после начала восстания необходимо об'явить „скорое освобождение крестьян". Славяне полагают необходимым привлечь к действию поляков, об'яснив всеобщее восстание. Наконец они требуют от Муравьева дать им точный план действий [1]). Нельзя отказать Борисову в практичности придуманного им плана для начала действий своей части, но у Муравьева плана не было. Андреевич отправился в Киев, а оттуда 27 декабря в Васильков к Муравьеву, но здесь он уже Муравьева не застал, и положение вещей в сильной мере изменилось. Через несколько дней в районе расположения славян появляется отставной поручик Андрей Борисов. Довольно трудно сказать, случайно ли он появился в районе расположения членов общества или нарочно приехал, вызванный Бестужевым. Ему, как отставному, действительно было удобно переезжать с места на место и об'единять деятельность общества. Братья Борисовы упорно настаивали на том, что Андрей Борисов случайно приехал из Курской губернии, для определения на службу, но у Горбачевского вырвалась фраза, из которой видно, что Андрей Борисов уехал из дому, не сказав об этом даже отцу [2]). Как бы то ни было, но Борисов сначала появляется около 26 декабря в Новгород-Волынске у своего брата Петра. Тут он узнал о планах скорого восстания, а 26 декабря здесь сделалось известно о неудачном исходе дня 14 декабря. Славяне немедленно решили, что Южное Общество начнет восстание, но ждали известия от Муравьева. Предположено было об'явить в городе временное правление и напечатать прокламации об освобождении крепостных. Борисов Андрей предполагал ехать в Харьковскую губернию для предупреждения тамошних артиллерийских офицеров, а пока он отправился в Житомир для свидания с местными членами [3]).

В Житомире он был у Иванова и Киреева. Здесь прежде всего он узнал о приказе арестовать Муравьева и Бестужева и „об опасности всем конституционерам угрожающей". Тут немедленно было решено умереть с оружием в руках, чтобы избегнуть угрожающего всем наказания. Этим они полагали, что исполнят клятву, данную Бестужеву в Лещинском лагере, и кроме того были уверены в том, что Бестужев и Муравьев немедленно начнут восстание в Черниговском полку. Киреев и

[1]) Гос. Арх., д. Борисова 2-го, л. 30. Дело Веденяпина, л. 14. Дело Бечастного, л. 24. Записки Горбачевского, 71 — 74.

[2]) Гос. Арх., д. Борисова 1-го, л. 23. 27. 30 Дело Горбачевского.

[3]) Гос. Арх., д. Борисова 1-го, л. 29, 30. Записки Горбачевского, 76.

Иванов писали Петру Борисову, что они видят проводимых через корпусную квартиру арестованных заговорщиков и что они решаются умереть для избежания наказания и просят сообщить об их решении Громницкому, Тютчеву, Лисовскому, Бечастному и Горбачевскому. Кроме того, Иванов дал письмо в Троицкий полк к Ярошевичу и Киселевичу. На совещании в Житомире принимали участие в выработке плана действий, кроме Андрея Борисова, Иванова и Киреева, братья Веденяпины, Андреев, Нащекин и некоторые другие. Так как А. Борисов здесь предложил план действий, то весьма вероятно, что он привез его уже из Новоград-Волынска. План заключался в том, чтобы итти на Киев или Бобруйск и запереться в одной из этих крепостей в ожидании помощи со стороны второй армии. Офицеры рассчитывали на известных им членов — полковника Швейковского с его Алексопольским полком, от командования которым он был только-что отставлен, на командира Ахтырского гусарского полка Артамона Муравьева и, наконец, на полковника Тизенгаузена, который с своим полком в это время находился в Бобруйске. Правда, среди совещавшихся были сомневающиеся. В числе их был поручик Нащекин, считавший весь план „безрассудным поступком", но Борисов I убедил всех, заявив, что смерть лучше заточения, которая им всем угрожает. Итак, устроивши дело в Житомире, Андрей Борисов с письмами Иванова и Киреева к своему брату, к двум ротным командирам Троицкого полка и с письмом к Горбачевскому отправился обратно в Новоград-Волынск [1]).

Первого января он был здесь, застав у своего брата Горбачевского (последний, как мы знаем, жил в Баранове). Тут собравшиеся стали прежде всего писать письма, согласно совету Иванова, к другим членам общества, в Пензенский и Саратовский полки. Так Петр Борисов писал Громницкому. Тютчеву и Лисовскому, напоминая им о данной клятве и об угрожающей опасности, и настаивал, чтобы они шли в Новоград-Волынск к артиллеристам, а оттуда на Житомир, удерживая солдат от убийств и насилий. Кроме того, тот же Борисов написал письмо юнкеру Головинскому, квартировавшему тогда в Овручском уезде, поручая ему не только поднять свою роту, но также и соседнюю шляхту. Связь с поляками уже была завязана, потому что к Головинскому письмо повезли двое из поляков, а третий поляк отправился в Заслав для того, чтобы действовать на шляхту. Горбачевский, несколько колебавшийся, написал однако письмо к майору Спиридову. Согласно тому, что было решено еще в Житомире, пензенские офицеры должны были итти к Новоград-Волынску, где предполагалось арестовать полкового командира и несогласных

---

[1]) Гос. Арх., д. Борисова I, л. 29, 30. Дело Веденяпина, л. 16. Записки Горбачевского, 77.

восстать офицеров, и затем пехота и артиллерия с надеждой на поддержку ахтырских гусаров должна была отправиться в Житомир. Петр Борисов особенно рекомендовал Андрею Борисову, между прочим, чтобы он воздействовал на Тютчева, в целях поднять соседний Саратовский полк.

С этим багажем писем первого января ночью Андрей Борисов отправился в Старый Константинов к Тютчеву, Громницкому и Лисовскому. В два часа ночи на третье января Борисов был у Лисовского и у Громницкого. Борисов им сказал, что общество открыто, что приказано арестовать Бестужева, и Андреевич поехал его предупредить, что, наконец, девятая и седьмая девизия и много полков второй армии соединились для действия против правительства, Ахтырский полк вышел на поддержку восставших (последнее верно в том, что этот полк выступил в поход, но поход был направлен против восставших). Но восьмая артиллерийская бригада не может двинуться без пешего подкрепления. „Поспешите, если умирать, то лучше с оружием в руках, нежели гнить в цепях вечно. Я имею письма в Троицкий полк к двум ротным командирам, поручику Ярошевичу и капитану Киселевичу. Они приняты в Общество комиссионером Ивановым. Соединясь с вами на дороге к Новоград-Волынскому, оттуда двинемся на Житомир, после, кто там присоединится к нам больше, и потом в Бобруйскую крепость, завладев оною. будем дожидать главнейшего подкрепления". Можно с достоверностью сказать, что Борисову пришлось произнесть речь в этом духе, несколько приукрасив начало восстания, потому что пензенские офицеры с большим колебанием встретили предложение приступить к действиям. Борисову пришлось ссылаться на письма и даже показать им письма Иванова и Киреева к его брату. Когда Громницкий и Лисовский согласились начать действия, они советывали Борисову ехать, а капитану Тютчеву, квартировавшему в 10 верстах от города в деревне Кузьмине. Борисов отправился туда, Тютчев тотчас же отправился с Борисовым в Ст.-Константинов, приказав предварительно фельдфебелю собрать роту к раннему утру и раздать ей боевые патроны. На краю города, в корчме имели свидание офицеры. Можно поверить заявлениям всех троих на следствии, что они неохотно поднимали восстание, потому что они весьма торопили Борисова уехать, под предлогом, что его могут арестовать, боясь очевидно его настойчивости, потому что он хотел дождаться у них начала восстания. Письмо Горбачевского к майору Спиридову повез Тютчев. Спиридов согласился действовать и отправил письмо к Шимкову в Саратовский полк, сообщил и Горбачевскому, что если ему не удастся поднять Пензенский полк, то он сам приедет к Горбачевскому. Затем Спиридов с Тютчевым отправились в Ст.-Константинов к Лисовскому и Громницкому, но те заявили, что они совсем не

успели приготовить солдат. Они ссылались на советы Муравьева и Бестужева действовать на солдат медленно, ссылаясь и на то, что дело о восстании начато Борисовым, тогда как от Муравьева и Бестужева нет никаких известий. Один Тютчев не отказывался от своего обещания. Под предлогом занятия караула в Житомире Тютчев направился к Житомиру с своею ротою. Спиридов возвратился к себе в Красилов, где получил ответы из Саратовского полка от Шимкова и капитана Ефимьева. „Саратовский полк с нетерпением ожидает начала восстания. Я ездил в Тамбовский полк и принял там пять ротных командиров, которые поклялись при первом случае соединиться с нашим полком и готовы содействовать нам с своими подчиненными", так писал Шимков. Капитан Ефимьев писал, что хотя его не удостоили доверием и не приняли раньше в общество, он тем не менее выступит с своей ротой и даже ручается за свой полк [1]).

Из Ст.-Константинова Борисов направился опять в Новоград-Волынский, но в этот город он не заезжал, остановившись только в Баранове у Горбачевского и Бечастного, сообщив им о готовности пензенских офицеров. С дороги, из местечка Полонога, он успел переслать брату записку, в которой говорилось, что Ахтырский полк собирается в штаб квартиру в Любар, что артиллерия второй армии и Литовский корпус находятся с сборе и везде замечается движение войск. „Надежда возбудилась в сердцах славян", — говорит по этому поводу в своих позднейших записках Горбачевский, видевшийся с Борисовым 2 после проезда его брата [2]). Но все эти войска были двинуты правительством против скромного отряда Черниговского полка, во главе которого случайно оказался С. Муравьев. А известий от последнего не было. И у славян начало уже зарождаться сомнение, не арестован ли сам Муравьев. Так оно и случилось.

В течение почти всего декабря месяца С. Муравьев и Бестужев-Рюмин не давали никаких определенных указаний с своей стороны членам общества за исключением известной уже нам посылки Андреевича 2. Но мы уже знаем, что и Андреевич никакого определенного плана не привез. На представленный Борисовым план Бестужев никакого ответа не дал. Славяне, как мы видели, готовились к действию, не имея, однако, определенных директив. 25 декабря С. Муравьев с братом Матвеем, незадолго перед тем приехавшим в Васильков, прибыли из Василькова в Житомир. Как это ни странно, но совершенно не удается выяснить, была ли эта поездка связана с предполагаемым восстанием, или только с поездкой Бестужева в Петербург. Дело в том, что в Житомире

[1]) Гос. Арх., д. Борисова 1-го, л. 30 сл. Дело Лисовского, л. 16 — 18. Дело Тютчева, л. 18. Записки Горбачевского, 82 — 87.

[2]) Гос. Арх., д. Борисова 1-го, л. 29-30. Записки Горбачевского, 80.

Муравьев ни с кем не виделся из членов общества. Он и Бестужев показывали, что целью поездки Муравьева было посещение Муравьевым корпусного командира генерала Рота для того, чтобы исходатайствовать отпуск для Бестужева. У Бестужева умерла мать, и он хотел отправиться в отпуск по домашним делам, но ему, как бывшему Семеновскому офицеру, получить отпуск было трудно, почему и понадобилось ходатайство С. Муравьева. Вообще весь этот эпизод с отпуском совершенно неясен: легально отправиться в Петербург, когда общество открыто, казалось бы делом странным и довольно безнадежным. Можно однако догадываться, что целью отпуска были далеко не семейные дела: нам уже известно, что Бестужев приглашал с собой в столицу и некоторых из офицеров. Непонятно только, для чего он так откладывал замысел цареубийства, когда казалось бы быстрота действий должна бы стоять на первом плане. В Житомире братья Муравьевы узнали от генерала Рота о неудаче, постигшей восстание 14 декабря. Тогда братья немедленно отправились в м. Троянов к Александру Муравьеву, командиру Александрийского гусарского полка. Тут они узнали еще больше подробностей о 14 декабря и немедленно же уехали в м. Любар к Артамону Муравьеву, командиру Ахтырского гусарского полка. Заезд в Троянов оба брата об'ясняли желанием провести праздники у родственников и — как это ни странно — показание возможное, потому что Александр Муравьев не был членом общества. Иное дело его брат Артамон. Они отправились к последнему уже с определенною целью выяснить создавшееся положение, как к одному из глав заговора и при том очень горячему. Но здесь нагнал братьев Муравьевых Бестужев-Рюмин и поразил их известием, что бумаги Сергея Муравьева взяты полковником Гебелем, который теперь гоняется за Муравьевым, чтобы его арестовать. Матвей Муравьев весьма растерялся, но Сергей Муравьев предложил Артамону немедленно поднять свой гусарский полк. Тут произошла тяжелая сцена убеждения Сергеем Муравьевым Артамона Муравьева, подробно описанная в записках Горбачевского. Артамон Муравьев решительно отказался и даже высказал намерение признаться во всем новому государю для облегчения участи. Он не послал записок С. Муравьева к членам общества, даже не дал беглецам свежих лошадей, и они должны были уехать на истощенных. Немного спустя от'езда братьев Муравьевых на квартиру Артамона Муравьева явился полковник Гебель. Задержав несколько полковника Гебеля, Артамон Муравьев тем самым оказал единственную услугу бежавшим от него.

В то самое время, когда С. Муравьев так неудачно добивался содействия Артамова Муравьева, Андреевич 2 был послан офицерами Черниговского полка в Радомысль к полковнику Повало-Швейковскому, недавно отставленому коман-

диру Алексопольского полка, с предложением поднять свой бывший полк, и тоже получил категорический отказ в самой грубой форме. Ему пришлось скакать в Васильков, но здесь оставаться было невозможно, и он пешком вышел из города и отправился в Киев.

В Василькове офицеры Черниговского полка ожидали возвращения С. Муравьева и начала восстания. Они питали розовые надежды на готовность других частей войск и были уверены в успехе поездки Муравьева. Но надежды сменились унынием: во время бала 25 декабря к полковнику Гебелю явились жандармские офицеры, о чем-то с ним поговорили, затем произвели обыск в квартире Муравьева, забрали бумаги и сам Гебель с одним из жандармов спешно куда-то уехали. Причина поездки была ясна, но офицеры не знали маршрута Муравьева. Во всяком случае у них составилось твердое решение освободить Муравьева, если его арестуют. Наконец ночью с 28 на 29 декабря поручик Кузьмин получает записку от Муравьева с извещением, что он находится в деревне Трилесах, в квартире самого Кузьмина (там стояла рота последнего) и с предложением приехать в деревню Кузьмину, Соловьеву и Сухинову.

Дело в том, что братья Муравьевы с Бестужевым добрались с трудом из Любара в Трилесы. Трудно сказать, был ли у них какой-нибудь определенный план действий. Из Трилес Бестужев немедленно уехал в Радомысль к Повало-Швейковскому. Так рассказывает Горбачевский, а Муравьев утверждает, что Бестужев отправился в Брусилов, с тем, чтобы пробраться в Новоград-Волынск к славянам. Но если бы проезд оказался затруднительным, то он должен был возвратиться обратно в Трилесы. Здесь братья Муравьевы расположились ночевать. Перед рассветом их настиг полковник Гебель с жандармским офицером и арестовал. Пока довольный выполненным поручением Гебель пил чай, пока запрягали лошадей, Кузьмин и Сухинов прискакали в Трилесы. Гебель начал им чинить замечания по службе, что было очень кстати, ибо они ожидали приезда двух других офицеров, которые вскоре подехали. Пока Гебель наставлял в дисциплине своих офицеров, разговаривал с Муравьевыми, Кузьмин успел убедиться в готовности солдат, стоявших на карауле, другие захватили жандармского поручика Ланга и заперли его в погреб, откуда он успел бежать, успели переговорить с Муравьевыми, а спор с Гебелем закончился избиением его. Впрочем Гебеля не преследовали и дали ему возможность убежать.

Так был освобожден С. Муравьев с братом. Возмущение началось так сказать само собою. Муравьев посылает Соловьева и Щепилу собрать свои роты в Васильков. Стоявшая в Трилесах рота немедленно была собрана и в боевом порядке направилась в деревню Ковалевку, где квартировала вторая

гренадерская рота, которая тоже присоединилась к первой. В Ковалевке отряд переночевал, тут же в Ковалевке С. Муравьев сделал ряд распоряжений для расширения восстания. Он послал Башмакова (разжалованного из офицеров в солдаты) к капитану Фурману, чтобы тот отправился поднять 8-ю пехотную дивизию. Впрочем, оба они так не спеша ехали, что были по дороге арестованы. Затем Муравьев вызвал к себе в Васильков Вадковскаго и Молчанова, послав им записки через унтер-офицера. 30 декабря утром С. Муравьев с двумя неполными ротами двинулся в Васильков. В 8-ми верстах от Василькова в селе Мытнице дано было распоряжение отряду зарядить ружья Здесь же в Мытнице присоединился к отряду возвратившийся Бестужев-Рюмин. В Василькове уже ожидали Муравьева и союзники и враги. Вместо больного Гебеля, пробравшегося за это время к себе в Васильков, командовал полком майор Трухин, который изготовил к бою бывшую в его распоряжении роту. Соловьев и Щепила успели заранее приехать в Васильков, известили своих, но были арестованы Трухиным. Под вечер отряд Муравьева спокойно вступил в Васильков. Майор Трухин пробовал было красноречием воздействовать на восставших, но был помят солдатами и арестован. Был вторично арестован и Гебель, подвергшийся притом оскорблению со стороны солдат. Между тем арестованные ранее Трухиным офицеры явились на городскую площадь во главе карауливших их солдат. Полковые знамена и ящик были взяты Муравьевым на свою квартиру. Приехал и Вадковский и, восхищенный всем случившимся, немедленно отправился в Белую Церковь, обещая взбунтовать хоть часть Егерского полка.

Затем С. Муравьев успокоил испуганных жителей, об'яснив им цель восстания. расставил караулы, которые ночью успели арестовать проезжавших двух жандармов, и стал делать приготовления к походу. Всю ночь он писал запершись в своем кабинете. Поутру, вызвав к себе поручика Мозгалевского, С. Муравьев приказал ему немедленно ехать переодетым в Киев с тремя письмами. Одно письмо было к майору Курского полка Крупникову, другое какому-то генералу и еще кому-то третье письмо. Но надо заметить, что о посылке трех писем передает в своих записках Горбачевский, писавший по слухам. На допросе выяснилось только о посылке одного письма к Крупникову, что можно считать более достоверным. Сверх письма Мозгалевскому дано было ответственное поручение. Он отправился в Киев с четырьмя солдатами, у которых были отпороты погоны. Им даны были копии известного политического катехизиса с целью распространить его среди тамошнего народа. Между прочим заметим, что Мозгалевский в своих показаниях уверяет, что расчеты черниговских офицеров в начале восстания были очень радужны. Они надеялись на Алексо-

польский и Кременчугский полки, которые должны были двинуться к Житомиру и на всю восьмую дивизию.

Несмотря на то, что вопрос о восстании трактовался целый месяц, определенного плана у С. Муравьева не было, не было и определенных сведений о настроении частей войск, где были члены общества. Направление пришлось угадывать. Была возможность выбрать три направления — на Киев, на Житомир или на Белую Церковь. С. Муравьев избрал второе направление, полагая, что в Брусилове он будет на один день перехода от Житомира и от Киева и, таким образом, может повернуть к Киеву, если Мозгалевский привезет ему благоприятные известия.

Утром весь отряд выстроился на городской площади и ждал своего вождя. С. Муравьев вызвал к себе полкового священника и убедил его отслужить молебен, выяснив при этом цель восстания. Священник, хотя вопрос о семье сильно его беспокоил, не устоял пред убеждениями Муравьева и согласился. Оба явились на площадь перед колоннами войск. Муравьев приветствовал солдат, об'яснив им цель восстания. Офицеры и солдаты подтвердили готовность следовать за своим вождем. Священник прочитал политический катехизис с изложением правил и обязанностей свободных граждан. Муравьев еще раз подтвердил, что он никого не стесняет и желающие могут остаться. Затем следовал молебен. Во время последнего приехали младший брат Муравьева Ипполит, только что произведенный в офицеры. Сопровождаемые добрыми пожеланиями жителей, солдаты двинулись в поход. Путь был взят на с. Мотовиловку.

В поход выступили следующие роты Черниговского полка: 3-я мушкатерская рота первого батальона, 2-я гренадерская рота второго батальона и 4, 5 и 6 мушкатерские роты. Двум ротам приказано было присоединиться в с. Мотовиловке. Таким образом войско Муравьева состояло всего из неполной тысячи человек. Из офицеров с Муравьевым выступили: штабс-капитан Маевский, поручик барон Соловьев, поручики Петин и полковой казначей Сизеневский, подпоручики: Быстрицкий, Рыбаковский, Кондарев, прапорщики: князь Мещерский, Апостол-Кегич, Белолюбский, Сухинов, Войнилович, Кузьмин и Щепила. К ним надо присоединить троих братьев Муравьевых, Бестужева-Рюмина и разжалованных из офицеров в рядовые Грахольского, Тарасова и Ракузу, одевшихся в офицерское платье. Вот подсчет сил, с которыми Муравьев начинал дело. Мы знаем уже, что надежды его на стоявшие в разных местах полки были невелики, ближайшие по расположению полковые командиры отказали в помощи. Правда, в Житомире и Новоград-Волынске находились члены общества, принимающие горячее участие в приготовлениях. Но об их готовности Муравьев ничего не знал, ибо они готовились и

ждали от него указаний. Мало того, от Житомира и Новоград-Волынска он был отрезан кавалерийскими полками, на которые нельзя было расчитывать. Муравьев заботился о поднятии восстания в Киеве, где его призыв до очевидности был безнадежен, он заботился о поднятии 17-го Егерского полка, где мог расчитывать на несколько младших офицеров, между тем не принял серьозных мер к тому, чтобы быстро двинуться на Житомир или Новоград-Волынск или даже к тому, чтобы дать туда знать о себе. Быстротою движения и определенностью направления он без сомнения мог бы многое выиграть.

В сущности Муравьев двигался медленно, видимо, выжидая вестей и не имея определенного плана. В Мотовиловку отряд прибыл к вечеру 31 декабря. Здесь встретили его еще две роты Черниговского полка без своих командиров. На приглашение Муравьева присоединиться к восставшим солдаты ответили молчанием. Им предложено было разойтись по квартирам, и только один взвод из двух рот примкнул к отряду. Зато прибавилось подкрепление. На другой день сюда пришел с ротою подпоручик Быстрицкий. Это была рота Соловьева, стоявшая под Васильковым, собранная и приведенная Быстрицким, очень сознательная, подготовленная к делу своими офицерами. В Мотовиловке была об'явлена дневка — опять промедление — и только 2 января в 9 час. утра отряд двинулся, но уже по направлению не к Житомиру, но к Белой Церкви. Муравьев сам об'ясняет причину такого поворота в отсутствии известий от Мозгалевского. По его соображениям, он мог быть арестован в Киеве, по Житомирской дороге могла быть поднята тревога, а в Белой Церкви оставалась надежда на Егерский полк и на отсутствие артиллерии.

К 4 часа дня отряд уже занял с. Пологи в 12 верстах от Белой Церкви. Ночью были собраны сведения о положении дела в этом городке. Оказалась, что вся пехота отсюда уже выступила в гор. Сквиру. Вадковский уже ничего не успел сделать по приезде в полк, ибо немедленно был арестован. Разведку производил Сухинов. Во время ночевки выяснилось, что гусары следят за отрядом и даже под'езжали к пикетам. Было очевидно, что направление выбрано неудачно, и что о движении отряда уже известно противнику. Тогда на рассвете Муравьев двинулся обратно из с. Полог через Ковалевку на Трилесы к Житомиру. Время было потеряно. Энтузиазм остывал и большая часть офицеров оставила отряд Муравьева. В дальнейший поход с Муравьевым, кроме его братьев и Бестужева, отправились Сухинов, Соловьев, Кузьмин, Щепило, Быстрицкий.

В Ковалевке солдаты передохнули, Муравьев сжег бумаги и двинулся дальше. Не прошел отряд и 6-ти верст по направлению к д. Устиновке, как послышались первые выстрелы артиллерии. Сомкнутыми колоннами, изготовившись к бою, полк шел вперед. Но выстрелы артиллерии стали достигать атаку-

ющих Едва ли не вторым выстрелом картечью был ранен сам С. Муравьев. Он пытался еще делать распоряжения, но первый взвод бросил ружья без выстрела и разбежался, за ним последовали другие. Некоторые взводы, видимо, хотели было сопротивляться, но новые выстрелы заставили и их вздрогнуть. Ипполит Муравьев был дважды ранен и по второму разу смертельно. Щепило был убит, Кузьмин ранен и потом, уже арестованный, покончил с собою.

Сражение было кончено, гусары окружили захваченных офицеров и раненых солдат, часть кавалерии преследовала бежавших. К вечеру С. Муравьев, его брат Матвей, Бестужев, Соловьев, Быстрицкий и раненый Кузьмин были опять в Трилесах, но уже под сильным конвоем. Сухинов убежал и потом был пойман в Кишиневе [1]).

Так неудачно кончилось предприятие С. Муравьева. Горбачевский в своих записках, подводя итоги действиям Муравьева, посылает его памяти ряд горьких упреков: медлительность. нерешительность и во время стоянок и во время атаки — вот особенности его поведения. Он все время был задумчив и рас-

---

[1]) Вопрос о восстании изложен на основании показания Сергея и Матвея Муравьевых и Бестужева-Рюмина и по запискам Горбачевского. Отбрасываем целый ряд легендарных рассказов, напр., о предполагаемой причине движения на Белую Церковь, о привозе Матвеем Муравьевым денег, о пьянстве и безчинствах солдат повторенных даже в официальных манифестах. Все эти рассказы не имеют серьезных оснований. Кроме того, приведем еще следующие литературные данные.

Краткое описание событий помещено в брошюре В С. Иконникова. Крестьянское движение в Киевской губ. в 1826 — 27 гг. в связи с событиями того времени (по архивным материалам). С-Пб 1905 г. В этой брошюре собран ряд доказательств того глубокого и благоприятного впечатления для декабристов, какое произвело в русском обществе движение декабристов. Это движение отразилось и в народной среде. о чем свидетельствуют приложенные к брошюре выписки из местных поветовых судебных учреждений. В брошюре имеются обширные библиографии. почему мы в дальнейшем приводим только наиболее важные статьи.

Бунт Черниговского полка (официальные рапорты). „Русск. Архив", 1871 г., 258 и сл.

Из воспоминаний М. И. Муравьева-Апостола. Там же стр. 229 и сл.

Из записок полковника гвардии Александра Густавовича Гебеля. Там же, стр. 1718 и сл.

И. И. Суханов, „Русский Архив", 1870 г., 908 и сл.

Переписка по делу бунта Муравьева-Апостола, „Русская Старина" 1905 г., май. 374, и сл.

С Муравьев-Апостол. Биографический очерк Баласа, „Русская Старина", 1873, май, 667.

Воспоминания Докудовского, изд. Рязанской Ученой Архивной Комиссии, т. I, 40.

Новыя обстоятельства бунта Муравьева, воспоминания доктора Де-ла-Флиза, в журнале „Аргус", 1918 г., апрель, 65. сл.

Записки М. Чайковского, „Русская Старина" 1895 г., декабрь, 160.

Шегуров, ст. о бунте Черниговського полка, „Русск. Архив", 1902 г., № 6, 270.

сеян. „Вообще поведение его таково, что офицеры раскаивались что из уважения к С. Муравьеву не настояли на том, чтобы удалить его из отряда". По словам Горбачевского, в Муравьеве оказался недостаток личной храбрости. Таково заключение современников. Все сказанное верно, но надо одно принять во внимание: С. Муравьев знал и понимал безнадежность предприятия, ибо получил ряд отказов поддержать его. Окружавшие его офицеры в более розовых красках представляли себе решимость офицеров других полков. Надо и то сказать что противники восставших, командиры 3 и 4 корпусов, не только обладали силой, но выказали удивительную деятельность, предусмотрительность и быстроту, чего действительно не хватало восставшим.

Так началось Николаевское царствие.

Своевременно были подчеркнуты тактические ошибки, допущенные восставшими и в Петербурге и в Василькове. Взвешивая положение восставших и в том и в другом пункте, нельзя не признать что Васильковское восстание сразу обречено было на неудачу при тех условиях, при которых оно началось. Оно опоздало едва ли не на пол-месяца. Арестование Пестеля, кн. Волконского и других делали его безнадежным К этому надо прибавить отказ Артамона Муравьева. Очевидно, С. Муравьев это сознавал, и можно довериться его категорическому заявлению на следствии, что побудительным моментом к восстанию послужил инциндент с Гебелем в Трилесах. Итак, восстание опоздало, началось случайно, но при всем том проводилось без должных энергии и распорядительности главы его. Конечно, вопрос шел, при безнадежности положения о том, скольких жизней будет стоить эта смелая попытка — дорогой или дешевой ценой отдать жизнь людей. Если бы С. Муравьев стоял на первой точке зрения, несомненно, его попытка приняла бы более грандиозный масштаб. Против него как раз стоял Ахтырский гусарский полк, трудно сказать, устоял-бы он при более энергичном движении, ибо в этом полку было много сочувствующих. При сложившихся условиях попытку Муравьева нельзя не признать несвоевременной; это была попытка отчаяния и случайности. Иное дело положение Пестеля и других. Они дали себя арестовать, не сделав ни одного активного движения. Бестужев верно определил, где кроется успех, но он так медленно оттягивал свой от'езд в Петербург, что становится совершенно непонятно, подсказывала ли ему эту медленность самоуверенность в том, что его подождут в Петербурге, или же тут скрывалась нерешительность в его характере.

А между тем бесспорно, что идея восстания пользовалась в Южной армии широкой популярностью, даже в среде тех офицеров, которые официально не принадлежали к обществу. Это сказывалось во время арестов, ибо по существу всем подлежащим арестам дано было время принять тот или иной

план действия. Сознательно или несознательно, но арестовывавшие так медлили с арестами, что даже у Пестеля было много времени. Арестованных держали так слабо, что каждый из них мог бежать из-под ареста. Для примера приведем этапные пункты ареста Басаргина. Он приехал в Тульчин, уже зная об арестах. Остановившись в квартире доктора Вольфа, тоже находившегося в списке, но еще не арестованного, он узнал от кн. Урусова, ад'ютанта начальника штаба Киселева, о том, что и он стоит в списке, и получает напоминание о бумагах. Басаргина вызывают в кабинет Киселева. Начинается официальный разговор, нечто вроде допроса, и кончается приглашением на обед. Для Басаргина это было время неудобное, и он сказал, что прийдет вечером. Вечером он беседовал с женой Киселева о предстоящем своем аресте. В следующие дни Киселев, уезжая в Петербург, дружески прощается с Басаргиным. Только 8 января дежурный генерал штаба об'являет Басаргину о предстоящем его аресте и отправлении в Петербург и предупреждает, что завтра придет за бумагами. А. Басаргин имел всего обер-офицерский чин. [1]) И такова общая картина арестов. Все это указывает на возможность успеха при быстроте действий. Настроение в Петербурге не было безнадежным для успехов декабризма. Но и здесь тактические ошибки повредили делу. Неудивительно поэтому, что некоторые из участников события вынесли впечатление о возможности успеха. Барон Розен в своихпозднейших записках говорит, что военная сила, вышедшая на площадь, в руках одного начальника, ввиду собравшегося тысячами вокруг народа, готоваго содействовать, могла бы все решить, тем легче, что при наступательном действительном действии много баталионов пристали бы к возмутившимся [2]). Такое же впечатление вынес и Завалишин, упрекающий в неумелых действиях главных распорядителей восстания [3]). Некоторые из новейших исследователей, например, Павлов-Сильванский считают неудачу декабристов случайной, так как все условия благоприятствовали успеху декабристов [4]). Таким образом, пессимизм участников восстания, с которым они начали дело, был, к сожалению, преждевременным. С этим пессимизмом, как с реальным фактором, нельзя не считаться, и причин для него было достаточно.

Действительно, в редкий период русской истории недовольство в общ стве правительственными мерами и лицами было распространено так сильно, как в этот период. Следовательно, малейший успех, быстрота движений и выполнения того или другого военного плана, несомненно создали бы поворот в пользу восставших. Но совершенно ясно, что одним

[1]) Девятнадцатий век Бартенева. Записки Басаргина.
[2]) Записки Розена, 91.
[3]) Записки Завалишина, 337 — 8, 344, 347.
[4]) „Былое", 1906, февраль, 127.

стоянием на площади нельзя было побудить Сенат издать желаемый манифест. Тут нужно было стремиться к обладанию или дворцом, или крепостью. Нужна была борьба. Но основной кадр борьбы, солдаты, не имели импульса, им его не было дано. Мы не говорим уже о том, что люди, долженствовавшие играть первенствующую роль, начиная с самого кн. Трубецкого, не выполнили взятого на себя задания. Рылеев, подобно Пестелю, охотно обдумывал до мельчайших деталей второй шаг революции, избегая прямой и отчетливой постановки вопроса о первом шаге. А между тем при условиях тогдашнего недовольствия самодержавным строем, при общем нерасположении к Николаю, при удачно выбранных и распространенных лозунгах поворот в борьбе склонился бы на сторону восставших. Они имели бы поддержку везде — от чинов Государственного Совета до народных низов. Не забудем, что, по словам хорошо осведомленного и наблюдательного Герлаха, заговорщики встречались везде—и в приемной государя, и во всех слоях столицы.

Николай I хорошо учел всю обстановку своего положения и в день восстания и в дни его ликвидации. Вот почему он с величайшей осторожностью привлекал к делу цвет русской аристократии, доходя иногда до просьб у сановных отцов простить своего сына [1]), лишь-бы не увеличивать число соучастников, ибо „для Европы“, даже официально для русского общества правительство Николая хотело представить все дело в более мягких тонах, как ничтожную попытку небольшой кучки „дерзких“ офицеров, по возможности из невысоких чинов, заразившихся тлетворными влияниями западных течений. Отсюда из многих сотен прикосновенных к делу лиц привлечены были немногие, к осуждению привлекалось до ста тридцати лиц из числа таких, которых пощадить было невозможно, без нарушения элементарной справедливости или щадить не было нужды по невысокому положению их в обществе. Кстати заметим, что сравнительно с практикой XVIII в. и требованиями тогдашнего закона, основанного на Петровском регламенте, и приговор в редакции императорской резолюции вовсе нельзя было назвать суровым. Напрасно так подчеркивали декабристы его суровость в своих позднейших записках Что сам Николай на следствии в отношении многих действовал, как опытный инквизитор, что относился ко многим жестоко, это верно. Что он в отношении многих был несправедлив — это другое дело, градация скалы наказаний иногда варьировалась вне зависимости от вины, что, конечно, последующим поколениям весьма больно вспоминать о тех жизнях, которые физически и морально были разбиты за свою попытку бороться с самодержавием — это другой вопрос.

М. В. ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКИЙ

[1]) В. С. Шереметьев, С.-Пб., 1910 год, 237.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ СООБЩЕНИЯ О ВОССТАНИИ ВОЙСК МУРАВЬЕВА-АПОСТОЛА [1])

I

Рапорт командира 3-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта Рота командиру 4-го пехотного корпуса генерал-лейтенанту Щербатову от 3-го января 1826 г. за № 13 из мест. Фастова (получ. 5 генваря в 7 ч. вечера).

Узнав по прибытіи моем вчерась на ночь в деревню Мохначку, что подполковник Муравьев с мятежниками, по полученным известіям о моем движеніи, оставил намереніе идти через Фастов в Брусилов; переменив свое намереніе, шел к Белой Церкви, в надежде успеть овладеть у графини Браницкой значительной суммой, я сего числа в три часа по полуночи выступил с кавалеріею и конною артиллеріею, дав направленіе генерал-маіору Гейсмару с двумя орудіями и 3-мя эскадронами к деревне Устимовке; я же 5-ю эскадронами и 6-ю орудіями шел через Фастов, дабы Муравьеву препятствовать всякое отступленіе, направив равномерно по полуночи 12-ть рот пехоты с 4-мя пешими орудіями с Большого Половецкого на Малую (?! В. А.) Белую Церковь. Таким образом со всех сторон он был окружен и по приближеніи в час пополудни генерал-маіора Гейсмара к деревне Устимовке, где мятежники защищались, но по нескольких выстрелах из орудій, положили оружіе. Подполковник Муравьев ранен, брат его застрелился, один офицер убит, кроме других раненых и убитых. О чем вашему сіятельству имею честь сделать первое донесеніе.

II

Рапорт командира 3-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта Рота от 3-го генваря 1826 г., за № 16 из с. Трилесы, главнокомандующему 1-ю армией генералу-от инфантерии графу Сакену (получ. 6-го генваря в 10 ч. утра), об'явленный при приказе начальника главного штаба его императорского величества от 9-го генваря за № 3.

Спешу донести вашему сіятельству через нарочнаго, что после выступленія моего из мест. Паволоча, по двухдневном преследованіи возмутителя подполковника Муравьева-Апостола, имевшаго при себе шесть рот Черниговскаго пехотнаго полка, я успел окружить его с трех сторон. Средній отряд настиг

[1]) Переписка по поводу бунта Муравьева-Апостола, „Русская Старина“, 1905, г., № 5, стр. 374—377.

мятежников на Устинковской Высоте близ дер. Пологов (Васильковскаго уезда), где Муравьев-Апостол, увидя приближеніе наших войск, построил мятежников своих в каре, и взяв на руку, пошел прямо на орудія. Каре сей, быв принят картечным огнем, расстроился, тогда кавалерія сделала атаку, все мятежники бросили оружіе и до 700 человек нижних чинов сдались, равно как и сам подполковник Муравьев-Апостол, который весьма тяжело ранен картечью и сабельным ударом в голову, штабс-капитан барон Соловьев, поручик Быстрицкій, Полтавскаго пехотного полка подпоручик Бестужев-Рюмин и брат Муравьева-Апостола отставной подполковник; убиты же поручик Кузьмин-Шипила и свиты его императорскаго величества по квартирмейстерской части прапорщик Муравьев-Апостол (также брат подполковника); кроме сего ранено и убито несколько нижних чинов. Со стороны нашей нет ни раненых, ни убитых. Донося о сем вашему сіятельству, имею честь испрашивать разрешенія, как поступать со взятыми и обезоруженными мятежниками, которые завтрешняго числа по приказанію моему будут отправлены за конвоем в дивизионную квартиру 9-ой пехотной дивизіи, мест. Белую Церковь, где они будут приведены к присяге на верное подданство его величеству государю императору Николаю Павловичу и содержаны под присмотром. Делая вашему сіятельству мое донесеніе, что мятеж совершенно прекращен, я считаю долгом присовокупить, что войска, употребленные для усмиренія оного, оказали величайшее усердіе и похвальнейшій дух. Нижніе чины, бывшіе с Муравьевым-Апостолом, вообще не защищались и видно, что они только обманом были завлечены в буйство. 1-я же гренадерская рота Черниговскаго пехотнаго полка не только не последовала их примеру, но еще отстранилась от них и примкнула ко мне, что я отношу отличной твердости и достоинствам капитана оной Козлова. О сем происшествіи донесено мною всеподданнейше его императорскому величеству сего числа за № 17.

III

Приказ

Начальника Гл. Штаба его императорскаго вèличества

Спб. 1826 г. генваря 8 дня, № 2 [1])

Черниговскаго пехотнаго полка подполковник Муравьев-Апостол, по сделанным открытіям и по показан ям соучастников, оказался одним из главных злоумышленников, стремящихся к общему безпокойствію и нарушенію благосостоянія государства, имеющих уже прежде за несколько лет

[1]) Этот приказ вместе с рапортом Рота был напечатан в „Русском Инвалиде", 10 января 1826 г. В. К.

самые злодейскія намеренія против правительства и самой жизни, блаженной памяти, покойнаго государя императора Александра Павловича. В то самое время, как по открытіи сего преступленія, приступлено было к арестованію подполковника Муравьева-Апостола, он нанес несколько ран полковому своему командиру подполковнику Гебелю и успел возмутить часть Черниговскаго пехотнаго полка, под тем же ложным предлогом сохраненія верности, прежде данной, присяги его императорскому высочеству цесаревичу и великому князю Константину Павловичу. Он арестовал посланных за ним фельд'егеря и жандармов, ограбил полковую казну, освободил закованных каторжных колодников, содержащихся в Васильковской городской тюрьме и предал город неистовству нижних чинов. Три роты под командою маіора Трухина остались верными законному своему государю и ушли от мятежников; а полковой ад'ютант поручик Павлов спас полковую печать и бумаги. Главнокомандующій 1-ю арміею предписал ближайшему корпусному командиру, генералу от инфантеріи князю Щербатову, отправиться самому с нужным числом войск для уничтоженія сей шайки злоумышленников и для возстановленія прежняго порядка в Черниговском пехотном полку, употребляя к тому меры должной строгости и не щадя бунтовщиков. Хотя можно было надеяться, что сими мерами совершенно прекратятся последствія сего преступленія, но для избежанія и малейшаго опасенія, если бы сверх ожиданія преступники могли скрыться от преследованія генерала князя Щербатова, его императорское величество препоручил его высочеству цесаревичу принять на сіе время под начальство свое войско 3-го пехотнаго корпуса, для скорейшаго и вернейшаго наказанія мятежников.

Государь император, приняв за правило действовать со всею откровенностью перед войсками, коих верность и непоколебимость к законной власти испытал при сам м вступленіи своем на престол, высочайше повелеть мне соизволил: об'явить им о всем выше из'ясненном, дабы предав их презренію имя преступника Муравьев-Апостола, сделать известным имена подполковника Гебеля, майора Трухина и поручика Павлова, заслуживающих непоколебимым усердіем своим уваженіе храбрых и верных российских войск.

При самом утвержденіи приказа, получено донесеніе от главнокомандующаго 1-ю арміею, с рапортом от командира 3-го пехотнаго корпуса генерал-лейтенанта Рота, к генерал-ад'ютанту князю Щербатову, в копіи при сем приложенном [1]), что возмущеніе Черниговскаго полка совершенно прекращено.

Подписал: Начальник главнаго штаба
барон Дибич

[1]) См. выше. В. А.

Приказ

Начальника главного штаба его императорскаго величества.

Генваря 20 дня 1826 года, № 7.

Черниговскаго пехотнаго полка первая гренадерская рота, под начальством капитана, что ныне майор, Козлова, при возникшем в сем полку мятеже, сохранила непоколебимую верность к престолу и, удаляясь от злоумышленников, явилась к настоящему начальству, где с ревностію способствовала в покореніи мятежников. Государь император, во вниманіи к таковой верности и отличному усердію, высочайше повелеть соизволил всех чинов оной роты перевесть в полки лейб-гвардіи.

Подписал: Начальник главнаго штаба
барон Дибич

ЦАРСКАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ ДИБИЧУ

Высочайшій рескрипт, данный на имя его превосходительства начальника гл. штаба его императорского величества барона И. И. Дибича[1]).

(Весь рескрипт писан собственною рукою его императорскаго величества)

Барон Иван Иванович,

Вменяю себе в пріятнейшій долг благодарить вас за неутомимые труды ваши и благоразумные распоряженія, коими предупредили вы замыслы части злейших изменников, готовившихся во второй арміи поднять знамя бунта.

Среди заслуг отечеству, вами оказанных, справедливое потомство всегда вменит вам в одну из важнейших решимость принятых вамимер, тогда когда поражены были постигшим всеобщим нашим несчастьем и действовали сами собою. Примите от меня отлица отечества совершенную признательность.

Пребываю Вам всегда благосклонным.

На собственноручном рескрипте подписано
Николай

Елагин остров, 14 июня 1826 года.

[1]) Государственные преступления в России в XIX веке. 1906 г., стр. 49.

IV. СЛЕДСТВИЕ, СУД, КАЗНИ, ССЫЛКА

ВМЕСТО ПЫТОК [1])

Нам приходилось не раз отмечать ту выдающуюся роль, которую играл в процессе декабристов сам Николай первый. Предусматривая и вникая во все подробности следствия, царь являлся первым следователем: в кабинете своего дворца он лично или через своих генерал-ад'ютантов допросил почти всех привлеченных к делу. Но он был для декабристов не только следователем, но и предусмотрительным тюремщиком-виртуозом. Сняв допрос, Николай первый отсылал арестованного в крепость, в распоряжение тогдашнего ее коменданта генерал-ад'ютанта Сукина, с собственноручной запиской на почтовой бумаге или даже просто на клочке. Генерал Сукин благоговейно хранил эти автографы императора до конца дней своих, а после его смерти, эти документы, как имеющие государственное значение, были отобраны правительством и поступили на хранение в Государственный Архив. Этим запискам или „Высочайшим собственноручным его императорского величества повелениям, поступившим на имя ген.-ад. Александра Яковлевича Сукина" самим же генералом был составлен „реестр". В реестре выписан точный текст каждой записки, указан день, час и порядок получения. Этот реестр с сохранением граф мы и предлагаем вниманию читателей.

„Реестр" свидетельствует о том, что император Николай обладал недюжинными способностями тюремщика. Каждая его записка не ограничивается только указанием необходимости содержать такого-то в крепости; она определяет и характер содержания. Пять форм крепостного заключения можно наметить по этим запискам. Весьма немногие присылались с лаконическим указанием „содержать в крепости". Некоторых предписывал Николай первый „содержать хорошо". Ступень выше— „содержать строго, но хорошо"; еще выше — „содержать под строгим арестом"; дальше — „строжайше наблюдать", и, наконец, высшая степень — „содержать наистрожайше". Верный Сукин понимал, конечно, оттенки этих выражений и действовал сообразно с высочайшими приказаниями. Мы не можем судить, каковы были в действительности формы содержания в крепости, но одна записка может до некоторой степени дать о них представление „Свистунова содержать строго, но снабжая всем, что пожелает, т.-е. чаем".

---

[1]) П. Е. Щеголев „Император Николай I — тюремщик декабристов". „Былое", 1906 г., № 5, стр. 192 — 195.

Нечего и говорить, что император Николай I назначал содержание „строгое, строжайшее или наистрожайшее", руководясь, во-первых, собственным своим убеждением о степени виновности, а во-вторых, соображением, какая форма заключения заставит заключенного скорее дать признания. Таким образом, заключение вовсе не носило характера „предварительного" до приговора, а являлось уже или наказанием или длительным процессом пытки. Вот две записки, подтверждающие наше заключение. Первая — „присылаемого Крюкова посадить, где лучше и содержать строго, но хорошо; ибо полагать должно невиноват". Вторая — „присылаемого Якушкина заковать в ручные и ножные железа, поступать с ним строго и не иначе содержать, как злодея".

Но все, те или иные, формы заключения казались Николаю Павловичу еще недостаточными для вынуждения показаний или для вящшего устрашения и наказания. Из следственных дел мы могли извлечь следующие данные о закованиии. Закования совершались исключительно по высочайшему повелению. 18 декабря был закован деньщик Пестеля Савенко.

10 января „государь император вследствие положения тайного комитета высочайше повелеть соизволил заковать в ручные железа содержащегося в крепости л.-гв. финляндского полка поручика Цебрикова, за упорство в признании и за употребление дерзости в выражениях при допросе комитета". Цебриков был раскован только 30 апреля. 11 января был закован в ручные железа Якубович. 14 января был закован в ручные и ножные кандалы Якушкин; только 14 апреля были сняты с него ножные, и 18 апреля — ручные кандалы.

16 января был закован Пушкин 1-й. Затем, Пушкин 1-й, закованный за упорное запирательство в ручных железах, оказал в показаниях своих откровенность и был раскован 10 апреля.

17 января был закован Артамон Муравьев и раскован только 30 апреля; Арбузов был закован 21 января и раскован 30 апреля. 1 февраля был раскован кн. Оболенский. Подпоручик Норов был закован 31 января и освобожден от оков 6 февраля. Бестужев-Рюмин, закованный 11 февраля, раскован 30 апреля; Борисов (подп. 8 арт. бриг.) носил ручные железа с 15 февраля до 30 апреля. Разжалованный в рядовые Башмаков, доставленный 15 февраля в крепость в кандалах, носил их до 14 мая.

27 марта генерал Сукин доносил военному министру о следующем распоряжении: „титулярный советник Семенов, за упорное запирательство при допросах, в то время как многие его уличали, был закован в ручные железа и имеет быть содержим на хлебе и воде". И лишь после того, как Семенов оказал в показаниях откровенность, государь „соизволил давать ему, Семенову, ту пищу, которая ему производилась

раньше". В уважение к оказанной им откровенности в показаниях он был раскован 12 апреля.

К 30 апреля оставались закованными и в этот день были раскованы, кроме перечисленных выше лиц, кн. Щепин-Ростовский Бестужев Михаил и крепостной человек Кюхельбекера Семен Балашов.

Мы не упомянули еще о подпоручике Андреевиче 2-ом, закованном в ручные железа 18 февраля. На него кандалы произвели угнетающее впечатление, и 25 апреля он написал следующее бессвязное письмо в комитет. Это письмо не требует никаких раз'яснений и ярко свидетельствует о влиянии кандалов на психику заключенных. Письмо воспроизводим буквально.

В высочайше учрежденный комитет!

Движимый горестью и удручением связывающих меня желез, кои заслужил я чрез мои преступные деяния, осмеливаюсь просить вторично правосудных членов высочайше учрежденного комитета; видя мое печальное страдание, уважьте сию униженную просьбу; и если есть возможность, облегчите участь мою; хотя снятием желез, с коими я почти три месяца, каждую минуту не разлучен, кои днем и ночью мне не дают спокою. Кажется, я довольно уже наказан за мою легкомысленность. Милосердный бог принял мое раскаяние, он разрешил меня от моих согрешений; последуйте его святой стезею, окажите снисхождение к сей моей просьбе. Ах! я почту тот день и тот час, в который свершится сие благо.

Отделен будучи от родных и ближних; в стране столь от них далекой, в печали, в горести, в железах, какую я могу питать в душе моей отраду? В сем убежище печальном, мрачном; в бездействии без всякой пользы проходят дни мои унылы; умаляется жизнь моя; юность моя протекает безутешно и постепенно истребляют дарования мои, коими природа меня одарила.

Что будет со мною, когда всего сего лишусь; какая кому в то время будет от меня польза; бедность! она одна со мной неразлучна; но кому я оною сделать могу какую услугу. Ах! Умоляю в с именем всевышнего разрешите мои столь тягостные узы, коих я во всю жизнь мою иметь не полагал. Они разлучают меня с матерью, коей положение и при мне было горестное, но теперь увеличилось; дряхлость лет ее, а мое несчастье, могут ли ей дать какую отраду? Они разлучат меня с семью братьями, кои нежно меня любили. — Ах! могут ли они быть спокойны! и так сии плачевные железы не меня одного печалят и тяготят; но разлучая меня с родными, лишают и их спокойствия долгим моим отсутствием и в совершенной неизвестности.

Я повторяю пред вами, правосуднии члены, мою просьбу и готов повергнуться к стопам великодушного монарха, чтобы умолить его о сострадании к моему бедственному положению. В доказательство истинного моего раскаяния в моих заблуждениях я бы весь лист свой, на коем пишу, оросил бы слезами, но горесть иссушила их. — Наконец, если я уже не заслуживаю от вас никакого призрения, то троньтесь печалию моих родных, которые вероятно льют слезы о моем несчастном положении! — Они и я будем вечно воссылать молитвы свои к всевышнему о благоденствии вашем.

Подпоручик Андреевич 2-ой

23 апреля это письмо было прочитано в комитете, а 27 апреля, „в уважение замеченного в нем комитетом раскаяния и откровенности в показаниях" Андреевич был раскован.

П. ЩЕГОЛЕВ

ДЕКАБРИСТЫ ВЫДАЮТ ДРУГ ДРУГА

Гангеблов делается предателем[1])

Я очнулся в каземате. Подле меня сидел фельдшер. „Напрасно, ваше благородие, вы так убиваетесь", сказал он, „не вы первые, не вы последние". И тут он мне рассказал, что меня привели под руки, что допрашиваемых в комиссии нередко выносили в бесчувствии, а иногда он, фельдшер, с доктором просиживают все время заседания в смежной комнате, на случай когда потребуется помощь, и что бывало там же и кровь открывали. Когда фельдшер собрался от меня уйти, я просил его заявить, что имею надобность написать в Комиссию и требую бумаги[2]).

Мне не терпелось ждать письменного запроса из Комиссии. Как ни сильно пошатнулась моя вера в стойкость Зета со времени присяги в Петергофе, для настоящей его выходки не представлялось никакого оправдания. Несмотря на все это, когда мне принесли бумагу, я все-таки написал опровержение „взведенной на меня клеветы": нет и нет, знать ничего подобного не знаю, ведать не ведаю! Но в душе я уже чувствовал нелады с самим собою, и что писал, то писал лишь по прежде налаженной рутине. Это послание в Комиссию я кончил, когда уже стемнело, и оно оставалась у меня до утра.

[1]) Воспоминания декабриста А. С. Гангеблова. „Русский Архив", 1886 г., т. II, стр. 217, 218 — 219.

[2]) После каждого устного в Комиссии допроса ответчика присылаемы были те же самые вопросы письменно на другой день, а иногда и позже, с требованием повторения тех же ответов на бумаге.

Ночь была для меня адом. Подавляющие мысли неотвязно осаждали мою голову. При слабом горении ночника, было так темно, что на столике едва белел лист, покрытый моим изворотливым ответом. На этом листе я глаз не мог остановить без отвращения... Снова вспомнилось мне все, что со мною перебывало до последнего рокового удара, и та беззаботная доверенность, с которою я так легко отдался другим, и та жалкая, обидная роль, которую я играл в их руках... Вспомнилось мне еще и прежнее мое ясное былое с его радостями, с его душевной чистотой, с его святою верой, с его любовью к ближнему... И после этого, вдруг очутиться среди омута двуличия, обмана, темных умышлений, так низко упасть в собственном своем мнении! Я доверился только двум членам общества, и оба они меня выдали. С тех пор я вправе не считать себя их сообщником, их товарищем. Когда я вижу, что меня так бесцеремонно томят в бездонной глубине, зная, что я не умею плавать, то я не настолько еще простодушен, чтобы не ухватиться за моих губителей, хотя бы рискуя и их увлечь за собой. Нет, нет! пора покончить с нечистым прошлым, пора отрешиться от законов каст и партий, и отдать всего себя на благо общее; пора выставить на свет и самые следы подпольной работы, подрывающей русское общество! Пусть люди думают обо мне, что хотят; а играть в руку враждебной силе, служить разом двум господам, вечно „бить на двое", стало невыносимым! Я не делаю тайного доноса, я укажу на крамолу открыто верховному судилищу для ее искоренения, не запнусь и впоследствии сказать всю правду, особливо тем, кому я мог повредить в моих показаниях Комиссии.

Не знаю, долго ли тянулась моя бессонница; но, наконец, подавленный тяжелыми размышлениями и усталый от безпрерывной ходьбы по комнате, я повалился на постель. Я проснулся, когда уже развиднело настолько, что можно было писать. Сон меня не успокоил, мне не терпелось высказаться, отдать себя беззаветно той власти, которая одна могла вывести русское общество из затруднений и бороться с его врагами. На той же бумаге, на которой отвечал я накануне, на обороте той же страницы, без приготовления, прямо набело, я сознался, что прежние мои показания были ложны и что, в самом деле, Зет мне сообщил о намерении общества достигнуть своей цели через цареубийство; затем изложил, как я давно уже тяготился моею двусмысленной ролью, как пытался посоветоваться стороной с моими друзьями, и прежде всех с Як. Ростовцевым и как не спешил с удовлетворением этого моего желания потому только, что впереди у меня было для этого времени вдоволь, так как я не знал, что у общества был уже намечен срок для начатия открытых действий; что мне и в голову не приходило, чтоб как самый бунт, так и

тревожное до бунта состояние столицы имели какую-либо другую цель, кроме разрешения вопроса: кому царствовать? К этому я присовокупил следующее: „Не желать свободы — не в природе человека; но стремиться к этому благу я считал возможным не иначе как постепенно, без крутых, всегда болезненных переломов, без жертв невинных". Указывать на то, что происходило между мною и Зетом перед присягой, не было надобности: там, если бы (как я того хотел) мы двое и заявили негласно о нашем отказе присягнуть, вся беда обошлась бы только арестованием нас двух, без вреда для прочих; но попытка к возмущению на привале, при движении отряда нашего к столице, могла бы иметь самые погубные последствия, и я рассказал этот эпизод во всей подробности. Тут, назвав Зета, нельзя уже было не назвать Скалона.

Несколько дней спустя, под напором тех же побуждений, я вспомнил об одном событии, хотя и давнем, но несомненно созревшем на той же почве, которая произвела и декабрьскую развязку: это бунт в Пажеском корпусе в 1820 году. Дружба одного из главных вожаков 14-го декабря[1]) с вольнодумным до цинизма К-м, учредителем тайного кружка в том же корпусе, повторение секретных его заседаний, несмотря на насмешки товарищей, и более всего то обстоятельство, что зачинщиком беспорядка в этом случае был К-в во главе своих сторонников, все это ясно указывало, что школьный бунт этот был детищем тех же учений, которые привели к декабрьской катастрофе. Об этом происшествии я сообщил Комиссии, так как семя, брошенное в школьную почву, могло бы рано или поздно принести вредные плоды.

А. С. Гангеблов[2])

Показания Фаленберга[3])

1

В тот же вечер он написал письмо к Левашеву и просил свидания с ним. По отправлении сего рокового письма, он сделал себе вопрос: но что я скажу? При расстроенном состоянии души, следующее рассуждение представлялось само собою: чтобы быть тотчас свободным, требуют чистосердечного признания; но как сделать, чтобы они убедились в этом

[1]) Бестужева.

[2]) Поручик Гангеблов не был предан суду. По высочайшему приказу о наказаниях офицерам, замешанным в заговоре, но не преданным суду" Гангеблов получил четыре месяца крепости и перевод во Владикавказский гарнизонный полк. В. А.

[3]) П. И. Фаленберг. Из записок. „Русский Архив" 1877 г., том III стр 96 — 98; 99 — 100; 100 — 101.

чистосердечии? Без сомнения, чем важнее будет мое признание, тем более они увидят, что я совершенно откровенен! На этом гибельном выводе остановились его мысли, и он решился показать на себя, будто бы по обществу известно ему то, о чем в первый раз узнал из печатного об'явления, доставленного ему доктором Шлегелем. Посягнув таким образом на собственную свою честь и безопасность, он успокоился и ожидал только, когда его позовут на сие нового рода самоубийство.

На другой же день, 2-го февраля, его потребовали во дворец. Явясь к ген. Левашеву, Фаленберг об'явил, что желает чистосердечно признаться. Генерал сел, указав Фаленбергу стул за столом перед ним стоящий, чтобы сесть, и начал записывать его показания. Фаленберг открыл ему, что принадлежал к тайному обществу и принят в оное Барятинским, который ему об'явил, что цель общества была распространять просвещение, усиливаться членами и, когда будет уже довольно сильно, просить у государя конституции. — „Ну, а если бы государь не согласился дать ее"? — прервал генерал. — „Предполагали просить тогда, когда трудно было бы не уважать требования общества". — „Но если бы государь и тогда не уважил"? — „В таком случае, полагали нужным жертвовать всем, имением, жизнию и даже жизнию государя". Когда Фаленберг произнес сии несчастные слова, генерал изменился в лице, посмотрел на него, пожал плечами и записал слова его. Спросив потом: все-ли? Он дал ему подписать, сказал, что ему надобно показать это государю, позвал фельдегеря, приказал ему остаться с ним и вышел.

Сильная внутренняя борьба истины с ложью, волновавшая несчастного Фаленберга во все время сего допроса, смущение, несвязность показаний, происходившие от неведения того, что силился он доказать ложно, все эти ощущения, выражавшиеся и в лице и в глазах допрашиваемого, не могли не быть замечены генералом и послужили, может быть, еще к большей улике Фаленберга, тогда когда совесть уже его терзала, упрекая в ложном показании.

Если бы генерал на это время вспомнил закон царя-преобразователя России, который, упредив веком своих современников, сказал: мало собственного признания; надобно, чтобы оно еще подтвердилось всеми обстоятельствами (см. в Воинском Регламенте о собственном признании); если бы он только потрудился сделать несколько вопросов в пояснение подробностей, то увидел бы ясно, что невинный несчастливец, убитый горестью, без пощады лжет на себя, и спас бы жертву минутного ослепления.

Генерал скоро возвратился и об'явил несчастному, вместо ожидаемого прощения и свободы, повеление отправить его в крепость и тут же поручил его фельд'егерю с запискою к коменданту.

Не дерзнем изображать состояние души Фаленберга в ту минуту, когда его перевезли через Неву и ввезли в крепость; скажем одно, что комендант, принимая его, посмотрел на него с холодностью, как человек, привыкший ежедневно видеть новые жертвы, и сказал отрывисто: „Я получил повеление содержать вас в крепости и содержать хорошо", откланялся, предоставя арестанта плац-майору, который отвел его в назначенный № в казематах.

Здесь арестанта заставили раздеться, обыскали платье, общупали подмышками, нарядили в затрапезный халат и, после сей уничижительной и несносной операции, оставили горести и отчаянию. По выходе плац-майора с ассистентом своим, унтер-офицером, слух невинного несчастливца в первый раз ознакомился с ужасным, потрясающим душу звуком тяжелых тюремных запоров и замков, после коего все замолкло, как бы нарочно, чтобы впечатление, произведенное сим звуком, сделать разительнее.

Представьте себе человека благородного, благовоспитанного, служившего в одной из уважительнейших частей войск и служившего с честью, человека, который во всю службу свою не давал начальству повода даже и к малейшему замечанию и который в свое время не снес бы взгляда оскорбительного, теперь по неизвестному извету судьбы лишенного свободы, дошедшего до ложного самообвинения и ввергнутого в мрачные своды смрадной тюрьмы: будете-ли спрашивать что он должен был чувствовать? И чье перо может удовлетворять вашему любопытству, не исказя истины?

Мрачна, как отягченная горестью душа узника, была тюрьма, в которой он оставлен был самому себе. Комната, четыре шага в квадрате, помещая лазаретную кровать, столик и стул, немного оставляла места для движения. Небольшое окно, замазанное снаружи мелом, пропускало в амбразуру толстой каменной стены, какой-то сумрачный полусвет. Железная труба, от железной же печки из корридора, проведенная через всю комнату и висевшая над самою головой, раскаливаясь во время топки, сообщала с каким-то треском несносную теплоту верхней половине комнаты, тогда как в нижней ноги зябли от холода. Сидеть неподвижно, снедаемому грустью, было нестерпимо; а ходить можно было, только описывая небольшой круг. Измученный этим кругообразным движением, с стесненным сердцем приблизился он к одру страданий и со слезами бросился на него. Бремя зол придавило его. Удрученному душевными потрясениями наконец предстал небесный благодетель несчастных — сон. После некоторого успокоения, необыкновенный шорох разбудил его. Встревоженный, он слышит скрип сапогов; некто, казалось, подходил к его дверям, ему представилось потом, что он явственно слышал слова, произнесенные протяжным голосом: „первая ночь жизни". На другой день,

в то же время (около 12 часов ночи) послышался тот же скрип сапогов, и тот же голос повторил: „вторая ночь жизни". На третью ночь он услышал: „третья ночь жизни". В четвертый день, ввечеру, когда, мучимый неизвестностью, он терялся в своих догадках, и соображениях, дверь темницы растворилась, и к нему вошел видный, рослый, лепообразный священник с наперсным золотым крестом и с орденом на груди. Двери затворились за ним, и он, подходя к узнику, обратил к нему слова: „Сын мой, сказал он, спаситель наш Иисус Христос посещал темницы, и я, служитель веры, пришел утешить скорбящего в заточении, подать спасительный совет погибающему. Юный монарх наш с прискорбием взирает на столь многие жертвы и не ищет обвинения. Он только хочет, чтобы чистосердечным раскаянием вы дали ему случай к милосердию и облегчению вашей участи". Изумленный Фаленберг несколько раз порывался прервать речь священника, но он продолжал тем же ровным, сострадательным тоном, подкрепляя слова свои покорною слезою. Всякому другому не трудно было бы отгадать, что он говорил очень хорошо затверженное и что это язык не сердца чувствительного к несчастиям ближнего, но должностного увещателя; Фаленберг однакож был тронут до глубины души и отвечал коротко, что слишком уже был искренен и может быть более, нежели сколько было должно. Тогда священник, уверяя, что может в таком случае надеяться на милосердие монарха и быть спокоен, вышел.

2

Увидев, что ложное обвинение самого себя послужило не к освобождению, а к промедлению только дела и что самая ожидаемая смерть, которая окончила бы все мучения, не так еще близка, Фаленберг в тот же вечер потребовал бумаги и написал письмо к г. Левашеву, в котором уверял его, что о намерении покушения на жизнь государя никогда от Барятинского не слыхал и до открытия общества о том не знал, но показал на себя ложно, думая тем скорее освободиться, заслужа доказательством искренности прощение. Фаленберг чувствовал необходимость об'яснить, откуда он знает, что общество имело это намерение; но простое соображение, что доктор Шлегель (принесший к нему об'явление об открытии общества) может в таком случае показаться подозрительным, что его арестуют, увезут в Петербург, и больная жена останется без врача, его удержало. При письме к г. Левашеву, он написал другое к своей жене, в котором открывал уже ей все с ним случившееся и прощался с нею.

На другой день, действительно, принесли Фаленбергу запросные пункты; их было двенадцать, и на те, по чистой совести, не мог он дать другого ответа, исключая двух или трех,

как нет и не знаю. Он ожидал, что его потребуют еще к личному допросу или что скоро чем-нибудь да решат его судьбу; но дни, недели, месяцы проходили, никто его не спрашивал; казалось, его забыли вовсе.

3

Так протекло время до мая. Терпение Фаленберга истощилось; горесть, отчаяние, и особливо письма, получаемые им от страдающей жены, которыми упрекает она его в равнодушии к ее горестному положению, умоляя всем, что для него священно, ускорить приезд, если не желает свести ее в могилу, внушили ему мысль опять подтвердить, что он знал об умысле на цареубийство и требовать очной ставки с Барятинским. Он думал ускорить этим решение своей участи и написал в комитет, но его не требовали. Он решился докучать через плац-майора и плац-ад'ютантов, прося их доложить, чтобы дали ему очную ставку. Прошло еще долгое время, и, наконец, удовлетворили его желание, потребовали в комитет. Здесь г. Чернышев прочитал Фаленбергу его последнее показание, в коем он подтверждает о цареубийстве, и спросил, может ли он подтвердить свое показание в глазах Барятинского? Фаленберг побледнел и смутился, ибо он должен был поддерживать ложное показание и, что более еще, убеждать другого и вынудить на то его согласие. Положение Фаленберга было затруднительно и, не зная на что решиться, он произнес робким голосом: „что именно не помнит, говорил ли ему Барятинский об умысле на цереубийство“... Но тут г. Чернышев вывел его из сей нерешимости, сказав громким и суровым голосом: „Как, милостивый государь, вы не помните; а вот ваше показание, вами подписанное“ (указывая на бумагу, которую держал в руке), „еще я вас спрашиваю, можете ли вы уличить Барятинского?“ — „Могу“, произнесенное с сокрушенным сердцем, был весь его ответ. Его вывели в другую комнату, призвали Барятинского, который сильно защищал справедливость, говоря, что никогда он не сообщал Фаленбергу о намерениях общества, а тем паче о цареубийстве. Г. Чернышев, полагая, что Барятинский упорствует в признании истины, сказал: „Неужели вы думаете, что Фаленберг показал ложно сам на себя. Этого быть не может; вы упрямствуете, и он вас уличит в том“. (Эти подробности узнал Фаленберг от самого Барятинскаго после сентенции).

Позвонили; аудитор, бывший с Фаленбергом в другой комнате, ввел его в присутствие комитета, и тут заставили его уличать Барятинскаго. Можно легко представить удивление сего последняго, когда он услышал, что Фаленберг сам, на свою пагубу, начал убеждать его, чтобы подтвердил сделанное им показание, уверяя и с жаром, что действительно слы-

щал от него о цареубийстве. Барятинский долго упорствовал, утверждал, что не говорил ему ничего подобнаго и когда Фаленберг настаивал все таки на своем, Барятинский, чтобы сбить Фаленберга, спросил: „Ну когда так, то где, когда и какими словами я вам говорил?“ Фаленберг, заикаясь, называл место и время, какие ему первые попались на ум, а слова повторил те же самые, которые в письменном показании его значились. „Неправда!“ вскрикнул Барятинский, „все выдумано!!!“ Но когда Фаленберг, с приметным огорчением, подойдя к нему, сказал: „Полно, Барятинский, нечего делать, надо признаться“, Барятинский взглянул на него с сожалением и досадой, пожал плечами и, обратясь к комитету, сказал: „может быть, вероятно, я забыл“. Для комитета было этого достаточно; г. Чернышев, велев подать Фаленбергу бумагу, сказал: „подпишите,“ и его отвели обратно в каземат.

После сего ратования на собственную свою погибель Фаленберг писал к великому князю Михаилу Павловичу и просил о ходатайстве у государя во уважение своего чистосердечия; писал потом к самому государю, описывал положение своей жены, упоминая о клятве им данной и испрашивал помилования, обещаннаго за искреннее признание [1]).

П. И. Фаленберг

Письмо Оболенского к царю.

Ваше императорское величество,
всемилостивейший государь!

Удостоившись получить ныне прощение царя небесного, и предстать ему с успокоенною совестью, я первым долгом поставляю пасть к ногам твоим, государь всемилостивейший, и просить тебя неземного, но душевного христианского прощения. — Как вышний мой судия земной, накажи меня за поступки мои: с терпением и любовью снесу я бремя, тобою на меня наложенное; но, как отец твоих поданных, воззри на мое сердце, на мои намерения, и есть ли в первом ты не найдешь злобы; в последнем своекорыстия; то изреки прощение в душе заблуждшему сыну твоему: я может быть никогда не удостоюсь услышать сие слово от тебя: но верь, о государь, что я ныне, по чувствам моим, достоин оного.

[1]) Члены Южного Общества подполковник Фаленберг и штабротмистр князь Барятинский были преданы верховному уголовному суду. Барятинский был отнесен к первому разряду; он был обвинен в том, что „умышлял на цареубийство с назначением лица к совершению оного; участвовал в управлении тайного общества, старался распространять оное принятием членов и поручений и знал о приготовлении к мятежу“. Фаленберг был отнесен к четвертому разряду; был обвинен в том, что „по принятии в 1822 или 1823 году князем Барятинским в тайное общество, соглашался произвести цареубийство, и хотя впоследствии и начал от общества уклоняться, но сокровенную цель его знал“. В. А.

Ныне, одна вина осталась у меня пред тобою:— Доселе я представил комитету, тобою учрежденному, только имена тех членов нашего общества, коих скрыть мне было невозможно, по поступкам их, или личным сношениям:— прочие остались скрыты в сердце моем: Мое молчание ты счел может быть, о государь, преступным упорством. Осмеливаюсь самого тебя поставить судьею поступка моего. Члены общества, приняв меня в сотоварищи свои, честному слову моему, и клятвенному обещанию, вверили честь, благоденствие и спокойствие как каждого из них; так и семейств, к коим они принадлежат. Мог ли я той самою рукою, которая была им залогом верности, предать их суду тобою назначенному, для сохранения жизни своей или уменьшения несколькими золотниками того бремени, которое промыслом всевышнего на меня наложено, государь, я не в силах был исполнить сей жестокой обязанности:— Но вера, примирив меня с совестью моею, вместе с тем представила высшие отношения мои; милосердие же твое, о государь, меня победило. В то время, когда я лишился всех надежд, когда темница сделалась мой мир, а голые стены оной — товарищами моей жизни, манием благотворной руки твоей, письмо отца моего, как ангел-утешитель, принесло спокойствие и отраду душе моей. Благодаяние твое, монарх милосердый, воззрение твое на мольбу семидесятилетнего старца, останется незабвенным в душе моей. И потому, видя в тебе не строгого судью, но отца милосердного, я, с твердым упованием на благость твою, повергаю тебе жребий чад твоих, которые не поступками, но желанием сердца могли заслужить твой гнев.

Прости, о государь, если я на несколько минут обратил внимание твое на несчастного страдальца; но глас совести моей был для меня выше всех земных приличий, и потому воззри милосердным оком,

всемилостивейший государь, на
верноподданного твоего князя
Евгения Оболенского[1]).

21 января 1826 года.

---

[1]) П. Е. Щеголев. Исторические этюды. Спб. 1913 г. Стр. 280 — 282. К письму был приложен список членов тайного общества По поводу этого холопского письма, сопровождаемого предательством, Щеголев пишет следующие удивительные строки: „Замечательно цельный и искренний человек, он не вынес формальностей следствия и совершенно не был в состоянии остаться на обычной точке зрения подследственных, не был в состоянии говорить лишь немногое, умалчивать о многом, и поэтому решил сказать все, что он знал". (П. Е. Щеголев. Исторические этюды, стр. 280). Выдавать своих товарищей „по борьбе — значит быть искренним человеком"! В. А.

Из писем Рылеева к жене из крепости[1])

1

Ради бога, не унывай, мой добрый друг; без воли всемогущего, ничего не делается! Я здоров; береги свое здоровье — оно нужно для нашей малютки. Молись богу за императорский дом. Я мог заблуждаться, могу и вперед, но быть неблагодарным не могу. Милости, оказанные нам государем и императрицею, глубоко врезались в сердце мое[2]). Что бы со мной ни было, буду жить и умру для них. Быть может, скоро позволят мне увидеться с тобою; тогда привези и Настеньку. Впрочем, если она думает, что я в Москве, то не лучше ли будет оставить ее в сих мыслях. Сделай, как найдешь лучше. Благодари за меня почтеннейшую Прасковью Васильевну, за то, что она тебя не оставляет. Истинные друзья узнаются в несчастии. Скажи ей, что моя благодарность к ней вечна. Бог видит сердце мое. Здорова ли Катерина Ивановна и ее семейство? Засвидетельствуй ей мое почтение. Сестрицу благодари и кланяйся. Настеньку обоймы; тебе должно беречь себя. От твоего спокойствия зависит мое. Положись на всемогущего: он благ, государь милосерд.

Декабря 25 дня, 1825.

2

13 июля 1826 года.

Бог и государь решили участь мою: я должен умереть и умереть смертью позорною. Да будет его святая воля! Мой милый друг, предайся и ты воле всемогущего, и он утешит тебя. За душу мою молись богу. Он услышит твои молитвы. Не ропщи ни на него, ни на государя: это будет и безрассудно и грешно. Нам ли постигнуть неисповедимые суды непостижимого? Я ни разу не возроптал во все время моего заключения, и за то дух святой давно утешал меня. Подивись, мой друг, и в сию самую минуту, когда я занят только тобою

---

[1]) Полное собрание сочинений К. Ф. Рылеева, изд. Библиотеки Декабристов, т. II, М. 1907 г., стр. 123 — 124; 144 — 146.

[2]) Жена Рылеева писала ему в письме от 21 декабря 1825 г. „Друг мой, не анаю какими чувствами, словами из'яснить непостижимое милосердие монарха. Третьяго дня обрадовал меня бог: император прислал твою записку и вслед затем 2.000 руб. и позволение посылать тебе белье". В письме от 26 декабря она пишет Рылееву: „Заклинаю тебя, не унывай, в надежде на благость господню и на сострадание ангелоподобного государя! Неиз'яснимы милости, вновь оказанные. Добродетельнейшая императрица Александра Федоровна присляла мне 22 числа, т. - е. в именины Настеньки, тысячу рублей. Чем я могу, несчастная сирота возблагодарить милосерднейшую монархиню? Бог видит слезы благодарности; они проводят меня до могилы". (Сочинения Рылеева, т. II, стр. 122) „Ангелоподобный государь" за три тысячи рублей купил раскаяние и предательство Рылеева, а затем повесил его. В. А.

и нашею малюткою, я нахожусь в таком утешительном спокойствии, что не могу выразить тебе. О, милый друг, как спасительно быть христианином. Благодарю моего создателя, что он меня просветил и что я умираю в Христе. Это дивное спокойствие порукою, что творец не оставит ни тебя, ни нашей малютки. Ради бога, не предавайся отчаянию: ищи утешения в религии. Я просил нашего священника посещать тебя. Слушай советов его и поручи ему молиться о душе моей. Отдай ему одну из золотых табакерок в знак признательности моей или лучше сказать на память, потому что возблагодарить его может только один бог за то благодеяние, которое он оказал мне своими беседами. Ты не оставайся здесь долго, а старайся кончить скорее дела свои и отправься к почтеннейшей матушке. Проси ее, чтобы она простила меня, равно всех родных своих проси о том же. Катерине Ивановне и детям ее кланяйся и скажи, чтобы они не роптали на меня за Михайла Петровича: не я его вовлек в общую беду. Он сам это засвидетельствует. Я хотел было просить свидания с тобою; но раздумал, чтоб не расстроить себя. Молю за тебя и Настеньку и за бедную сестру бога, я буду всю ночь молиться. С рассветом будет у меня священник, мой друг и благодетель, и опять причастит. Настеньку благословляю мысленно нерукотворенным образом спасителя и поручаю всех вас святому покровительству живого бога. Прошу тебя более всего заботиться о воспитании ее. Я желал бы, чтобы она была воспитана при тебе, старайся перелить в нее свои христианские чувства — и она будет счастлива, несмотря ни на какие превратности в жизни, и когда будет иметь мужа, то осчастливит и его, как ты, мой милый, мой добрый и неоценимый друг, счастливила меня в продолжение восьми лет. Могу ли, мой друг, благодарить тебя словами: они не могут выразить чувств моих. Бог тебя наградит за все. Почтеннейшей Прасковье Васильевне моя душевная, искренняя, предсмертная благодарность. Прощай! Велят одеваться. Да будет его святая воля.

Твой истинный друг К. Рылеев.

У меня осталось здесь 530 руб. Может быть, отдадут тебе.

Письмо Пестеля генералу В. В. Левашеву[1])

Генерал! Я не могу дать лучшего доказательства моей полной и совершенной искренности, как представив вам при-

[1]) Это письмо Пестеля к члену следственной комиссии генералу Левашеву впервые было опубликовано С. Штрайхом в статье „Декабрист П. И. Пестель" (Новые материалы), помещенной в „Былом" за 1922 г. № 20. Кроме письма генералу Левашеву, С. Штрайх приводит письмо Пестеля к другому члену следственной комиссии, к генералу Чернышеву, которое имеет такой же унизительный характер, как и письмо к Левашеву. Эти письма С. Штрайх отыскал в бумагах Н. К. Шильдера в Российской Публичной Библиотеке. В. А.

лагаемую бумагу. Ни один из членов тайного общества не сумеет ничего против нее возразить, если только захочет быть правдивым. Возможно, что эта бумага окажется бесполезной комитету; в таком случае благоволите представить ее только его величеству императору,— в ней содержится самая строгая и точная истина. Впрочем, мне уже нет никакой надобности или интереса что-либо скрывать. Все связи и планы, соединявшие меня с тайным обществом, порваны навсегда. Буду я жив или мертв,— я отделен от него навеки. Если я умру, все кончено, и один лишь господь будет знать, что я не был таким, каким меня, быть может, представили. Если же я, наоборот, останусь жив, то буду обязан жизнью лишь его величеству императору; после амнистии мое существование будет даром его великодушия и, следовательно, должно будет состоять только из верности, усердия и полной и исключительной преданности личности и семейству его величества. Это математически верно. Не так обстояло дело с покойным государем. Об этом я мог бы сказать немало, но здесь не место и не время, да и вообще об этом не следует говорить. Простите меня за откровенность,— я нахожусь в несчастии, и в этом мое оправдание. Примите, генерал, уверение глубокого уважения, с каким я имею честь быть покорнейшим слугою вашего превосходительства. Пестель.

12 января 1826 г.

... Настоящее письмо и прилагаемая бумага были написаны до моего вызова в комитет сегодня вечером.

ДЕКАБРИСТЫ ВЫДАЮТ ПОЛЬСКИЕ НЕЛЕГАЛЬНЫЕ ОРГАНИЗЦАИИ [1])

Первые же показания декабристов раскрыли и польское общество. Так, уже 1-го января 1826 года военный министр Татищев посылает Константину Павловичу такой рапорт:

„По воле государя императора имею честь представить вашему императорскому высочеству список с показания штабс-капитана Корниловича, который открывает о существовании в Варшаве тайного общества злоумышленников

„Вменяю себе в обязанность донести вашему императорскому высочеству, что сношения Южного Общества с Варшавским, как показывает князь Трубецкой, происходили сначала через поручика полтавского пехотного полка Бестужева, а после через какого-то Мошинского, который живет в Волынской или Полтавской губернии и б вает на Бердичевской ярмарке.

[1]) Из статьи Н. Н. К о р о б к и „Польские общества 20-х гг. и декабристы", помещенной в историческом сборнике „О минувшем", 1909 г., стр. 225—228.

„Тайный комитет, действуя неослабно, успел уже проникнуть, как цель, так и ход и постепенное распространение зловредного общества, и так остается усугубить силы, чтобы открыть всех соучастников и уличить тех, которые стали бы упорствовать в признании". (Дело 316).

Вскоре за показаниями Корниловича и Трубецкого последовали показания и других декабристов. Для польского общества наиболее гибельными были показания четырех уполномоченных „Южного Общества"— Бестужева, С. Муравьева, Пестеля и Волконского.

Такие показания вызвали немедленно аресты. Характерно для „конституционности" русской власти в Польше то обстоятельство, что аресты производились великим князем Константином, который по своему служебному положению был командующим войсками и гражданской властью не обладал. К нему помимо наместника обращались и русские власти, причем обращались, как к главнокомандующему литовским отдельным корпусом. Сам Константин Павлович, как видно из переписки, считал себе принадлежащей не только военную, но и гражданскую власть, везде, где были войска литовского корпуса.

Через 4 дня после извещения Константина Павловича о том, что Трубецкой назвал Мошинского, военный министр обращается с „рапортом" к главнокомандующему литовским корпусом, прося арестовать Мошинского и прислать в Петербург. Очевидно, о личности Мошинского и о месте его жительства еще пока ничего неизвестно. На этот рапорт от 4-го января 1826 г. Константин Павлович 9-го января отвечает, что ему необходимо знать, где живет Мошинский и как его имя.

„Ибо Мошинских весьма много есть, а в том числе волынский губернский маршал, следовательно, никак узнать нельзя, который из них нужен и кого взять, ибо весьма может случиться, что возьмут такого Мошинского, который не нужен и ничего не знает, а через это виновный успеет скрыться, как же скоро я получу от вашего высокопревосходительства вышеизложенное сведение, то тотчас сделаю распоряжение схватить того Мошинского, на которого укажут, со всем, что при нем найдется, для отправления его под строжайшим надзором в Петербург". (Дело 316).

К этому времени в распоряжении петербургских властей были уже показания Пестеля, назвавшего по именам многих польских деятелей, и на бумаге Константина Павловича положена резолюция „О Мошинском спросить Пестеля и донести цесаревичу".

На следующем листе формулирован вопрос Пестелю:

„Какой губернии маршал Мошинский, о котором Вы говорили, что Яблоновский назначил его для сношений со Швейковским по действиям Литовского корпуса. Как его имя и где живет?"

Ниже рукой Пестеля:

„Граф Мошинский есть маршал дворянства Волынской губ. и живет обыкновенно в Житомире, но имеет поместье также в Волынской губернии, ездит иногда туда и в то время живет в местечке Бершаде, в 50 верстах от Тульчина, где находится штаб-квартира Одесского полка. Имени его я не знаю.

Полковник Пестель".

Вообще Пестель не скупился и на другие подробности о польских тайных обществах, и можно сказать, что его показание легло в основание материала, который был в распоряжении варшавского следственного комитета.

Не меньше Пестеля говорят Волконский, Бестужев, Сергей Муравьев.

Относительно Лунина и Хлопицкого создается чрезвычайно странное положение: Константин Павлович энергично защищает их против показаний Пестеля, еще более энергично возражает он против показаний Пестеля относительно офицеров минского полка. Вообще Константин Павлович старался вначале „замять" дело о поляках. Очень интересна аргументация, при помощи которой он хочет выгородить Оссолинского и гр. Потоцкого. Об обоих этих лицах великий князь пишет, что они так глупы, что не могут „принадлежать к шайке злоумышленников". (Дело 316).

С другой стороны, у Константина Павловича чувствуется прямое раздражение против Пестеля и Волконского за их показания.

Говорит ли в нем начальник, который хочет показать, что у него все благополучно, или друг поляков, или он искренне не верит, чтобы в Польше, покрытой его агентами, существовало тайное общество, сказывались ли его натянутые отношения с братом, но в начале он не прочь замять дело, и только впоследствии требует суровой кары.

Но показания декабристов давали слишком богатый материал. На имена они не скупились: вскоре Матвеем Муравьевым был назван Ворцель, Храповицкий, Волконский, Ходкевич, Потоцкий, Блендовский, Оссолинский, Островский, Чаркивский и др.

24 февраля военный министр мог уже с полным основанием писать Константину Павловичу:

„Хотя представленные вашему высочеству копии с ответов и допросные пункты полковника Пестеля, Сергея и Матвея Муравьевых-Апостолов и кн. Сергея Волконского достаточно раскрывают связь, бывшую между тайными обществами польским и русским, однако, для вящшей ясности, я долгом поставляю сообщить вам еще и ответ подпоручика Бестужева-Рюмина и сверх того выписку из всех имеющихся в высочайше утвержденном комитете показаний, относящихся к Польше. (Дело 316).

Показания Бестужева и С. Муравьева раскрывают участие Ходкевича и Крыжановского.

На основании показаний декабристов производятся аресты членов польского общества. Те члены, которые находились в юго-западных губерниях, были арестованы ранее и отправлены в Петербург, где были допрашиваемы следственным комитетом по делу декабристов. Некоторые, как гр. Олизар, были и здесь признаны непричастными; другим, как, например, Ходкевичу, пришлось выдерживать ряд очных ставок с декабристами, обличавшими его; наконец, один из главных чл. общества — кн. Яблоновский — пал духом и дал показания, обнаружившие варшавский центральный комитет общества, всю его организацию и даже историю.

После показания Яблоновского начались аресты в Варшаве. 12 декабря были арестованы Солтык, Гржимала, Плихта, Крыжановский, Дембек, Прондзинский, Мицельский, Махновский, Лелевель и Козуховский. Дальше следовал ряд арестов других лиц, в течение февраля и марта были арестованы все видные деятели патриотического общества и общества храмовых рыцарей.

Н. КОРОБКА

ДОПРОС ПО ВСЕЙ РОССИИ

(Начальник главного штаба его импер. велич. — главнокомандующему 1-ой армией. Рапорт от 21-го апреля 1826 г. за № 656 [1])

Из дел комитета, учрежденного для изыскания о злоумышленном обществе, усматривается, между прочим, что небольшое число злоумышленников против спокойствия государства, составив тайные под разными наименованиями общества, старались привлечь в оные людей благомыслящих, обольщая их ложными видами благонамеренности своих обществ, имевших будто бы единственною целью распространение просвещения, правил нравственности, человеколюбие и проч., дабы впоследствии, уже удостоверившись в образе мыслей сих нових членов, открыть истинное намерение свое тем из них, коих злоумышленники сочтут способными принять участие в пагубном их предприятии. Хотя изыскание комитета обнаруживает, что из сих завлеченных врагами общего спокойствия людей многие при самом принятии их в общества оставили оные, другие оставались еще членами, не постигая тайных целей общества; но когда вследствие состоявшегося 21-го августа 1922 г. высоч. рескрипта на имя управляющего министерством внутренних дел графа Кочубея о закрытии всех тайных обществ в государстве, требованы были обязательства

[1]) „Русская Старина", 1906 г., май, стр. 386 — 387.

от воинских и гражданских чинов, что они ни к каким тайным обществам более принадлежать не будут, с из'яснением в тех обстоятельствах: к какой именно масонской ложе или к какому другому тайному обществу, кто из них принадлежал, тогда ни один из членов, состоящих прежде в вышеописанных обстоятельствах, не об'явил о том в выданном от него обязательстве, и многие вероятно тогда заключали, что они уже отстали от обществ или принадлежали к оным без особенных клятв по одному обещанию. Таковое неисполнение высоч. соизволения, имея вид умышленного сокрытия тех обществ, должно бы подвергнуть виновных строгому взысканию, но государь император, желая употреблять меры строгости в самых только необходимых случаях и уменьшать число преступников, сколько священная обязанность попечения об общем благоденствии сие позволяет, высочайше повелеть соизволил истребовать по всему военному ведомству вновь обязательств от всех г. г. генералов, штаб и обер-офицеров и нижних чинов из дворян и вольноопределяющихся в том, что ни к каким тайным обществам, под каким бы они названием ни существовали, впредь принадлежать не будут, и если кто прежде к какому-либо из них когда бы то ни было принадлежал, то с подробным из'яснением в обязательстве его: под каким названием оно существовало, какая была цель его и какие меры предполагались употреблять для достижения той цели. При требовании сих обязательств должно быть об'явлено всем, что ни только члены тайных обществ, принятые в оные в учрежденных ложах, думах, управах и проч., по обязательствам через клятву или честное слово, и посещавшие общества или знавшие об них, но и все без из'ятия те, кои соделались соучастниками оных тайных обществ без всех форм, клятв и обязательств, через разговоры при встречах вне лож, дум. управ или знали о сих обществах, обязаны об'яснить о том при даче подписок чистосердечно, со всею откровенностью и что сокрытие того, после сего оказанного монаршего снисхождения, подвергнет их строжайшему наказанию, как государственных преступников.

О сей высочайшей воле, донося вашему .сиятельству, я покорнейше прошу обязательства сии, по собрании их, доставить ко мне для доклада императорскому величеству.

СПИСОК

лиц, кои по делу о тайных злоумышленных обществах предаются по высочайшему повелению Верховному Уголовному Суду, в силу манифеста от 1-го числа июня сего 1826 года[1])

Северного Общества

1. Князь Трубецкой, полковник лейб-гвардии Преображенского полка, дежурный штаб-офицер 4-го пехотного корпуса.
2. Рылеев, отставной поручик.
3. Князь Евгений Оболенский, поручик лейб-гв. Финляндского полка, старший ад'ютант командующего всею пехотою Гвардейского корпуса генерал-ад'ютанта Бистрома 1-го.
4. Муравьев Никита, гвардейского генерального штаба капитан.
5. Каховский, отставной поручик.
6. Князь Щепин-Ростовский, лейб-гвардии Московского полка штабс-капитан.
7. Бестужев Александр, лейб-гвардии Драгунского полка, штабс-капитан, ад'ютант его королевского высочества герцога Александра Виртембергского.
8. Бестужев Михайло, лейб-гвардии Московского полка штабс-капитан.
9. Арбузов, гвардейского экипажа лейтенант.
10. Бестужев Николай, 8-го экипажа капитан-лейтенант.
11. Панов, лейб-гвардии Гренадерского полка поручик.
12. Сутгоф, лейб-гвардии Гренадерского полка поручик.
13. Кюхельбекер, коллежский ассессор.
14. Пущин Иван, коллежский ассессор.
15. Князь Одоевский, лейб-гвардии конного полка корнет.
16. Якубович, Нижегородского драгунского полка капитан.
17. Цебриков, лейб-гвардии Финляндского полка поручик.
18. Репин, лейб-гвардии Финляндского полка штабс-капитан.
19. Муравьев Александр, отставной полковник.
20. Якушкин, отставной капитан.
21. Фон-Визин, отставной генерал-майор.
22. Князь Шаховской Федор, отставной майор.
23. Лунин Михаил, лейб-гвардии Гродненского гусарского полка подполковник.

[1]) Донесение следственной комиссии по делу декабристов. „Русский Архив", 1881 г., т. II, стр. 333 — 336.

24. Муханов, лейб-гвардии Измайловского полка штабс-капитан.

25. Митьков, лейб-гвардии Финляндского полка полковник.

26. Завалишин, 8-го флотского экипажа лейтенант.

27. Батенков, корпуса инженеров путей сообщения подполковник.

28. Барон Штейбель, отставной подполковник.

29. Торсон, флота капитан-лейтенант, ад'ютант начальника морского штаба.

30. Князь Голицын Валериан, камер-юнкер.

31. Беляев 1 }
32. Беляев 2 } гвардейского экипажа мичманы.

33. Дивов, гвардейского экипажа мичман.

34. Бестужев Петр, мичман 27-го флотского экипажа.

35. Свистунов, Кавалергардского полка корнет.

36. Анненков, Кавалергардского полка поручик.

37. Кривцов, лейб-гвардии конной артиллерии подпоручик.

38. Муравьев Александр, корнет Кавалергардского полка.

39. Нарышкин, полковник Тарутинского пехотного полка.

40. Фон-дер-Бриген, отставной полковник.

41. Пущин, лейб-гвардии конно-пионерного эскадрона капитан.

42. Бодиско 1, гвардейского экипажа лейтенант.

43. Кюхельбекер, того же экипажа лейтенант.

44. Мусин-Пушкин, того же экипажа лейтенант.

45. Акулов, того же экипажа лейтенант.

46. Вишневский, того же экипажа лейтенант.

47. Бодиско 2, того же экипажа мичман.

48. Горской, статский советник.

49. Граф Коновницын 1, гвардейского генерального штаба подпоручик.

50. Оржицкий, отставной штабс-ротмистр.

51. Кожевников, лейб-гвардии Измайловского полка подпоручик.

52. Фок, того же полка подпоручик.

53. Лаппа, того же полка подпоручик.

54. Назимов, лейб-гвардии конно-пионерного эскадрона штабс-капитан.

55. Барон Розен, лейб-гвардии Финляндского полка поручик.

56. Глебов, коллежский секретарь.

57. Андреев, лейб-гвардии Измайловского полка подпоручик.

58. Толстой, Московского пехотного полка прапорщик.

59. Граф Чернышев, Кавалергардского полка ротмистр.

60. Чижов, 2-го флотского экипажа лейтенант.
61. Тургенев Николай, действительный статский советник.

Южного Общества

1. Пестель, полковник Вятского пехотного полка.
2. Сергей Муравьев-Апостол, Черниговского пехотного полка подполковник.
3. Бестужев-Рюмин, Полтавского пехотного полка подпоручик.
4. Муравьев-Апостол Матвей, отставной подполковник.
5. Юшневский, 4-го класса, бывший генерал-интендант 2-ой армии.
6. Князь Волконский Сергей, генерал-майор.
7. Давыдов Василий Львов сын, отставной полковник.
8. Князь Барятинский, лейб-гвардии Гусарского полка штабс-ротмистр, ад'ютант главнокомандующего 2-ой армиею.
9. Поджио, отставной подполковник.
10. Муравьев Артамон, Ахтырского гусарского полка полковник.
11. Повало-Швейковский, Саратовского пехотного полка полковник.
12. Вадковский, Нежинского конно-егерского полка прапорщик.
13. Тизенгаузен, полковник Полтавского пехотн. полка.
14. Враницкий, полковник квартирмейстерской части.
15. Крюков, квартирмейстерской части поручик.
16. Фаленберг, подполковник квартирмейстерской части, старший ад'ютант главного штаба 2-ой армии по квартирмейстерской части.
17. Лорер, Вятского пехотного полка майор.
18. Краснокутский, обер-прокурор Сената, действительный статский советник.
19. Лихарев, подпоручик квартирмейстерской части.
20. Вольф, штаб-лекарь состоявший при главной квартире 2-ой армии.
21. Крюков, Кавалергардского полка поручик, ад'ютант главнокомандующего 2-ой армиею.
22. Поджио, отставной штабс-капитан.
23. Аврамов, полковник Казанского пехотного полка.
24. Норов, отставной подполковник.
25. Янтальцев, подполковник, командир конно-артиллерийской роты № 27.
26. Ивашёв, ротмистр Кавалергардского полка, ад'ютант главнокомандующего 2-ой армией.
27. Басаргин, лейб-гвардии Егерского полка поручик, старший ад'ютант главного штаба 2-ой армии.

28. Корнилович, гвардейского генерального штаба штабс-капитан.

29. Бобрищев-Пушкин 1, поручик квартирмейстерской части.

30. Бобрищев-Пушкин 2, поручик квартирмейстерской части.

31. Заикин, подпоручик квартирмейстерской части.

32. Аврамов, поручик квартирмейстерской части.

33. Загорецкий, поручик квартирмейстерской части.

34. Поливанов, отставной полковник.

35. Барон Черкасов, поручик квартирмейстерской части.

36. Фохт, штабс-капитан Азовского пехотного полка.

37. Граф Булгари Николай, поручик Кирасирского ее величества полка.

Соединенных Славян

1. Борисов 1, подпоручик 8-ойартиллерийской бригады

2. Борисов 2, отставной подпоручик.

3. Спиридов, майор Пензенского пехотного полка.

4. Горбачевский, подпоручик 8-ой артиллерийской бригады.

5. Бечаснов, прапорщик 8-ой артиллерийской бригады.

6. Пестов, подпоручик 9-ой артиллерийской бригады.

7. Андриевич 2, подпоручик 8-ой артиллерийской бригады.

8. Люблинский, дворянин Волынской губернии.

9. Тютчев, капитан Пензенского пехотного полка.

10. Громницкий, поручик Пензенского пехотного полка.

11. Киреев, прапорщик 8-ой артиллерийской бригады.

12. Фурман, капитан Черниговского пехотного полка.

13. Веденяпин 1, подпоручик 9-ой артиллерийской бригады.

14. Веденяпин 2, прапорщик 9-ой артиллерийской бригады.

15. Шимков, прапорщик Саратовского пехотного полка.

16. Мозган, подпоручик Пензенского пехотного полка.

17. Иванов, провиантский чиновник 10 класса.

18. Фролов 2-ой, Пензенского пехотн. полка подпоручик.

19. Мозгалевский, подпоручик Саратовского пехотного полка.

20. Лисовский, поручик Пензенского пехотного полка.

21. Выгодовский, канцелярист.

22. Берстель, подполковник, бывший командир легкой роты № 2-го 9-й артиллерийской бригады.

23. Шахирев, Черниговского пехотного полка поручик [1].

[1] Четверо славян: Сухинов, Соловьев, Щипилла и Мозалевский были преданы военному суду в 1-ой армии (Москва). В. А.

ПРИГОВОР ВЕРХОВНОГО УГОЛОВНОГО СУДА

Роспись государственным преступникам, приговором верховного уголовного суда осуждаемым к разным казням и наказаниям

I. Государственные преступники, осуждаемые к смертной казни четвертованием

1) Полковник Пестель. Имел умысел на цареубийство; изыскивал к тому средства, избирал и назначал лица к совершению онаго; умышлял на истребление императорской фамилии и с хладнокровием исчислял всех ее членов, на жертву обреченных, и возбуждал к тому других; учреждал и с неограниченною властью управлял Южным тайным обществом, имевшим целью бунт и введение республиканского правления; составлял планы, уставы, конституцию; возбуждал и приготовлял к бунту; участвовал в умысле отторжения областей от империи и принимал деятельнейшие меры к распространению общества привлечением других.

2) Подпоручик Рылеев. Умышляя на цареубийство, назначал лиц к совершению онаго; умышлял на лишение свободы, на изгнание и на истребление императорской фамилии, и приготовлял к тому средства; усилил деятельность Северного общества, управлял оным, приуготовлял способы к бунту, составлял планы, заставлял сочинить манифест о разрушении правительства; сам сочинял и распространял возмутительные песни и стихи; принимал членов; приуготовлял главные средства к мятежу и начальствовал в оных; возбуждал к мятежу нижних чинов через их начальников посредством разных обольщений и во время мятежа сам приходил на площадь.

3) Подполковник Сергей Муравьев-Апостол. Имел умысел на цареубийство; изыскивал средства; избирал и назначал к тому других; соглашаясь на изгнание императорской фамилии, требовал в особенности убиения цесаревича, и возбуждал к тому других; имел умысел и на лишение свободы государя императора; участвовал в управлении Южным тайным обществом во всем пространстве возмутительных его замыслов; составлял прокламации и возбуждал других к достижению цели сего общества, к бунту, участвовал в умысле отторжения областей от империи; принимал деятельнейшие меры к распространению общества привлечением других; лично действовал в мятеже с готовностью пролития крови; возбуждал солдат; освобождал колодников; подкупил даже священника к чтению пред рядами бунтующих лжекатехизиса, им составленного, и взят с оружием в руках.

4) Подпоручик Бестужев-Рюмин. Имел умысел на цареубийство; изыскивал к тому средства; сам вызывался

на убийство блаженныя памяти государя императора и ныне царствующего государя императора; избирал и назначал лиц к совершению онаго; имел умысел на истребление императорской фамилии, изъявлял оный в самых жестоких выражениях рассеяния праха; имел умысел на изгнание императорской фамилии и лишение свободы блаженныя памяти государя императора, и сам вызывался на совершение сего последнего злодеяния; участвовал в управлении Южного общества; присоединил к оному Славянское; составлял прокламации и произносил возмутительные речи; участвовал в сочинении лжекатехизиса; возбуждал и приуготовлял к бунту, требуя даже клятвенных обещаний целованием образа; составлял умысел на отторжение областей от империи, и действовал в исполнении онаго, принимал деятельнейшие меры к распространению общества привлечением других; лично действовал в мятеже с готовностью пролития крови; возбуждал офицерство и солдат к бунту и взят с оружием в руках.

5) Поручик Каховский. Умышлял на цареубийство и истребление всей императорской фамилии, и быв предназначен посягнуть на жизнь ныне царствующего государя императора, не отрекся от сего избрания и даже изъявил на то согласие, хотя уверяет, что впоследствии поколебался; участвовал в распространении бунта привлечением многих членов; лично действовал в мятеже, возбуждал нижних чинов, и сам нанес смертельный удар графу Милорадовичу и полковнику Стюрлеру и ранил свитского офицера.

II. Государственные преступники первого разряда, осуждаемые к смертной казни отсечением головы

1) Полковник князь Трубецкой. В 1825 году умышлял на цареубийство и соглашался с предложением других; предлагал лишение свободы императора и императорской фамилии при занятии дворца; управлял Северным тайным обществом, имевшим целью бунт, и согласился именоваться главою и предводителем воинского мятежа, хотя в нем лично и не действовал.

2) Поручик князь Оболенский. Участвовал в умысле на цареубийство одобрением выбора лица, к тому предназначенного; по разрушении Союза Благоденствия, установил вместе с другими тайное Северное общество; управлял оным и принял на себя приуготовлять сочинения для содействия цели общества; приуготовлял главные средства к мятежу; лично действовал в оных с оружием с пролитием крови, ранив штыком графа Милорадовича; возбуждал других и принял на себя в мятеже начальство.

3) Подполковник Матвей Муравьев-Апостол. Имел умысел на цареубийство и готовился сам к совершению оного; участвовал в восстановлении деятельности Северного

общества и знал умысел Южного во всем их пространстве; действовал в мятеже и взят с оружием в руках.

4) Подпоручик Борисов 2-й. Умышлял на цареубийство, вызывался сам, дал клятву на совершение онаго и умышлял на лишение свободы его высочества цесаревича; учредил и управлял тайным обществом, имевшим целью бунт; приуготовлял способы к оному; составил катехизис и клятвенное обещание; действовал возбуждением нижних чинов к мятежу.

5) Подпоручик Борисов 1-й. Умышлял на цареубийство принятием назначения на совершение онаго; учреждал и управлял тайным обществом вместе с братом своим, содействовал составлению устава; действовал возбуждением нижних чинов к мятежу.

6) Подпоручик Горбачевский. Умышлял на цареубийство, обещался с клятвою произвести сие злодеяние и назначал других; участвовал в управлении тайным обществом; возбуждал и подговаривал к бунту нижних чинов; в произведении бунта дал клятву, старался распространить общество принятием членов и возбуждал нижних чинов к мятежу.

7) Майор Спиридов. Умышлял на цареубійсто; вызывался сам, дав клятву на образе, совершить оное и назначал к тому других; участвовал в управлении Славянским обществом; старался о распространении его принятием членов и возбуждал нижних чинов.

8) Штабс-ротмистр князь Барятинский. Умышлял на цареубійство с назначением лица к совершению онаго; участвовал в управлении тайного общества, старался распространять оное принятием членов и поручений, и знал о приуготовлении к мятежу.

9) Коллежский ассесор Кюхельбекер. Покушался на жизнь его высочества великого князя Михаила Павловича во время мятежа на площади; принадлежал к тайному обществу с знанием цели; лично действовал в мятеже с пролитием крови; сам стрелял в генерала Воинова и рассеянных выстрелами мятежников старался поставить в строй.

10) Капитан Якубович. Умышлял на цареубийство с вызовом на лишение жизни покойного государя, и сверх того предложил бросить жребий на убиение ныне царствующего императора; был на совещаниях общества и знал его тайны относительно бунта, хотя и не был принят в оное; лично действовал в мятеже, участвовал в приготовлении оного; помогал советами, предлагал разбить питейные дома, позволить грабеж, и взяв хоругви из церкви, идти ко дворцу; во время самого мятежа, присоединясь к мятежникам, одобрял и поощрял их, и пришел с ними на площадь.

11) Подполковник Поджио. Умышлял на цареубийство собственным вызовом к совершению онаго, также изы-

сканием к тому средств, избиранием и назначением лиц; умышлял на истребление императорской фамилии; участвовал в восстановлении Северного общества, с предложением составленных им правил, советовал и убеждал князя Волконского возбудить вверенное ему войско.

12) Полковник Артамон Муравьев. Умышлял на цареубийство собственным троекратным вызовом на совершение онаго; участвовал в умысле произвести бунт; привлекал в тайное общество других и приуготовлял товарищей к мятежу.

13) Прапорщик Вадковский. Умышлял на цареубийство и истребление всей императорской фамилии, возбуждая к оному и других; участвовал в умысле произвести бунт и в распространении тайного общества принятием в оное товарищей.

14) Прапорщик Бечаснов. Соглашался в умысле на цареубийство принятием с клятвою назначения к совершению онаго; участвовал в умысле бунта возбуждением и подговором нижних чинов и принял в общество одного товарища.

15) Полковник Давыдов. Имел умысел на цареубийство и истребление императорской фамилии, о чем совещания происходили в его доме; участвовал в управлении тайного общества и старался распространять оное принятием членов и поручений; участвовал согласием в предположениях об отторжении областей от империи и приуготовлял к мятежу предложением одной артиллерийской роте быть готовою к действиям.

16) 4-го класса Юшневский. Участвовал в умысле на цареубийство и истребление императорской фамилии согласием на жестокие меры Южного общества; управлял тем обществом вместе с Пестелем, с неограниченною властью; участвовал в сочинении конституции и произнесении речей; участвовал также в умысле на отторжение областей от империи.

17) Штабс-капитан Александр Бестужев. Умышлял на цареубийство и истребление императорской фамилии; возбуждал к тому других; соглашался также и на лишение свободы императорской фамилии; участвовал в умысле бунта привлечением товарищей и сочинением возмутительных стихов и песен; лично действовал в мятеже и возбуждал к оному нижних чинов.

18) Подпоручик Андриевич 2-ой. Участвовал в умысле на цареубийство с согласием; первый умышлял на лишение свободы его императорского высочества цесаревича; участвовал в умысле бунта возбуждением и подговором нижних чинов и приуготовлял товарищей к воинскому мятежу.

19) Капитан Никита Муравьев. Участвовал в умысле на цареубийство изъявлением согласия в двух особенных случаях в 1817 и 1820 году; и хотя впоследствии и изменил в сем отношении свой образ мыслей, однакож предполагал изгнание императорской фамилии; участвовал вместе

с другими в учреждении и в управлении тайного общества и в составлении планов и конституции.

20) Коллежский ассесор Пущин. Участвовал в умысле на цареубійство одобрением выбора лица, к тому предназначенного; участвовал в управлении общества, принимал членов и давал поручения; лично действовал в мятеже, возбуждал нижних чинов.

21) Генерал-майор князь Волконский. Участвовал согласием в умысле на цареубийство и истребление всей императорской фамилии, имел умысел на заточение всей императорской фамилии; участвовал в управлении Южным обществом и старался о соединении его с Северным; действовал в умысле на отторжение областей от империи и употреблял поддельную печать полевого аудиториата.

22) Капитан Якушкин. Умышлял на цареубийство собственным вызовом в 1817 году и участвовал в умысле бунта принятием в тайное общество товарищей.

23) Подпоручик Пестов. Участвовал в умысле на цареубийство принятием с клятвою назначения к совершению онаго и соглашался в умысле бунта.

24) Лейтенант Арбузов. Умышлял на цареубийство и истребление императорской фамилии; участвовал в умысле бунта с привлечением товарищей; лично действовал в мятеже, возбуждал нижних чинов и товарищей.

25) Лейтенант Завалишин. Умышлял на цареубийство и истребление императорской фамилии, возбуждая к тому словами и сочинениями, и принадлежал к тайному обществу с сознанием сокровенной цели.

26) Полковник Повало-Швейковский. Участвовал в умысле на лишение свободы покойного государя императора в Бобруйске или Белой Церкви, а ныне царствующего государя императора в Бобруйске; и знал об умысле на цареубийство, участвовал в умысле произвести бунт и в распространении тайного общества, принятием от него поручений и привлечением одного товарища.

27) Поручик Панов 2-й. Принадлежал к тайному обществу, и по учинению уже присяги, лично действовал в мятеже; возмутил несколько рот; вступил с ними во двор Зимнего дворца и потом присоединился к другим мятежникам на площади; команда его производила стрельбу.

28) Поручик Сутгоф. Принадлежал к тайному обществу и по учинении присяги лично действовал в мятеже, возмутил свою роту и присоединил ее на площади к мятежникам; команда его производила стрельбу.

29) Штабс-капитан Щепин-Ростовский. Лично действовал в мятеже с возбуждением нижних чинов, коими предводительствовал на площади с пролитием крови и нанесением тяжких ран генералам Шеншину, Фридрихсу, полковнику Хвощинскому, одному унтер-офицеру и гренадеру.

30) Мичман Дивов. Умышлял на цареубийство и истребление императорской фамилии с возбуждением других словами и лично действовал в мятеже с возбуждением нижних чинов.

31) Действительный статский советник Тургенев. По показаниям 24 соучастников, он был действительным членом тайного общества; участвовал в учреждении, восстановлении, совещаниях и распространении онаго привлечением других; равно участвовал в умысле ввести республиканское правление; удалясь за границу, он по призыву правительства, к оправданию не явился; чем и подтвердил сделанные на него показания [1]).

III. Государственные преступники второго разряда, осуждаемые к политической смерти по силе указа 1753 года апреля 29 числа, т.-е. положить голову на плаху, а потом сослать вечно на каторжную работу

1) Капитан Тютчев. Участвовал в умысле на цареубийство согласием; участвовал в умысле бунта возбуждением и подговором нижних чинов и знал о приуготовлении к мятежу.

2) Поручик Громницкий. Участвовал в умысле на цареубийство согласием; участвовал в умысле бунта распространением тайного общества, принятием его поручений и привлечением товарищей; знал о приуготовлении к мятежу.

3) Прапорщик Киреев. Участвовал в умысле на цареубийство согласием, также соглашался в умысле бунта и приготовлял товарищей к военному мятежу.

4) Поручик Крюков 2-й. Участвовал в умысле на цареубийство и истребление императорской фамилии согласием, участвовал в умысле произвести бунт и в распространении тайного общества принятием поручений и привлечением товарищей.

5) Подполковник Лунин. Участвовал в умысле на цареубийство согласием, в умысле бунта принятием в тайное общество членов и заведением литографий для издания сочинений общества.

6) Корнет Свистунов. Участвовал в умысле на цареубийство и истребление императорской фамилии согласием, а в умысле бунта принятием в общество товарищей.

7) Поручик Крюков 1-й. Участвовал в умысле на цареубийство и истребление императорской фамилии согласием, а в умысле бунта распространением тайного общества и привлечением товарищей.

[1]) Н. И. Тургенев остался заграницей. В 1856 г. он из Парижа обратился к Александру II с прошением, в котором, из'ясняясь в монархических чувствах, просил помилования. Получил помилование. В мае 1857 г. возвратился в Россию. В. А.

8) Поручик Басаргин. Участвовал в умысле на цареубийство согласием и в распространении тайного общества принятием одного члена.

9) Полковник Митьков. Участвовал в умысле на цареубийство согласием и принадлежал к тайному обществу с знанием сокровенной цели.

10) Поручик Анненков. Участвовал в умысле на цареубийство согласием и принадлежал к тайному обществу с знанием цели.

11) Штаб-лекарь Вольф. Участвовал в умысле на цареубийство и истребление императорской фамилии согласием и принадлежал к тайному обществу с знанием цели.

12) Ротмистр Ивашев. Участвовал в умысле на цареубийство согласием и принадлежал к тайному обществу с знанием цели.

13) Подпоручик Фролов 2-й. Участвовал в умысле на цареубийство согласием и принадлежал к тайному обществу с знанием цели бунта.

14) Подполковник Норов. Участвовал согласием в умысле на лишение в Бобруйске свободы блаженной памяти императора и ныне царствующего государя и принадлежал к тайному обществу с знанием цели.

15) Капитан-лейтенант Торсон. Знал умысел на цареубийство и участвовал в умысле бунта принятием одного члена.

16) Капитан-лейтенант Николай Бестужев 1-й. Участвовал в умысле бунта принятием в тайное общество членов, лично действовал в мятеже, возбуждал нижних чинов и сам был на площади.

17) Штабс-капитан Михайло Бестужев. Принадлежал к тайному обществу с знанием цели онаго, лично действовал в мятеже, возбуждал нижних чинов и привел на площадь роту.

IV. Государственные преступники третьяго разряда, осуждаемые к ссылке вечно в каторжную работу

1) Подполковник барон Штейнгель. Знал об умысле на цареубийство и лишение свободы с согласiем на последнее; принадлежал к тайному обществу с знанiем цели и участвовал в приготовлении к мятежу планами, советами, сочинением манифеста и приказа войскам.

2) Подполковник Батенков. Знал об умысле на цареубийство, соглашался на умысел бунта и приготовлял товарищей к мятежу планами и советами.

V. Государственные преступники четвертаго разряда, осуждаемые ко временной ссылке в каторжную работу на 15 лет, а потом на поселение

1) Штабс-капитан Муханов. Произносил дерзностные слова в частном разговоре, означающие мгновенный

порыв на цареубийство, и принадлежал к тайному обществу, хотя без полного понятия о сокровенной цели относительно бунта.

2) Генерал-майор Фон-Визин. Умышлял на цареубийство согласием, в 1817 году из'явленным, хотя впоследствии времени изменившимся с отступлением от онаго; участвовал в умысле бунта принятием в тайное общество членов.

3) Штабс-капитан Поджио. Участвовал в умысле на цареубийство и даже вызовом, сперва из'явленным, но потом изменившимся, и с отступлением от онаго принадлежал к тайному обществу с знанием цели и знал о приготовлении к мятежу.

4) Подполковник Фаленберг. По принятии в 1822 или 1823 году князем Барятинским в тайное общество, соглашался произвести цареубийство, и хотя впоследствии и начал от общества уклоняться, но сокровенную цель его знал.

5) 10-го класса Иванов. Участвовал в умысле бунта принятием членов и приготовлял товарищей к мятежу.

6) Подпоручик Мозган. Знал об умысле цареубийства; участвовал в умысле бунта принятием одного члена и возбуждал нижних чинов не противиться мятежу, когда он откроется.

7) Штабс-капитан Корнилович. Знал об умысле на цареубийство; участвовал в умысле бунта принятием поручения с известиями от Южного Общества к Северному и в приготовлении к мятежу.

8) Майор Лорер. Знал он умысле на цареубийство, участвовал в умысле тайного общества принятием от него поручений и привлечением товарища.

9) Полковник Аврамов. Знал об умысле на цареубийство и участвовал в умысле бунта распространением общества и принятием одного члена.

10) Поручик Бобрищев-Пушкин 2-й. Знал об умысле на цареубийство и участвовал в умысле бунта принятием на сохранение бумаг Пестеля и привлечением в тайное общество одного члена.

11) Прапорщик Шимков. Знал об умысле на цареубийство и участвовал в умысле бунта принятием в тайное общество одного члена.

12) Корнет Александр Муравьев. Знал об умысле на цареубийство и участвовал в умысле бунта принятием поручений и привлечением товарищей.

13) Мичман Беляев 1-й. Знал об умысле на цареубийство и лично действовал в мятеже, с возбуждением нижних чинов.

14) Мичман Беляев 2-й. Знал об умысле на цареубийство и лично действовал в мятеже, с возбуждением нижних чинов.

15) Полковник Нарышкин 2-й. Знал об умысле на цареубийство и участвовал в умысле бунта принятием в тайное общество членов.

16) Корнет князь Одоевский. Участвовал в умысле бунта принятием в тайное общество одного члена и лично действовал в мятеже, с пистолетом в руках.

VI. Государственные преступники пятого разряда, осуждаемые к временной ссылке в каторжную работу на 10-ть лет, а потом на поселение

1) Штабс-капитан Репин. Принадлежал к тайному обществу с знанием сокровенной цели и приготовлял товарищей к мятежу.

2) Коллежский секретарь Глебов. Знал о цели тайного общества, хотя не вполне, и лично действовал в мятеже, дававши деньги солдатам для покупки вина.

3) Поручик барон Розен. Лично действовал в мятеже, остановив взвод, посланный для усмирения мятежников.

4) Лейтенант Кюхельбекер. Лично действовал в мятеже с возбуждением нижних чинов.

5) Мичман Бодиско 2-й. Лично действовал в мятеже с возбуждением нижних чинов.

VII. Государственные преступники шестого разряда, осуждаемые к временной ссылке в каторжную работу на 6-ть лет, а потом на поселение

1) Полковник Александр Муравьев. Участвовал в умысле цареубийства согласием, в 1817-м году из'явленным, равно как участвовал и в учреждении тайного общества, хотя потом от онаго удалйлся, но о цели его правительству не донес.

2) Дворянин Люблинский., Знал об умысле на цареубийство и участвовал в учреждении с Борисовым Славянскаго тайного Общества, с составлением и переводом планов, хотя после из онаго и выбыл.

VIII. Государственные преступники седьмого разряда, осуждаемые к временной ссылке на каторжную работу на 4 года, а потом на поселение

1) Подпоручик Лихарев. Знал об умысле на цареубийство, принадлежал к тайному обществу с знанием цели и знал о приготовлении к мятежу.

2) Полковник Ентальцев. Знал об умысле на цареубийство; принадлежал к тайному обществу с знанием цели и знал о приготовлениях к мятежу.

3) Поручик Лисовский. Знал об умысле на цареубійство; принадлежал к тайному обществу с знанием цели и знал о приготовлениях к мятежу.

4) Полковник Тизенгаузен. Знал об умысле на цареубийство и на лишение свободы всей императорской фамилии и участвовал в умысле бунта.

5) Подпоручик Кривцов. Знал об умысле на цареубийство, принадлежал к тайному обществу с знанием цели.

6) Прапорщик Толстой. Знал об умысле на цареубийство и принадлежал к тайному обществу с знанием цели.

7) Ротмистр граф Чернышев. Знал об умысле на цареубийство и принадлежал к тайному обществу с знанием цели.

8) Поручик Аврамов. Знал об умысле на цареубийство и принадлежал к тайному обществу с знанием цели.

9) Поручик Загорецкий. Знал об умысле на цареубийство и принадлежал к тайному обществу с знанием цели.

10) Полковник Поливанов. Знал об умысле на цареубийство и принадлежал к тайному обществу с знанием цели.

11) Поручик барон Черкасов. Знал об умысле на цареубийство и принадлежал к тайному обществу с знанием цели.

12) Поручик граф Булгарин. Знал об умысле на цареубийство и принадлежал к тайному обществу с знанием цели.

13) Канцелярист Выгодовский. Знал об умысле на цареубийство и принадлежал к тайному обществу с знанием цели.

14) Подполковник Берстель. Знал об умысле на лишение свободы императорской фамилии и принадлежал к тайному обществу с знанием цели.

15) Полковник фон-дер-Бриген. Знал об умысле на цареубийство и принадлежал к тайному обществу с знанием цели оного.

IX. Государственные преступники восьмого разряда, осуждаемые к лишению чинов, дворянства и к ссылке на поселение

1) Подпоручик Андреев 2-й. Принадлежал к тайному обществу с знанием цели онаго и возбуждал к мятежу.

2) Подпоручик Веденяпин 2-й. Соглашался на умысел бунта и знал о приготовлении к военному мятежу.

3) Действительный статский советник Краснокутский. Принадлежал к тайному обществу с знанием цели в ограничении самодержавной власти посредством сената и знал о приготовлении к мятежу 14 декабря 1825 года.

4) Лейтенант Чижов. Принадлежал к тайному обществу с знанием цели онаго и соглашался на мятеж.

5) Камер-юнкер князь Голицын. Принадлежал к тайному обществу с знанием цели оного.

6) Штабс-капитан Назимов. Участвовал в умысле бунта принятием в тайное общество одного товарища.

7) Поручик Бобрищев-Пушкин 1-й. Участвовал в умысле бунта принятием на сохранение бумаг Пестеля.

8) Подпоручик Заикин. Участвовал в умысле бунта с принятием поручений от общества и привлечением одного товарища.

9) Капитан Фурман. Соглашался в умысле бунта.

10) Майор князь Шаховской. По улике 4-х сообщников, участвовал в умысле на цареубийство и по собственному признанию принадлежал к тайному обществу.

11) Штабс-капитан Фохт. Принадлежал к тайному обществу с знанием цели.

12) Подпоручик Мозгалевский. Принадлежал к тайному обществу с знанием цели.

13) Поручик Шахирев. Принадлежал к тайному обществу с знанием цели.

14) Полковник Враницкий. Принадлежал к тайному обществу и знал цель его, т.-е. изменение государственного порядка.

15) Лейтенант Бодиско 1-й. Лично действовал в мятеже бытностию на площади.

X. Государственные преступники девятаго разряда, осуждаемые к лишению чинов, дворянства и к ссылке в Сибирь

1) Подпоручик граф Коновницын 1-й. Принадлежал к тайному обществу, хотя без полного понятия о сокровенной оного цели относительно бунта, и соглашался на мятеж.

2) Штабс-ротмистр Оржицкий. Хотя не вполне, но знал сокровенную цель тайного общества, относительно бунта, равно как знал и о предстоящем мятеже.

3) Подпоручик Кожевников. Принадлежал к тайному обществу, хотя без полнаго понятия о сокровенной цели, и возбуждал нижних чинов к мятежу.

XI. Государственный преступник десятого разряда, осуждаемый к лишению чинов и дворянства и написанию в солдаты до выслуги

1) Капитан Пущин. Знал о приготовлении к мятежу, но не донес.

XII. Государственные преступники одиннадцатого разряда, осуждаемые к лишению токмо чинов с написанием в солдаты с выслугою

1) Мичман Петр Бестужев. Принадлежал к тайному обществу и лично действовал в мятеже.

2) Прапорщик Веденяпин 2-й. Соглашался на умысел бунта.

3) Лейтенант Вишневский. Был увлечен обманом, лично действовал в мятеже с возбуждением нижних чинов.

4) Лейтенант Мусин-Пушкин. Был увлечен обманом, лично действовал в мятеже.

5) Лейтенант Акулов. Был увлечен обманом, лично действовал в мятеже.

6) Подпоручик Фок. Был увлечен обманом, возбуждал нижних чинов к мятежу.

7) Поручик Цебриков. По показанию свидетелей, в день мятежа 14 декабря произносил возмутительные слова морскому экипажу, когда он шел на Петровскую площадь, сам подходил к толпе мятежников, и ввечеру дал пристанище одному из первейших бунтовщиков князю Оболенскому.

8) Подпоручик Лаппо. Принадлежал к тайному обществу, хотя без полного понятия о сокровенной цели онаго относительно бунта.

Подлинная роспись за подписанием председателя и членов верховного уголовного суда.

„ВЫСОКОМОНАРШЕЕ СМЯГЧЕНИЕ КАЗНИ И НАКАЗАНИЙ“

(Вместо четвертования виселица)

Выписка из протокола Верховного Уголовного Суда 11 июля 1826 года [1])

Верховный Уголовный Суд, по выслушании высочайшего имянного указа, в 10-й день июля сему Суду данного, положили: Поелику XIII-ю статьею сего высочайшего указа его императорское величество всемилостивейше соизволил участь преступников, в оном не поименованных, кои по тяжести их злодеяний поставлены вне разрядов, и вне сравнения с другими, предать решению Верховного Уголовного Суда и тому окончательному постановлению, какое о них в сем Суде состоится, то сообразуясь с высокомонаршим смягчением казни и наказаний, прочим преступникам определенных, Верховный Уголовный Суд по высочайше предоставленной ему власти, приговорили: вместо мучительной смертной казни четвертованием, Павлу Пестелю, Кондратию Рылееву, Сергею Муравьеву-Апостолу, Михайле Р. Бестужеву-Рюмину и Петру Каховскому, приговором Суда определенной, — сих преступников, за их тяжкие злодеяния повесить.

Подлинный протокол за подписанием председателя и членов Верховнаго Уголовного Суда.

[1]) Государственные преступления в России в XIX веке. 1906 г., стр. 63.

КАК ВЕШАЛИ ДЕКАБРИСТОВ

Рассказ полицейского надзирателя, участника казни [1])

Получаю я предписание явиться к Княжнину; тогда он обер-полицеймейстером был; бедовый такой. Ну, думаю, вот тебе и раз! Попался! А сам не знаю, что сделал? Прихожу туда и смотрю: там еще четверо тоже помощников надзирателей: Дубинкин, Попов, Богданов и Карелин.

Выходит Княжнин. Нас так и обдало. Со страху одурели просто. Поклонились ему кое-как, ждем что будет.

— Господа, — говорит нам Княжнин, — я считаю вас за хороших офицеров, исправных, дельных и скромных, как должны быть настоящие, хорошие полицейские офицеры, знающие свое дело и обязанности.

Мы поклонились. С души-то, знаешь, поотлегло.

— Я, — говорит Княжнин, — вас из всех выбрал. Помните это! Отправляйтесь к Подушкину, плац-майору в крепости и явитесь к нему. Вы поступаете в его распоряжение. Отправляйтесь.

Пошли мы. Приходим в крепость, явились к плац-майору Подушкину, говорим: Честь имеем явиться; присланы от г. обер-полицеймейстера в ваше распоряжение! — Хорошо, говорит, господа, подождите!

Подошел я к окну, а ночь чудная такая была. Таких прекрасных ночей я не много в жизни помню, ей-богу! Тихо так, светло, ведь это июль в конце был. Кажется, вот со двора бы не ушел, воздух такой чудесный! Чудная ночь! Окно было открыто, и я все глотал этот воздух, как теперь помню, так мне это легко было.

Через несколько времени приходит священник, Петр Николаевич Мысловский, протопоп Казанского собора. Тут только мы узнали, в чем дело, что ночью назначена казнь. Это был десятый час, а назначено было казнить в два. Мысловский приглашен был исповедывать, увещевать и напутствовать к смерти осужденных. С ним были и св. дары.

Пошел он к ним, а на нас напал такой страх, хуже, чем у Княжнина. Дело-то было не шуточное! Сидим все мы такие бледные, дрожим. На кого не взглянешь, просто лица нет ни на ком; на себя посмотришь в зеркало, — то же самое. Точно нас самих к смерти приговорили. Страшно! Ночь то, я тебе говорю, прелесть какая. А после того, как узнал я, что казнить будут, взглянешь на эту ночь, и еще тошнее станет на душе, вот так все сердце и того; просто плакать хочется.

Так прошло несколько часов. Вышел от осужденных Мысловский. Он был очень расстроен, плакал. Бестужев, Муравьев и Рылеев исповедывались и много с ним говорили, раскаялись.

[1]) Полное Собрание Сочинений К. Ф. Рылеева. Изд. „Библиотеки декабристов". Выпуск третий. Том второй М. 1907 г. См. стр. 5—12.

К Пестелю приходил пастор; Мысловский хотел и его напутствовать, но он отказался, а Каховский исполнил христианский долг, как бы по принуждению. Не хотел чистосердечно раскаяться. А эти трое исполнили, как следует, христианскую обязанность, в особенности Рылеев. Он заставил плакать священника и отдал ему для жены и дочери медальйон и крест.

Я вот, как теперь, помню Мысловского. Он говорил: „они страшно виноваты, но они заблуждались, а не были злодеями! Их вина произошла от заблуждения ума, а не от испорченности сердца. Господи, отпусти им! не ведали бо, что творили. Вот наш ум! долго ли ему заблудиться? а заблуждение ведет на край погибели. Только вера святая и писание божественное могут поддержать человека и поставить его на путь истины. Надо молиться, чтобы бог смягчил сердце царя!“

О Рылееве он еще прибавил, что он истинный христианин и думал, что делает добро и готов был душу свою положить за други своя.

В полночь это начали с'езжаться в крепость начальствующие лица; Павел Васильевич Кутузов, — тогда он был генерал-губернатором, жандармский шеф, полицеймейстеры. Много приехало. Пошла такая суета, что ужас. Знаешь, приготовления все эти. Надобно тебе сказать, что и прежде все с виселицею бились, никак не могли найти, кто бы взялся строить ее. Как ты ее будешь строить, когда весь век не видал? Взялся за это Постников, полицеймейстер.

Так виселицу-то и эшафот строил Постников и при нем архитектор, забыл его фамилию, немецкая. Виселицу строили где то в тюрьме, потом разобрали и ночью должны были привезти в крепость. Только, братец ты мой, долго не везут. Такая пошла суматоха. Генерал-губернатор Кутузов [1]) из себя выходит просто.

В это время из царской фамилии в Петербурге никого не было. Всем этим распоряжался Кутузов. Он вместо Милорадовича [2]) поступил. Наконец, привезли виселицу; начали ставить. Не так ли что было сделано, или забыли что, не знаю, — говорили потом, что будто перекладина пропала, а кто их знает; вряд ли правда. Как ей пропасть? Что нибудь там, может, повредилось, это другое дело. Только надобно было починку произвести. Копались с виселицею долго. Как ни понукали, братец ты мой, как ни спешили, а все уже дело-то подходило ко дню. В четыре часа еще виселицу ставили.

Нас привели в коридор казематов в Алексеевском равелине. Сперва-то было ввели в какую-то черную комнату, да сейчас же и вывели. Какая это комната—не могу сказать. Был я там недолго, да и замечать-то всего не было мочи. Не

[1]) Генерал-ад'ютант П. В. Голенищев-Кутузов. В. А.

[2]) Генерал-губернатор Милорадович 14 декабря во время восстания был подстрелен Каховским. В. А.

до того было; жутко, страшно было. Пожалуй, что их судили и допрашивали в этой комнате.

Вывели нас в коридор; с нами был полицеймейстер Тихачев [1]). Вслед за нами офицер привел двенадцать человек солдат Павловского полка, с заряженными ружьями и со штыками. При исполнении казни был один только Павловский полк. Других полков солдат я не видел ни одного человека. Привели и двух палачей.

— Господа, выньте свои шпаги! — сказал нам Тихачев.

Мы переглянулись: зачем это понадобились наши шпаги? У меня была старая шпаженка, ржавая, с изломанным концом. Известно, у нас в полиции шпаги собственно для того только, чтобы вот висели для порядка с боку и больше ни для чего. Я, признаться, своею бывало в печке мешал, уголья подгребал, и у меня конец был совсем обожжен. Когда я вытащил шпагу, Тихачев захохотал.

— Ну, говорит, воин! Нечего сказать! Посмотрите-ка какой! Прелесть! Шпага - то, шпага! Я думаю, и крысы ею не заколешь!

Я был очень рад, что моя неисправность произвела только смех. Могло и достаться. Конечно, кто мог предвидеть, что нам придется винимать шпаги? Их у нас никогда не смотрел никто. Висят себе с боку да висят!

Отворили двери казематов и позвали преступников. Крикнули: пожалуйте, господа!

Они уже были готовы и вышли в коридор. Руки и ноги их были связаны так, что руки были опущены вдоль туловища, а ногами они могли делать самые маленькие шаги.

— На них не было кандалов?

— Нет. Никаких кандалов не было. Я, как теперь, вот на них смотрю. Только ремни. Ремнями были связаны и руки и ноги. Они протянули друг другу руки и крепко пожали. Некоторые поцеловались, Рылеев глазами и головой показал на небо.

— Что они тут? говорили что нибудь?

— Нет, ничего не говорили, потому что и говорить нельзя было. Тут был, братец ты мой, Тихачев; он бы не позволил много говорить,

— Ну, что же, они были бледны, встревожены?

— Удивительно, братец ты мой, нисколько! Совершенно спокойны. Вот как мы с тобой говорим. Точно будто шли не на смерть, а выходили вот в другую комнату закурить трубку. Кажется, как будто один Каховский был немного побледнее. Я думаю, ему трудно было умирать, потому что он не раскаялся так искренно и не исполнил, как другие, как должно, христианского обряда. Его тоже причастили, ну, да он не от сердца это все делал, а как по приказанию. Все они удивительно были спокойны.

---

[1]) Чихачев. В. А.

Когда их установили, мы пошли в таком порядке: впереди шел офицер Павловского полка, командир взвода, поручик Пильман, потом мы пятеро в ряд с обнаженными шпагами. Мы были бледнее преступников и более дрожали, так что можно было сказать скорее, что будут казнить нас, а не их. За нами шли в ряд же преступники. Позади их двенадцать павловских солдат и два палача. Тихачев шел в стороне и наблюдал за процессиею, а сам не становился в нее и определенного места не имел, как мы, например.

Мы двигались вперед медленно, едва переступая, потому что преступники со связанными ногами не могли почти итти.

Таким порядком вышли мы на кронверк. Парка этого тогда не было в заводе. На месте его был голый пустырь и на нем кое-где валялись нечистоты и разная дрянь. Кронверк состоял из земляных валов и отделялся от поля и крепости водяными рвами. Дорогою преступники могли разговаривать между собою, но что они говорили, нельзя было слышать.

Когда мы перешли мост на кронверк, то увидели там солдат с ружьями, толпу преступников и два эшафота. На одном была устроена виселица. Тут я один раз в жизни и видел виселицу. Это просто, братец ты мой, качели. Знаешь, как качели делают на двух столбах с перекладиной? Ну, вот, тебе и виселица. Качели! Только вместо доски к перекладине на веревках людей подвесят. Иной, кто не знал, что тут делается, подумал бы, что тут очень весело. На кронверке во все время играла музыка Павловского полка. Я тебе говорю, погода была чудная, а тут солнце всходит и музыка играет.

Собрали всех замешанных в бунте. Всех их, кажется, было сто двадцать пять человек. Тихачев прочитал сентенцию суда и приговоры. Пятерых присуждено было повесить, а остальным разные были назначены наказания: кого в каторжную работу, кого на поселение, кого куда...

Наших отвели в сторону и посадили на траву. Возле них остались мы и солдаты.

— Что-же виселица не была готова?

— Виселица-то была готова, за нею дело не стало, а сперва исполняли приговор над остальными: снимали с них платье на эшафоте, надевали на них арестантское, ломали над головами шпаги, и все это, известно, лишали дворянства и чести, шельмовали, как тогда законом было постановлено.

Когда выпроводили тех, дошла очередь и до наших. Они, я тебе говорю, сидели все время на траве и тихо между собою разговаривали. Когда пришла их очередь, к ним опять подошел Мысловский, говорил с ними, напутствовал их еще раз к отходу и дал приложиться ко кресту. Они на коленях молча помолились богу, смотря на небо. Тяжело было, братец, смотреть на них! Потом на них надели этакие мешки, которыми они были закрыты от головы до пояса. На шеи им на веревках надели

аспидные доски с именами и виною их. Мы опять построились в порядок для шествия на эшафот под виселицу. Надо тебе сказать, что под самой перекладиной был сделан возвышенный помост; на него надобно было входить по деревянному, очень отлогому откосу. Мы пошли. Тихачев был при нас: это было в его команде.

— Но в этот момент, когда на них надевали мешки, они побледнели? В них виден был страх?

— И ничего-таки, братец мой! Я смотрел на них. Ведь вот стоял, как от тебя. Первый стоял Карелин против Пестеля, я против Рылеева, потом Попов против Муравьева, Богданов против Бестужева, а Дубинкин против Каховского [1]). Мы могли хорошо видеть их лица. Они были совершенно спокойны, но только очень серьезны, точно как обдумывали какое-нибудь важное дело. Да ведь и минута была серьезная, приготовлялись ведь, братец, к смерти. Взглянули они в последний раз на небо да так, братец ты мой, взглянули жалостливо, что у нас вся внутренность перевернулась и мороз подрал по коже. Каховский, правда, немножко того, сробел. Вцепился этак в батюшку, что его едва оторвали. Страх! Так это было жутко! Ты вот не поймешь этого, что это такое было, а я рассказать не могу. Ну, как я тебе расскажу? Мешки им очень не понравились; они были недовольны, и Рылеев сказал, когда ему стали надевать мешок на голову: „Господи к чему это?“ Палачи им стянули руки покрепче. Один конец ремня шел спереди тела, другой сзади, так что они рук поднимать не могли. На палачей они смотрели с негодованием. Видно, что им было крайне неприятно, когда до них дотрагивались палачи.

Когда все это было готово, Тихачев велел итти. Ну, мы и пошли, опять, знаешь, медленно, а тут это музыка играет Павловского полка... Солдаты этак осужденных сзади натаскивали, чтоб они знали куда итти. Так они все подвигались понемножку вперед, по этому деревянному откосу; наконец стали на место. Страшно, братец! Ух, страшно! У нас волосы стали дыбом на голове, когда мы подошли под перекладину. Тут нас свели прочь, и мы немножко вздохнули.

Когда свели нас с эшафота, то поставили тут же, возле. На шеи преступникам надели петли, и помост, на котором они стояли, опустился из под их ног. Так это было уже устроено. Они повисли и забились, заметались. Тут трое средних и сорвались. Веревки лопнули; они и упали вниз. Только на краях остались висеть Пестель и Каховский [2]).

[1]) Приговоренные входили на помост под виселицу в порядке как шли их имена в приговоре: Пестель, Рылеев, Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин, Каховский; Пестель был крайним с правой стороны, Каховской с левой стороны, для участников-зрителей наоборот: Пестель стоял на левой стороне, Каховский на правой. В. А.

[2]) Автор этого рассказа ошибается. Каховский тоже сорвался. В донесении царю генерал-губернатор Голенищев-Кутузов указывает, что с виселицы

Ну, как они упали, так разбились в кровь ; ведь сам посуди, упали - то с размаха.

Кутузов сперва прислал ад'ютанта, а потом и сам лезет, кричит, ругается: что это такое?

— И повесить не умеют![1])—кто - то отвечал из сорвавшихся, кажется, будто Рылеев.

— Вешать их, вешать скорее! — кричит Кутузов. И боже ты мой, стал тут кричать и ругаться. Подняли опять помост и вновь накинули петли. В это время, когда помост был поднят, Пестель и Каховский опять достали до него ногами. Пестель был еще в это время жив, и, кажется, начал немного отдыхать. Тут некоторые стонали, должно быть от ушиба и боли. Их повесили опять. А говорят, вешать в другой раз не следовало. Это тоже Кутузова вина.

За рвом было немного народу. Рано было, и никто ничего не знал: оттого и не собирались. Народ тоже это зашумел что - то, Кутузов на них закричал, а музыка еще громче стала играть.

— Что же она играла? Похоронный марш?

— Нет ; простые марши играла и разные штуки. Прошло этак с полчаса ; доктор говорит, что они давно померли. Велели их снимать. Сняли, братец мой ; у всех вылезли предлинные языки и лица были синие такие, почти черные. Их сложили на телегу и сдали полицеймейстеру, полковнику Дершау ; он был назначен хоронить их. На день тела поставили в сарай на кронверке же. Виселицу живо разобрали. Тут и нас отпустили. Чтобы не делать наряда, Дершау велел мне, Богданову и Дубинкину явиться к нему вечером.

Пошли мы. На дороге встретился со мною брат. Он, надобно тебе сказать, все прежде еще приставал, спрашивал меня, когда и где будут наказывать за бунт. Я ему говорил, что об этом

сорвались: Рылеев, Каховский и Муравьев. Таким образом на виселице могли остаться Бестужев - Рюмин и Пестель. Трудно допустить, чтобы царский генерал в сообщении царю, который проявлял исключительный интерес к делу и расправе над декабристами, мог допустить ошибку. Вероятнее предположить, что лица, присутствовавшие на казни, в своих воспоминаниях впоследствии перепутали имена декабристов. Эта путаница существует не только у автора настоящего рассказа, но и у других участников казни. В противоположность приводимому нами рассказу помощника полицейского надзирателя другой участник казни в своих воспоминаниях приводит другие имена декабристов, сорвавшихся с виселицы: Рылеев, Пестель и Каховский. (Полное собрание сочинений К. Ф. Рылеева, М. 1907 г. Том второй, стр. 19). Совершенно ясно, что здесь мы имеем один из многочисленных случаев противоречивых свидетельских показаний. В. А.

1) Трудно восстановить точную формулировку брошенной Рылеевым фразы. До нас дошел только общий приблизительный смысл иронического замечания Рылеева. Но передают его довольно различно: „И так скажут, что мне ничего не удавалось, даже и умереть!" „Проклятая земля, где не умеют ни составить заговора, ни судить, ни вешать". „Я не ожидал, что меня два раза повесят". (См. Шницлер „Русская История при императорах Александре и Николае" изд. 1847 г., стр. 305 и след.). В. А.

верно будет об'явлено, и вешать будут на площади, где они бунтовались. Мы тогда все так думали. Встретил меня брат с такой претензией: что же ты говорит, не сказал? А я и говорю: я и сам не знал.

— Где же их похоронили?

— А вот где. Знаешь ты Смоленское кладбище?

— Ну, знаю.

— Там есть немецкое кладбище, а за ним армянское. Тут есть этак переулочек налево. Вот мимо армянского кладбища и итти до конца переулка. Как вийдешь к взморью, тут и есть. Тут их всех и похоронили. Ночью их вивезли с конвоем, и мы тут шли. Распоряжался Дершау. Там потом четыре месяца караул стоял.

Всеподданнейшее донесение о казни декабристов[1])

(13 июля 1826 года)

Экзекуция кончилась с должною тишиною и порядком, как со стороны бывших в строю войск, так и со стороны зрителей, которых было немного. По неопытности наших палачей и неумению устраивать виселицы, при первом разе трое, а именно: Рылеев, Каховский и Муравьев сорвались, но вскоре опять были повешены и получили заслуженную смерть. О чем вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу.

ДЕЛО СОЛОВЬЕВА, СУХИНОВА, МАЗАЛЕВСКОГО И ДРУГИХ

Указ е. и. в. самодержавца всероссийского из правительствующего сената[2])

По указу е. и. в. правительствующему сенату в общем Московских департаментов собрании слушали: предложение г. министра юстиции ген. от-инф. и кав. князя Лобанова-Ростовского, что г. военный министр за отсутствием гл. нач. гл. шт. е. и. в. препроводил к нему, для внесения в правительствующий сенат, засвидельствованную копию с высочайше конфирмованною в 12 день минувшего июля всеподданнейшаго доклада аудиториатскаго департамента, Черниговского пехотного полка о штабс-капитанах Маевском, бароне Соло-

[1]) Донесение генерал-губернатора ген.-ад'ют. Голенищева-Кутузова, лично присутствовавшего и руководившего казнью. См. „Былое", 1906 г. № 3, стр. 226.

[2]) Переписка по поводу бунта Муравьева-Апостола. „Русская Старина". 1905 г., май, стр. 378 — 384.

вьеве, поручиках Сизиневском, Петине и других, сужденных за участие в произведенном бывшим в том полку подполковником Сергеем Муравьевым-Апостолом мятеже. Означенную копию с всеподданнейшаго доклада аудитор. департамента он, г. министр юстиции, предложил правительствующему сенату, присовокупляя, что о исполнении последовавшей по оному докладу высочайшей конфирмации, как уведомил его г. министр юстиции, военный министр, по воинской части надлежащее распоряжение уже сделано. Всеподданнейшим же докладом ауди-ториатский департамент его императ. величеству в высочайшее благоусмотрение представлял заключение свое следующего содержания: что по рассмотрению дела находит оный департамент: 1-ое. Из подсудимых штаб.-кап. барон Соловьев и поручик Сухинов, принадлежа тайному Славянскому Обществу, избравшему себе противозаконные правила стремиться на испровержение установленного в государстве порядка, были верными сподвижниками и участниками во всех злых замыслах возмутителя подполковника Сергея Муравьева-Апостола; ибо они, Соловьев и Сухинов, в то время, как Муравьев и брат его, по высочайшему повелению, арестованы Гебелем в селении Трелесах, забыв должное к званию его уважение, для освобождения Муравьевых, вместе с ними поручиками Кузьминым и Щипиллою сделали на Гебеля нападение, и отобрав у часовых ружья, причинили ему оными жестокие раны, потом с возмущенными Муравьевым двумя ротами, когда вошел он в город Васильков, из них Сухинов, следуя вперед с толпою возмущенных и повстречав подполковника Трухина, с частию нижних чинов шедшего навстречу Муравьеву-Апостолу, окружил их сею толпою, при чем сорваны были с Трухина эполеты и шпага и он посажен на гауптвахту, откуда тогда же выпущены все арестанты, в том числе и Соловьев, который до вступления еще Муравьева, приехав в Васильков, был Трухиным арестован; после сего Сухинов, с тою толпою отправясь в квартиру полкового командира, взял там знамена и казенный ящик, а переночевав с Муравьевым-Апостолом в Василькове и способствуя они, Соловьев и Сухинов, ему уговорить еще бывшие там три роты присоединиться к ним, находились оба при чтении полковым священником на площади пред всеми ротами составленного Муравьевым-Апостолом и подпоручиком Бестужевым-Рюминым возмутительнаго катехизиса, наполненного оскорбительными выражениями противу верховной власти с превратным истолкованием текстов священного писания, и потом провозгласив мнимую свободу, отправились из Василькова с теми ротами под командою Муравьева-Апостола, имевшего намерение возмутить вблизи квартировавшие войска; но на пути быв преследованы воинским отрядом, из них Соловьев взят с оружием в руках, а Сухинов бежал, и, укрываясь в разных

местах, составил себе фальшивый паспорт. Прапорщик же Мазалевский, по вступлении Муравьева-Апостола с двумя ротами в Васильков, тотчас присоединился к нему, и, по приказанию его заняв пост караульного офицера на заставе, останавливал всех приезжавших в Васильков; при чем взяв под арест прибывших туда двух жандармских офицеров и произнеся к ним угрозы, посадил их на гауптвахту, отобрал имевшиеся у них деньги, дал из оных 25 рублей бывшим в карауле солдатам на водку, а прочие доставил Муравьеву; потом по повелению его, переодевшись в партикулярное платье и получив три возмутительных катехизиса, отправился в г. Киев с одним унтер-офицером и тремя рядовыми, у коих велел спороть погоны, дабы не узнали, какой они дивизии; а по прибытии в Киев приказал бросить сии катехизисы на улицах; однако, при возвращении оттуда на дороге был схвачен и взят под арест; сверх того, знал он, Мазалевский, о существовавшем в 3-м корпусе тайном обществе, но не донес о сем начальству. 2-е. Подпоручик Быстрицкий до вступления еще Муравьева-Апостола с возмущенными им двумя ротами в г. Васильков, был командирован подполк. Трухиным в мест. Германовку, для принятия под начальство свое состоявшей в команде барона Соловьева 2-й Мушкетерской роты, прибыл с оною в Васильков 31 дек. 1825 года, по выступлении уже оттуда Муравьева-Апостола, и узнав, что он вооруженною рукою заставил всех повиноваться, решился соединиться с полком единственно из боязни быть насильно захваченным от однополчан его, или от самого Муравьева-Апостола, и потому, не остановясь в Василькове, пошел с ротою в село Мотовиловку, где сдал ее барону Соловьеву; потом находился при мятежниках до самого поражения их и взят был воинским отрядом с оружием в руках; а хотя Быстрицкий обстоятельствами дела не уличен в принадлежности его тайному обществу и в знании о настоящей цели Муравьева-Апостола и сообщников его, но виновен Быстрицкий в том, что по приходе в гор. Васильков с ротою, не испросив от начальников своих наставления, что ему делать, самовольно ушел оттуда и, передав роту в руки мятежников, сам при них остался, чем и сделался сообщником их.

3-е. Шт.-кап. Маевский, поручики Петин и Сизиневский и подпоручик Войнилович, видя противозаконные и возмутительные действия Муравьева-Апостола, присоединились к сообществу его и исполняли данные от него повеления; поелику из них Петин, командуя 2-ю Гренадерскою ротой, когда прибыл к нему Муравьев-Апостол из сел. Трилес, после причинения там увечья полковнику Гебелю, не старался узнать, для чего он сей роте приказал быть в готовности; и видя, что Муравьев-Апостол поил солдат водкою и говорил им: „служите за бога и веру для вольности“, не вос-

противился Муравьеву в таковых злых его замыслах, но последовал за ним с тою ротой в Васильков; если же Петин, как об'яснялся пред судом, не имел возможности противу угроз Муравьева воспротивиться, по крайней мере при начале еще возмущения обязан был, заметив противозаконное Муравьева обольщение нижних чинов, внушить им прямую их обязанность; и тогда буде бы они не послушались, изыскать средства отстать от мятежников. Маевский же, Сизиневский и Войнилович, ежели и угрозами Муравьева-Апостола и сообщников его, принуждены были исполнить волю их, имели совершенную возможность, не подвергая жизнь свою опасности, удалиться от них; ибо Маевский, получа от Муравьева дозволение, ездил из Василькова в селение Плисецкое, где квартировала бывшая в команде его рота, для взятия оставшихся там вещей и жалованья; Войнилович посылан Муравьевым с приказанием от него в 1-ю гренадерскую роту, которая обще с капитаном Козловым не присоединилась к Муравьеву, и не поверив никаким ложным его обольщениям, удалилась и ушла в девизионную квартиру; а Сизиневский по выступлении Муравьева-Апостола из Василькова, оставался еще там несколько времени с тяжестями; но за всем тем они, Маевский, Войнилович и Сизиневский, не отстав от мятежников, последовали за ними; а после уже, как они, так и Петин, почувствовав заблуждение свое, бежали и добровольно явились к начальству.

4-е. Подпоручики Рыбаковский, Кондырев и прапорщики князь Мещерский, Апостол-Кегич и Белелюбский по вступлении Муравьева-Апостола в Васильков были также присоединены им к мятежнической его шайке и из них Рыбаковский находился по приказанию его в карауле у заставы, а после все они последовали из Василькова за Муравьевым при возмущенных ротах; но на пути отстав от оных, ушли и добровольно явились своему начальству. Пред судом все они об'явили, что боясь угроз, пристали к мятежникам; а из дела видно, что с Кондырева, когда повстречался он с Сухиновым с бывшею с ним толпою нижних чинов, сорваны эполеты, и тогда же он, Кондырев, вместе с подполковником Трухиным посажен на гауптвахту. Апостол же Кегич, возвращавшийся в Васильков с жандармским поручиком Несмеяновым, был взят у заставы Мазалевским и арестован, а Белелюбский, при вступлении Муравьева в Васильков, находясь в карауле на гауптвахте и имея у себя нижних чинов не более 8 человек, не мог сделать никакого сопротивления против мятежников, которые заряженными пистолетами угрожали его лишить жизни; но в то время, как он был ими послан снять караулы, скрылся, не исполнив того, и на другой уже день, случайно увидев его, Муравьев принудил следовать за ним; сверх того, полковник Гебель и подполковник Трухин удостоверили, что Кондырев, князь Мещерский и Апостол-

Кегич насильно были увлечены мятежниками и к сообществу их не принадлежали: а васильковские городничий и земский исправник об'яснили суду: городничий, что Кондырев приходил к нему в отчаянии и слезах и, об'являя, что следует за Муравьевым по неволе, просил засвидетельствовать о сем перед начальством, и что с подобными об'явлениями и просьбами также приходили к нему, городничему, Рыбаковский, Апостол-Кегич и князь Мещерский, сказывая, что за всеми ими был от Муравьева-Апостола особый надзор; а последний, т.-е. земский исправник, что Кондырев и Рыбаковский точно явились к нему и спрашивали ад'ютанта Павлова; при чем Кондырев с заплаканными глазами говорил, что он по принуждению Муравьева послан за Павловым. Посему вина их, Рыбаковского, Кондырева, князя Мещерского, Апостола-Кегича и Белелюбского, что последовали за Муравьевым, не воспротивясь ему, заслуживает снисхождения, тем более, что из сопротивления одних их, как в полку младших и в команде, своей никакой части не имевших, было бы бесполезно.

5-е. Хотя подпоруч. Молчанов предан суду по случаю, что имел связь с подпоруч. Вадковским, его родственником, который был членом тайного общества и приезжал к Муравьеву в Васильков в день произведеннаго им возмущения; но Молчанов по производству ни в чем виновным не оказался: ибо Вадковский перед от'ездом своим к Муравьеву читал только Молчанову полученную от Муравьева записку о том, что их тайное общество открыто; однако не пояснял, в чем именно оное состояло и, следовательно, доносить начальству о том, чего Молчанов настояще не знал и что прежде сего было открыто, почитал он уже не нужным; при том и противу показаний Сергея и Матвея Муравьевых в намерении убить генерал-лейтенанта Рота, он, Молчанов, не сознался и по делу нет в том никаких доказательств.

Соображая все сии обстоятельства с прописанными в сентенции военного суда законами, аудиториатск. д-мент признает из подсудимых барона Соловьева, Сухинова и Мазалевского, как по злым действиям их главных сообщников возмутителя Сергея Муравьева-Апостола, подлежащими смертной казни; сверх того, полагает: а) сообщников подпол. Муравьева-Апостола поручиков Кузьмина и Щипиллу, прапорщиков квартирмейстерской части Муравьева-Апостола, участвовавших в возмущении, но убитых на месте поражения, согласно с мнением главнокомандующего 1-ою армиею, из списков выключить, как изменников, на могилах их крестов и никаких памятников приличному христианскому погребению не делать; но, поставя виселицу, к вечному их посрамлению, прибить под оною имена их; б) подпоручика Быстрицкого, за то, что прийдя с ротою в Васильков, по выходе уже оттуда Муравьева-Апостола, и не

испросив от начальников своих наставления, что ему делать, самовольно ушел, и передав роту в руки мятежников, остался при них и после взят обще с ними с оружием в руках, лиша чинов и дворянского достоинства и переломя над головой его шпагу, сослать в Сибирь в каторжную работу; в) штабс-кап. Маевского, поручиков Петина и Сизиневского и подпоруч. Войниловича, за исполнение приказаний Муравьева-Апостола, видя действия его возмутительными и противозаконными, во уважение что они, признав после заблуждение свое, отстали от него и добровольно явились начальству, лиша чинов и дворянского достоинства, написать в рядовые, определив в дальние гарнизоны; г) подпоручиков Рыбаковского и Кондарева, прапорщиков князя Мещерского, Апостола-Кегича и Белелюбского, не имевших намерения к возмущению, но противу желания их увлеченных с собою Муравьевым-Апостолом и бежавших от него, как скоро нашли случай, и тогда же явившихся к начальству, приемля во внимание неопытность их и молодые лета, посадить в крепость на полгода, для восчувствования оказанного ими при возмущении малодушия, и потом определить их на службу; д) подпоручика Молчанова, как виновным ни в чем не изобличеннаго, освободив от суда и ареста, отправить на службу; е) за оказавшиеся в недостатке в Черниговском пехотном полку после происшедшего в оном мятеже аммуничные вещи взыскать исчисленную Комиссариатским департаментом сумму 1.170 руб. 8½ коп. с имения подсудимых: Соловьева, Сухинова, Мазалевского, Быстрицкого, Маевского, Петина, Сизиневского и Войниловича, как признанных по делу сему виновнейшими; ж) поручика гусарского принца Оранского полка князя Корбеуш-Воронецкого, который при производстве сего дела уличен в несправедливом начальству донесении о взятии якобы им в селении Гребенках во время означенного мятежа капитана Фурмана и рядового Башмакова с 30-ю человеками бунтовщиков и в удержании у себя отобранных у рядового Черниговского пехотного полка Евдокима Степанова 18 руб. сереб., кои тотчас не возвратил, но оставил оные уже по востребовании начальством, арестовать за те неприличные поступки на 3 месяца с содержанием на гауптвахте.

На подлинном высочайшая его имп. вел. конфирмация за собственноручным его вел. подписанием воспоследовала такова: „барона Соловьева, Сухинова, Мазалевского, по лишении чинов и дворянства, и переломления шпаг над их головами пред полком, поставить в г. Василькове при собрании команд из полков 9 пех. дивизии, под виселицу и потом отправить в каторжную работу вечно. К той же виселице прибить имена убитых Кузьмина, Щипиллы и Муравьева-Апостола, как изменников, по выключке

их из списков. О Быстрицким и о прочих, равно и касания взыскания денег за растраченные аммуничные вещи быть по мнению аудиториатского департамента. Николай. В Царском Селе, июля 12 дня 1826 г.". Приказом о сей высоч. его имп. вел. конфирмации, воспоследовавшей на докладе аудит. д-та с прописанием заключения того д-мента, дать знать от Сената печатными указами, перечислено куда именно. Августа 9-го дня 1826 года.

ЦАРСКИЙ ПРИКАЗ О НАКАЗАНИЯХ ДЕКАБРИСТОВ, НЕ ПРЕДАННЫХ СУДУ [1])

Его императорское величество в присутствии своем в лагере при Красном Селе июля 7-го дня 1826 года соизволил отдать следующий приказ:

Государь император по рассмотрении дел о нижеписанных штаб и обер-офицерах, из коих одни принадлежали к тайным обществам, а другие обличены в содействии или знании об оных, снисходя к обстоятельствам, увлекшим некоторых из них во временное заблуждение, и приемля во внимание, что все они вовсе не участвовали в неистовых намерениях, а многие скоро оставили общество, и все вообще в поступках своих показывают истинное раскаяние, всемилостивейше повелеть соизволил, не предавая их строжайшему наказанию по суду, определить им исправительные меры наказания. — Вследствии чего:

По армии: состоящий по армии полковник Глинка 1-й отставляется от службы и ссылается на жительство в город Петрозаводск; во уважение же прежней его службы и недостаточнаго состояния, соизволяется употребить его там по гражданской части в чинах коллежскаго советника.

Переводятся:

По кавалерии: кавалергардского полка полковник Кологривов 2-й в Финляндский, поручик Свиньин в Харьковский тем же чином, корнеты: князь Вяземский 2-й в С.-Петербургский, Васильчиков в Тверской драгунские, и Арцыбашев в Томанской гарнизонный полк, все трое прапорщиками, с выдержанием из них: в крепости Кологривова 6-ть месяцев, а Васильчикова и Арцыбашева по одному месяцу. Лейбгвардии конного полка поручик Плещеев 1 в Курляндский драгунский полк тем же чином, и корнет Рынкевич в Бакинский гарнизонный баталион прапорщиком, и с выдержанием сего последнего в крепости еще двух месяцев. Лейб-гвардии Кирасирского полка и ад'ютант главнокомандующего 1-ю армиею,

[1]) Государственные преступления в России в XIX веке. 1906 г. стр. 68—69.

генерала от инфантерии графа фон-дер-Остен-Сакена 1-го поручик Титов в Омский гарнизонный полк тем же чином, с выдержанием в крепости еще три месяца. Старший ад'ютант 2-го Пехотного Корпуса, лейб-гвардии гусарского полка ротмистр Сабуров 2-й, по выдержании в крепости еще одного месяца, в Смоленский драгунский полк капитаном. Гусарских полков: принца Оранского штабс-ротмистры: Паскевич в Иркутский гусарский и Жуков штабс-капитаном в Архангелогородской гарнизонный полки с выдержанием в крепости, первого еще два, а последнего шесть месяцев, Ахтырского ротмистры, Семчев 2-й в Нижегородский драгунский полк и Франк 5-й в Уральский гарнизонный баталион, оба капитанами с выдержанием еще в крепости, первого шесть, а последнего два месяца. По пехоте: полков лейб-гвардии: Гренадерского подпоручик Кожевников в Иркутский гарнизонный полк тем же чином, с выдержанием в крепости еще шесть месяцев. Измайловского: ад'ютант главнокомандующего 1-ю армиею генерала от инфантерии графа фон-дер-Остен-Сакена 1-го, капитан граф Мусин-Пушкин в Петропавловский; подпоручики князь Ватбольский в Вятский и Малютин в Севастопольский пехотные, а поручики Гангеблов во Владикавказский гарнизонный полк, и Гудима в Дербентский гарнизонный баталион, все теми же чинами, с выдержанием из них в крепости: первых трех по одному месяцу, а Гангеблова четыре месяца. Павловского и ад'ютант начальника 4-й пехотной дивизии, генерал-ад'ютанта Потемкина 1-го, поручик князь Оболенский в 45-й Егерский полк тем же чином. Пехотных полков: Витебского подполковник Хотяинцев 1-й, по выдержании в крепости еще три месяца, в Ладожский пехотный полк. Пермского полковник Леман, по выдержании в крепости еще один месяц, в Томский пехотный полк. Командир 1-го морского полка полковник фон-Вольской по выдержании еще один месяц в крепости, в Эстляндский пехотный полк. Егерских полков: 17-го подпоручик Вадковский, по выдержании еще четыре месяца в крепости, в Моздокский гарнизонный баталион, 22-го подполковник Миклашевский 1-й, по выдержании в крепости еще один месяц, в 42-й Егерский полк По артиллерии: Конно-артиллерийских рот: № 5-го капитан Пыхачев в 13-ю и поручик Нащокин в 11-ю конно-артиллерийские роты, по выдержании еще в крепости первого еще два, а последнего три месяца. № 6-го командир роты и конно-артиллерийской бригады, при 3-й Гусарской дивизии состоящей, подполковник Фролов 4-й в 15-ю и прапорщик Высочин 1-й в 17-ю конно-артиллерийские роты, с выдержанием их еще в крепости, первого шесть месяцев, а последнего один месяц. 9-й артиллерийской бригады подпоручик Тихонов, по выдержании в крепости еще один месяц, в 11-ю артиллерийскую бригаду.

По гвардийскому генеральному штабу: гвардейского генерального штаба подпоручик Искрицкий 1-й, по выдержанию в крепости еще шесть месяцев в Орской гарнизонный баталион тем же чином.

Отставляется от службы:

По пехоте—32-го Егерского полка полковник Непенин.

Дополнение.

К высочайшему приказу, отданному в лагере при Красном Селе 7-го июля 1826 года.

Государь император высочайше повелеть соизволил, нижепоименованных обер-офицеров, изобличенных в участии в злоумышленных тайных обществах, наказать исправительными мерами, не предавая их суду, единственно по всемилостивейшему снисхождению к их молодости и неопытности. — Вследствии чего:

Переводятся в гарнизонные баталионы.

По кавалерии: кавалергардского полка поручик Горожанской в Кизильский тем же чином с выдержанием в крепости еще четыре года. По артиллерии: 9-й артиллерийской бригады подпоручик Черноглазов в Верхнеуральский тем же чином, с выдержанием в крепости еще два года. По гвардейскому генеральному штабу: гвардейского генерального штаба прапорщик Палицын в Петровский тем же чином с выдержанием в крепости еще один год.

ОТКЛИКИ ДЕКАБРИЗМА В ХАРЬКОВЕ [1])

(Подлинник)

Главный Штаб
Его Императорского Величества

По Военному Поселению

Дежурство
Отделение I.

В С.-Петербурге
28 января 1827
№ 5

Секретно

Киевскому военному губернатору господину генералу-лейтенанту и кавалеру Желтухину

В Харькове открылись разные неблагонамеренные сочинения, и подозрение в оном падает на студентов Харьковского Университета и других лиц. Подробности о сем изволите увидеть из прилагаемого при сем в копии секретного донесения.—

[1]) Приводимые два документа взяты нами из статьи М. Цявловского „Эпигоны декабристов. (Дело о распространении „зловредных“ сочинений среди студентов Харьковского университета в 1827 г.)“, помещенной в № 7-8 „Голоса Минувшего“ за 1917 год. Названное дело найдено было М. Цявловским в бумагах академика Н. К. Шильдера. Дело о распространении „зло-

Государь Император, желая удостовериться в истине сего донесения, поручил Вашему Превосходительству:

1. Проездом вашим по новому званию, заехать в Харьков.

2. Исследовать на месте, от кого и каким образом перешли неблагонамеренные сочинения, и кем сочинены.

3. Обратить особенное внимание на студентов Харьковского Университета, не от них ли передаются таковые сочинения.

4. Равным образом обратить внимание и исследовать, не из военного ли поселения в г. Чугуеве, как прилагаемое секретное донесение показывает, выпущаются сии сочинения, нет ли там людей неблагонамеренных, и кто именно?

5. От Бригадного Командира третьих Баталионов 5-го пехотного корпуса Полковника Вансовича потребовать об'яснение, почему он, получа неблагонамеренные сочинения, не представил об оном своему высшему Начальству, а передал их Губернатору, и даже не донес о сем, — и, обследовать, не имеет-ли он связи с неблагонамеренными людьми, и сам не в числе-ли их?

Об'являя Вам таковую Монаршую волю, имею честь присовокупить, что Его Императорское Величество изволит надеяться, что Ваше Превосходительство приведете сие дело в полную ясность, и я буду ожидать о последствиях уведомления Вашего, для доклада Государю Императору.

Начальник Главного Штаба Дибич

Начальник Штаба Клейнмихель

Через четыре дня этому же Желтухину было дано еще предписание сходного содержания:

(Подлинник)

Главный Штаб
Его Императорского Величества

Секретно

По канцелярии
Дежурного Генерала

В С.-Петербурге
2-го февраля 1827
№ 187.

Киевскому военному губернатору господину генерал-лейтенанту и кавалеру Желтухину

Третьего батальона Тарутинского пехотного полка у поручика Лансберга оказалась рукопись, в подлиннике у сего прилагаемая, заключающая в себе неблагонамеренные сочине-

вредных" сочинений возникло таким образом. В январе 1827 г. бригадный командир Вансович обнаружил у поручика Лансберга „зловредную" рукопись. Вансович донес об этом харьковскому губернатору, который сообщил в III отделение Бенкендорфу Ландсберга арестовали; на допросе он показал, что рукопись получил от студентов Харьковского университета. Б. А.

ния на щет правительства и законной власти, под заглавием: Рылеев в темнице, к друзьям и проч.[1]). По исследованию, произведенному Слободско-Украинским Гражданским Губернатором к открытию выпустившего первоначально сии сочинении, оказалось, что оные переходили из рук в руки разных лиц, в том числе и некоторых студентов Харьковского Университета; последний, от коего дошли оные, есть студент того Университета Петр Балабуха, жительствующий теперь в Киеве, от которого не отобрано еще показаний, от кого дошли к нему сии сочинении? Между тем Попечитель Харьковского Университета, защищая студентов оного Университета, в донесении своем об'ясняет, что место, из которого сии студенты получали какие-либо подобного рода сочинении есть военное Чугуевское поселение.

Государь Император с негодованием усматривая из сего, что как между студентами Харьковского Университета, так и в военном поселении Слободско-Украинской губернии таится непозволительная склонность к запрещенным сочинениям, доказывающая вредный образ мыслей, повелевает, чтоб Ваше Превосходительство на пути из здешней столицы в Киев, заехали в Харьков, вникнули бы подробно в дух, существующий между учащими и учащимися тамошнего университета, разведали бы подробно, в каком отношении находятся они с военным поселением, и не кроется-ли равномерно и в самом поселении неблагонамеренного расположения к распространению подобного образа мыслей, открыли бы источник сего зла и настоящих виновных и вместе с тем изыскали бы в точности, кто сочинил и выпустил упомянутые злонамеренные сочинения и обо всем, что окажется, донесли бы прямо Государю Императору.

Сообщая Вашему Превосходительству сию Высочайшую Волю, имею честь препроводить при сем к вам, сверх рукописи, отобранной от поручика Лансберга, копии с донесений по сему предмету от Слободско-Украинского Гражданского Губернатора и Попечителя Харьковского Университета.

Начальник Главного Штаба Дибич[3])

---

[1]) Автором рукописи оказался студент харьковского университета Владимир Розалион-Сошальский. Он написал довольно много произведений декабристского характера. „Рылеев в темнице" — его произведение. Но изображение Рылеева здесь очень далеко от действительности. На допросах Розалион-Сошальский показал себя большим трусом: приносил чистосердечные раскаяния, давал откровенные показания и выдавал. В. А.

[2]) Несмотря на эти распоряжения. Желтухин в виду болезни не смог своевременно выехать в Харьков. Розыском занялся генерал Стрекалов, специально для этого командированный из Петербурга. В результате расследования выяснилась виновность ряда офицеров и студентов. Между прочим, в числе лиц, привлеченных по этому делу, оказался розжалованный в солдаты за скандалы офицер Дорохов, которого Л. Толстой изобразил в „Войне и Мире" под именем Долохова. Все привлеченные по этому делу отделались лишь арестами и высылками. В. А.

ОТПРАВКА В СИБИРЬ [1])

Большую часть осужденных Верховным уголовным судом отправили из С.-Петербургской крепости в разные места, с 21 июля по 1 августа 1826 года.

Отправление это началось с тринадцати человек [2]), разжалованных в солдаты, в Сибирский, Оренбургский и Кавказский корпуса, и трех [3]), осужденных в работу в Бобруйскую и Динабургскую крепость.

Потом отправлен был полковник Александр Муравьев, не лишенный чинов, на житье в Якутск. При этом было приказано, чтобы он ехал в телеге, а не в своем экипаже, чтоб жене его, если она пожелает отправиться с ним вместе, было в этом отказано, и чтоб ей было дозволено ехать в след за мужем.

После того отправлены были тринадцать [4]) человек, осужденных в Сибирь на поселение.

За ними отправили из числа приговоренных к каторжной работе восемь человек: Трубецкого, Оболенского, Артамона Муравьева, Давыдова, Якубовича, Волконского, Андрея и Петра Борисовых.

Наконец, из приговоренных к каторжной же работе, на поселение и в крепостные работы тридцать два человека [5]), впредь до назначения им мест ссылки, по тесноте помещения С.-Петербургской крепости, препровождены были в Шлис-

[1]) Из статьи охранника М. М. Попова „Конец и последствия бунта 14 декабря 1825 г.“, помещенной в историческом сборнике „О минувшем“ 1909 г., стр. 118—121.

[2]) Борис Бодиско, Коновницын, Оржицкий, Кожевников, Цебриков, Михайлов, Пущин, Петр Бестужев, Алексей Веденяпин, Вишневский, Мусин-Пушкин, Акулов, Фокк и Лаппо.

[3]) Михайло Бодиско, Берстель, Булгали.

[4]) Краснокутский, Андреев, Аполлон Веденяпин, Чижов, Голицын, Назимов, Николай Бобрищев-Пушкин, Заикин, Шаховской, Фохт, Мозгалевский, Шахирев и Враницкий.

[5]) Оставлены (? В. А.) были в Шлиссельбургскую крепость — Андреевич, Иван Пущин, Юшневский, Пестов, Дивов, Николай и Михаил Бестужевы; в Кексгольмскую крепость, а из нее в апреле 1827 г. в Шлиссельбургскую — Горбачевский, Спиридов, Барятинский, Вильгельм Кюхельбекер, Александр Поджио и Вадковский; в Свеаборгскую крепость, из нее 4-го октября 1827 г. в Свартгольмскую, а отсюда 16-го того-же месяца в Шлиссельбургскую — Иосиф Поджио; в Свеаборгскую крепость, из нее 4-го октября 1827 г. в Выборгский шлосс, а отсюда 8-го того-же месяца в Шлиссельбургскую крепость — Норов; в Свартгольмскую крепость — Штейнгаль. Батюшков, Бечаснов, Павало-Швейковский, Панов, Суторф и Щепин-Ростовский; в Свеаборгскую крепость, из нее 4-го октября 1827 г. в Свартгольмскую, а отсюда в марте 1828 г. в Кексгольмскую — Громницкий, Киреев и Митьков; в Свеаборгскую крепость, а из нее 4-го октября 1827 г. в Выборгский шлосс — Лунин и Муханов; в Роченсальмскую крепость — Матвей Муравьев-Апостол, Александр Бестужев, Якушкин, Арбузов и Тютчев.

сельбургскую, Свеаборгскую, Свартгольмскую, Кексгольмскую и Рочесальмскую крепости и в Выборгский шлосс. Некоторые из них потом, для удобнейшего размещения, были переводимы из одной крепости в другую.

Остальные из осужденных в каторжную работу и на поселение сорок четыре человека [1]) до назначения им мест в Сибири оставлены в Петербургской крепости.

Из них Поливанов 5-го сентября 1826 года умер в С.-Петербургской крепости, а содержавшийся в Свартгольмской крепости Батенков, по причине помешательства в уме, перемещен в октябре 1827 года в Петербургскую крепость и здесь оставался до февраля 1846 года.

Переписка о назначении мест ссылки семидесяти четырем человекам, остававшимся как в Петербургской, так и в других крепостях, продолжалась долгое время, так что в Сибирь и в крепости (Динабургскую и Бобруйскую) препровождены были одни в январе и феврале, 1827 г., другие, наибольшая часть, в сентябре, октябре и ноябре того-же года и четверо (Громницкий, Киреев, Митьков и Лунин) в апреле 1828 г., Иосиф Поджио оставлен был в Шлиссельбургской крепости, взамен каторжной работы, и отправлен в Сибирь в 1834 году, уже на поселение.

Ссылки избег Николай Тургенев, который до декабря 1825 года находился за границей и не явился к суду, оставшись во Франции.

Все осужденные отправлены были в Сибирь, крепости и войска по ночам, таким порядком, что следовавшие по одному тракту выезжали не в один день,—через сутки, и притом минуя Москву. Назначенные в Сибирь перевезены были по Ярославскому тракту.

Из них отправленные в войска, также в Бобруйскую и Динабургскую крепость, и бывший полковник Муравьев в Якутск везены были каждый в сопровождении фельд'егеря; следовавшие в Сибирь на поселение посылались по два человека, с каждым из них ехали по два жандарма и позади их фельдфебель; а следовавшие в каторжную работу посылались закованными в кандалы по четыре человека, при каждом арестанте по одному жандарму и при каждой партии по одному фельд'егерю. Таким же порядком отправлялись и переводимые из С.-Петербургской на время в Шлиссельбургскую и финляндские крепости, т.-е. закованными в кандалы и партиями по четыре человека.

[1]) Никита Муравьев, Дмитрий Завалишин, Александр и Николай Крюковы, Свистунов, Басаргин, Анненков, Вольф, Иванов, Фролов, Торсон, Фон-Визин, Фаленберг, Иванов, Мозган, Корнилович, Лорер, Павел и Иван Аврамовы, Павел Бобрищев-Пушкин, Иванов, Александр Муравьев (бывший корнет), Александр и Петр Беляевы, Нарышкин, Одоевский, Репин, Глебов, Розен, Михаил Кюхельбекер, Люблинский, Лихарев, Екитаньдев, Лисовский, Тизенгаузен, Кривцов, Толстой, Чернышев, Загорецкий, Поливанов, Черкасов, Выгодовский, Бриген и Фурман.

Сверх осужденных Верховным уголовным судом, отправлены были еще судившиеся в разных местах, военным судом: по возмущению Черниговского пехотного полка, бывший штабс-капитан Соловьев, поручик Сухинов, прапорщик Мазалевский, подпоручик Быстрицкий и рядовой (еще прежде разжалованный из подполковников) Башмаков — в Сибирь, в каторжную работу, а бывшие штабс-капитан Маевский, поручик Петин и Сизеневский и подпоручик Войнилович — рядовыми в дальние гарнизоны.

Кроме того, отправлен был в Сибирь в работу бывший майор Раевский, лейб.-гвар. Московского полка бывшие унтер-офицер Лучников и рядовой Погенпаль. Потом были присоединены к ним судившиеся за последовавшие политические преступления — по делу об открытии в 1827 году в Оренбурге тайного общества — бывшие рядовые Ипполит Завалишин, прапорщики Таптыков и Колесников и портупей-прапорщик Дружинин, даже бывший майор Кутевский, который в Астрахани составлял общество для краж и грабежей. Все они названы были государственными преступниками и подчинены одинаковым правилам.

Наконец, на житье в Сибирь сосланы были, по происшествию 14-го декабря 1825 г., без лишения чинов, статский советник Грабе-Горский и титулярный советник Семенов.

При ссылке в Сибирь государственных преступников предписали начальникам губерний, чтобы сосланные в каторгу были употребляемы в работу, как следует, и чтобы с ними во всех отношениях поступаемо было по установленному для каторжан положению, чтобы для неослабного и строгого наблюдения за ними назначен был надежный чиновник, а равно, чтобы и за сосланными на поселения был учрежден строжайший надзор.

М. М. ПОПОВ

ПОСЛАНИЕ В СИБИРЬ

В глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье:
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.
Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Пробудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:
Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас;

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут [1]).

А. ПУШКИН

ОТВЕТ НА „ПОСЛАНИЕ В СИБИРЬ“ ПУШКИНА

Струн вещих пламенные звуки
До слуха нашего дошли:
К мечам рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрели.
Но будь спокоен, бард: цепями,
Своей судьбой гордимся мы
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями!
Наш скорбный труд не пропадет:
Из искры возгорится пламя,
И просвещенный наш народ
Сберется под святое знамя!
Мечи скуем мы из цепей,
И пламя вновь зажжем свободы:
Она нагрянет на царей —
И радостно вздохнут народы! [2])

А. ОДОЕВСКИЙ

ПОПЫТКА ВОССТАНИЯ И МАССОВОГО ПОБЕГА НА ЗЕРЕНТУЙСКОМ РУДНИКЕ

(Из предписания от 29 ноября 1828 г. коменданта Нерчинских рудников генерала Лепарского) [3])

Учрежденная в Нерчинском заводе комиссия военного суда, для суждения намеревавшихся к побегу из Зерентуйского рудника ссыльных с злоумышлением их, чтобы составить партию до двадцати человек или более, под предводительством ссыльного же Сухинова сделать возмущение и прочие злодеяния, представила ко мне сего ноября 4-го числа оконченное оной военно-судное дело, с заключенною сентенциею. Рассмотрев дело сие, нахожу, что комиссия военного суда заключила ви-

[1]) Сочинения А. С. Пушкина. Изд. 8-е, под редакцией П. В. Смирновского. Изд. Панафидиной. М., 1913 г., стр. 214 — 215.

[2]) Русская Муза. Художественно-историческая хрестоматия. Составил П. Я. Переработанное и дополненное издание. 1908 г., стр. 91.

[3]) „Былое“, 1906 г., стр. 130 — 131.

новным приговор сходно с законами. — Но государь император высочайшим ко мне повелением за собственноручным подписанием, последовавшим от 13-го числа прошлого августа, повелеть соизволил, по деду сему приговор суда исполнить мне по силе учреждения параграфа 7-го о действующих армиях; исполнение того высочайшего повеления, следуя полевому уголовному уложению для большой действующей армии, приговоренных военным судом к смертной казни, и именно: ссыльного Ивана Сухинова, за соглашение ссыльных Голикова и Бочарова к общему с ним побегу, принявшего злоумышление набрать партию ссыльных до двадцати человек и более, с ними взять насильственно в Зерентуевском руднике и Нерчинском заводе солдатские ружьи, порох, пушки, денежную казну, идти по протчим рудникам и заводам, разбивать всюду тюрьмы для присоединения к себе колодников, приглашать и принуждать проживающих отдельно в казармах рабочих ссыльных и из жителей, к общему бунту; истребляя все, что только ему противиться будет; а чиновников, находящихся в Зерентуйском руднике, забрать в тюрьму и зажечь оную; усиля же свою розбойническую шайку, пробраться в Читинский острог, где освободить государственных преступников, принять тогда с ними решительные меры к дальнейшим злодеяниям, и хотя он Сухинов ни в чем прописанном собственного сознания не учинил, а напротив, опровергал то разного дела сего околичностями, и изменениями собственных своих сознаний, но достаточно на очных ставках изобличен ссыльными Голиковым и Бочаровым, а к тому как он сослан в Нерчинские заводы в работу за участие в возмущении против высочайшей власти, довольно доказывается виновным; почему на основании указа 1775 года апреля 28-го дня, недомогаясь от него как шельмованного и лишенного всех прав и доверия, собственного сознания за вышепрописанные его на сии злодейства покушении, посиле узаконений: воинских артикулов на 99-й толкования, 127-го, 135-го 137-го с толкованием, и указа 1754-го года маия 13-го пункта 8-го, учинить ему Сухинову смертную казнь, повесить, но сообразуясь с силою указов 1754 года, сентября 30-го и 1817-го года декабря 25-го дня до воспоследования разрешения наказать его кнутом тремя стами ударами, поставить на лице клейма, и дабы он впред подобных к преступлениям покушений сделать не мог, заключить его, Сухинова в тюрьму. — Вместо того согласно полевого уголовного уложения главы II-й § 7-го главы V-ой § 40-го определяю: Ивана Сухинова расстрелять.

V. ВОЗВРАЩЕНИЕ ДЕКАБРИСТОВ

АМНИСТИЯ ДЕКАБРИСТАМ [1])

1. Манифест

Подвергшимся разным за политические преступления наказаниям и до ныне еще не получившим прощение, но по из'явленному ими раскаянию и безукоризненному после произнесенного над ними приговора поведению, заслуживающим помилование, даровать, на основании особых для того постановленных правил: одним — облегчения, более или менее значительные, в самом месте их ссылки; другим же — освобождение от оной, с правом жительствовать в одной из указанных им внутренних великороссийских губерний, а некоторым — и дозволения жить, где пожелает в пределах нашей империи и царства польского, за исключением только С.-Петербурга и Москвы.

Тем из них, получающих ныне прощение, которые были подвергнуты наказанию по приговору Верховного Уголовного Суда 13 июня 1826 года и мнению Государственного Совета 24 февраля 1829 года или же на основании постановлений Военно-Судных Комиссий, по прикосновенности к замыслам и действиям тайных обществ, открытых 1825 и 1827 годах, к бывшему в 1831 году возмущению в Польше, а дотоле принадлежали к дворянству потомственному, даровать вместе с законными их, после произнесения над ними приговора, рожденными детьми, все права потомственного дворянства, токмо без права на прежние имущества.

Имена тех из осужденных по приговорам 1826, 1827 и 1829 годов, которым даруется потомственное дворянство, означены в особом указе нашем правительствующему сенату, а имена участвовавших в польском возмущении, которым также даруется дворянство потомственное, будут об'явлены через министерство внутренних дел.

Принадлежавшим к другим состояниям, также и на том же основании, даровать вместе с законными детьми их, после их осуждения рожденными, те права состояния, коими они до сего осуждения пользовались.

Состоящих по прикосновенности к преступлениям политическим под особым надзором полиции, от оного освободить.

Все сии облегчения и милости об'явить кому следует установленным для того порядком.

---

[1]) Государственные преступления в России в XIX в. Сборник извлеченных из официальных изданий правительственных сообщений. Составлен под ред. К. Базилевского (К. Богучарского). Т. I. (1825 — 1876 г.) Спб., 1906 г., стр. 103 — 111.

Указ

2. Полное собрание законов Российской империи

(Собрание второе. Том XXXI)

30883. — Августа 26. Именной, данный Сенату. — О милостях и облегчениях, всемилостивейше даруемых, по случаю коронации его императорского величества, лицам, подвергшимся наказаниям за преступления политические. Желая в день коронования нашего оказать новую милость лицам, подвергшимся наказаниям за преступления политические и по из'явленному ими раскаянию и безукоризненному поведению заслужившим одобрительные отзывы, мы даровали им разные облегчения, о коих об'явлено в манифесте нашем от сего числа (308877).

Из означенных лиц, осужденных по приговору Верховнаго Уголовного Суда 13 июля 1826 года и 18 августа 1827 года и мнению Государственного Совета 24 февраля 1829 года, за участие в замыслах и действиях тайных обществ, открытых в 1825 и 1827 годах, даруется нами следующие милости:

1) Находящимся в Сибири на поселении: Сергею Трубецкому, Евгению Оболенскому, Матвею Муравьеву-Апостолу, Ивану Горбачевскому, Александру Поджио, Владимиру Бечаснову, Ивану Пущеву, Сергею Волконскому, Ивану Якушкину, Дмитрию Завалишину, Дмитрию Щепину-Ростовскому, Ивану Кирееву, Александру Фролову, Михайле Бестужеву, Владимиру Штейнгелю, Гавриле Батенкову, Петру Фаленбергу, Юлиану Люблинскому и Василию Колесникову; находящимся в Сибири на жительстве: отставному губернскому секретарю Аполлону Веденяпину, Михайле Кюхельбекеру, Вениамину Соловьеву, Андрею Быстрицкому, Флегонту Башмакову Дмитрию Таптыкову и Хрисанфу Дружинину; служащим в Сибири по гражданской части: канцелярским служителям Николаю и Александру Крюковым, коллежскому регистратору Николаю Басаргину, губернскому секретарю Петру Свистунову, коллежским секретарям Ивану Анненкову и Александру Бригину — дозволить возвратиться с семействами из Сибири и жить, где пожелают, в пределах империи, за исключением только С.-Петербурга и Москвы, тех же, которые в прежнее время возвращены из Сибири и жительствуют во внутренних губерниях — освободить от всех ограничений.

2) Вместе с сим, как возвращенным ныне из Сибири, так и непоименованным в 1-м пункте сего указа, уже жительствующим в других местах империи, которые были осуждены по тем же приговору, определению и мнению 1826, 1827 и 1829 годов, а дотоле принадлежали к дворянству потомственному и впоследствии не приобрели оного новою службою,

равно и законным детям, как их, так и осужденных вместе с ними и впоследствии умерших, рожденных после произнесения над отцами приговоров и непользующимся потомственным дворянством — даровать дворянство потомственное, только без прав на прежние имущества. Причисленным же по вине своей к низшим степеням: Владимиру Штейнгелю, Андрею Розену, Захару Чернышеву, Алексею Черкасову, Валериану Голицыну и Виниамину Соловьеву и законным детям их, рожденным после приговоров — даровать прежние титулы: Голицыну — княжеский, Чернышеву — графский, а прочим — баронский. Если и после умерших лиц, осужденных по упомянутым делам, пользовавшихся дотоле почетными титулами и причисленных к разрядам не выше третьего, остались законные дети, то и им даровать прежние почетные титулы отцов их.

3) Сыновьям из осужденных в 1826 году по приговору Верховного Уголовного Суда Василия Давыдова, Василия Ивашева, Вильгельма Кюхельбекера и Андрея Розена, названных при определении их в учебные заведения, Васильевыми и Розиновыми, возратить фамилии отцов их и именовать Давыдовыми, Ивашевыми, Кюхельбекерами и баронами Розенами.

4) Тем из уроженцев западных губерний, участвовавших в польском возмущении 1831 года, которые по их безукоризненному поведению, получат от главных местных начальств разрешение возвратиться на родину, а равно и законным детям их, рожденным после приговоров над отцами, даровать также: пользовавшимся до приговоров потомственным дворянством — все права сего дворянства только без прав на прежние имущества, а принадлежащим к другим состояниям — права прежних состояний их.

Правительствующий Сенат не оставит сделать надлежащие по сему распоряжения.

ДЕКАБРИСТЫ ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ

Я могу сказать, положа руку на сердце, что если б мы, искавшие изменения тогдашнего бесправия и притеснения, знали, что последует из революции, как знаем в настоящее время, если б мы знали, что из нее же возникнут целые полчища нигилистов, анархистов, динамитистов, еслиб знали, что она породит полное безбожие, разрушение всего, что дорого человечеству, неоскотинившемуся, то мы опустили бы руки и с ужасом отступили бы перед добыванием свободы путем революции. Если нынешние выродки человечества во Франции, как и везде, считают первую французскую революцию ребяческою игрушкою, то что они готовят образованному миру, как не самый ад со всеми его атрибутами. Вот почему бессмертны

слова Александра-Освободителя: „государственные реформы должны итти сверху, а не снизу". И он совершил и выполнил свои убеждения, как истинный помазанник божий! Да ожидает же Россия и от преемника его продолжения и завершения всего того, что не успел окончить бессмертный благодетель и отец своего народа. И вот когда облагодетельствованный народ его им призовется к делу преуспеяния отечества, должен он заявить всемирно свою благодарность и беспредельную преданность! И тогда не страшна будет нам эта адская зараза безбожия, извращения человеческого разума и замена вечной истины — ложью, и Россия выполнит, как многие еще только мечтают, великое свое призвание указать народам единую истину, от креста исшедшую и мир возродившую к жизни, любви, миру, истинному счастью, соединенному с вечным блаженством! Вот на этой-то страже хранения этого сокровища она должна стоять непоколебимо! Ей же, вверившей это вечное сокровище веры и истины, даровал и силу несокрушимую, если народ, призванный помазанником, как Давид при своем воцарении, будет верен богу и его откровению, истинною церковью хранимому!

Вот какие размышления невольно возникли во мне при виде возрожденной Москвы после 20-тилетняго изгнания, которыми не мог не поделиться с читателями [1]).

А. П. БЕЛЯЕВ

[1]) Воспоминания А. П. Беляева. „Русская Старина", 1884 г., № 5, стр. 321—322.

VI. ИДЕОЛОГИЯ ДЕКАБРИЗМА

ИДЕОЛОГИЯ ДЕКАБРИСТОВ [1])

Какими идеями вдохновлялись и к чему стремились „тайные общества“ первой четверти XIX века? Долгое время об этом можно было судить только по запискам и мемуарам выдающихся декабристов, — если не считать знаменитого „Донесения Следственной Комиссии“. Но это последнее отличается всеми качествами полицейского доноса, составленного по „агентурным сведениям“. Недурно передавая внешний ход дела, хотя и не без сгущения красок там, где это необходимо ради желательного для полиции эффекта, — полицейский документ безнадежно туп и невежественен во всем, что касается внутреннего смысла движения, его идейной стороны. Достаточно одного примера: основную черту „Русской Правды“ Пестеля, якобинца и централиста до мозга костей, полицейский историк декабристов видит в стремлении к федерализму. „Разделение империи на большие области“ — вот что находит нужным отметить „Донесение“ по поводу „Русской Правды“, усматривая в этом „едва вероятное и смешное невежество“. Потомство не усмотрит в том, конечно, ничего другого, кроме „едва вероятного и смешного невежества“ полицейского автора. Из „Донесения“, таким образом, мы немного извлечем для идеологии декабристов. Но было бы большой ошибкой думать, что мемуары самих декабристов представляют, в этом случае, много более надежный источник. Написанные через десятки лет после событий, они, во-первых, могли передавать дело лишь в самых общих чертах: подробности уже сгладились в памяти самих участников. „За давностью времени не возможно отчетливо и подробно изложить все о „Русской Правде“ и о положенных после переворота мерах образа управления“, говорит в своих записках кн. Волконский. Те, кто больше полагался на свою память, чем князь Волконский, только доказали справедливость его слов. Припоминание не есть чисто механический процесс — воссоздание прошлого заключает в себе элементы творчества; мемуарист, как и всякий писатель, испытывает на себе влияние среды, и общественной, и своей личной. Большая часть декабристов писала свои воспоминания под впечатлением надвигавшейся крестьянской реформы: уже начиная с сороковых годов, реформа сознавалась обществом, как очередной вопрос, о ней толковали „не одни профессора, но и

[1]) Из статьи К. Н. Левина и М. Н. Покровского „Декабристы“, напечат. в „Истории России в XIX веке“; изд. т-ва Гранат, см. стр. 98—119.

помещики" (слова Заблоцкого-Десят'овского). В планы декабристов входило, между прочим, и освобождение крестьян. Как мы увидим, оно не занимало в этих планах первого и даже вообще выдающегося места. За исключением проекта Пестеля, крестьянская программа декабристов была довольно далека не только от идеала, но и от той скромной действительности, которую осуществила реформа 19 февраля. Естественно, однако, что декабристам, на склоне лет, реализация хотя части их плана казалась уже весьма важным успехом. Нельзя ставить им в вину, если они хотели убедить себя, что это их успех, что они боролись не даром, — не совсем даром, по крайней мере. И вот, в воспоминаниях декабристов освобождение крестьян начинает играть далеко не ту скромную роль — подсобного средства, какую оно исполняло в планах „тайных обществ". Складывается легенда, гласящая, что декабристы были прежде всего социальными эмансипаторами: и легенда эта опирается на подлинные слова самих декабристов. 14 декабря надолго остается в исторической литературе далеким провозвестником 19 февраля: между тем, как на самом деле 19 февраля как раз вырвало почву из-под ног у той политической идеи, которую пытались внедрить в сознание русского общества деятели 14 декабря.

Но и эта политическая идея в свою очередь стала жертвою ошибок старческой памяти. „Судьи" декабристов старались изобразить общество политических романтиков шайкой разбойников и убийц. Нет ничего удивительного, если уцелевшие от кровавой расправы заговорщики старались снять с себя и с памяти своих товарищей это позорное обвинение. И нисколько не более удивительно, если в этих стараниях они иногда перегибали палку в противоположную сторону. Николай изображал революционеров злодеями: „злодеи" пытались доказать, что они не были, по настоящему, даже революционерами: вот отчего политическое общество, впервые поставившее в Росси на своем знамени лозунг вооруженного восстания и учредительного собрания, в воспоминаниях некоторых из его членов оказывается невинным кружком интеллегентов, время от времени беседовавших на политические темы. Политическая революция бессознательно подменялась почти легальным стремлением к некоторым, весьма умеренным политическим реформам. Плачевная роль русского либерализма в эпоху крестьянской эмансипации еще больше помогала этому принижению сильной и яркой политической платформы декабристов в пользу их платформы социальной, — в действительности весьма бледной и слабой. Выходило так, что Пестель отлично мог бы подать руку Николаю Милютину — а может быть, даже и Я. И. Ростовцеву 1859 года. А между тем, Ростовцев времен Александра II едва ли много отличался по своим убеждениям от Ростовцева 1825 года, накануне 14 декабря

выдавшего заговорщика Николаю, — а если бы Мнлютин встретился в жизни с Пестелем и его друзьями, он наверное отнесся бы к ним также сурово, как относился он к революционному польскому дворянству в 1863 году.

„Легенда 14 декабря" держалась прочно, пока новая русская революция не пришла на выручку своей отдаленной предшественнице. „Чрезвычайно секретные" данные, которых „никак нельзя" было опубликовать, — взглянуть на которые разрешалось только в виде особой милости наиболее благонадежным историкам, в роде покойного генерала Дубровина, — эти данные вдруг оказались доступными для самой широкой массы. Ни в каких догадках, ни в каких косвенных наведениях от известного к неизвестным почти уже нет надобности. В наших руках, действительно, „источники первой руки": и государственные архивы едва ли скрывают хотя одну крупную тайну, касающуюся процесса декабристов. Легенда пала — героев романа нет больше, есть живые люди, со слабостями и недостатками, но и со всеми привлекательными чертами живых людей. И мы знаем теперь в точности, к чему стремились эти люди, как представляли они себе будущее России и способы перехода к этому будущему.

Освобожденные новейшей русской революцией документы распадаются на две категории. Это, во первых, проекты декабристских конституций — Николая Муравьева, Трубецкого, Пестеля — и остатки очень небогатой пропагандистской литературы декабристов, — среди нее на первом месте знаменитый „Катехизис" Муравьева-Апостола, который не расчитывал видеть в печати еще Шильдер всего лет пять тому назад. Во-вторых, это — следственные показания декабристов, в том числе и обоих вождей заговора, Пестеля и Рылеева.

Для воссоздания политической идеологии членов тайных обществ, казалось бы, всего прямее обратиться к источникам первой категории и подвергнуть подробному анализу конституционные проекты декабристов (как это и сделал В. И. Семевский в своем известном труде „Вопрос о преобразовании государственного строя в России XVIII и первой четверти XIX в."). Но прямой путь не всегда самый короткий — и анализа проектов и программ не всегда достаточно для того, чтобы понять истинные задачи движения, как их представляли себе сами его участники; тем менее его достаточно для того, чтобы вскрыть исходные точки движения, очень часто самими участниками вовсе не сознаваемые. Программы и проекты это все-таки еще не жизнь, а литература. Притом, русская политическая литература начала XIX века, как и тогдашняя наша литература вообще, была мало оригинальна. „Конституция декабристов" — если не перевод, то подражание общеизвестным западно-европейским образцам. Изучая их, мы больше знакомимся с теми идеями, которые влияли на теоретическую форму-

лировку требований и запросов передовой части русского общества, нежели с теми жизненными потребностями, которые создавали эти запросы. К тому же, это была формулировка, так сказать, праздничная, предназначавшаяся не для домашнего употребления, а для более или менее широкого круга. Более интимных будничных партийных директив и резолюций, которыми так изобилует теперешняя политическая жизнь — этих необходимых комментариев к программам — о декабристах до нас не дошло. При малолюдности тайных обществ директивы могли отдаваться изустно, — конспирация мешала их заносить на бумагу. А без этих жизненных дополнений легко изобразить декабристов какими то кабинетными прожектерами, вне времени и пространства сочинявшими конституции для какой-то отвлеченной страны: такими и хотело бы их изобразить „Донесение Следственной Комиссии" в те минуты, когда оно соглашалось видеть в декабристах не только разбойников и убийц. На самом деле, первые русские революционеры были люди с плотью и кровью, и даже с очень горячей кровью, кабинетное творчество стояло для них отнюдь не на первом плане — и одними проектами никак нельзя исчерпать их идеологии. Приходится искать источников, где они являются перед нами более цельными и оригинальными и, за неимением других, такими могут служить только их следственные показания.

Как известно, показания декабристов весьма не похожи на то, что обыкновенно встречается в подобных случаях (см. об этом ниже 4. „Процесс декабристов"). Декабристы, действительно, раскрывали душу перед своими следователями, спеша рассказать без утайки такие подробности, до которых без их помощи следствие, может быть, никогда бы не добралось. Мы можем поэтому вполне доверять искренности их свидетельских показаний, — по крайней мере, в большинстве случаев. Они дадут нам фон, на котором вышивало узоры политическое творчество вождей тайных обществ, — и только когда этот фон станет перед нами с достаточной яркостью, нам станут ясны все подробности декабристских проектов.

В последнее время довольно прочно утвердилась характеристика декабристской идеологии, как б у р ж у а з н о й. Понимая это слово в широком смысле характеристика, конечно, верна. Если „буржуазный" значит „не пролетарский" — едва ли можно спорить, что декабристы являются типичными представителями буржуазного миросозерцания. Достаточно вспомнить хотя бы такую, например, тираду Фон-Визина: „Пролетарии — это жалкие бездомки, по большей части без религии, без правил нравственности, почти одичавшие... ненавидящие настоящий порядок общества, не обеспечивающий ни их настоящее, ни будущее, только и жаждущие ниспровержения всего существующего, надеясь в социальном перевороте обрести улуч-

шение своей бедственной участи. В этом мнении их поддерживают и руководствуют ими... демагоги... разумеется, из своекорыстных видов"... („Обществ. движения в России в перв. полов. XIX в.", т. I, стр. 74, примеч.). Выразительность этой тирады нисколько не ослабляется тем, что она написана 20 лет спустя после 14 декабря. В конституционных проектах декабристов лишение пролетариата избирательных прав представляется, как само собою разумеющееся — у одного Пестеля мы встречаем всеобщее избирательное право, но его экономическая программа в сущности клонит к тому, чтобы предупредить самое образование безземельного рабочего класса (см. об этом ниже). Но мы очень ошиблись бы, если бы в буржуазности увидели индивидуальную черту декабристов, нечто характерное для них, как для русских революционеров начала XIX века. Совсем напротив — эта наименее оригинальная их черта. В то время „все так думали" — от лавочника до крупнейших политических мыслителей включительно. „Заметьте", говорит Бенжамен Констан в своем знаменитом „Курсе политики", „что необходимая цель несобственников есть приобретение собственности — все средства, которые вы им дадите, они употребят для этой цели. Если к свободе умственной и экономической, которую вы им должны дать, вы присоедините политические права, которых вы им не должны, эти права в руках массы послужат уже к захвату собственности". Буржуазный дух насквозь проникал всю политическую европейскую литературу того времени, и буржуазная идеология была так же неизбежна для декабристов, как байронизм и романтизм были неизбежны для русской поэзии их времени. Но на русской почве байронизм и романтизм приобретали особую окраску, делавшую их весьма непохожими на их западно-европейские образцы. То же случилось и с буржуазной идеологией: приспособляясь к туземной обстановке, она приняла такой вид, что Бенж. Констан едва-ли согласился бы, напр., с цензовой системой Никиты Муравьева, при всем уважении Констана к принципу собственности. Наоборот, эту систему, может быть, скорее поняли бы враги французского буржуазного либерализма 20-х годов — духовные вожди феодальной реакции.

Среди декабристов одним из наиболее цельных революционеров является П. Г. Каховский. 14 декабря он, один из многих заговорщиков, действовал активно — в то время как большинство заняло выжидательное положение, если не вовсе пряталось вдали от места действия, как „диктатор" кн. Трубецкой. Его способность к самопожертвованию была известна в кругу его друзей и раньше 14 декабря. Не к кому другому, как к Каховскому, обратился Рылеев, когда нужен был человек, который бы пожертвовал бы собой, убив Николая Павловича. Сидя в крепости, Каховский, подобно почти всем своим

товарищам, вступил в об'яснения со своими палачами — он писал письма сначала к генералу Левашову, потом к самому императору Николаю. В письме к Левашеву он пытается показать, какие причины вызвали восстание 14 декабря. Что же выставляет как первую из таких причин, наиболее революционный из декабристов? „Ничто столь сильно не оскорбляет и не раздражает граждан, как нарушение прав, данных им их монархами и освященных временем", пишет Каховский. „Отсутствие закона и справедливости всегда и везде были причиной бедствий народов". Быть может он имеет в виду главный источник произвола и беззакония в тогдашней России, крепостное право? Он, правда, упоминает о „насилиях помещиков", — но совсем в другой связи, вскользь, в конце письма В общем, его взгляд на крепостное право поражает своим оптимизмом даже знающего, как поверхностно относилось к крестьянскому вопросу большинство декабристов. „Во внутренних губерниях государства имения, принадлежащие богатым помещикам, пользуются довольною свободою, хотя и зависят совершенно от владельцев своих, но образованное дворянство не гнетет себе подобных, и земледельцы управляются мирскими сходками". Дальше идет несколько строк умиления по поводу этих „маленьких республик", — граждан которых можно было сечь на конюшне и продавать, как скот. Нет, если Каховский шел на смерть 14 декабря за чьи-нибудь права, то едва-ли это были человеческие права крестьянства, — едва-ли, во всяком случае, они были для него на первом плане. И он нисколько не скрывал этого: рисовка и позерство, игра в „друга трудящихся масс", так привычная для позднейших русских либералов, была совершенно чужда этому искреннему и цельному человеку. „Права, данные монархами и освященные временем", для Каховского прежде всего — права дворянства: он сейчас же и начинает о них говорить. И как чувствителен он ко всякому нарушению этих прав! Нечего уже говорить, что произвольные аресты дворян губернаторами, ограничения служебных прав дворянства, наконец, попытки правительства нарушить монополию помещиков на крестьянский труд, возмущают Каховского глубоко. Произвольный арест смоленским генерал-губернатором одного содержателя почтовых лошадей, дворянина Гринева, оказывается одною из первых, по списку, причин народного неудовольствия, — вызвавшего восстание 14 декабря. Лишение офицеров л.-гв. семеновского полка — после его знаменитого бунта — „прав, данных дворянской грамотой" (их не выпускали в отставку), занимает очень видное место в последнем — самом искреннем и горячем — письме Каховского к Николаю. Даже жалуясь на дорожную повинность, разоряющую земледельцев, он не забывает, как невыгодна эта повинность и для помещиков, хозяина труда этих „земледельцев" — и, как к помещику он взывает

против дорожной повинности к генералу Левашову. И наконец, чего мы никак не ожидали бы встретить в числе причин заговора 14 декабря: „За что отнято у дворян право курения вина для собственного обихода?“ Этому „нарушению права“ отводится места не меньше, чем насильственному удержанию на службе семеновских офицеров или произвольного ареста Гринева смоленским губернатором.

Обиженный самодержавием дворянин — вот что чаще всего мы видим за негодующими и страстными излияниями наиболее революционного из декабристов. Каховский был достаточно чуткий и развитой человек, чтобы понять революционное настроение вообще: герой испанской революции Риэги для него „святой мученик“. Из-под его пера могли выйти такие горячие строки, которые должны были тронуть даже Николая Павловича. „Милосердный государь, займитесь внутренним устройством государства; отсутствие закона — ужасный вред для нас, вред физический и моральный. Служба заменилась прислугою, общая польза забыта, своекорыстие грызет сердца, и любовь к отечеству уже для иных стала смешным чувством“. Она, конечно, не была такой для Каховского: но конкретное отечество, которое он любил, это была дворянская Россия, с дворянскими правами и привилегиями, и даже с крепостным правом, смягчаемым, правда, „образованностью“ дворянства. Конечно, Каховский, не был крепостником в том смысле, как его современник Муравьев-Вешатель. Но он не был и тем демократом эмансипатором, каким изображаются его декабристы по принятому трафарету[1]). И если мы захотим найти параллель в ,Западной Европе, то мы отыщем ее не в якобинском клубе разумеется, — а скорее среди рыцарей-гугенотов старой Франции. Колиньи тоже, ведь, был прежде всего добрый помещик...

Но, может быть, Каховский был исключением из общего правила? Может быть, то был пережиток времен давно минувших среди его более демократических товарищей. Быть может далее, Каховский, рядовой солдат революции 14 декабря, сильно отставал по своей сознательности от руководителей заговора. Но вот перед нами два из числа самых интеллигентных декабристов — А. А. Бестужев (будущий Марлинский), писатель и издатель „Полярной Звезды“, и Г. С. Батенков — сотрудник Сперанского, очень им ценимый, человек политически зрелый настолько, что он мог изложить свои политические взгляды в форме целого конституционного проекта. „Что касается собственно до меня“, пишет первый, „то, быв на словах ультра-либералом, дабы выиграть доверие товарищей, я внутренне склонялся к монархии, аристократии умеренной. Желая блага отечеству, признаю, не был я чужд честолюбия.

[1]) Очевидно описка. Может быть, надо читать так: „каким изображают его и декабристов по принятому трафарету“. В. А.

И вот почему соглашался я на мнение Батенкова, что хорошо было бы возвести на престол Александра Николаевича. Льстя мне, Батенков говорил, что как исторический дворянин и человек, участвовавший в перевороте, я могу надеяться попасть в правительственную аристократию, которая при малолетнем царе произведет постепенное освобождение России. Но как мы оба видели препятствие в особе вашего величества — истребить же вас, государь, по чести никогда не входило мне в голову, то в решительные минуты обратился я мыслию к государю цесаревичу, считая это легчайшим средством примерения всех партий и делом, более ласкавшим мое самолюбие, и б о я с ч и т а л с е б я, к о н е ч н о, н е х у ж е О р л о в ы х в р е м е н Е к а т е р и н ы". Как видим, внутренняя связь между попыткою 14 декабря и дворянскими революциями XVIII века была не чужда сознанию и самих декабристов. И, — совершенно в духе XVIII века — Бестужев не мог себе представить дела без „правительственной аристократии". Не мог без нее обойтись его искуситель Батенков. Как и Бестужев, большой радикал на словах, Батенков любил похвастать своим демократизмом — и однажды, напр., заявил, что не прочь был бы стать петербургским „лорд-майором", то-есть городским головой, — не прочь был бы унизиться до купеческой должности. Но и по его мнению, „сильное вельможество нам свойственно и необходимо". „Народ" же „наш в массе всегда довольствовался желанием одной личной свободы и не искал политического влияния". И Батенков проектирует для России две палаты: палату вельмож (верхнюю, поясняет он) из членов „большею частью наследственных" и „низшую" — „по выборам от одного среднего сословия". Вы радуетесь: вот, наконец, и буржуазия. Вовсе нет: в „палату по выборам" входят депутаты: 1) от „известных" (не от всех, стало быть) городов; 2) от губерний, и з с о с л о в и я в л а д е л ь ц е в з е м е л ь; 3) от трех университетов и 4) от трех академий. Не трудно догадаться, какая категория будет многочисленнее, и какой общественный элемент будет среди нее преобладать. „Среднее сословие" Батенкова — это вовсе не то, что принято разуметь под „буржуазией". Это, прежде всего, опять-таки, дворяне-помещики.

Только это откровенное изложение декабристами их частных и личных мнений дает нам ключ к официальному документу всего Северного Общества — к конституционным проектам Ник. Муравьева и Трубецкого. И тот, и другой представляют коллективный труд. Составленные одним из членов Общества, по поручению всех, они перечитывались, исправлялись и дополнялись другими членами. В списках они ходили по рукам, и выходили иногда даже за пределы Общества. В основу этой работы (как обстоятельно выяснил В. И. Семевский) были положены наиболее популярные заграничные образцы: французская конституция 1791 года, конституция

Северо-Американских Соединенных Штатов и испанская конституция 1812 года. С последней буквально переведены две первые статьи конституции Н. Муравьева. Они гласят: „Русский народ свободный и независимый не есть и не может быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства". „Источник верховной власти есть народ, которому принадлежит исключительное право делать основные постановления для самого себя". Американская конституция навеяла Муравьеву основную идею его проекта — федеративную организацию России. Подражание идет так далеко, что даже количество штатов („держав", по терминологии Муравьева) — 13 в одной редакции и 14 в другой — очень близко подходят к первоначальному числу штатов Северо-Американской республики. Отсюда же заимствована и организация центрального народного представительства: „Народное Вече конституции Н. Муравьева вообще соответствует конгрессу конституции Северо-Американских Штатов", говорит В. Семевский. Наконец, по примеру прототипа всех буржуазных конституций проект декабристов провозглашает равенство всех перед законом, отмену всяких сословных разделений, всех ограничений личной свободы, экономических и иных (гильдий, цехов и т. д.), свободу совести, устного и печатного слова — и неприкосновенность частной собственности, но только на вещи: крепостное право, как юридический институт, отменяется вместе со всеми другими остатками феодального режима. Что касается крепостного хозяйства, то оно, впредь до его естественной смерти в результате дальнейшего экономического развития, достаточно гарантировалось тем, что освобождаемые крестьяне или не получали земли вовсе (первоначальный проект), — получив однако же усадьбу и двор, т.-е. оставаясь прикрепленными к своей деревне, — или получали земли так мало (по две десятины на двор, по окончательной редакции), что их положение, как „батраков с наделом", становится от этой щедрости только еще характернее.

До сих пор мы не выходили из рамок буржуазной свободы: не нужно забывать, что и французская буржуазия 1789 года, „в принципе" освободив крестьянина от всяких феодальных повинностей, на практике так затрудняла ему ликвидацию этих повинностей, что французскому крестьянину пришлось устроить вторую революцию для своего действительного освобождения. Можно даже сказать, что декабристы на сорок лет опередили свое время: потому что реформа 19 февраля, хотя и в несколько уже замаскированном виде, работала над созданием того же типа — батрака с наделом. Оригинальные черты конституции Н. Муравьева начинаются не здесь. Об'являя народ „источником всякой власти", она — опять таки по примеру Запада — ставит понятие „народа" в довольно тесные рамки, обуславливая участие граждан в упра-

влении известным имущественным ценз о м — довольно высоким, особенно принимая во внимание тогдашние русские условия. Само по себе и это также не было оригинально — и французская конституция 1791 года была цензовая (хотя там ценз был гораздо ниже). Но буржуазные конституции вводят обычно однообразный ценз т о л ь к о по и м у щ е с т в у: ценз Н. Муравьева фактически и м у щ е с т в е н н о - с о с л о в н ы й — и здесь мы уже не найдем никакого заграничного образца.

Для различных категорий населения предполагалось целых четыре ценза; минимальный для землевладельцев (имущество стоимостью не менее 500 руб., чтобы быть присяжным и избирательным) и повышенный для владельцев движимого имущества (1000 руб. для тех же прав). Но крестьяне, имеющие землю „в общественном владении", т. е. крестьяне „экономические" или государственные, удельные, вольные хлебопашцы и бывшие военные поселяне не входили в разряд землевладельцев: они не участвовали в выборах народных представителей непосредственно, а выбирали по одному „избирателю" на 500 душ мужского пола, который подавал голос наравне с цензовыми гражданами. Иными словами, самый мелкопоместный дворянин имел ровно в 500 раз больше прав, чем крестьянин, — даже никогда не бывший крепостным. Для последних условия еще суровее: бывшие крепостные в о в с е участия в выборах не принимают.

Читатель не без удивления узнает, таким образом, что столь излюбленная нашим теперешним правительством система к у р и й — отдельных выборов для каждого отдельного разряда избирателей представляет собою счастливое изобретение первых русских революционеров. Едва ли нужно говорить, что, благодаря такой системе, сословия, уничтоженные „в принципе", благополучно восстановлялись опять. Привилегии для собственников земли — наиболее обычного наследственного достояния, во всяком случае для имущества менее текущего, чем промышленный капитал, приводили к тому, что в обновленной России декабристов классы общества располагались приблизительно также, как они стояли и в дореформенной, крепостной России. Наверху полноправное дворянство, ниже полуправоспособное городское мещанство (у редкого, конечно, нашлось бы имущества на 1000 руб. — и не у кого на 10000 руб., как устанавливала вторая редакция проекта Н. Муравьева) и государственные крестьяне, — и совсем внизу политически бесправное сословие батраков с наделом. Повидимому, не один Батенков был убежден, что „народ наш в массе всегда довольствовался желанием одной личной свободы и не искал политического влияния".

Для дополнения сходства с дореформенными порядками необходимо добавить несколько черт. Дворянство и в то время не составляло сплошной однообразной массы. Вокруг тро-

на группировались, преимущественно, представители самого крупного землевладения, из рядов которых вышло и большинство влиятельных декабристов. Нельзя было нарушить и это отношение: демократизм, хотя бы дворянский, отнюдь не входил в планы Н. Муравьев и его друзей. Народное представительство поэтому было разделено на два этажа: палату народных представителей (ценз для активного избирательного права, как мы видели, 500 и 1000 р. или, по второй — значит, исправленной — редакции 250 и 500 фунтов серебра, что соответствует пяти и десяти тысячам рублей. Для пассивного сначала был установлен четверной ценз — а потом ценза вовсе не установлено) и верховную думу (ценз, как активный, так и пассивный, 30 000 рублей для недвижимого и 60.000 для движимого имущества).

Итак, крупнейшие помещики вместе с — очень немногими, конечно — крупнейшими купцами составляли особое законодательное собрание, и фактически верховную власть народа представляло именно оно. Ни один закон не может быть издан без утверждения верховной думы (для принятия закона требуется согласие обоих палат), верховной думе принадлежит право суда над министрами, она „участвует вместе с императором в заключении мира, в назначении судей верховных судебных мест, главнокомандующих сухопутных и морских сил, корпусных командиров, начальников эскадр и верховного блюстителя". Тот факт, что формально права верховной думы Н. Муравьева являются копией с сената Соединенных Штатов — только подчеркивает оригинальность русского проекта. Известно, что, даже при отсутствии имущественного ценза, американский сенат строго блюдет интересы крупной собственности: насколько энергичнее действовала бы в этом направлении „верховная дума" декабристов!

Итак, ниспровергая в корне политический строй крепостной России, ставя на место грубейшего политического рабства почти республиканскую (фактически, как увидим ниже, даже и вполне республиканскую) свободу, в социальной области первые русские революционеры старались сохранить все, что можно от старого строя. Они жертвовали только тем, что было абсолютно не совместимо с какой бы то ни было политической свободой — рабством в его наиболее грубой форме. Прямо исключить из общества крепостного крестьянина, поставить его в положение, аналогичное американскому негру — это было физически невозможно — это вызвало бы такую черносотенную пугачевщину, перед которой не устояли бы никакие конституции. Чтобы не иметь народ, по крайней мере, против себя, нужно было хотя чем-нибудь заинтересовать и его в перевороте. Что крепостное право осуждено на смерть экономическим развитием России — это понимали уже в 20 гг. не одни декабристы. Жертвуя им — и жертвуя крайне осто-

рожно — они лишь учитывали ближайшее будущее. Но аристократический строй общества они оставляли неприкосновенным: и никакие фразы, взятые из буржуазных конституций, не могут замаскировать того факта, что движение декабристов было, в сущности, дворянским движением.

Политический либерализм русского дворянства XVIII века — факт, давно отмеченный в нашей исторической литературе. Работы Карсакова, Загоскина, Милюкова о конституционной попытке 1730 года, Мякотина — о кн. Щербатове давно освоили русскую публику с тем, что понятие „крепостника" и „реакционера" — начинают совпадать лишь после 1861 года — и что раньше можно было мириться с наличностью крепостного права и, тем не менее, быть прогрессистом в политике. Связь между политикой и крепостным правом уже сознавалась в эпоху Александра I (см. гл. II настоящей „Истории России") — и даже несколько раньше. „Если бы государь, разбив цепи, приковывающие крепостных к их помещикам, в то же время ослабил кандалы, наложенные его деспотической волей на дворянское сословие, я первая подписала бы этот договор своей собственной кровью", говорила кн. Дашкова — Дидро еще в 1770 году. Но вполне естественно, что дворяне сильнее чувствовали „деспотическую волю" сверху, нежели страдания, причиняемые их деспотической волей тем, кто стоял внизу. Из слов самой Дашковой видно, что крестьяне, по ее мнению, могли бы еще и терпеть: „Когда низшие классы моих соотечественников будут просвещены, тогда они сами захотят быть свободными". Сами дворяне уже давно терпеть не хотели. „Долго ли тому быть, что нам головы секут?" спрашивал один из „птенцов Петровых", ген.-прокурор П. И. Ягужинский чуть не на другой день после смерти преобразователя: „Теперь время самодержавию не быть!"

До сих пор мы имели случай наблюдать только две формы протеста русского дворянства против „самодержавствия". Протест грубо личный, ограничившийся физическим устранением самодержца и замена его лицом более симпатичным дворянству. Таков был конец Павла I (см. выше) — такова же была в свое время история Петра III. Затем протест теоретический, выразившийся в туче, — „монархических" проектов, — начиная с Н. И. Панина и кончая Мордвиновым и друг., проектов, пытавшихся поставить на пути „деспотической воли" более или менее искусственные плотины и загородки. Но до принципиального протеста против самого существования такой воли дворянские теоретики, в огромном большинстве случаев, не доходили. Монархический образ правления — притом с монархом не только в качестве декорации, как в Англии — казался им законом природы для России.

Стихийная, не освещенная светом политического сознания, борьба с отдельными проявлениями деспотизма — или робкие,

половинчатые, недоведенные до логического конца попытки обуздать деспотизм — вот чем исчерпывалась дворянская оппозиция XVIII — начала XIX века до декабристов. Стоит отметить, однако же, одно исключение: уже при Ека ерине II у одного публициста, чисто дворянского по общему складу своего политического мышления, мы встречаем строки, полные такого негодования на злоупотребление монархией, от которого не далеко уже и до принципиального ее осуждения. „Я охуляю самый состав нашего правительства", писал князь Щербатов, глава русских „монаршистов", за год до смерти — в 1789 году, „называю его совершенно самовластным и таким, где хотя есть писаные законы, но они власти государевой и силе вельмож уступают, где состояние каждого подданного основывается не на защищении законов, не от собственного его поведения зависит, но от мановения властного вельможи" ... „Надлежало бы таперя говорить о правительствах; но как у нас по самому непомерному деспотичеству не законы действуют в правительствах, но преклонение двора и воля вельмож, то прежде и должно о сих говорить"... Год спустя, то настроение, которое вырвало у старого екатерининского „монаршиста" эти горькие слова, уже ключем бьет в знаменитых строках Радищева:

„Чело надменное вознесши, схватив железный скипетр, царь, на громном троне властно севши, в народе зрит лишь подлу тварь. Живот и смерть в руке имея: „по воле", рек, „щажу злодея, я властию могу давить; где я смеюсь, там все смеется; нахмурюсь грозно, все смятется. Живет тогда, велю коль жить"... Возникнет рать повсюду бранно, надежда всех вооружит; в крови мучителя венчана омыть свой стыд уж всяк спешит. Меч остр, я зрю, везде сверкаю; в различных видах смерть летает над гордою главой царя. Ликуйте склепанны народы: се право мщенное природы на плаху возвело царя" ...

В оде Радищева уже все декабристы со всем их настроением. Первый революционный писатель России и в этом — как и в вопросе о крепостном праве — на двадцать лет опередил свое время. В нашей литературе, в составе обычной „легенды декабристов", просто установилась, между прочим, и та их характеристика, согласно которой „Северное Общество" было монархическим-конституционным, а „Южное" — республиканским. Если под „республиканством" разуметь сознательную и последовательную преданность демократическому идеалу, то пришлось бы признать республиканцем одного Пестеля, да и то не без оговорок. Но если понимать под этим жгучую ненависть монархии и желание насильственного ее низвержения, то декабристы были все республиканцы. Кем, как не республиканцем в этом смысле написан „Катехизис" Муравьева-Апостола, где мы читаем такое место: „В о п р о с. Какое

правление сходно с законом божиим? О т в е т. Такое, где нет царей. Бог создал всех нас равными и, сошедши на землю, избрал апостолов из простого народа, а не из знатных и царей. В о п р о с. Стало быть бог не любит царей? О т в е т. Нет! Они прокляты суть от него, яко притеснители народа...“ Сергей Муравьев принадлежал к Южному Обществу. Но уже в 1820 году „коренная дума“ Союза Благоденствия по рассказу Пестеля — которому мы не имеем никакого основания не доверять, — единогласно высказалась в пользу республики. На собрании были, кроме Сергея Муравьева и Пестеля, еще Тургенев, Лунин, Глинка, Матвей и Никита Муравьевы — последний впоследствии автор известной монархической конституции. Тем не менее „во время прений один Глинка говорил в пользу монархического правления, предлагая императрицу Екатерину Алексеевну“. Рылеев уверял на следствии, будто он „всегда говорил, что вместо президента России нужен император.“ Но уже самая форма показания Рылеева свидетельствует, что вопрос и в Северном Обществе был предметом споров. А затем рядом с этим, тот же Рылеев признавал, что окончательное решение вопроса должно было быть предоставлено „Великому Собору“, — по теперешнему говоря, учредительному собранию. А сама возможность собрать подобный „Великий Собор“ предполагает предварительное низвержение старой монархической власти. Значит вопрос о монархии или о республике — спорный, как мы видели, и для Северного Общества — относили, собственно, к тому строю, который должен был установиться после переворота. Но что путь к этому строю лежал через обломки трона Романовых — об этом среди вождей заговора никто не спорил.

Для французской политической литературы XVI века — а на сравнение с этой эпохой напрашивается не один Каховский — установился термин, очень хорошо подходящий к революционному настроению декабристов: монархомахия („борьба против монархии“). Если не все декабристы были республиканцами, то все они были „монархомахами“. Именно с этой их чертой связана идея цареубийства, — красною нитью проходящая через весь заговор, и для Южного Общества ставшая своего рода лозунгом — принятие или непринятие которого решало вопрос о вступлении в члены Общества, по словам Волконского. От этой идеи — с точки зрения уголовного права самодержавной России преступнейшей, какую только можно себе представить — декабристы изо всех сил старались очиститься на следствии. Она их мучила даже в старости — и они старались ее свести на нет в своих мемуарах. Волконский, например, признав ее наличность, спешит уверить своего читателя, что обет цареубийства — это только уловка, чтобы не пропустить в Общество людей, слабых духом, и помешать дезертирству тех, кто уже в него вступил. Но как ни

старался Рылеев откреститься от идеи тираноубийства перед судом — ему пришлось признать, что вопрос об убийстве Николая ставился в Северном Обществе совершенно практически накануне 14 декабря, — и ему оставалось только утверждать, что никогда не помышляли „истребить всю императорскую фамилию". „И провозгласить республику", прибавляет он тут же, но тремя строками ниже из того же показания Рылеева мы узнаем, что „положено было захватить императорскую фамилию и задержать оную до с'езда Великого Собора". Итак, в этот промежуточный период Россия должна была быть империей без императора — для того, чтобы потом, по решению „Великого Собора", превратиться в республику, увенчанную, для приличия, императорской короной: потому что император, по конституции Ник. Муравьева, имел власть ни чуть не больше президента и не мог предпринять ни одного важного шага без санкции аристократической „верховной думы".

Умеренные социальные реформы и полное, потом насильственное, низвержение старого политического строя — вот как вкратце приходится определить программу декабристов. Но низвергнуть старый порядок мог только народ — только его могучий натиск мог низвергнуть „громный трон", на котором „властно сидело" самодержавие. Кучка дворян не могла этого сделать собственными усилиями: даже для гораздо более скромной задачи — замены одного временного хозяина „громного трона" другим — никогда не достаточно было одного гвардейского офицерства. И Елезавете Петровне, и Орловым, и позже сотрудникам Александра I в перевороте 11 марта нужно было, хотя бы пассивное, содействие солдат. Не полная слаженность в этом отношении заговора 11 марта едва не привела к полной его неудаче. Декабристы не могли этого не понимать, но дальше того первобытного участия народа в государственном перевороте, на которое опирались братья Орловы, они не сумели пойти. По показаниям Трубецкого ясно видно, к о г о в первую голову старались привлечь на свою сторону заговорщики: это были командиры полков, если возможно, генералы, словом „густые эполеты", отсутствию которых на Сенатской площади 14 декабря многие из декабристов готовы были приписать всю неудачу этого дня. Эти показания находят себе полное подтверждение в откровенном заявлении Пестеля. „Общество имело желание как можно больше начальников в войсках обратить к своей цели и принять в свой Союз", говорит Пестель в своих показаниях, „особенно полковых командиров, предоставляя каждому из них действовать в своем полку, как сам наилучше найдет; желало также и прочих начальников в Общество приобрести: генералов, штаб-офицеров, ротных командиров". Как действовали, каждый в своем полку отдельные командиры — мы это отчасти можем видеть на примере „Катехизиса" и „Воззвания"

Сергея Муравьева-Апостола. Но это было редкое исключение — быть может, единичное. Как показывает нам история дня 14 декабря, большинство опиралось на личные симпатии к ним солдат, на свой личный авторитет да на привычную дисциплину. Общественных мотивов не умел вызвать почти никто. А между тем, как легко было это сделать! Накануне восстания ночью некоторые из заговорщиков обходили Петербург и разговаривали, между прочим, с часовыми солдатами. Они говорили им, что после смерти Александра Павловича остался манифест, обещающий свободу крепостным людям, но что манифест этот начальство скрывает. Гвардейские солдаты, при тогдашней, почти пожизненной, службе, были очень далеки от интересов крепостной деревни, откуда они ушли почти на век. Тем не менее они слушали „с жадностью". 14 декабря около карре инсургентов было не мало простого народа — не в качестве пассивных зрителей: град поленьев, метко пущенных этими штатскими союзниками, заставил отступить конногвардейцев, которые пошли было атакою на карре. Волнения крепостных крестьян, начавшиеся весной 1826 года, до такой степени ясно на руку были бы политическому заговору, что начальство не замедлило поставить их в непосредственную связь. По поводу довольно серьезных волнений в одном из уездов Киевской губернии — в апреле 1826 года — волнений, вызванных совершенно случайным и пустяшным поводом — ссорой одного отпускного солдата с управляющим одного имения — главнокомандующий Южной армией писал своему начальнику штаба П. Д. Кисилеву, донесшему ему о происшествии: „По последствию ожидать должно, что сие произошло от людей злоумышленных, а не им самим (солдатом) выдумано, ибо эта самая история происходила и во многих других губерниях, все в том же смысле... наиболее неповиновений мужиков в С.-Петербургской, в Новгородской, в Псковской, Рязанской и еще некоторых других губерниях... вот ясное доказательство, что сие не должно быть выдумано самим рядовым, как он говорит в своем показании".

В Петербурге ошибались на этот раз — декабристы не умели воспользоваться тем пороховым погребом, который заложило крепостное право под самый фундамент „громнаго трона". Они не могли им воспользоваться — в этом была трагедия их положения, как и положение всякого общественного класса, надеющегося сохранить социальные устои порядка, разбив его политическую форму. И самодержавие должно было дать несколько предметных уроков русской либеральной буржуазии, чтобы освоить ее, — хотя и не вполне, — с мыслью, что, только отвечая на заветные желания „трудящихся масс", можно увлечь их в бой за собою. Свидетелями первого урока могли быть еще сами декабристы: еще не успев казнить их вождей, Николай уже издал (19 июня) рескрипт на имя мини-

стра внутренних дел, где забота об ограждении крестьян от насилий помещиков была выдвинута, как задача первостепенной государственной важности. Государь будет сам наблюдать, говорилось в рескрипте, чтобы помещики исполняли свой долг, как „христиан и верноподданных". В первый раз был отмечен в официальной бумаге не отдельный случай помещичьего произвола, а злоупотребление крепостным правом вообще; а уже с 6 декабря 1826 года стал работать комитет, одной из задач которого было подготовить „изменение быта крестьян". Самодержавная демагогия спешила вырвать из рук политической революции ее самое грозное оружие, которым та не сумела воспользоваться.

Только для одного из декабристов связь социальной и политической проблемы была ясна — и именно поэтому его приходится поставить совершенно особняком в ряду его товарищей. То был П. И. Пестель. Его проекты дают высшее, до чего поднималось политическое творчество декабристов. Анализируя конституцию Н. Муравьева, мы можем узнать, дальше чего н е х о т е л а итти масса заговорщиков. „Русская Правда" Пестеля дает нам ту границу, дальше которой н е м о г л и б ы пойти декабристы в случае самого полного успеха.

Отзывы самых разнообразных людей сходятся на том, что Пестель был личностью, выдающеюся даже в том отборном кругу, из которого вербовались члены тайных обществ. „Умный человек во всем смысле этого слова... Один из самых оригинальных умов, которые я знаю", записал о нем Пушкин. Главнокомандующий второй армией, где служил Пестель, гр. Витгенштейн говорил, что Пестель везде будет на своем месте, и на посту министра, и в командовании армией. Посещавший декабристов в крепости, протоиерей Мысловский находил, что Пестель „есть отличнейший в сонме заговорщиков, как по данному ему воспитанию, так и по твердости духа". Пересматривая „Русскую Правду" („Наказ временному верховному правлению") — главное (не вполне оконченное) произведение Пестеля, мы, однако, тщетно стали бы искать там что-нибудь глубоко оригинальное, не повторявшееся в политической литературе. Даже несомненно далеко отходившая от тогдашнего политического шаблона мысль о национализации земли, по всей вероятности, заимствована Пестелем у одного французского публициста революционной эпохи — аббата Cournand. Вообще, идея „аграрного закона" настолько постоянно присутствовала — с отрицательным или положительным знаком в сознании французских якобинцев, что было бы странно не найти ее отзвуков у Пестеля. Ибо если что выделяло последнего из рядов заговорщиков, так это то, что Пестель был типичнейший я к о б и н е ц по складу своего ума, по своему характеру и темпераменту.

Колоссальные фигуры деятелей 1793 года очаровывают нас — и вечно будут очаровывать всех — прежде всего, своей непоколебимой верой в силу человеческого ума, в силу идей. Не задавая себе вопроса, откуда берутся идеи, они твердо верили, что идеями можно покорить и пересоздать весь мир, что нет силы, которая могла бы устоять перед силой логики. И они бесстрашно ломали своей логикой все сложившиеся исторические условия, веками укоренившиеся предрассудки — и жизнь массы людей вместе с ними. Они считали свои идеи приложимыми всюду и всегда и, если реальные условия не поддавались силе их идей, виноваты были реальные условия. „Истина политическая, будучи истиною нравственною или отвлеченною, везде одна и та же". В этой фразе, под которой мог бы подписаться Сен-Жюст — весь Пестель.

Отсюда, прежде всего, следовало, что „законы должны быть одинаковы на целом пространстве государства. Государство должно в политическом отношении целое составлять"... Роль государства, прежде всего, в том, чтобы быть проводником „единой политической истины". „Самые действительные наставники народа суть законы государственные: они образуют и, так сказать, воспитывают народы, и по ним нравы, обычаи, понятия, вид свой и деятельность свою получают". Перед этой задачей все должно поклониться — начиная с самого упорного исторического предрассудка, национального чувства: „все племена должны быть слиты в один народ". Национальные особенности должны быть стерты: прежде всего, язык. Необходимо, „чтобы, во 1-х, на целом пространстве российского государства господствовал один только язык российский"... Во-вторых, должны быть „уничтожены" даже самые имена народов и племен Россию населяющих. В третьих, одни и те же законы, один и тот же образ правления должны господствовать на всем пространстве России. „Опыты всех веков и всех государств доказали, что народы везде бывают таковыми, каковыми их соделывают правление и законы, под коими они живут".

Таков был бы Пестель, главный грех которого „Донесение Следственной Комиссии" видело в федерализме.

Но не только существование особых народностей, с особой культурной физиономией, с притязаниями на политическую автономию, противоречит идее государственного единства. Наличность крупных чисто-территориальных делений, вроде „держав" Н. Муравьева, также может быть опасна для всемогущества единой центральной власти. Основные единицы местного самоуправления должны быть возможно мельче, — чтобы они ни в коем случае не могли явиться конкурентами центрального управления. „При разделении земельного пространства государства на части, волость должна быть признана политической единицею". „Верховная власть управляет целым

пространством государства, а народ весьма естественным образом разделяется по волостям, т.-е. по различным единицам государственного пространства". Каждый гражданин должен быть приписан к какой-нибудь волости — и только, как член волости, может он осуществить свои политические права. Собрание всех полноправных граждан волости — „земское народное собрание" — создает все власти государства местные и центральные, первые прямо, вторые посредственно. „Земское народное собрание" выбирает „наместные" собрания волости уезда и „округа" (губернии); окружные наместные собрания выбирают членов „народного веча", — верховной законодательной власти. Совокупность всех волостных „земских" собраний всей страны и есть, таким образом, настоящий суверен — настоящий носитель верховной власти. Но он держит эту власть в руках лишь очень короткое время: „Каждое земское собрание имеет ежегодное заседание, могущее продолжаться только шесть дней"; притом оно занимается в это время „единственно выбором граждан в члены наместных народных собраний, руководствуясь одним их доверием к избираемым лицам", и только уже эти „наместные" собрания занимаются всеми делами, народному соучастию предоставленными". Образование прочных партийных организаций, — которые поставили бы вопрос о выборах на почву не одного только нравственного доверия, постоянное живое участие народной массы в политике — вовсе не входили в планы Пестеля. Воплощенный разум — государство не должно было встречать никаких препятствий в развитии своей идеи. Пестель был убежден, что народная масса, сама по себе, и не интересуется слишком государственными делами. „Чернь производит беспорядки тогда, когда ее угнетают, или когда богатые для своих видов ее подкупают и волнуют, сама же она всегда пребывает в спокойствии". „Дворяне и богатые будут, вероятно, чаще других граждан избираемы, если будут просвещеннее прочих".

Пестель был безусловным сторонником полного политического и гражданского равенства всех граждан. На „временное верховное правление" он возлагает обязанность „всякую даже тень аристократического порядка, хоть феодального, хоть на богатстве основанного, совершенно устранить и навсегда удалить". Граждане его идеального государства должны были быть математически равными единицами — и, подобно французским якобинцам, он прекрасно понимал неизбежность имущественного равенства, или, по крайней мере, отсутствие сколько-нибудь резкого неравенства, как основы политической равноправности всех граждан. К этому, как сейчас увидим, клонился весь его аграрный проект. И, тем не менее, Пестель признает, что „богатые всегда будут существовать — и это очень хорошо". И тем не менее он отдает свое ультра-демократическое государство под опеку „дворян и богатых". И тем

не менее, намечая основные черты крестьянской реформы, он ставит на первое место требование, гласящее, что „освобождение крестьян от рабства не должно лишить дворян дохода, ими от поместий своих получаемого".

Как буржуа-якобинцы, сознавая всю необходимость экономического равенства для проведения в жизнь своей системы, никогда не имели духа коснуться „священной собственности" и в последнюю минуту всегда в ужасе отшатывались от зловещего призрака „аграрного закона", так и дворянин — Пестель не мог себе представить России не опекаемой просвещенными дворянами, не мог себе представить России, где ограждение помещичьих интересов не стояло бы на первом плане. Неумолимая логика политической идеи все крушила на своем пути — кроме классового инстинкта. Перед классовыми интересами она почтительно останавливалась.

Нам остается рассмотреть экономическую программу „Русской Правды". После сейчас сказанного, она для нас менее интересна, чем могла бы быть сама по себе. Коренной ломки сложившихся экономических отношений Пестель не мог иметь в виду. „Богатые всегда будут существовать и это очень хорошо"—будет существовать и крупное землевладение. В своем проекте освобождения крестьян Пестель тщательно оберегает помещичьи имения размерами до 5.000 десятин. Поэтому, о „национализации земли" в проекте Пестеля приходится говорить лишь в очень переносном смысле этого слова. Его образец, аббат Gournand шел гораздо дальше. По его проекту, вся доступная обработке площадь Франции, за исключением $^1/_3$, сдававшейся в аренду непосредственно от государства частным предпринимателям, делилась на равные участки по $4^1/_2$ арпана[1]), по жребию распределявшиеся между всеми французскими гражданами. Никакую землю, ни относившуюся к первой категории ни входившую во вторую, нельзя было ни продавать и закладывать, ни передавать по наследству. Ее можно было только сдавать и снимать в аренду — если гражданин, которому по жребию достался данный участок, не мог или не хотел лично вести хозяйство. Таким образом, во французском проекте речь шла, действительно, о национализации земли. Его русская копия была гораздо скромнее. По проекту Пестеля, в общественное распоряжение поступала лишь половина всех угодий волости. Другая половина предназначается „для образования частной собственности" и хозяева „обладают ее с полною свободою" и имеют право „делать из оной, что им угодно". Только по отношению ко второй половине земли имеет место то, что Курнан предлагал относительно всей площади удобных земель: сдача в аренду от имени государства и жеребьевка наделов. При том верный своей идее о

[1]) Древняя французская поземельная мера. Теперь не употребляется. Так называемый обычный арпан равнялся 40 тысячам парижск. кв. футов. В. А.

необходимости в обществе „богатых", Пестель не настаивает, чтобы и эта земля была распределяема поровну: „каждый член волостного общества имеет право столько требовать участков, сколько пожелает" — и не только из числа не имеющих собственной земли, но и из числа землевладельцев. Лишь в случае столкновения требования на землю со стороны безземельного и землевладельца преимущество отдается первому.

Пестель надеялся, что, по осуществлении его проекта, „каждый россиянин будет совершенно в необходимом обеспечен и уверен, что в своей волости всегда клочек земли найти может, который ему пропитание доставит". Ему не приходило в голову, что половины земли может, наконец, и не хватить — и что существование рядом двух прав на землю, общественного и частного, должно вызвать острый антагонизм между владельцами имений в тысячи десятин и теми, кому не хватает на их долю даже и минимального тяглового участка; что этот антагонизм, по глубине и силе, нисколько не уступит противоречию интересов, существующему между буржуазией и пролетариатом, — от появления которого Пестель так заботливо охранял Россию. Наоборот, ему казалось, что проектируемая им полу-национализация принесет с собой неисчислимые благодеяния и явится могущественным двигателем экономического прогресса России. Предвосхищая современную нам аргументацию, он доказывает, что переход земли в общее достояние и связанный с ним под'ем экономического уровня массы расширит внутренний рынок и тем даст мощный толчок развитию промышленности. „Народная промышленность получит быстрейший ход и сильнейшие обороты потому, что всегда опираться будет на уверенности в необходимом и следовательно само изобилие твердейшее возимеет основание". „Умножение населения увеличит невозможность отдавать в одни руки много участков из общественной земли, и тем самым получит приобретение земель в частную собственность сильное поощрение. — Оттого вздорожают земли, а возвышение цены оных послужит поощрением к направлению капиталов на устройство мануфактур, фабрик, заводов и всякого рода изделий, на предприятие разных коммерческих оборотов и торговых действий". Верный ученик Детю-де-Траси („сочинение Детю-де-Траси на французском языке очень сильно подействовало на меня", пишет Пестель в своем показании), столь достойно осмеянного Марксом, позабыл, что для развития промышленности нужен не один капитал...

Но как бы несовершенны ни были, с нашей точки зрения, экономические взгляды автора „Русская Правда", уже самая наличность у него известных экономических предпосылок ставила Пестеля неизмеримо выше „реальных политиков" из среды его товарищей. Пестель прекрасно понимал то, что

с трудом давалось даже самому образованному из правого крыла декабристов — Н. И. Тургеневу: что социальную проблему нельзя решить мимоходом, дав „что нибудь“ „трудящимся массам“ в награду за поддержку при перевороте. Тургенев смутно чувствовал, что с крепостного права, собственно, нужно начинать: но когда идея эмансипации принимала перед ним реальные формы, он быстро становился на обще-декабристскую точку зрения—т. - е. на точку зрения, обычную всем тогдашним либеральным помещикам. Дать крестьянину личную свободу, может-быть еще усадьбу и двор, может-быть еще десятину другую земли—и реформа готова. Охранение интересов помещика — которого не совсем был чужд и Пестель— проявлялось здесь в самом грубом виде. Увлекался идеей освобождения крестьян, повидимому, один Рылеев, принадлежащий, — что очень характерно, — не к крупному, как большинство декабристов, а к среднему дворянству. Но это было больше увлечение поэта, чем политика — и выразилось оно в поэтическом произведении, в известной, так инкриминированной ему его следователями, песне („Ах тошно мне, и в родной стороне“...). Один Пестель ставил вопрос так, как он ставится и поныне: один он говорил о тесной связи земли и воли. По устному преданию, переданному Герценом, он сказал своим друзьям: „Мы можем, пожалуй, провозгласить республику, и все-таки будет мало толку, у нас не будет всенародного восстания, доколе мы не коснемся поземельной собственности дворян. Мужику нужна земля“. На аграрном перевороте для Пестеля строилась вся русская революция.

К сожалению о том, как он представлял себе этот аграрный переворот, мы можем судить больше по намекам; плана крестьянской реформы Пестеля у нас нет. Только начало этого плана сохранилось в черновом наброске — да „Русская Правда“ дает несколько, черезчур общих, положений. В первом из этих положений, которое мы уже знаем, Пестель заботится об ограждении интересов помещика. Второе трактует о поддержании внешнего порядка во время самой реформы. Третье, порицание намерения давать крестьянам „мнимую свободу“, косвенно наносит удар товарищам автора из „Северного Общества“ и Н. И. Тургеневу, с которым у Пестеля было не мало споров по вопросу о социальной реформе. „Я употреблял все усилия, чтобы опровергать их аргументы“ писал впоследствии Тургенев в своем заграничном сочинении. „Наконец, я заметил, что Пестель и его друзья были очень недовольны моим несочувствием их социальным теориям“.

Тургенев имел здесь в виду ту полу-национализацию земли, о которой говорилось выше. Но и не заходя так далеко, уже пестелевский план освобождения крестьян должен был вызвать весьма горячие споры. Упомянутый выше набросок дает нам частицу картины необычайно широкой, по сравне-

нию с проектом Муравьева или Тургенева. Владельцы крупных и многоземельных имений (не менее 1000 душ и 10000 десятин земли) экспроприируются Пестелем наполовину без всякого вознаграждения. Имения от 5000 до 10 тыс. десятни экспроприируются с вознаграждением, но лишь отчасти: помещик получает лишь за 5000 тыс. десятин хотя бы у него отобрали и больше. Наконец, владельцыме нее 5000 дес. получают вознаграждение полностью за всю экспроприированную у них землю, но цена земли при этом определяется „показаниями волости или помещика". В противность реформе 19 февраля, совершенной исключительно дворянскими руками, Пестель давал право голоса и крестьянству.

К. Н. ЛЕВИН и М. Н. ПОКРОВСКИИ

ЛЕГЕНДА И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ [1])

Правительство последних Романовых долго прятало „Дело декабристов". О них писали, даже разрешалось печатать: почин положила официальная, вышедшая с благословения Александра II, книжка Корфа, еще в 1850-х годах. Нельзя было запретить печатать о том, что все знали в известном кругу, о чем была уже целая изустная легенда. Но „Дела" не выдавали никому. Читая „Дело" в подлиннике, сначала не понимаешь: чего они боялись? Ведь не было, казалось бы, лучшего средства рассеять легенду, как напечатать подлинные документы. Мы сейчас увидим это. Лишь постепенно начинаешь догадываться. Нельзя было допустить, чтобы кто бы то ни было узнал, что уже в 1820-х годах были люди — и притом не какие-нибудь косматые оборванцы, а дворяне хороших фамилий и крупных чинов — осмеливавшиеся приговорить всю августейшую „царскую фамилию" к смерти. Мысль о „цареубийстве" должна была быть окружена ореолом ужаса. Нельзя сметь об этом подумать. Каракозов, Соловьев, Желябов, Перовская, — это выродки, это исчадие ада, чужое русскому народу, старался уверить царизм. Могли быть подобные изверги и среди декабристов: донесение следственной комиссии, опубликованное (не для публики) в 1826 году, оправдывает виселицу Пестеля его „цареубийственными" замыслами. Но это сказали сами — историкам говорить об этом не полагалось. И в особенности не полагалось никому знать, что идеи Пестеля на этот счет были усвоены чуть не всеми декабристами.

---

[1]) К. Н. Покровский, „Декабристы" (Легенды и действительность). Записки Коммунистического Университета имени тов. Свердлова. Том I, 1923 г., январь, стр. 7 — 20.

Как раз то, что привлекло к декабристам после 1905 года некоторых поверхностных революционеров, — привлекло совершенно зря, увидим дальше: суть „декабризма" вовсе не в террористических замыслах, — как раз это, по всей вероятности, и мешало историкам подойти к „Делу декабристов" до 1905 года. Подпускали только людей, прочно забронированных от цареубийственной заразы: преимущественно военных генералов, Богдановича, Дубровина, Шильдера. Другие историки были осуждены пользоваться крохами, падавшими с их стола — или выжевывать крупицы истины из материалов второй руки, главным образом из старческих воспоминаний действующих лиц. Но как раз главные действующие лица воспоминаний иметь не могли: мемуарами Пестеля, Рылеева, Сергея Муравьева служат их показания — а они были за семью печатями.

В такой обстановке внутри России складывалось то, что можно назвать либеральной легендой о декабристах. Полнее всего она отразилась у Пыпина („Общественное движение в России при Александре I"). Персонажи этой легенды менее всего обладали свойствами подлинного революционера: решительностью и жестокостью. Мы имеем в виду, конечно, не болезненную жестокость садиста, а способность не бояться крови, не только своей, но и чужой: без этого качества революционеров, как и героев внешней войны, не бывает. Декабристы либеральной легенды были отменно кроткие люди, которые не только перебить всех Романовых, но и зарезать цыпленка, вероятно, затруднились бы. Они мечтали исключительно об улучшении участи себе подобных: об освобождении крестьян, об усовершенствовании судопроизводства в России. Конечно, мечтали и о конституции, но это был уже предел мечтаний. Притом все это было чрезвычайно невинно, почти, можно сказать, несерьезно. В подкрепление цитировались воспоминания Н. И. Тургенева, принципиально занявшего весьма остроумную и для того положения, в котором он находился, удачную позицию: он доказывал, что никакого заговора вовсе никогда не было, просто Николай воспользовался удобным случаем, чтобы повесить некоторых своих либерально мысливших подданных.

Тургенев укрылся от Николая за-границу. Чтобы отрезать всякую возможность выдачи, ему нужно было доказать, что он не преступник, хотя бы и политический — а что Николай изверг и деспот, не хуже Нерона или Людовика XI-го. Свою книгу он издал по-французски, т.-е. обращался именно к западно-европейскому общественному мнению. Если прибавить, что заимствуемые у него цитаты касаются, главным образом, Союза Благоденствия, т.-е. эпохи до начала заговора, то, собственно, и в искажении истины Тургенева обвинить будет нельзя. О Союзе Благоденствия, той аморфной массе, из которой постепенно выкристаллизовался заговор, и

сам Пестель выражался весьма мало почтительно, говоря о ней, что „в Союзе с самого его начала до самого его конца ни одно правило не было постоянным образом в действии и ни одна мысль не была постоянным образом в памяти членов, так что часто то, что сегодня было решено, завтра опять поступало на суждение“ [1]).

Потому-то Пестель и ликвидировал Союз, положив начало настоящему заговору. Это превращение пестрой кучи болтающих интеллигентов, к которой с презрением относился не один Пестель: грибоедовский Репетилов есть несомненная каррикатура на Союз Благоденствия — в тесный кружок людей, тихо и в обстановке подлинной конспирации готовивших насильственный переворот,—этот рубикон людей 1825 г. в либеральной легенде совершенно стирался. А между тем тут был такой же перелом, какой пережило народническое движение 1870-х годов на воронежском с'езде: по одну сторону стоял, действительно, „мирный“ пропагандист (в 1870-х годах все же более серьезный, чем в 1820-х), по другую — настоящий солдат революции. Смешивать Союз Благоденствия с заговором декабристов такая же, и даже худшая, ошибка, как смешивать кружок Чайковского с Исполнительным Комитетом Народной Воли. Разумеется, в конечном счете одно развилось из другого — но ведь в конечном счете и человек развился из лягушки, их однако не смешивают.

Настолько состояние источников наталкивало на такие взгляды, показывает пример Плеханова. Уж кто, казалось бы, был лучше застрахован от либеральных предрассудков, чем основатель российской социал-демократии? И однако же не кто другой, как Плеханов, изобразил 14 декабря, как „военную манифестацию, предпринятую людьми, неуспевшими приготовиться к серьезной битве и решившимися погибнуть для того, чтобы своей гибелью указать путь будущим поколениям“. И Плеханов же назвал „клеветой“ заявление следственной комиссии, что Рылеев обнаружил „совершенное раскаяние и перемену образа мыслей [2])“. Увы! Иногда и николаевские сыщики говорили правду, — а что касается „будущих поколений“, то мы скоро увидим, что в первую минуту после разгрома декабристы ничего так не боялись, как того, что у них найдутся последователи.

Было бы, однако же, слишком узко об'яснять возникновение „либеральной легенды“ только состоянием источников — только тем, что никто из писавших о 14 декабря до 1905 года „на свободе“, а не в генеральском мундире, не видел подлинного „дела“. Это значило бы последовать плохому примеру Плеханова, в брошюре которого классовый анализ движения почти совершенно отсутствует. Либералы, здесь, как и

[1]) „Дело“, Отд. I, № 5, л. II-ый.

[2]) „14 декабря 1825 года“, изд. 1921 г., стр. 24, и 28. Курс. Плеханова.

во множестве других случаев, только использовали чрезвычайно ловко направленные против них же самих цензурные стеснения. Им и не нужно было, чтобы декабристы были революционерами — как царизму не удобно было показывать цареубийц из „порядочного общества", так либералам было неудобно изображать приличных людей, готовящих вооруженное восстание. Спор либералов 60-х — 90-х годов и правительства был, в сущности, очень не глубок, и представлял собою лишь возведение в теорию весьма невинной грызни помещика и чиновника. Помещик и чиновник могли писать друг на друга доносы и жалобы по начальству — но против мужика они стояли локоть к локтю и мужик правильно не делал между ними различия, одинаково называя „барином" и помещика, и мирового посредника, и земского начальника. Вооруженное восстание масс было одинаково страшно для всего этого слоя, который был не прочь помечтать о конституции (о ней Плеве мечтал, а его предшественник 60-годов, Валуев, даже сочинял проекты), но только „октроированной" (дарованной свыше). Россию без Романовых весь этот слой мог себе представить так мало, что даже „левые земцы" 1904 года, когда их спрашивали, что делать, ежели Николай II сам убежит в Данию, не колеблясь ответствовали: „привезти обратно". Не в арестантском вагоне, просим не думать — отнюдь не в арестантском вагоне, и не в Петропавловку: привезти обратно в царском поезде в Зимний дворец.

И тут на пользу либералам шла не только цензура, стоявшая у дверей секретных архивов, а не меньше и та, более простая, цензура, которая в таможне или в почтамте просматривала привезенные из-за границы книги. Ибо если доступные внутри России источники наталкивали на либеральную легенду, вне России, устная традиция, шедшая из кругов, непосредственно близких к жертвам Николая I, давно творила другую легенду, которую, в противоположность первой, можно назвать революционной легендой о декабристах.

Литературным воплотителем этой легенды был Герцен. Нам трудно сейчас вскрыть его источники. Повторяем, самое вероятное, что основным из них была устная традиция шедшая из того, сравнительно очень широкого, круга людей, которые принадлежали или почти принадлежали к обществу — но которых Николай не тронул, ибо тронуть их значило бы втянуть в дело каждую пятую дворянскую семью в России. Так расширять круг заинтересованных лиц Николаю не было никакого расчета; вот почему, в противоположность прокуратуре Николая II, норовившей упечь в Сибирь всякого, кто хотя бы номинально принадлежал к одной из революционных организаций, следователи его прадеда повыпускали на волю — или даже не арестовывали вовсе — сотни людей, имена которых фигурировали в деле, но активной роли которых установить

было нельзя. Они отделались потерей карьеры — и то не всегда — и жили на свободе, в положении полу-опальных отставных дворян, которых соседи постарше слегка сторонились, но к которым за то молодежь особенно льнула. Самым знаменитым из этого круга был Грибоедов, пример которого показывает, что даже карьера в этом случае обязательно не была разбита.

Немного менее видным лицом из того же слоя был бывший генерал — М. Ф. Орлов, когда-то подписавший капитуляцию Парижа в 1814 году, в 30-х годах живший „на покое" в Москве. „Северные" декабристы его противопоставляли Пестелю: Трубецкой успокаивал Рылеева, что, стоит выдвинуть на сцену Орлова, и влияние Пестеля растает, как воск. Герцен хорошо был с ним знаком перед вятской ссылкой, и, вероятно, в их беседах шла речь не только о химии. Знавал Герцен и Раевского, который был знаком чуть не с половиной заговорщиков, — а как раз с главнейшими был приятель. Но нет надобности отыскивать индивидуальные источники „Русского заговора 1825 года", от которого пошла „революционная легенда": в том кругу, где вращался Герцен до, во время и после ссылки, можно было на каждом шагу встретить своего рода „очевидцев" 14 декабря, имевших свои сведения, если не из первых, то самое дальнее из вторых рук.

Эту близость Герцена к первоисточникам, которых никакой Николай не мог запечатать, приходится подчеркивать: она об'ясняет нам необыкновенную с в е ж е с т ь его маленькой брошюры, своеобразного дополнения к мемуарам декабристов. Мемуары писались стариками, помнившими события, но позабывшими свое настроение, по которому чугунным колесом прошли Петропавловка, каторга, долгие годы ссылки: осталось плоское место; на нем могло вырости даже примирение с Николаем — даже боязнь революции. Герцен слышал рассказы гораздо более близкие к самому событию, притом рассказы людей, менее революционных в 1825 году, чем другие, но за то и не перенесших такого гнета, как сосланные революционеры. И он слушал их сквозь с в о е настроение, — а оно было сродни настроению декабристов п е р е д 1825 годом.

Это не была, конечно, ф о т о г р а ф и я событий: это было их э х о. Нельзя себе представить такой картины, чтобы Орлов сидел часами и рассказывал, а молодой Герцен сидел перед ним с пером и бумагой и записывал: как мы то делаем иногда по отношению к участникам того или другого интересного момента Октябрьской революции. В николаевские времена, конечно, никто не позволил бы себе таких неосторожностей. Это были обрывки — случайно оброненные характеристики, случайно вылившиеся, в пылу откровенной беседы, анекдоты. Это не было бы, разумеется, достаточно, чтобы написать связную историю событий: этого было довольно, чтобы п о н о-

вому связать то, что рассказывали о событиях те же мемуары — Герцен ко времени своей эмиграции имел их уже несколько в рукописях, позже изданных „Полярной Звездой", — даже то, что давало донесение следственной комиссии: было недостаточно для истории, вполне достаточно для новой легенды.

„14 декабря, действительно, открыло новую фазу нашему политическому воспитанию и — что может показаться странным — громадное влияние, которое имело это дело и которое сильнее действовало, чем пропаганда и теории, оказало само восстание, геройское поведение заговорщиков на площади, во время суда, в кандалах, перед императором Николаем, в рудниках, в Сибири. Не либеральных стремлений или сознания злоупотреблений недоставало русским, а прецедента, который дал бы им смелость инициативы. Убеждения внушаются теорией, поведение же образуется примером[1])". Так писал Герцен уже в 1851 году, в „Развитии революционных идей в России[2])".

Читатель уловил разницу с либеральной традицией. От невинных разговоров в английском клубе („вслух громко говорим, никто не разберет"...) внимание сразу переносится на Сенатскую площадь, от слов — к жесту. В жесте Герцен видел главное историческое значение события: разговоров в обществе было слишком довольно. Разговоры могли вести и нереволюционеры—на площадь могла пойти только революция.

Но революцию делают только серьезные люди — несерьезные могут о ней говорить, до дела они никогда не доходят. Более обстоятельный очерк заговора, написанный в 1858 году (название мы привели выше) весь сконцентрирован около этой идеи: был серьезный заговор, была серьезная попытка повалить самодержавие — и с шансами на успех. Мастерски прослеживает Герцен этапы заговора, ставя во главе его Пестеля (мы ниже увидим, насколько это исторически правильно) и его программу: далеко не невинное „улучшение быта" или „устранение злоупотреблений", а республику, с аграрным переворотом широкого размаха, позволяющим Герцену по поводу Пестеля припоминать Гракха, Бабефа, С. Симона, Оуэна и Фурье. В открытии республиканизма декабристов, в хорошем знакомстве с аграрными проектами Пестеля и приходится видеть отзвуки прямых источников — рассказов людей, которые слышали, если не самого Пестеля, то тех, кто его слышал. В донесении следственной комиссии, представлявшем собою основную фактическую базу либеральной традиции, все это так перепутано и искажено, что брошюра Герцена была откровением для русских читателей еще и в 1905 г., когда ее впервые издали в России.

[1]) По последнему изданию сочинений Герцена, т. VI. стр. 352.
[2]) Там же.

И, само собою разумеется, то, что тщательно прятали и царизм, и либеральная легенда, в добром союзе — смертный приговор династии у Герцена становится на свое место. Теперь уже дело идет не о том, чтобы критиковать английскую конституцию. Пестель прямо ставит членам общества следующий вопрос: „В случае успеха, что делать с царской фамилией?" Предложено — изгнание, тюрьма, ссылка. „Надо ее уничтожить!" — сказал Пестель, выслушав все это. „Как", вскричали все, „это ужасно"!" — „Я это отлично знаю". Друзья Пестеля заколебались; пустили на голоса. Большинство было за Пестеля, большинство очень небольшое, только шести голосов [1]).

Брошюра Герцена так заражает своим революционным энтузиазмом, что с педагогической точки зрения ее стоит рекомендовать еще и сейчас. Юношам еще и сейчас может быть полезно прочесть такие книжки о французской революции, как Минье или Кинэ — прежде чем приниматься за Кунова или Жореса. Хотя мы отлично знаем, что революция происходила не так, как описывал ее Минье. Герцен стал, своей брошюрой, своего рода Минье для декабристов — да еще без того мещанского привкуса, который неизбежен у всякого доброго французского буржуа, и особенно противен теперь нам, знающим подлинную цену политических добродетелей мещанства. Повторяем, воспитательное значение брошюры Герцена огромно даже и после 1917 года Но ее историческая цена?

Для Герцена декабристы — идеал революционера. После них революция могла расти количественно, могла усовершенствовать свою тактику: но как тип бойца за революцию выше героев 14 декабря подняться некуда. В их неудаче были виноваты не они — виновата обстановка. „В день восстания на Исаакиевской площади и в центре второй армии заговорщикам не хватало народа. Их либерализм был слишком иноземен, чтобы быть популярным. От нас далека мысль упрекать их. То было логическое следствие цивилизации, перенесенной на один только класс, и того отдаления, в котором цивилизованная Россия держалась от России народной [2])".

Эта ошибка Герцена, будто на Сенатской площади не было народа, уже исправлена историками. Народ был, хотели или не хотели этого заговорщики. Вопрос, хотели ли они этого? Дальше мы кое-что найдем и по этому вопросу. Другой вопрос: насколько Герцен был прав, утверждая, что 14 декабря свидетельствовало о „политическом совершеннолетии" русских революционеров. Декабристы Герцена — подлинные живые люди или герои романа, психологически правдивые, но так же далеко отстоящие от жизни, как вообще жизнь бывает далека от романа?

---

[1]) Сочинения Герцена, т. IX, стр. 140.
[2]) Там же, стр. 149 — 150.

Роман, написанный революционером, все же, конечно, ближе к подлинному изображению революции, нежели пасквиль, написанный либералом. Да, Герцен был прав: заговор декабристов был серьезным заговором, а не репетиловщиной.

М. Н. ПОКРОВСКИЙ

ИДЕОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ДЕКАБРИСТОВ [1])

Перед нами важная и довольно трудная задача — определить идеологию и психологию декабристов. Было бы большой ошибкой свести этот вопрос к общей, суммарной характеристике. Русское дворянство, как сословие, еще при Екатериме II было значительно расчленено в классовом отношении, делилось на резко различавшиеся между собою экономические группы. То же надо сказать и о декабристах. И они не представляли собою, как видно уже из сказанного, единой компактной группы. Известная острота Ростопчина, что „во Франции сапожники захотели быть господами, а у нас господа захотели стать сапожниками", далеко не отражает действительности. Аристократами большинство декабристов вовсе не были. Почти единственным исключением был в этом отношении князь Сергей Петрович Трубецкой. Недаром Николай на первом же допросе сказал ему: „Гвардии полковник! Князь Трубецкой! Как вам не стыдно быть вместе с такой дрянью?" [2])

Трубецкой и является выразителем того, насколько далеко влево могла зайти русская крупно-земледельческая аристократия в то время. Прежде всего — о его политической идеологии. В качестве диктатора, избранного в эту должность всеми членами Коренной Управы Северного Общества, Трубецкой считал себя вправе и обязанным составить манифест к народу на случай успеха восстания: „он набросал по пунктам содержание манифеста". Вот эти пункты: „1) Уничтожение бывшего правления, 2) Учреждение временного правления до установления постоянного выборного. 3) Свобода „тиснения" (т.-е. печати) и уничтожение цензуры, 4) Предоставление лицам всех вероисповеданий свободного отправления богослужения, 5) Уничтожение права собственности на людей, 6) Равенство всех сословий перед законом и потому уничтожение военных судов и всякого рода особых судных комиссий, 7) Предоставление всякому гражданину права заниматься, чем хочет: вступать в военную и гражданскую службу и в духовное звание,

[1]) Из статьи Н. Рожкова „Декабристы", помещенной в журнале „Русское Прошлое", 1923 года, № 2, стр. 29 — 42. Впоследствии эта статья вошла в X том работы Н. Рожкова „Русская история в сравнительно-историческом освещении". Изд. „Книга". М. 1924 г.

[2]) История России в XIX в., I, стр. 132.

торговать оптом и в розницу с уплатою известных пошлин, приобретать земли и дома в деревнях и городах, 8) Сложение подушной подати и недоимок по ней, 9) Уничтожение монополий на соль, вино и проч., разрешение свободного винокурения и добывания соли с уплатою пошлин с добываемого продукта, 10) Уничтожение рекрутских наборов и военных поселений, 11) Сокращение срока военной службы для нижних чинов, которое должно было последовать по уравнении воинской повинности между всеми сословиями, 12) Увольнение в отставку всех без исключения нижних чинов, прослуживших 15 лет, 13) Введение выборного начала при замещении должностей в волостных, уездных, губернских и областных правлениях, 14) Гласность суда, 15) Введение присяжных в суды уголовные и гражданские" [1]).

Эта программа может отражать в себе не личную политическую идеологию Трубецкого, а его представление о том, каковы воззрения, на которых сошлись все члены Северного Общества. Поэтому для определения его личных взглядов необходимо обратить внимание на детальное их изложение, сделанное как во время существования тайных обществ, так и в показаниях на следствии и суде. Сам Трубецкой в своих показаниях отмечает причины, создавшие в нем, как он выражается „свободный образ мыслей". Всеобщие жалобы на лихоимство чиновников, возмущения крестьян, образование военных поселений и бунты военных поселян, — все это убеждало его в близости и неизбежности переворота в России. Повидимому, его пугал демократический характер этого переворота, и заговор декабристов и их программа, особенно умеренно-либеральная программа Северного Общества, представлялись ему приемлемыми и целесообразными, как громоотвод, как введение движения в известное русло. Конечно, здесь Трубецкой не обнаружил надлежащего понимания условий времени преувеличил опасность, которой на деле не было. Были, впрочем, и другие обстоятельства, толкавшие его на „свободный образ мыслей": расправа с взбунтовавшимися военными поселянами вызывала у него резкий протест против Александра, как „жестокого и бессмысленного деспота" [2]); его национальное чувство возмущалось при слухах о намерении Александра присоединить некоторые русские земли к Польше и даже перенести столицу в Варшаву; с другой стороны, на тот же путь толкали

[1]) Семевский. Стр. 496 — 7. Н. Рожков имеет ввиду книгу В. Семевского „Политические и общественные идеи декабристов", В. А.

[2]) Среди военных поселян постоянно происходили волнения. В 1817 году были волнения среди поселян Новгородской губ. В 1819 г. происходили волнения среди Чугуевских поселян (в тогдашней Слободско-Украинской губернии), причем было арестовано две тысячи человек, а 204 приговорены военным судом к смерти. Аракчеев заменил смертный приговор избиением розгами. Были назначения от 3-х тысяч до 12-ти тысяч ударов. Многие умерли под ударами. В. А.

его образование конституционных монархий во Франции и некоторых частях Германии, дарование конституции Польше и речь Александра при открытии польского сейма. Трубецкой не мог оставаться при обычных, традиционных взглядах, господствовавших в среде дворянской аристократии того времени. Поэтому он искал нового : $2^1/_2$ года был масоном, слушал лекции в Московском университете. К чему же он пришел в конечном результате? К очень умеренному и мало определенному социальному и политическому идеалу. После временных, недолгих колебаний, вызванных могучим влиянием таких сильных личностей, как Пестель, Сергей Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин, Трубецкой окончательно отверг республику и диктатуру временного правительство и укрепился на монархической позиции и образовании временного правительства из двух-трех членов Государственного совета вроде Мордвинова и Сперанского [1]) с функцией почти единственной — провести выборы. Из его „пунктов" видно, что он допускал веротерпимость, но не свободу совести, говорил об уничтожении крепостного права, но не конкретизировал экономической стороны освобождения крестьян.

Уже исторические предшественники Трубецкого, мечтавшие, как и он, о конституции — князь Дм. Мих. Голицын при Анне и князь М. М. Щербатов при Екатерине II, — не могли отстоять аристократическую конституцию : Голицын должен был переработать свой проект с расширением его социальной базы на дворянскую массу, дворянской же и отчасти также купеческой была и конституция, изложенная в щербатовском „Путешествии в землю Офирскую". Трубецкому пришлось итти дальше в деле уступок — в направлении не то, что бессословности, а, по крайней мере, всесословности. Но это и все почти, что отличало его от предшественников. В общем и целом он остался таким же аристократом, как они. И он не один был таким в среде высшей аристократии: припомним конституционные проекты Мордвинова и Дмитриева-Мамонова ; укажем и на задуманный Каразиным [2]) и перехваченный у него богатейшими помещиками того времени, имевшими вместе до 100 тысяч душ крепостных крестьян, проект учреждения общества для содействия ликвидации крепостного права, каковой был представлен Александру графом М. С. Воронцовым и князем А. С. Меншиковым [3]).

---

[1]) Там же, стр. 90, 106, 176, 172, 193, 257, 263, 204, 205, 491, 472, 488, 499, 493.

[2]) Каразин был человек, совершенно не разбиравший средств для удовлетворения своего самолюбия и честолюбия. Этим об'ясняется множество противоречий в его действи х. Неправы ни его панегиристы (Багалей, Очерки русск. истории, т. I), ни обличители (И-в, В. Н. Каразин, мнимый основатель харьк. университета).

[3]) Корнилов, Курс истории России в XIX в., I, стр. 224 — 225.

Социальный смысл политической идеологии С. П. Трубецкого таким образом совершенно понятен; по существу „диктатор" декабристов был не более, как либеральничающий аристократ очень умеренного конституционно-монархического типа. Не менее характерна его психология — та в значительной степени подсознательная сфера, которая послужила почвой и для политической его идеологии. Одной из наиболее характерных черт Трубецкого было непомерно развитое самолюбие и честолюбие, несоответственное его личным дарованиям: декабристы привлекали его к себе тем, что выдвигали его на первый план, поручая участие в комиссии по разработке устава Союза Благоденствия, выбирая диктатором для руководства восстанием; Пестель соблазнял его перспективой участия в директории Южного Общества и руководства всеми делами вместе с ним, Пестелем. Но как только доходило до дела, — у Трубецкого замирала рука, его охватывал страх. Ничего нет характернее в этом отношении, чем его поведение в день 14 декабря: руководитель восстания позорно дезертировал. Потом, во время следствия и суда, Трубецкой вел себя в полном смысле постыдно. Он униженно ползал на коленях перед Николаем, целовал ему руки, со слезами молил его даровать ему жизнь. А когда жизнь ему была дарована, он не только искренно рассказал все о себе, — это было его правом, — но дал детальнейшие показания о других, выдавая всех головою, дошел даже до того, что донос возвел в нравственную обязанность, до прямой клеветы на себя, как на человека, готового донести на Пестеля в то время, как они вместе подготовляли восстание [1]).

Все это было понятно и естественно: Трубецкой слишком зарвался, перешел за ту меру, которая была допустима и терпима для людей его круга, оторвался от своего класса. Для людей смелых и сильных это в известной степени возможно, — Трубецкому это было не по плечу. И не ему одному. Другие, подобно М. Орлову, правда, не дошли до такого унижения, но только потому, что не зашли так далеко в своем либерализме, во-время забили отбой. В их отступлении сказалась, конечно, та же боязнь решительных действий и разрыва с традициями, а в либерализме видную роль играли, как и у Трубецкого, честолюбие и самолюбие [2]).

Ближе всего по воззрениям, отчасти и по настроениям, к декабристам-аристократам стояла декабристы, принадлежавшие к более или менее крупной бюрократии, — такие, как Н. Тургенев, статс-секретарь Государственного Совета, ген. М. Фонвизин или барон Штейнгель. Тургенев был широко образован, сведущ, как специалист во многих вопросах, искренно, но умеренно либерален: Фонвизин горячо спорил, резко расходился с Пестелем; Штейнгель склонен был в сущности

[1]) История России в XIX в., I, стр. 132 — 134.
[2]) Гершензон, История молодой России, стр. 5 — 6, 8, 70.

к дворцовому перевороту и сильно боялся крестьянского восстания [1]).

Политическим идеологом среднего дворянства был Никита Муравьев, в особенности в своей конституции. Главным иностранным источником этого проекта была испанская конституция 1812 года. Отсюда именно заимствовано было понятие о верховенстве народа. Были и заимствования из других конституций, напр., Соединенных Штатов и Французской 1791 г. Но, конечно, и в деталях, и в основном своем фонде конституция Муравьева — оригинальное произведение, приспособленное ко вкусам и интересам передовых слоев среднего дворянства и потому и пользовавшееся популярностью среди членов Северного Общества. Она устанавливает равенство всех перед законом, свободу устного и печатного слова, суд присяжных не только в уголовных, но и в гражданских делах, веротерпимость, но не свободу совести [2]).

Россия должна была представлять собою федерацию из 13-ти или 14-ти держав; державы делились на уезды и волости. В уезде административную власть должен иметь тысяцкий, выбираемый прямым голосованием граждан, имеющих недвижимую собственность на 500 руб. или движимую на 1000 руб., и двухстепенным голосованием тех, кто „пользуется землями в общественном (т.-е., очевидно, общинном, мирском) владении"; они выбирают одного избирателя на каждых 500 человек. Быть выбранными в тысяцкие могут только богатые люди, имеющие недвижимость самое меньшее на 30 тыс. руб., а движимость на 60 тыс. руб. Такой же высокий имущественный ценз установлен и для того, чтобы быть выбранным в члены верховной думы, правители держав, их наместники, члены державных дум и судов и в члены советов в державах. Имущественный ценз высший, чем ценз избирателей, не требуется для того, чтобы быть народным представителем в палате представителей народного веча и в державных палатах выборных (т. - е. в нижних палатах законодательных собраний отдельных держав). Народное вече — высший законодательный орган всей федерации — состоит из двух палат: верховной думы и палаты народных представителей. Члены палаты представителей выбираются на два года, по одному представителю на каждые 50 тыс. жителей мужского пола. Верховная дума состоит из 3-х членов от каждой державы, выбираемых обеими палатами правительствующих собраний отдельных держав в соединенном их заседании. Оба правительствующих собрания народного веча вместе с императором, т. - е. с его утверждения, осуществляют законодательную власть, но не имеют права изменять конституцию: это право принадлежит народному

[1]) Общ. движения, I, стр. 28, 296. Покровский, Рус. ист., IV, стр. 331.

[2]) Семевский, Полит. и общ. идеи, стр. 452, 451 — 456, 480 и др.

и державному соборам, специально для того собираемым. В каждой державе правительствующее собрание состоит также из двух палат — палаты выборных и думы, причем члены думы выбираются теми же избирателями, что и члены палаты выборных, и все различие между обеими палатами в отношении их состава заключается в том, что для членов палаты выборных повышенного сравнительно с избирателями ценза не полагается, а для членов думы он установлен в размере владения недвижимым имением минимум в 15 тыс. р. и движимым — минимум в 30 тысяч. Палаты держав имеют законодательную власть в пределах держав. Исполнительная власть в каждой державе принадлежит державному правителю, его наместнику и совету. Правители держав выбираются народным вечем (соединенным собранием обеих его палат) всей федерации на 3 года из кандидатов, составленных правительствующими собраниями держав. Выбор правителя утверждается императором. Правители держав назначают державных блюстителя законов, судей и других должностных лиц. Державный наместник и члены державного совета избираются на 3 года в соединенном заседании палат державы большинством двух третей голосов [1]).

Конституция Муравьева встретила возражения, но в общем и целом она была приемлема для передового слоя среднего дворянства: за это говорили и ее монархический характер, и цензовая система, и, наконец, предлагавшееся Муравьевым решение крестьянского вопроса. Ни в чем так ярко не проявились классовые интересы, как именно в этом последнем проекте: освобожденные крестьяне получали в собственность дворы, скот и земледельческие орудия и „по две десятины земли на каждый двор для оседлости их", т. - е. в полном смысле нищенский надел; землю для обработки они могли или покупать в собственность, или арендовать. Батрак с ничтожным наделом — вот аграрный идеал Муравьева. Вообще это был идеал многих декабристов [2]).

Никита Муравьев вообще был создан для роли идеолога: его основной интерес был научный, сюда клонилась его основная тенденция [3]). Но именно поэтому под конец не он стал вождем Северного Общества: вождь — не теоретик или не только теоретик, а также и практик, умеющий зажигать и подвигать на действие.

Таков именно и был Кондратий Федорович Рылеев, по психологии и идеологии своей представлявший собою промежуточное звено между средним и мелким дворянством. Рылеев

[1]) Там же, стр. 456 — 470. Для популяризации своих политических идей в широких народных массах Муравьев начал писать, но не окончил особое произведение под названием „Любопытный разговор" (там же, стр. 484).

[2]) Там же, стр. 470 и след., 623 — 624, 611 и сл.

[3]) Довнар-Запольский, Мемуары декабристов (Киев, 1906), стр. XXVI.

был левее Муравьева: он настаивал, чтобы Муравьев переделал свою конституцию, приблизив ее к конституции Соединенных Штатов, только с сохранением императорской власти, которая, однако, не должна быть больше власти американского президента. Он был противником диктатуры временного правительства и полагал, что выбор формы правления — дело будущего великого народного собора, которому все должны подчиниться [1]).

Служа по выборам заседателем петербургской палаты уголовного суда, Рылеев был известен своей справедливостью и неподкупностью. О нем говорили: „там есть Рылеев, он не дает погибать невинным". Поэзия Рылеева — настоящее боевое романтическое творчество Он „придал новую окраску нашей лирике и эпосу, стараясь пропитать насквозь гражданским чувством и оду, и послание, и эпиграмму, и описательную поэму, и лирическую песнь, и даже песнь любовную". Такие произведения, как „Временщику", „Войнаровский", „Исповедь Наливайки", „Думы" и „Песни", увлекали передовую молодежь [2]). Декабристы не допускали никакого сравнения „свободных" стихов Пушкина с произведениями Рылеева. И этот человек, столь пылкий, искренний, чуткий, энергичный, в своих показаниях выдал всех и сообщил о восстании, готовившемся на юге. Как и почему это случилось? Он не боялся смерти: перед казнью он приложил руку священника к своему сердцу и сказал: „слышишь, отец, оно не бьется сильнее прежнего [3]). Он не был озлоблен на других и не изменил своих взглядов. Не ждал он и пощады. Здесь был другой мотив: Николай, талантливый сыщик, подкупил Рылеева заботами о материальном положении его семьи, которую Рылеев очень любил — семье его император послал деньги. И вот в Рылееве, как в большинстве декабристов, заговорило особое чувство — дворянский point d'honneur: со мной поступают по-джентльменски, мне оказывают услугу, — я должен из чувства дворянской чести сделать то же. Здесь сказалась классовая и сословная психология: ее не удалось преодолеть и декабристам.

Представители мелкого русского дворянства были среди декабристов в гораздо большем числе, чем обыкновенно принято думать. Не говоря уже об Обществе Соединенных Славян, которое сплошь состояло из дворянской бедноты, сюда принадлежит, несомненно, большинство рядовых декабристов, причем это большинство представляло собою довольно пеструю компанию. Одним из типичнейших представителей боль-

---

[1]) Семевский, назв. сочин., стр. 472, 489, 428, 508.

[2]) Стих. „К временщику" и небольшой отрывок из поэмы „Наливайко" мы приводим на страницах нашей хрестоматии. В. А.

[3]) Котляревский, Литер. деятельность декабристов („Рус. Богат." за 1904 г.). Из записок А. М. Бестужева („Девятнадцатый век", т. I, стр. 348). Маслов, Литер. деятельность К. Ф. Рылеева (Киев. 1912), стр. 73, 106.

шинства является полковник Булатов. Он не был в сущности ни революционером, ни даже конституционалистом. Он был просто честным человеком, возмущавшимся теми безобразиями, которые наблюдал, но из-за деревьев он не видел леса, не умел понять, что дело не в отдельных злоупотреблениях, а во всем режиме в его целом. Он писал из крепости вел. князю Михаилу Павловичу именно об отдельных чертах, подробностях и даже мелочах, валя в одну кучу важное и неважное [1]). Политически-беспомощный, одинокий, потерявшийся, Булатов не нашел другого выхода, как разбить себе голову о стены каземата. От Булатова недалеко уже до тех случайных декабристов, которые в сущности пострадали совершенно невинно от свирепости николаевской расправы. Типичным их представителем был Кривцов. Он был образован, неглуп, не обладал инициативой, случайно попал в военную службу, случайно был принят в тайное общество своим родственником Вадковским, получил каторгу на один год, несколько лет ссылки, службы на Кавказе, вернулся при Александре II и умер в 1864 г. в провинции, живя последние годы, как дельный, всеми уважаемый помещик [2]).

Из этой массы заслуживает быть выделенным и особо отмеченным только Петр Григорьевич Каховский, один из пятерых казненных. Он энергично и решительно действовал на площади во время восстания: агитировал солдат, застрелил Милорадовича и Стюрлера, ранил показавшегося ему подозрительным Гастефера. Словом, он едва-ли не один не только стоял на месте, но и действовал, что сближает его по активности с Сергеем Муравьевым-Апостолом и Бестужевым-Рюминым, толкавшими Пестеля на решительное выступление задолго до 14 декабря. Николай при горячих речах Каховского о неустройстве родины притворно плакал и сказал ему: „я сам — первый гражданин отечества". И Каховский ему поверил, стал считать ошибкой восстание и измену такому хорошему царю и раскрыл все планы общества. В совершенных им убийствах Каховский, „одинокий, заброшенный и несчастный человек", долго не сознавался. Но его выдали Оболенский, Одоевский и Кюхельбекер, причем правильно или нет, но ему показалось, что они гнушаются этими убийствами. Возмущенный предательством, Каховский признался во всем и рассказал все, что знал о Рылееве, Штейнгеле и других [3]).

В общем, надо все-таки признать, что как ни резки были противоречия между декабристами и их врагами, были, однако, черты, общие обеим сторонам, столкнувшимся 14 декабря. Декабристы были дворяне-землевладельцы, как и их противники, — и отсюда дворянски-монархический, построенный на

[1]) Довнар-Запольский, Мемуары декабристов, стр. 253—261.
[2]) Гершензон, Декабрист Кривцов и его братья (М. 1914).
[3]) Щеголев, П. Г. Каховский („Былое", 1906 г., февр., 184—186. 204, 208, 210). Павлов-Сильванский, Пестель, 27.

господстве дворянского землевладения, конституционализм большинства [1]). Они были дети своего времени и определенного округа общества, и потому были проникнуты искренней религиозностью, довольно сильной склонностью к внешнему национализму — борьбе с ивостранным костюмом и подражанием иностранным образцам, и, главное, подавляющее большинство их не понимало всей возможности отмены крепостного права, ставило эту реформу в лучшем случае на второй план, а подчас и не простирало своих стремлений в крестьянском вопросе далее уничтожения „злоупотреблений" помещичьей властью, не понимая, что помещичья власть была не чем иным, как сплошным злоупотреблением.

Особо выделялся из среды декабристов Пестель. Мы имеем целый ряд самых лестных отзывов о Пестеле, исходящих от лиц, его непосредственно знавших и притом часто также весьма выдающихся. Пушкин гововил о Пестеле: „умный человек во всем смысле этого слова, — один из самых оригинальных умов, которых я знаю". Декабрист князь Волконский находил Пестеля „человеком замечательного ума, образования, в сердце которого гнездились высокие и пылкие чувства патриотизма". По Лореру, Пестель „мастерски говорил и умел убеждать, но часто проглядывало в его словах непомерное честолюбие и тщеславие". Отзыв Якушкина гласит: „Пестель всегда говорил умно и упорно защищал свое мнение, в истину которого он всегда верил, как в математическую истину". По словам кн. Оболенского, Пестель „отличался умом необыкновенным, ясным взглядом на предметы самые отвлеченные и редким даром слова, увлекательно действовавшим на того, кому он доверял свои задушевные мысли". По Басаргину, „Пестель был человек высокого, ясного и положительного ума. Будучи хорошо образован, он говорил убедительно, излагал мысли свои с такою логикою, такою последовательностью и с таким убеждением, что трудно было устоять против его влияния". Главный начальник Пестеля, главнокомандующий 2-й армией гр. Витгенштейн, отзывался о нем так: „он на все годится: дай ему командовать армией или сделай его каким хочешь министром, он везде будет на своем месте" [2]).

Для Пестеля было ясно, что большинство членов тайных обществ вовсе не революционно, а самое большее — оппозиционно настроено. Революционерами, кроме Пестеля, можно назвать немногих, сюда относятся: Сергей Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин, Рылеев, Каховский, Юшневский, может

---

[1]) См., кроме проектов Трубецкого и Н. Муравьева, еще конституцию Батенькова. (Семевский, Полит. и общ идеи дек., стр. 485 и след.).

[2]) Записки С. Г. Волконского, стр. 408. Из записок Лорера: „Рус. Богатство" 1904 г., № 3, стр. 74, 76. Записки Якушкина, стр 23—24 Обществ. движения, I, стр. 237. „Девятнадцатый век", I, стр. 68. Семевский, назв. соч., стр. 501.

быть, еще Лунин, [1]) — вот, кажется, и все. И потому Пестель много тратил энергии на пропаганду и агитацию и связал свое Южное Общество железной дисциплиной. Он, напр., искусно пользовался в целях пропаганды речью Александра I на открытии первого польского сейма, хотя и не верил в ее искренность. Известен рассказ декабриста Поджио в его показании о том, как Пестель внушал ему республиканские убеждения. Даже с Рылеевым Пестель держался осторожной и ловкой тактики разведывания его мнений, чтобы, опираясь на них, завоевать его расположение. Характеризуя Пестеля, необходимо, наконец, отметить, что он не имел ни клочка земли и ни одного крепостного [2]).

Социальные и политические воззрения Пестеля нашли себе выражение в его „Русской Правде". По определению самого Пестеля, „Р. Правда" есть „наказ или наставление временному верховному правлению, а вместе с тем и об'явление народу, от чего он освобожден будет и чего вновь ожидать может [3])".

Во введении к „Правде" определяется, что общество есть всякое соединение людей для достижения какой-либо цели, а государство — такое общество, цель которого — благоденствие (т.-е. безопасность и благосостояние) общества и каждого из его членов. Средством для достижения этой цели служит разделение государства на правительство и народ. Народ „имеет право требовать от правительства, чтобы оно непременно стремилось к общественному и частному благоденствию". Так как „истинной целью государственного устройства должно непременно быть возможно большее благоденствие многочисленнейшего числа людей в государстве", то „правительство существует для блага народа и не имеет другого основания своему бытию и образованию, как только благо народное", „правительство есть принадлежность народа, и оно учреждено для блага народного, а не народ существует для блага правительства". Все, что с этим несогласно, есть тирания или, как переводит это слово Пестель, „зловластие". На место его надо утвердить законность. В Росии, где такое зловластие как раз и существует, необходимо, во-первых, совершенное преобразование государственного порядка и, во-вторых, издание пол-

[1]) См. книжку „Декабрист Мих. Серг. Лунин" (Петр. 1917).

[2]) Явная ошибка. П. И. Пестель принадлежал к помещичьей среде. Отец Пестеля в свое время владел имением в Орловской губернии, но затем продал его. Отец Пестеля был Сибирским генерал губернатором (1806-1819). Мать Пестеля имела поместье в Смоленской губ. (село Васильево, Краснинского уезда). В 1823 г. царь, осматривая войска, остался очень доволен Вятским полком, которым командовал П. И. Пестель, и пожаловал ему три тысячи десятин земли, братьям Пестель принадлежало с. Станки, Вязниковского уезда, Владимирской губ. В. А.

[3]) История России в XIX в., I, стр. 75, 273. Семевский, назв. соч. стр. 74—75,510.

ного нового Уложения. Новый порядок не может быть введен сразу, — он должен быть подготовлен. Это и есть дело „временного верховного правления", которое для своей деятельности, по мнению Пестеля, потребует восьми или десяти лет. Как же должен быть устроен новый порядок?

Первый ответ на этот сложный вопрос Пестель дает в главе „О земельном пространстве государства". Здесь разбирается вопрос, какова должна быть государственная территория России и какие народности она должна в себе вмещать. При решении этого вопроса надо принять во внимание два противоположные права — право народности, т. - е. стремление отдельных народов к политической независимости, и „право благоудобства", т. - е. стремление господствующего в государстве народа к тому, чтобы силы окружающих его малых народов увеличивали могущество его самого, а не какого - либо соседнего государства. Противоречие между этими правами разрешается тем соображением, что право народности может существовать на деле только для тех народов, которые могут его сохранить, и что „право благоудобства принимается в соображение для утверждения безопасности, а не для какого - либо тщеславного распространения пределов государства. Таким образом, племена, подвласные большому государству, не могущие по слабости своей пользоваться самостоятельною политическою независимостью и долженствующие, следовательно, непременно состоят под властью или покровительством которого - либо из больших соседственных государств, не могут ограждаться правом народности, ибо оно для них мнимое и несуществующее". На этом основании Пестель считает из всех народностей, входящих в состав России, одну только польскую способной сохранить самостоятельно политическое положение при непременных, однако, условиях заключения Польшей вечного союза с Россией, т. - е. присоединения польских войск к русской армии в случае войны и введения в Польше такого же социального и политического строя, какой будет в преобразованной России. Остальные народы, входящие в состав России, должны подчиниться господствующему народу. При этом Пестель высказывается против федерации, потому что, во - первых, верховная власть в федеративном государстве „по существу дела не законы дает, а только советы", во - вторых, федерация ведет к областному сепаратизму. Россия при федерации неизбежно разложилась бы на ряд мелких государств и могла бы утратить не только величие и силу, но и политическую самостоятельность.

Россия должна делиться на 53 области, называемые округами и уделами, каковые разделяются на уезды, уезды — на волости. Для всех частей России должны быть одни политические и гражданские законы; только хозяйственные постановления могут быть различны, а что касается религиозных

различий, то хотя Пестель отстаивал господствующую религию — православие, но допускал и другие верования; однако, „все действия их“ (напр., многоженство у мусульман), противоречащие духу христианских законов, запрещал. Русский язык должен быть известен всем народам, населяющим Россию. Относительно евреев надо принять меры к уничтожению их обособленности, созвав для совета об этом ученейших раввинов и умнейших евреев, и содействовать основанию евреями их собственного государства в Малой Азии.

В главе, посвященной сословиям, Пестель устанавливает полное равенство всех перед законом и уничтожение сословий. Духовенство должно быть не сословием, а „частью правительства“, служащими государства. Дворянство, как сословие, также уничтожается: отменяется крепостное право, дворяне облагаются податями на равне с другими гражданами, подвергаются при преступлениях общим со всеми наказаниям, подлежат воинской повинности; уничтожаются титулы и гербы, хотя никому не запрещается изобретать для себя какие угодно рисунки. Купеческое и мещанское сословия, цехи и гильдии уничтожаются. Всех казенных и удельных крестьян надо объявить вольными и распределить их по волостям, причем земли их в каждой волости разделить на две половины, из которых одну отдать, под названием общественной земли, в собственность волостному обществу, а другую, под названием казенной, оставить собственностью казны, входящею в состав государственных имуществ“. Общественную землю волостное общество не имеет право ни продавать, ни закладывать. Казна же является „в отношении к казенной земле в виде частного человека и потому казенные земли продавать может“. Освобождаются и все помещичьи крестьяне, причем у помещиков принудительно отчуждается половина земли в собственность волости. Если в имении более 10-ти десятин на душу, то половина земли отчуждается безвозмездно, без выкупа; если более 5-ти и менее десяти десятин на душу, то с частичным возмещением из казенных земель или деньгами из казны; если, наконец, менее пяти десятин на душу, — вознаграждение помещиков из тех же источников должно быть полным. Таким образом, в конечном счете, половина всех земель должна быть в волостной собственности без права отчуждения, а вторая половина — в частной собственности казны и отдельных лиц. Неверно поэтому говорят, будто Пестель предлагал национализацию половины земли, — он на деле предлагал ее передачу в неотчуждаемую собственность волости, т.-е. выражаясь современным языком, скорее всего проектировал ее муниципализацию.

Этот аграрный план Пестель обосновывал следующими соображениями. Одни считают землю общею на основе воли всевышнего, закона природы и естественных прав человека;

другие обосновывают частную собственность на земле трудом, вложенным в ее обработку. Оба мнения, по Пестелю, имеют зерно истины и соединение их даст полную справедливость. Отсюда и проистекает план соединить общественную собственность с частной. Общественная собственность даст народу необходимое — то, без чего нельзя жить, своего рода Existenz minimum, частная собственность — „служит к доставлению изобилия", избытка, богатства. Пестель предлагает и ряд правил пользования той землей, которая будет общественной и окажется в распоряжении волости. Общественная земля в каждой волости делится на участки, обработкой каждого из которых могло бы жить тягло, т. - е. муж, жена и трое детей. Участки эти отдаются в пользование членам волостного общества на один год, причем и на последующие годы участок может быть оставлен за тем же лицом. Каждый член волостного общества,— все равно имеет он или не имеет частную земельную собственность, — имеет право требовать себе столько участков, сколько пожелает. При этом, если число требуемых участков менее, чем число участков, имеющихся в волости, то все требования удовлетворяются полностью, и оставшиеся участки могут быть сданы в аренду не членам волости. Если требуется участков больше, чем их имеется, то удовлетворяются всегда более бедные, т. - е. кто требует только один участок и не имеет частной земли.

В каждой волости должен существовать для помощи земледельцам волостной банк и при нем страховое учреждение.

Таков аграрный план Пестеля, очень оригинальный и далеко опередивший свое время, хотя, конечно, вопреки высказанным мнениям, немало не социалистический, а аграрно - капиталистический. Его обыкновенно сближают с аграрным проектом аббата Курнана, писавшего в эпоху Великой Французской Революции [1]). Сравнивая оба эти плана, можно, однако, заметить, что между ними очень мало сходства. Курнан предлагал треть всех земель зачислить в государственный земельный фонд, откуда каждому, при его рождении, нарезался бы участок, необходимый для его существования, и куда этот участок возвратился бы после его смерти. Эти земли оплачивались бы арендной платой в казну. Остальные $^2/_3$ земли должны делиться поровну между всеми уже без всякой арендной плати. Можно сдавать в аренду участки, но не отчуждать их и не передавать по наследству [2]). Очевидно, в проекте Пестеля мы имеем дело с совершенно оригинальным творчеством.

Что касается народного представительства, горячим сторонником которого являлся Пестель, то в каждой волости

[1]) Так делают Семевский и Покровский.
[2]) Семевский, Полит. и общ. идеи дек., стр, 536.

собирается раз в год на шесть дней земское народное собрание из всех граждан, приписанных к волости по гражданскому списку [1]); оно выбирает членов волостных наместных народных собраний, в количестве от 100 до 200, и уездных и окружных собраний по несколько человек — этим функции земского народного собрания кончаются. Волостное наместное собрание раздает участки общественной земли, выслушивает отчет выбираемого им волостного правления, производит выборы волостного правления, занимается всеми волостными делами. Уездное и окружное наместные собрания занимаются теми же делами в уезде и в округе, причем окружные наместные собрания выбирают членов народного веча, выборы в которые, следовательно, являются двухстепенными.

В особой главе излагаются права и обязанности граждан: право собственности, личной свободы и неприкосновенности, право занятия всех должностей, свободы печати, вероисповедания. Свобода союзов Пестелем отвергается: частные общества открытые — бесполезны, а тайные — вредны. Повинности населения в пользу казны бывают, во-первых, личные и вещественные, во-вторых, денежные. Самые тягостные личные повинности — рекрутчина, которая поэтому заменяется всеобщей воинской повинностью, и исправление дорог. Самые тягостные вещественные повинности, подлежащие поэтому при первой возможности отмене, — квартирование войск, продовольствование их жителями, содержание почт и проч. Денежные налоги должны взиматься с чистого дохода. Поэтому подушная подать отменяется. Косвенные налоги на предметы первой необходимости должны быть минимальны [2]).

Этим кончается дошедшая до нас рукопись „Русской Правды". Остальное нам известно по „Государственному Завету", составленному Пестелем, представляющему собою сокращение „Русской Правды" и переданному в Общество Соединенных Славян. Из „Завета" видно, что в республике Пестеля верховная законодательная власть принадлежит народному вечу, исполнительная — державной думе, блюстительная — верховному собору. Народное вече выбирается на пять лет окружными наместными собраниями, причем ежегодно пятая часть членов веча переизбирается вновь. Народное вече состоит из одной палаты, ведает законодательство, об'являет войну и заключает мир. Издание „заветных законов", т.-е. пересмотр конституции, основных законов, не входит в компетенцию веча, а подлежит референдуму — „суждению всей России". Народное вече выбирает на 5 лет державную думу из

[1]) Кроме гражданского списка, т.-е. личного списка граждан, приписаных к волости, должен был вестись еще список „скарбовый", т.-е. список граждан, имеющих в волости недвижимость.

[2]) „Русская Правда" в изд. Щеголева; Семевский, Политич. и обществ. идеи декабристов, стр. 509 — 542.

кандидатов, которые выбираются каждым окружным собранием по одному на округ. Державная дума состоит из пяти членов. Она имеет верховную исполнительную власть. Ей подчинены приказы (министерства и вся вообще администрация. Верховный собор состоит из 120 членов или бояр, кандидаты в которых намечаются окружными наместными собраниями, а из них народное вече выбирает бояр. Бояре исполняют свои функции пожизненно, а функции их состоят исключительно в наблюдении за формальной законностью решений и действий веча и державной думы. В этом и заключается блюстительная власть собора: он утверждает законы, рассматривая их с чисто-формальной точки зрения привильности порядка их издания. Верховный собор назначает из своих членов приказного блюстителя в каждый приказ и областного посадника в каждую из 10-ти областей (область состояла из пяти округов). Приказный блюститель наблюдает за законностью действий приказов, а областной посадник делает то же по отношению к волосным правлениям. Главнокомандующий армией назначается также Верховным собором.

Однопалатная система и Верховный собор заимствованы Пестелем у Дэтю-де-Траси, но и тут, и в других частях плана государственной организации Пестель произвел много оригинальной работы, заимствовал не механически.

Исполнительная власть в областях были поручена управам, назначаемым верховной думой, а в округах, уездах и волостях она была выборной от окружных, уездных и волостных наместных собраний [1]).

Сводя этот план к основным началам, вы видим в нем, прежде всего, рационализм, отвлеченный, математический метод построения; затем — эгалитарность, принцип равенства; далее централизм и диктатуру временного правительства. Эти черты известны из истории Западной Европы: они составляли душу якобинизма и карбонаризма. Но и якобинцы, и карбонарии были уже не дворяне по духу и направлению, а настоящие, подлинные буржуа. Таким буржуазным идеологом явился и Пестель — самый яркий, крайний пример того, как далеко и глубоко прошли трещины по старой крепостнической дворянской культуре, как рано, хотя еще нешироко, небольшой, узкой, одиночной струйкой началось перерождение русского дворянства в буржуазию

Н. РОЖКОВ

[1]) Семевский, назв. соч., стр. 543 — 549.

В ЗАБОТАХ ОБ ОХРАНЕ КЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА[1])

В 1812 году Бенкендорф подал царю „записку“ о тайных обществах, а вслед за этим выступил и с проектом широкой организации высшей полиции. И с этим проектом он обратился именно к членам тайных обществ.

По разсказу кн. Волконского[2]), Ал. Хр. Бенкендорф был его товарищем по флигель-адъютантству; они были „сперва довольно знакомы, а впоследствии в тесной дружбе“. Бенкендорф побывал в Париже и, как человек мыслящий и „впечатлительный“, увидел, „какую пользу оказывала жандармерия во Франции“.

Далее, по словам кн. Волконского, Бенкендорф находил, что „на честных началах, при избрании лиц честных, смышленных, введение этой отрасли соглядатаев может быть полезно и царю, и отечеству“. Он приготовил проект и „пригласил нас, многих своих товарищей, вступить в эту когорту, как он называл, добромыслящих, и меня в их числе; проект был представлен, но не утвержден. Эту мысль (Бенкендорф) осуществил при восшествии на престол Николая, в полном убеждении, — в том я уверен, — что действия оной будут для охранения от притеснений, для охранения во-время от заблуждений. Чистая его душа, светлый его ум имели это в виду; и потом, как изгнанник, я должен сказать, что во все время моей ссылки голубой мундир не был для нас лицом преследования, а людьми, охраняющими нас и всех от преследования“.

Из предыдущего мы знаем, что Бенкендорф не совсем без основания обратился со своим проектом и приглашением именно к членам тайных дворянских обществ, из которых впоследствии выделились декабристы. Каково же было отношение последних к тайной полиции?

Мы уже видели, как относится к Бенкендорфу декабрист С. Г. Волконский, осужденный в бессрочную каторгу. Он считает основателя тайной полиции за человека мыслящего и впечатлительного, за человека с чистой душой, и не возмущается приглашением поступить на службу в тайную полицию. И такое отношение вовсе не было личным отношением Волконского.

Исторические факты резко подчеркивают классовый характер движения, закончившегося катастрофой 14 декабря 1825 г.

Это было движение дворян-землевладельцев, желавших сделать некоторый шаг вперед по направлению к буржуазному строю, но с условием сохранения особых прав и преимуществ

[1]) Из статьи М. Ольминского „Происхождение жандармов“, помещенной в сборнике его статей: „Из прошлого“. См. стр. 5 — 12.

[2]) „Записки“, изд. 1901 г., стр. 135 — 136.

за помещиками. Только в этом смысле и возможно признать движение декабристов движением освободительным.

В проектах конституций, оставшихся от декабристов, мы находим высокий избирательный ценз, причем для владельцев недвижимого имущества этот ценз вдвое ниже, чем для владельцев движимого (например, 60.000 р. и 30.000 рублей). Далее, они проектировали, чтобы переселяющийся „освобожденный" крестьянин обязательно уплачивал особый выкуп помещику за потерю им „свободных" рабочих рук; основные принципы отмены крепостного права изложены в „Русской Правде" в следующих словах:

„I. Освобождение крестьян от рабства не должно лишить дворян дохода, от поместий своих получаемого; 2) освобождение сие не должно произвести волнений и беспорядков в государстве, для чего и обязывается верховное правление беспощадную строгость употреблять против всяких нарушителей спокойствия".

Понятно, что уже и в момент подготовки революции первой заботой дворянских революционеров являлось создание полицейской силы для охраны доходов помещиков с „беспощадной строгостью".

Но были у декабристов и другие заботы, уже чисто политического свойства. Ведь по их программе („Русская Правда") всякие частные общества запрещались безусловно, а свобода печати допускалась только „в пределах закона". Поэтому на тайную полицию они проектировали возложить обязанность „узнавать, как располагают свои поступки частные люди: образуются ли тайные и вредные общества, готовятся ли бунты, делаются ли вооружения частными людьми противозаконным образом во вред обществу, распространяются ли соблазн и учение, противное законам и вере, появляются ли новые расколы и, наконец, происходят ли запрещенные собрания и всякого рода разврат".

Далее, на полицию предполагалось возложить обязанность особого надзора за книгопродавцами, типографиями, театральными представлениями и обращением книг, журналов, мелких сочинений и листков, а также иметь сведения „о дозволениях, данных для тиснения новых сочинений и для пропуска книг из за границы", и далее, „поимку преступников, беглых и беспаспортных, пресечение бродяжничества и запрещенных сходбищ".

Для составления „внутренней стражи" по „Русской Правде" признавалось „достаточным" для России того времени 50.000 жандармов: в столичных губерниях по 2.000, а в прочих — по 1.000, наполовину конных и наполовину пеших. Но для охраны „вышнего благочиния", кроме 50.000 явных жандармов, предполагалось учредить еще тайную организацию. Остановимся подробнее на ее проекте.

На странице 110 „Русской Правды“ читаем:

„Вышнее благочиние охраняет правительство, государя и все государственные сословия от опасностей, могущих угрожать образу правления, настоящему порядку вещей и самому существованию гражданского общества или государства... Вышнее благочиние требует непроницаемой тьмы и потому должно быть поручено единственно государственному главе сего приказа, который может оное устраивать посредством канцелярии, особенно для сего предмета при нем находящейся... И так, устройство вышнего благочиния входит в обязанность самого главы, который оное утверждать должен тайным образом посредством особенной своей канцелярии, коей образование и состав также в тайне содержаться должны, и посредством тайных розысков, коей вестники должны быть хорошо выбраны, никому неизвестны и великое получать жалованье“.

Составители „Русской Правды“ особо подчеркивают, „что весьма было бы неблагоразумно обнародовать образование вышнего благочиния и сделать гласными имена чиновников, в том употребляемых“ [1]).

Известно, что вершители и распорядители не всегда относятся с уважением к исполнителям их собственных распоряжений. Прокурор, требующий казни, и судьи, приговаривающие к смерти, брезгливо отвертываются от палачей. Приблизительно такое же отношение встречали, повидимому, среди дворянских верхов и профессиональные политические шпионы: ими пользовались и от них брезгливо отворачивались. Так, например, предлагая учреждение тайной военной полиции после волнений в Семеновском полку, командир гвардейского корпуса кн. Васильчиков писал об агентах этой полиции: „чтобы заставить хорошо служить этих мерзавцев, необходимо им хорошо платить“.

Составители „Русской Правды“, как бы возражая князю Васильчикову и желая оправдать ремесло тайных агентов,

[1]) С.-р. Н. Русанов делает следующее наивное замечание: „Известно, что „Русская Правда“ состоит из частей, написанных далеко не в одно время, — что вводит в заблуждение некоторых неосмотрительных писателей, которые укоризненно розбирают „нелиберальные“ и даже „сословно-дворянские“ взгляды Пестеля (напр., о законности „шпионства“ или о заведении „внутренней стражи из 50.000 жандармов“), забывая, что то — мнения сравнительно раннего периода, когда великий декабрист еще только вырабатывал свое мировоззрение“. (П. С. Русанов. Влияние европейского социализма на декабристов и молодого Герцена. „Минувшие Годы“, 1908 г., № 12, стр. 176). Приводимое место находится в сущности не в „Русской Правде“, которую Пестель, как известно, не успел закончить, а в „Записке о государственном управлении“, написанной ранее „Русской Правды“ Эта записка была найдена вшитой в дошедший до нас экземляр „Русской Правды“. Между запиской и „Русской Правдой“ существует самая тесная идейная связь. Взгляды, развиваемые в записке, относительно приказа благочиния, находятся в полной органической связи с общим миросозерцанием Пестеля, ни о каком противоречии здесь не может быть и речи. В. А.

пишут, что тайные розыски, или шпионство — не только позволительное и законное, но и надежнейшее и, почти, можно сказать, единственное средство для достижения целей вышнего благочиния; для тайных розысков должны быть употреблены люди умные и „хорошей нравственности". „Но дабы люди, „у в а ж е н и я д о с т о й н ы е", соглашались итти в шпионы, они не должны „никогда, ни под каким видом или предлогом, народу таковыми быть известны... они должны быть уверены, что их лица и добрые имена в совершенной находятся безопасности".

В конце 1825 года декабристы были арестованы; „Русская Правда" попала в руки правительства; а в июне 1826 г., по докладу Бенкендорфа, был издан указ об основании жандармской полиции, и 3 июля особая канцелярия министра внутренних дел была преобразована в III отделение собственной его имп. величества канцелярии.

Бенкендорф имел полную возможность ознакомиться с проектом тайной полиции, изложенным в „Русской Правде", и, судя по его докладу, действительно ознакомился. Получается такое впечатление, что третье отделение и отдельный корпус жандармов были учреждены с необычайной поспешностью после того, как „Русская Правда" стала известна правительству, то-есть они учреждены отчасти именно благодаря идейному влиянию декабристов.

Необходимо, однако, отметить следующее. При оценке исторических событий и общественных групп всегда нужно принимать во внимание их отношение как к отживающему старому порядку, так и к нарождающимся требованиям новой жизни. С этой точки зрения между декабристами и их победителями неизбежно провести грань. А вместе с тем и о проектах той и другой стороны нужно судить по их целям. У декабристов целью тайной полиции являлось задержать дальнейшее развитие революции, спасти доходы и привилегии помещиков от новых покушений со стороны народа и укрепить только-что созданный революционный новый буржуазный порядок. В их проекте, правда, нельзя найти намеков на боязнь контр-революции, на опасность справа; но такая опасность об'ективно существовала. Что же касается учреждений, осуществленных победителями декабристов, то они и по мысли создателей, и по об'ективным условиям были обращены фронтом исключительно влево.

Доклад Бенкендорфа прямо и начинается с указания, что заговор декабристов доказал ничтожество нашей полиции и необходимость организовать новую полицейскую власть по обдуманному плану, приведенному как можно быстрее в исполнение.

Интересно, далее, сравнить точку зрения Бенкендофа с точкой зрения „Русской Правды" на самую форму организации полиции. Составители „Русской Правды", как мы видели, требовали совершенной тайны для организации вышнего бла-

гочиния, чтобы „люди, уважения достойные", могли поступать в шпионы с уверенностью в безопасности их „добрых имен". Как бы полемизируя с „Русской Правдой", Бенкендорф в своем докладе решительно заявляет, что „тайная полиция почти немыслима: честные люди боятся ее, а бездельники легко осваиваются с нею".

Бенкендорф предпочитает полицию явную: „всякий порядочный человек,— говорит он,— сознает необходимость бдительной полиции, охраняющей спокойствие общества и предупреждающей безпорядки и преступления; но всякій опасается полиции, опирающейся на доносы и интриги: первая внушает честным людям безопасность, вторая же пугает их и удаляет от престола". Явная полиция предпочительнее, далее, в силу того, что люди „честные и способные часто брезгают ролью тайных шпионов". И наконец, как бы делая уступку в пользу пособников полиции, требующих тайны для безопасности их „добрых имен", Бенкендорф утешает, что „злодеи, интриганы и люди недалекие, раскаявшись в своих ошибках или стараясь искупить свою вину доносом, будут по крайней мере знать, куда им обратиться". Но,— предостерегает Бенкендорф,—„нужно помнить, что тайные агенты нередко служат шпионами за и против правительства" [1]).

Общее впечатление от сравнения проекта „Русской Правды" и доклада Бенкендорфа можно резюмировать вкратце в том смысле, что в лице декабристов мы имеем дело с людьми, признающими тайную полицию в принципе и делающими из этого признания логические выводы; а Бенкендорф — человек полицейской практики, которому видна оборотная сторона медали и который готов пользоваться услугами „злодеев, интриганов и людей недалеких" , или, по выражению князя Васильчикова, услугами „этих мерзавцев", зная им цену.

Учреждение корпуса жандармов и III отделения не было личным делом Николая I или какой-либо реакционной группы; оно отвечало требованию дворянского общества в целом и явилось прямым результатом „общественных движений в царствование Александра I-го", удовлетворением общественных требований своей эпохи. На этом требовании дворянские реакционеры сходились с дворянскими революционерами. В потребностях тех и других оказалось нечто общее. Это общее заключалось в охране имущих классов от посягательств со стороны демократических слоев населения.

М. ОЛЬМИНСКИЙ

[1]) Доклад Бенкендорфа написан по-французски; наши цитаты взяты из русского перевода по книге Лемке „Ник. жанд. и литература 1826 — 1855 гг.". Нужно заметить, что введенныя по докладу Бенкендорфа учреждения одновременно отвечали как его указаниям, так и проекту „Русской Правды": с одной стороны — публичный корпус жандармов, а с другой — III отделение, орган „высшей секретной полиции, которая в лице тайных агентов должна помогать и способствовать действиям жандармов".

АГРАРНАЯ РЕФОРМА [1])

Первые предположения декабристов относительно уничтожения крепостного права отличаются большею неопределенностью. Несмотря на то, что при основании Союза Спасения, в 1816—17 гг. первоначально, хотя и недолгое время, освобождение крестьян, как видно из показания Пестеля, было единственною целью общества,— чувствовалось отсутствие понимания, как осуществить эту реформу. Всего яснее видно это из записок Якушкина, который заявил в том же 1816 г. своему дяде, управлявшему его небольшим имением в Смоленской губернии, что желает освободить крестьян, но признается, что „в это время не очень понимал, ни как это можно устроить, ни того, что из этого выйдет, однако, имея полное убеждение, что крепостное состояние — мерзость, был проникнут чувством прямой обязанности освободить людей", от него „зависящих". Слова Якушкина, что дядя взглянул на него просто как на сумасшедшего, показывают, какое первостепенное значение имела даже одна пропаганда идеи необходимости освобождения крестьян— внедрения в сознание общества, что крепостное право — мерзость [2]). Отсюда и указание декабристов на выгодность для помещиков добровольного освобождения ими крестьян [3]), что было скорее тактическим приемом распространения идеи эмансипации, чем выражением сословных стремлений декабристов,— отсюда и кажущееся столь наивным настаивание некоторых из них на необходимости „разговоров" об освобождении крестьян, т. - е. пропаганды этой идеи, отсюда и мысль членов Союза Спасения, в неосуществимости которой они скоро убедились, „пригласить большую часть дворянства" подать просьбу о том государю. Было уже указано (стр. 422), что прямое требование освобождения крестьян не решились даже внести в первую часть устава Союза Благоденствия, вероятно, из боязни оттолкнуть от общества значительную часть дворян и возбудить гонение со стороны правительства. Нужно помнить, что проповедь эмансипации крестьян считалась тогда вещью преступною, и В. Раевскому, первому члену общества, попавшему под военный суд, ставились во время следствия в вину даже рукописные вылазки в стихах и прозе против крепостного права. Во время верховного уголовного суда над декабристами некоторые судьи говорили, что желать уничтожения

[1]) В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. Спб. 1909 г., стр 601 — 630.

[2]) „Члены Общества" (Союза Спасения), говорит кн. Трубецкой в своих записках (стр. 14), „были молодые люди, не имевшие еще собственных поместий; они не могли дать примера согражданам освобождением собственных крестьян, и потому им предстоял один только способ действия — убеждение словом". Однако, и в это время, и позднее некоторые декабристы были владельцами населенных имений.

[3]) Ср. Записки Трубецкого, изд. 1907 г., стр. 14.

рабства значит желать изменения государственного порядка; другие, впрочем, с этим не соглашались [1]). Но, ставя своею задачею достижение конституционного строя, члены Союза Благоденствия точно также стремились и к уничтожению крепостного права. Кн. Волконский, вступивший в этот Союз в 1819—20 г., говорит в своем показании, что „главная цель общества — принятие мер к прекращению рабства крестьян в России, произведенное без всякого потрясения и с соблюдением обоюдных выгод помещиков и крестьян". Басаргин утверждает, будто бы член Союза Благоденствия должен был „дать согласие на уничтожение подданства крестьян". С. М. Семенов говорит об уничтожени крепостного состояния, как об одной из задач Союза Благоденствия.

Одним из примеров того, какие взгляды на крестьянский вопрос высказывали члены тайного общества в первое время его существования, может служить записка, составленная в Москве 4-го апреля [2]) 1818 г. членом Союза Спасения, а до 1819 г. включительно и Союза Благоденствия, Александром Ник. Муравьевым, в виде возражения на записки В. Н. Каразина по поводу освобождения крестьян в Эстляндии и калужского губернского предводителя дворянства кн. Н. Г. Вяземского [3]), (в ответ на речь к дворянам малороссийского губернатора кн. Н. Г. Репнина). В записке А. Н. Муравьева мы находим только общий протест против крепостного права, без указания каких-либо практических мер к его уничтожению. В ответ на выражение признательности „российского дворянина-старца щедротам царей" дворянству, А. Н. Муравьев говорит: „Чем же жаловали дворян? „Поместьями, дающими им законное право"... Законное право (!!!) пользоваться — чем же? землями и трудами своих крестьян и располагать их участью. Ежели это право законное, что же безаконное?" [4])

[1]) „Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу", Лейпц. 1872 г., стр. 17.

[2]) В копии, хранящейся в Архиве бр. Тургеневых (№ 1173, д. 4) она помечена 13 мая 1818 г.

[3]) См. „Сборник историч. матер., извлечен. из Арх. собств. е. вел. канц.", вып. VII, 1905 г.

[4]) Или вот характеристика, якобы „патриахальной" власти помещика: „Хорош тот патриарх, который продает, покупает, торгует себе подобными, меняет людей на собак, на лошадей, закладывает и уплачивает ими свои долги, вопреки воле их употребляет на свои удовольствия, прихоти, расторгает браки и часто, весьма часто, удовлетворяет ими гнуснейшие свои страсти. Довольно! Упаси боже от таковых партиархов. В Африке и Америке начинают уже чувствовать сие беззаконие и стараются прикратить оное, а мы, россияне, христиане, имеем в недрах отечества нашего защитников сей постыдной, сей богопротивной власти". А вот указание на полезность крестьянской реформы: „Вы называете химерическими постановлениями те, кои в пользу 35 миллионов делаются: те, кои обезпечать их собственность, их благосостояние, их бытие, те, кои умножат просвещение, образование нравов, увеличат промышленность, усовершенствуют хлебопашество, образуют внутреннюю торговлю, умножат богатства, увеличат народонаселение, те, наконец, кои (выше всего) согласны с правилами веры христианской".

В общем выводе автор не дает точных практических указаний: „Я желаю, говорит он, чтобы отношения владеющих и подвластных совершенно были определены справедливым, непременным постоянным законоположением, основанным на законе божием, следовательно, на сущей правде законоположением, которым Россия возводилась бы на степень величия и благоденствия, к коей она самим творцом предназначена“ [1]). Прочитав записку А. Н. Муравьева, Александр I сказал: „Дурак! не в свое дело вмешался!“[2]) Н. И. Тургенев в записке 1819 — 20 тг., написанной им желанию Милорадовича и представленной последним государю, не возражал против безземельного освобождения крестьян в Остзейском крае.

Желание Лунина освободить своих крестьян без земли в 1819 г. посредством духовного завещания не соответствовало существующим законам, не разрешавшим (к счастью для крепостных) освобождение крестьян целыми имениями без земли, и потому не могло быть осуществлено [3]).

Безземельное освобождение предлагал и Н. М. Муравьев в первой редакции своего проекта конституции. Он начал писать его в 1821 г. в Минске. Возможно было влияние в это время на Муравьева и местного польского дворянства, так как в северо-западной России, по примеру Остзейского края, уже за два-три года перед тем стали обнаруживаться стремления к безземельному освобождению. Так дворянство Динабургского уезда изъявило намерение даровать личную свободу крестьянам и в феврале 1819 г. последовал рескрипт об учреждении, по выбору дворян, комиссии для составления положения, подобного изданному в Прибалтийском крае, и внесения его затем с согласия уездного дворянского собрания, на утверждение государя. На собрании дворян Виленской губ. в 1818 г. также обсуждался вопрос об освождении крестьян. Н. Муравьев в первой редакции своего проекта конституции говорит: „Земли помещиков остаются за ними“, мало того, если крестьяне захотят оставить свое селение и переселиться в другое место, то они должны вознаградить помещика за перерыв в получении доходов с возделываемой ими земли что должно было быть определено особым законом. Но мы видели, что проект конституции Н. Муравьева, даже и во второй, более обработанной, редакции не был одобрен Тайным Обществом и постоянно вызывал замечания читавших его. Так и это правило не осталось без протеста. Автор замечания не только отметил, что „при срочных свободных условиях“ такое постановление не нужно, но и высказал мнение, что переходы крестьян разорительны как для них, так и для помещиков, и что „на первый

[1]) Записка эта напечатана без имени автора в „Чтениях общества истории и древ. рос“. 1859 г., т. III, 43 — 50.

[2]) Записки Трубецкого, стр. 17—18.

[3]) См. мою статью в сборнике „Крестьянский Строй“, т. I, 215—217.

случай должно освобождение так устроить", чтобы таких переселений не было. Тут уже, следовательно, является мысль о необходимости переходного периода, как это было и в остзейских крестьянских положениях. И в проекте динабургских дворян, по примеру лифляндского положения, был назначен 13-тилетний срок его полного осуществления [1]). Таким образом, предположения Н. Муравьева по крестьянскому вопросу подвергались обсуждению и развивались в прогрессивном направлении. В виду того, что конституция Н. Муравьева не была еще одобрена Северным Тайным Обществом, никак нельзя приписывать взгляды Н. Муравьева всему этому обществу.

Непосредственные наблюдения в Западной России с ее крестьянским строем, основанном на подворном землевладении, могли повлиять и на отношение Н. Муравьева к общинному землевладению [2]), что может, впрочем, об'ясняться и отрицательным отношением к нему некоторых русских хозяев с исключительно агрономической точки зрения. В первой редакции Муравьев предлагает, чтобы земли, населенные удельными и „экономическими" крестьянами были признаны их „собственностью" и предоставлены им „в общественное владение", но последующие законы „могут определить", каким образом они „поступят из общественного в частное владение каждого из поселян, и на каких правилах будет основан сей раздел общественной земли между ними". Уже и тут сказывается желание обратить общинное владение в подворное, но все же один из читателей первой редакции конституции Н. Муравьева был неудовлетворен этим предложением и сделал замечание, что общая собственность—верный способ для стоячого положения земледелия", которое при общинном землевладении будто бы никогда не может совершенствоваться. Замечание, это было принято во внимание, и во второй редакции конституции вместо выражения: „могут определить", сказано—определят, следовательно, здесь Муравьев решительно отдает предпочтение подворному землевладению [3]).

---

[1]) По поводу аналогичного правила относительно арендных крестья в первой редакции конституции Н. Муравьева было сделано замечание, что крестьяне будут „не в состоянии дать вознаграждение"; замечание это не осталось без результата: требование вознаграждения (в случае перехода крестьянина) землевладельцу или арендатору было во второй редакции конституции исключено.

[2]) Любопытно, что когда русская гвардия находилась в 1821—22 гг. в Западной России, то несколько гвардейских офицеров в Витебске участвовали в польском Патриотическом Обществе. Богданович, т. VI, 175.

[3]) На полях второй редакции конституции Муравьева тою же рукою, которою написан текст, т.-е. рукою Рылеева, чернилами прибавлено: „Земли, на коих поселены экономические, удельные и государственные крестьяне [остаются общественными (biens nationaux) и в ведении казначейского приказа (ныне министерство финансов)" (карандашем прибавлено: и уделов), „кроме дворов их, огородов, скота земледельческих орудий, которые признаются их собственностью"]. Следовательно, автор замечания, вероятно, Рылеев, стоял за сохра-

Второю ступенью в развитии взглядов декабристов на крестьянский вопрос было предположение Якушкина освободить их с предоставлением им безвозмездно усадеб с усадебною землею и общим выгоном. Очень важно и то, что в своей записке Якушкин высказался в пользу общинного землевладения [1]), так как при нем „все частныя действия направлены духом общественности" и „не может быть нищих", и потому советует дозволить крестьянам покупать землю целым обществом. Впрочем, в заявлении в министерство внутренних дел Якушкин предполагал выразить готовность принять всякие постановления, основанные на взаимной пользе крестьян и помещика и не лишающия последнего его собственности, состоящей в земле [2]). Но наш закон не допускал освобождения крестьян без земли целыми селениями, и предположение Якушкина осуществлено не было, тем более, что и крестьяне не пожелали принять его предложение.

Тургенев с большим сочувствием отнесся к плану Якушкина относительно освобождения крестьян с усадьбами и усудебною землею, и когда в 1820 г. принял участие в попытке князя П. А. Вяземского, М. С. Воронцова, кн. А. С. Меншикова, гр. С. С. Потоцкого и некоторых других помещиков основать общество с целью постепенного освобождения их крепостных, то в основу предположенного этими лицами плана была положена мысль Якушкина об освобождении крестьян с усадебною землею (о даровании общего выгона не упоминалось) на условиях на долгое „время, даже наследственной аредны" (Erbpacht) с „правом перехода" крестьян [3]).

Быть может, при посредстве Н. Тургенева, мысль Якушкина повлияла и на Никиту Муравьева, и во второй редакции его конституции, вместо предложения совершенно безземельного освобождения крестьян, мы находим следующее постановление: „земли помещиков остаются за ними", а дома крестьян с огородами, земледельческими орудиями и принадлежащим крестьянам скотом признаются их собственностью. Но и такое постановление не удовлетворило некоторых членов Северного Общества, и на копии второй редакции конституции Н. Муравьева, написанной рукою Рылеева, сделано рукою И. И. Пущина замечание: „ежели огород, то земля".

нение государственной собственности на земли казенных крестьян и, так сказать, за национализацию удельных земель, кроме усадебных. Однако, часть этого, замечания, заключенная нами в прямые скобки, зачеркнута карандашем; это вероятно, означает, что предложение принято не было.

[1]) Он называет его так же, как и Муравьев, „общественным владением".

[2]) „Русский Архив" 1865 г., стр. 1373 — 1379. Дело о предположениях Якушкина в архиве министерства внутренних дел попало в 1907 г. в число предназначенных к уничтожению; к счастью, еще есть некоторая надежда его отыскать и спасти.

[3]) Подробнее об этих предположениях я говорю, на основании неизданного материала, в моей статье: „Н. И. Тургенев о крестьянском вопросе в царствование Александра I". „Вестн. Евр.", 1909 г. № 2, стр. 556, 558, 563.

Третий из числа предложенных в царствование имп. Александра I способов изменения быта крепостных крестьян, а затем и совершенного их освобождения состоял в обращении их в прикрепленных к земле с определением размера повинностей и с предоставлением им, по истечении известного времени, права перехода. Предложений этого рода было сделано немало в первой четверти XIX века, хотя некоторые из них могли остаться и неизвестными декабристам. К этому типу относятся предложения, сделанныя Сперанским, как в его первом политическом трактате, так и в знаменитом „Введении к уложению государственных законов" 1809 г. Я упоминал уже о свидетельстве Завалишина, что некоторые декабристы „ссылались, в подкрепление своих замыслов", на попытки Сперанского. Было указано также на то, что в архиве братьев Тургеневых сохранилось не только копия плана государственных преобразований Сперанского 1809 года, но и его трактат 1802 г. с собственноручными поправками Сперанского [1]).

Таким образом, Н. И. Тургеневу были известны предложения Сперанского относительно крепостных крестьян, а от него могли увнать их и некоторые его товарищи-декабристы. В трактате 1802 г. Сперанский предложил разделить уничтожение крепостного права на две эпохи: в первой определением повинностей крестьян в пользу помещика и учреждением „некоторой расправы" для разбора дел между ними крестьяне „из личной крепости помещика перейдут в крепость земле и будут только приписанными"; во вторую же эпоху, „к о т о р а я н е м о ж е т б ы т ь б л и з к а" и должна быть подготовлена частными распоряжениями, „возвратится крестьянам древнее их право свободного перехода от одного помещика к другому и тем самым совершится уже и конечное их искупление" [2]). Во „Введении" 1809 г. Сперанский также высказывается за постепенность уничтожения „гражданского рабства" и за принятие для этого „действительных мер", которые он и указывает [3]). Здесь Сперанский решительно порицает освобождение крестьян без наделения землею. Указав на то, что в Англии и Соединенных Штатах Северной Америки „земли обрабатываются большею частью наймом, и крестьяне не имеют

[1]) Магницкий в своем доносе 1831 г. говорит: „Все... бумаги, опечатанныя при высылке Сперанского из Петербурга в 1812 г. под предлогом принадлежности их к предмету комиссии законов, каким-то образом добыты Александром Тургеневым, который мне сам сие сказывал, и поступили уже не знаю куда". „Русская Старина", 1899 г., № 1, стр. 83; бумаги Сперанского в делах II отд. соб. е. вел. канц. в Арх. Гос. Сов., связка № 828. Сравн. выше, стр. 262.

[2]) См. мою статью „Первый политический трактат Сперанского". „Рус. Бог." 1907 г. № 1, стр. 80 — 81.

[3]) Лишение помещиков права наказывать крепостных без суда и отдавать в военную службу не по очереди; предоставление крепостным права располагать своею собственностью и исполнять работы и вносить платежи по закону или условию, а не по произволу другого.

твердой оседлости", Сперанский говорит: „Участь крестьянина, отправляющего повинности по закону и имеющего в возмездие свой участок земли, несравненно выгоднее, нежели положение бобылей, каковы суть все (?) рабочие люди в Англии, во Франции и в Соединенных Штатах". Это общее соображение Сперанского и указанныя им частныя меры отчасти навеяны: 1) разрешением всем свободным состояниям приобретать землю в собственность, 2) законом о свободным хлебопашцах и 3) лифлядским Положением о крестьянах 1804 г., на которое он смотрит, как на пример и опыт определения повинностей крестьян. Всем этим законам он придавал очень большое значение и называл их „государственными" [1]). Если эти предположения Сперанскго относительно постепенного освобождения крепостных крестьян могли быть известны очень немногим декабристам, то лифляндское Положение 1804 г. было доступно всем, но оно не оказало влияния на развитие их идей по крестьянскому вопросу, потому что в то время, когда начала развиваться деятельность Тайного Общества, это положение уже было заменено в 1819 году безземельным освобождением крестьян (с некоторым переходным периодом). В духе обращения крепостного права в прикрепление к земле с сохранением за крестьянами владения землею высказывался и Каразин, взгляды которого были известны Тургеневу, А. Н. Муравьеву и быть может некоторым другим членам Тайного Общества [2]). Каразин энергично протестовал против безземельного освобождения крестьян в Эстляндии и даже утверждал, что „земля есть собственность народа наравне с помещиками", что „помещики были были всегда только распорядителями земли" [3]). Но личныя несимпатичныя качества Каразина, доходившего до прямых доносов министру внутренных дел Кочубею на некоторых декабристов и писателей, отталкивали от него, и потому немудрено, что устроители предполагаемого в 1820 г. общества с целью освобождения крестьян поспешили отделаться от Каразина, одновременно хлопотавшого об устройстве „Об-

[1]) „Историческое Обозрение", т. X, 14—15, 29—32.

[2]) Многие из них могли встречаться с Каразиным в „Вольном Обществе Любителей Российской Словесности" См. статью Н. К. Кульмана „Из истории общественного движения в России в царствование имп. Александра I". „Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук" 1908 г. т. XIII, кн. I, стр. 140 (есть и отдельный оттиск).

[3]) Что „Мнение одного украинского помещика, выраженное после беседы с своими собратиями о указе 23 мая 1816 г. и об эстляндских постановлениях" принадлежит Каразину, прежде всего видно из его содержания и слога, но есть и прямое свидетельство декабриста С. П. Трубецкого. См. его Записки, изд. 1907 г., стр 17, ср. „Чтен. Общ. ист. и древн. рос.", 1860 г. т. II. 223 или „Сборн. истор. матер., извлеч. из арх. соб. е. вел. канц." VII, 148. Анахронизм относительно возраста автора, встречающийся в записке, допущен очевидно умышленно для прикрытия авторства Каразина, однако свидетельство Трубецкого показывает, что некоторые поняли, или знали, кем написана эта записка.

щества добрых помещиков", или „Друзей отчизны", для „улучшения участи по елян", первою задачею которого должно было быть „составление опыта устава для помещичьих имений". Помимо невозможности для декабристов иметь дело с Каразиным, от которого они могли бы кое-чему научиться в крестьянском вопросе, они расходились с ним и в основном принципе, так как они не желали довольствоваться обращением крепостного права в прикрепление к земле, а стремились к совершенному освобождению крестьян. Поэтому указанный третий способ изменения быта крестьян, т.-е. путем ряда многих подготовительных мер с передачею земли в неотъемлемое пользование крестьян (под условием исполнения ими повинностей, размер которых должен был быть определен законом) и не нашел выражения в предположениях декабристов по крестьянскому вопросу [1]).

Постепенно декабристы не могли не придти к мысли о необходимости земельного надела для крестьян. Укажем на некоторыя влияния, которые должны были содействовать развитию их миросозерцания в этом направлении. Некоторые из членов Тайного Общества, как, например, Штейнгель и Петр Бестужев показали во время следствия, что они читали сочинение Радищева „Путешествие из Петербурга в Москву". Из дневника Н. И. Тургенева 1807 г. видно, что он в то время уже прочел эту книгу. Они нашли в сочинении Радищева знаменитыя слова: „Крестьяне удел в земле, ими обрабатываемый, должны иметь собственностью, ибо платят сами подушную подать". Книга Радищева была редка вследствие конфискации ее правительством, но, кроме печатных экземпляров, существовали и рукописные. Зато всем доступны были другие сочинения Радищева, собрание которых вышло в Москве в 1811 г. в 6 частях. Приведенная мысль „Путешествия" повторена здесь в „Описании моего владения", хотя и в смягченном и неполном виде, очевидно, по цензурным причинам: „Кажется, поелику селянин платит подать, то он для удовлетворения тому должен иметь собственность" (ч. IV, 147). Приятель Радищева, Пнин, в своем „Опыте о просвещении относительно к Росии" утверждал, что важнейший предмет законодательства должен состоять в том, чтобы „предписать законы, могущие определить собственность земледельческого состояния" и сделать ее „неприкосновенностью" (эта книга была не дозволена ко второму изданию, и оставшиеся экземпляры первого были отобраны из книжных лавок). Академик Шторх, в своем курсе политической экономии 1815 г., в ряду других способов освобождения крестьян, допускал и освобождение их со всею землею или частью ее на различных условиях.

[1]) Впрочем, член Общества Соединенных Славян Спиридов в своем показании советовал: „не давая вольности крестьянам, сделать их вольными, т.-е. чтобы они производили сельские работы на условиях с помещиками".

Наряду с литературными влияниями мысль о необходимости освобождения крестьян с землею вызывалась и некоторыми русскими и иностранными узаконениями о крестьянах. Закон 1803 г. о свободных хлебопашцах допускал освобождение крестьян целыми селениями по добровольным соглашениям не иначе, как с землею, за денежный выкуп или исполнение в течение известного времени определенных повинностей. Требование этого закона относительно введения при освобождении крестьян подворного владения обыкновенно не исполнялось [1]).

Декабристам, совершавшим походы в Пруссию и хорошо знавшим устав прусского Союза Добродетели, не могло остаться неизвестным, что там эдиктом 9 окт. 1807 г. было установлено постепенное (до 1810 г. включительно) уничтожение наследственной зависимости крестьян, а по закону о регулировании 14 сентября 1811 г. крестьяне могли получать в собственность, находившиеся в их наследственном владении, земли уступкою помещику 1/3 надела, а находившиеся в ненаследственном владении — половины земли. Для добровольного соглашения был установлен двухлетний срок, а если обе стороны не воспользуются своим правом в течение этого срока, то раздел между ними должен был совершиться при посредстве правительственных учреждений, по просьбе одной из сторон, если же ее не последует, то должно вмешаться правительство и произвести раздел земли своею властью [2]). Мы видели из замечания И. И. Пущина на вторую редакцию проекта конституции Н. Муравьева, что его не удовлетворило предположение освободить крестьян с одними усадьбами; вероятно, таково же было мнение и других членов союза для освобождения крепостных, к которому он принадлежал [3]). Пример Пруссии, где за крестьянами была сохранена значительная часть земли при их освобождении, мог также влиять на Н. Муравьева, и вот в письменном пересказе им конституции по памяти во время следствия мы находим такое постановление: „Крепостное состояние отменяется. Помещичьи крестьяне получают в свою собственность дворы, в которых они живут, скот и земледельческие орудия, в оных находящиеся, и по две десятины земли на каждый двор для оседлости их. Земли же они обрабатывают по договорам обоюдным, которые они заклю-

[1]) Нужно заметить, что 17 помещиков (из 161) отпустили своих крестьян в свободные хлебопашцы без всякой платы. Впрочем, если исключить освобождение 7000 душ в Виленской губ., не вполне соответствовавшее условиям закона, то во всех остальных случаях были освобождены без платы только 415 душ м. п.

[2]) Декларация 29 мая 1816 г. внесла значительное ограничение в закон 1811 г., определив, что подлежат регулированию только крестьяне, владеющие полною упряжкою и удовлетворяющие еще некоторым другим условиям. Knapp, Bauern-Befreiung, I. 136, 166, 169, 184 — 189.

[3]) См. мою статью в сборнике „Крестьянский Строй", стр. 224 — 226.

чают с владельцами оных. Они получают право приобретать землю в потомственное владение". Две десятины на двор крестьяне, очевидно, должны были получить безплатно. Если они желали обрабатывать в свою пользу большее количество земли, то должны были арендовать ее у помещиков по свободным договорам или приобретать в „потомственное владение". Если сопоставить это выражение с тем, что в планах предполагаемого общества помещиков 1820 г., в котором участвовали братья Тургеневы, упоминалось о наследственной аренде, то нужно думать, что тут дело шло об аренде за определенные раз навсегда платежи и повинности в пользу землевладельца. Безплатное наделение крестьян двумя десятинами земли „для оседлости их" было, конечно, крайне неудовлетворительным решением вопроса. Даже Аракчеев в своем проекте освобождения помещичьих крестьян, составленном в 1818 г. по приказанию государя, предлагал ежегодно отпускать из казны 5 мил. руб. для покупки помещичьих имений со всею землею по добровольному соглашению или на основании особых правил, если бы с крестьянами продавалась лишь часть земли. По проекту Аракчеева всякий помещик мог потребовать покупки у него крестьян с наделом по две десятины на р е в и з с к у ю д у ш у (т.-е. значительно более того, что Муравьев предлагал даровать им в собственность) с правом оставить за собою остальную землю. Конечно, между обоими проектами существенная разница в том, что Н. Муравьев проектировал обязательное прекращение крепостного права во всей России, а Аракчеев — ежегодное приобретение в казну небольшого количества крестьян, но даже и минимальный размер надела, даваемого крестьянам в собственность, по проекту Аракчеева, все же более, чем по проекту Муравьева. Относительно приобретения земли в „потомственное владение" Муравьев не предложил никаких правил, очевидно предоставив это добровольным соглашениям [1]).

Вопрос о наделении крестьян землею очень занимал Н. И. Тургенева, как видно из его дневников. Еще в 1816 г. он спрашивает в своем дневнике: „почему земля более принадлежит помещику, нежели крестьянам?" В том же году, вероятно, под влиянием прусского законодательства, у него является мысль об отдаче крестьянину половины помещичьей земли, причем, считаясь с интересами помещиков, имеющих мало крестьян и много земли, он предполагал определить максимум участка крестьянина. В том же году он задумывается над предоставлением крестьянам „в вечное владение" участков земли с запрещением отчуждать их или образовать из них

[1]) Есть известие, что план Аракчеева был уже одобрен государем и не был приведен в исполнение лишь вследствие революции в государствах Южной Европы и волнения Семеновского полка. „Девятнадцатый век", изд. Бартенева. М. 1872 г. II, 146 — 149.

майораты, а затем дать им право и возможность покупать новые земли. В марте 1819 г. он мечтает о том, чтобы „хоть через год" освободить своих крестьян, „оставя за ними землю", и утверждает, что владельцы имения при этом ничего не потеряли бы (очевидно, крестьяне должны были бы платить за землю известную арендную плату), но видит препятствие к осуществлению этих планов в несочувствии им его матери. В 1820 г. Тургенев колеблется между регламентированием повинностей за пользование землею и определением размера их свободным договором. Наконец, в том же году он выражает желание, чтобы крестьянам дана было в собственность часть земли „по соразмерности", определив при том minimum и maximum ее количества. В письме из Лондона в 1827 г. Н. Тургенев писал брату А. И-чу, что „более полезным для государства средством" было бы предоставление крестьянам не только свободы, но и „куска земли". Он советует искать „лучших и самых действительных средств... не в России, не в том, что там предполагаемо было, но в других землях, и именно в Пруссии. Я сам, даже и быв в России, всегда думал, что лучшее и полезнейшее для государства было бы разделить землю, теперь помещиками владеемую, впрочем, не поровну между господами и крестьянами" (намек на планы Пестеля), „сделав их независимыми один от другого". Указав на то, что не предлагал этого, чтобы не испугать помещиков, Тургенев продолжает: „В Пруссии это сделано, и сие истинно государственное благодеяние увенчалось успехом... Для нас это было бы слишком хорошо. Не надобно искать совершенство, где и менее совершенное было бы так благодетельно" [1]).

Таким образом, Тургенев в конце концов пасовал пред практическими затруднениями и даже через четверть века в своей книге „La Russie et les Russes" еще утверждал, что личное, безземельное освобождение наиболее возможно и осуществимо (хотя в это время уже вполне выяснился весь вред освобождения по остзейскому образцу) и лишь в последнем, третьем томе своего труда высказался за освобождение с землею, причем, однако, в виде наибольшего надела предлагал дать крестьянам одну десятину на душу или три десятины на тягло. Нужно, впрочем, заметить, что мнения Н. Тургенева по вопросу об освобождении крестьян в его книге, изданной в 1847 г., вызвали негодование его бывшего товарища по Северному Обществу Н. А. Бестужева, и это еще более заставляет думать, что и предположение Н. Муравьева по тому же предмету, даже в окончательном виде, не пользовалось общим сочувствием декабристов.

Опыт Якушкина показал, что освобождения с одними усадебными землями крестьяне не принимали; те из декабристов,

[1]) Н. Тургенев. „Чего желать для России?" Лейпц. 1868 г., стр. 208 — 209.

которые приходили в соприкосновение с крестьянами, должны были понимать, что их не удовлетворят и 2 десятины на двор, а между тем провести безвозмездное принудительное отчуждение помещичьих земель в большем размере, вероятно, казалось членам Северного Общества невозможным; оставался, по мнению некоторых из них, один исход — выкуп земель, и это ранее всех других членов Северного Общество понял Якушкин, живший в своем имении и задумывавшийся над способами освобождения своих крестьян, а в Южном Обществе — Пестель.

Меры, принятые в Западной Европе относительно выкупа помещичьих земель, вероятно, до некоторой степени были известны декабристам. Во время французской революции первоначально феодальные повинности были разделены на подлежащие выкупу и отменяемые безвозмездно, но в конце концов декретом конвента 17 июля 1793 г. были уничтожены без вознаграждения и те повинности, которые должны были выкупаться по закону 25 августа 1792 года, кроме чисто земельных, а не феодальных рент, хотя различить их на практике было невозможно [1]).

В Германии, еще в конце 1807 г., появилась брошюра, предлагающая выкуп крестьянами земли, учреждение кредитной кассы и отпуск крестьянам в кредит $^2/_3$ выкупной суммы, которые он может погасить, внося в течение 28 лет по 6%, считая в том числе и % погашения [2]). В Баварии эдиктом 28 июля 1808 г. все земельныя ренты деньгами и продуктами были об'явлены подлежащими выкупу, но не иначе, как по добровольному соглашению обеих сторон, а конституциею 1 мая того же года уничтожено крепостное право там, где оно еще существовало в Баварии [3]). В баварской конституции 26 мая 1818 г., переведенной в том же году на русский язык, было сказано: „Во всем пространстве Баварского королевства не может существовать крепостного подданства. Все прежде бывшие крепостных людей повинности или барщина должны быть точно и подробно определены; но и от сих можно откупиться". В Баденской конституции 22 августа 1818 г., также переведенной на русский язык, было об'явлено, что особым законом будет установлен размер выкупа барщины и всех вообще повинностей „уничтоженного крепостного подданства" (aus der aufgehobenen Leibeigenschaft herrürenden Abgaben). Законом 5 октября 1820 г. в велик. герц. Баденском личные крепостные платежи были окончательно уничтожены с выдачею полного

[1]) Н. И. Кареев. „Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века" М. 1879 г., гл. 8.

[2]) Knapp. Die Bauern-Befreiung I. 158 — 161.

[3]) Seb Hausmann. Die Grund-Entlastung in Bayern. Strassb. 1892, S. 98, 114; „Освобождение крестьян на Западе и история поземельных отношений в Германии. Статьи из Haudwürterbuch der Staatswissenschaften". Пер. под ред. Н. В. Водовозова и С. Н. Булгакова. Изд. М. И. Водовозовой. М. 1897 г., стр. 216.

вознаграждения из государственного казначейства и регулирован был выкуп поземельных повинностей: платежей произведениями земли, наследственных чиншей (деньгами и натурою) и лаудемий[1]); выкупа могла требовать как та, так и другая из заинтересованных сторон, причем выкупной капитал равнялся годичной ценности повинности, помноженной на 9—18; иногда допускалось и обращение выкупного капитала в 5% денежную ренту[2]). В 1821 г. (7 июня) был издан в Пруссии закон о выкупе как принудительной службы, так и других повинностей имеющими полную упряжку крестьянами. Выкуп принудительной службы обязателен по требованию каждой из сторон, причем обязанная сторона, взамен службы, дает вознаграждение, по своему усмотрению, землею или рентою; рента может быть заменена единовременным взносом, превышающим ее в 25 раз. Удовлетворение рентою и выкуп ее в такой же пропорции применяется и к выкупу других повинностей[3]).

Якушкину, вероятно, был известен русский перевод баденской и баварской конституций в „Духе Журналов", где он мог найти упоминание и о выкупе повинностей крестьян. Идею эту он мог позаимствовать и у некоторых землевладельцев Западной России. Так, русский сенатор, помещик Волынской губернии, гр. Стройновский, в акте 1812 г., которым он давал своим крестьянам личную свободу с предоставлением им земли за барщинную повинности (однако, без права перехода) могли выкупить свои повинности по истечении первого, второго и третьего тридцатилетия, даже и без согласия помещика (в остальное же время лишь с его согласия), помножая годовую стоимость повинности на 24[4]). Но, конечно, мысль о выкупе могла придти в голову Якушкину и самостоятельно или под влиянием Пестеля, который в Тульчине в 1820 г. читал ему отрывок об устройстве волостей из своего плана государственного преобразования[5]). Как бы то ни было, живя в своем

[1]) Лаудемиями назывались сборы, взимаемые при переходе имения в руки нового землевладельца, при вступлении каждого нового хозяина во владение участком, при переходе участка по наследству в боковую линию, при женитьбе хозяина, при сдаче или продаже его надела. Сочинения Самарина II, 360. Лаудемии в Баварии достигали иногда разорительных для крестьян размеров. Gausmann. 69.

[2]) „Освобождение крестьян на Западе", стр. 225; русский перевод баварской и баденской конституций 1818 г., см. „Дух Журналов" 1818 г., т. XXXI, 543, 633.

[3]) Knapp. I. 200—204. В Познани, возвращенной Пруссии в 1815 г., прусское правительство запретило помещикам в 1819 г. изгнание крестьян по своему усмотрению, т.-е. была об'явлена безусловная охрана крестьянства до регулирования Закон 8 апреля 1823 г. о регулировании в Познани был в некоторых отношениях более благоприятен для крестьян, сравнительно с соответственными узаконениями относительно старых провинций Пруссии. Этим же законом в Познани было введено и положение о выкупе 1821 г. Knapp. I. 206—208.

[4]) Арх. мин. внутр. дел. Дело о свободных хлебопашцах № 136.

[5]) „Записки Якушкина", 43.

имении (Вязем. у. Смолен. губ.) в 1824 г. и старательно занимаясь сельским хозяйством, он обрабатывал уже часть своих полей наемными людьми и надеялся, что при улучшении положения его крестьян, они скоро окажутся в состоянии платить ему оброк, „часть котораго ежегодно учитывалась бы на покупку“ (т.-е. на выкуп) той земли, какою они пользовались, и что современем они, совершенно освободясь, будут иметь в собственность нужную им землю“. Оставалось только применить мысль о выкупе ко всем крепостным крестьянам; Якушкин это и сделал: 8 февраля 1825 г. он отправился в Москву, а 10 января 1826 года был арестован. Ожидая ареста, он нарочно положил на стол листок с вычислениями о выкупе крепостных крестьян правнтельством, надеясь, что его возьмут во время обыска, и что листок этот может обратить на себя внимание высших сфер. Он даже предложил арестовавшему его полицмейстеру взять эти вычисления, но тот сказал, что они „нисколько не нужны“. На первом же допросе Якушкин заявил, что „всего более занимался отысканием способа уничтожить крепостное состояние в России“, что этот „узел... должен быть развязан правительством, или в противном случае, насильственно разорванный, он может имет самыя пагубные последствия“, и что правительство „может выкупить крестьян у помещиков“ [1]). Любопытно, что Якушкин тогда еще ничего не знал о проекте констутуции Н. Муравьева (стр. 83). Рассказ Якушкина об его предположениях следует сопоставить со свидетельством Завалишина, что в совещаниях членов Северного Общества „большинство мнений склонялось к выкупу государством, что облегчалось тем, что большинство имений было заложено“ [2]). Если это показание справедливо, то отсюда следует, что эти члены Северного Общества сознали необходимость освобождения крестьян с землею. Во всяком случае мы имеем два предположения в Северном Обществе относительно освобождения крестьян с землею: 1) общее обязательное освобождение крестьян с двумя десятинами на двор без выкупа (Н. М. Муравьев) и 2) освобождение с землею за выкуп, уплаченный государством. Имея в виду, что Положение

[1]) „Записки Якушкина“, 1905 г., стр. 71, 79, 83. Что касается вычислений Якушкина относительно выкупа крестьян во всей России, то, имея в виду его дружественные отношения с М. А. Фонвизиным, возможно предположение, не отразились ли его взгляды на записке Фонвизина 1832 г. (по поводу закона об обязанных крестьянах), в которой он высказывал мысль, что можно совершенно покончить с крепостным правом посредством выкупа помещичьих имений в казну с согласия владельцев, затрачивая ежегодно, в течение 14 лет, по 30 миллионов руб. серебром наличными деньгами и, кроме того, выпуская в это время ежегодно на 30 миллионов облигаций и переводя на счет казны долги дворянских имений в сохранной казне воспитательного дома, в заемных банках и в губернских приказах общественного призрения. „Библиотека декабристов“. М. 1907 г. Вып. IV, 109—123; ср. мою книгу „Крестьянский вопрос“, II, 365—369.

[2]) „Русский Вестник“, 1884 г. № 2, стр. 844—845.

19 февраля 1861 г. устанавливало и освобождение без выкупа в размере 1/4 высшего надела, и необязательный выкуп с наделением землею в большем размере, но почти всегда в количестве меньшем, сравнительно с тем сколько до того находилось в пользовании крестьян; историк, желающий судить о декабристах не с современной точки зрения, а считаясь с условиями эпохи Александра I, едва ли имеет право клеймить членов Северного Общества укором, что они руководствовались в этом деле эгоистическими сословными интересами, как это делают гг Покровский и К. Левин, забывая о том, что декабристы писали не теоретический трактат, а обсуждали вопрос о том, что можно сделать немедленно. Многое и очень важное в этом деле оставалось еще невыясненным, но декабристы могли думать, что окончательное устранение всех затруднений будет возможно с завоеванием политической свободы, в чем их должен был поддерживать и опыт французской революции, во время которой, следует заметить, от первоначальных предположений о выкупе феодальных повинностей за землю постепенно пришли к отказу от требования выкупа.

В Южном Обществе господствовали мнения по крестьянскому вопросу Пестеля, и даже разделявшие взгляды на этот предмет Н. Муравьева (как, напр., В. Л. Давыдов) считали себя обязанными подчиняться тому, что было принято их обществом [1]). Но, подобно тому, как взгляды Н. Муравьева и Якушкина относительно способа освобождения крестьян постепенно прогрессировали, так и мнения Пестеля не остались без изменения. В первоначальном кратком наброске его конституции (на французском языке) он, по показанию Н. Муравьева, предполагал постановить, чтобы все помещичьи крестьяне при освобождении получали в общественное владение половину земель помещиков, однако с тем, чтобы они платили тот же оброк, как и прежде. Сопоставив это показание с особым наброском Пестеля о „дележе земель", который, очевидно, должен был послужить материалом при окончательной обработке „Русской Правды", мы можем думать, что и в первоначальном наброске дело шло не о половине обратываемых только земель, а о половине всех земель помещиков, не исключая и леса. Замечательна мысль о передаче земли в „общественное владение" [2]), следовательно, с сохранением

[1]) Напротив, в Петербурге к предложению Пестеля о разделении земель относились очень не сочувственно. Ср. письмо М. Муравьева-Апостола к брату Сергею Довнар-Запольский „Мемуары декабристов", 270. Известно отрицательное отношение к мнениям Пестеля по этому предмету Н. И. Тургенева. La Russie et les Russes I, 129—130. Матвей Муравьев-Апостол показал, что во время приезда Пестеля в Петербург в 1824 г. Тургенев не согласился на прибытие его „плана конституции... Он никак не хотел допустить разделения земли, говоря, что не мешая промышленности, земли неприметным образом сам асобою разделится".

[2]) Так называет Пестель в „Русской Правде" общирное владение; тот же термин, как мы видели, употребляли и Якушкин и Н. Муравьев.

общинного землевладения там, где оно существовало, и с введением его в районе подворного владения. Во всяком случае, дело шло о серьезном обеспечении крестьян земельным наделом, и, даже в этом первоначальном наброске, планы Пестеля едва ли не благоприятнее для крестьян окончательных предложений Н. Муравьева.

В „Государственном Завете" Пестеля (содержащем краткую программу его плана преобразований), сохранившемся в весьма неудовлетворительной копии, после изложения устройства волостей и разделения в них земель, сказано: „Переход из нынешнего положения в порядок, здесь предлагаемый, есть постепенный. У нынешних помещиков земля откупается оброком или работою летнею. Наперед заводится сие в казенных имениях и волостях, а потом уже в частных. Оброчные селения и пахотные селения, дворовые люди, заводские крестьяне, продолжая нынешние занятия в положенное время, те же сами откупаются, а дворовые — в волости поступают" [1]) в „Русской Правде" ничего не говорится о вознаграждении помещиков за землю барщиною или оброком, но в одном з вариантов ее относительно казенных крестьян есть постановление, относительно уплаты оброка в течение 10 — 15 лет (см. ниже).

Предположений „Русской Правды" относительно освобождения помещичьих крестьян Пестель так и не успел, к величайшему сожалению, окончательно обработать. И с этим нужно считаться при обсуждении его мнений по крестьянскому вопросу. Он выставил было здесь руководящее правило, что, при освобождении крестьян, дворяне не должны лишаться доходов, получаемых с своих поместий; но, на основании правил, указанных в особом наброске о „дележе земель" между помещиками и крестьянами, доходы некоторых из них должны были значительно уменьшиться. Другим основным принципом „Русской Правды" было требование, чтобы освобождение доставило крестьянам „лучшее положение противу прежнего, а не мнимую свободу" даровало бы им, чтобы „положение крестьян, елико возможно, было улучшено и на твердых началах и правилах положительным образом основано". Для выработки такого постановления верховное правление должно было возложить на дворянские собрания обязанность представить свои проекты и затем из всех их „выбор сделать, целое составить и оное в ход и действие привести". Нельзя, следовательно, толковать это место таким образом, что крестьянская реформа отдавалась в руки дворянских собраний: их проекты должны были дать только материал для Верховного Правления, а так как „Русская Правда", по мысли Пестеля, являлась „верным наказом, как для народа, так и для временного правления", и должна была быть обнародована (как при-

1) „Гос. Арх." I, В. № 445, л. 8 — 9.

бавление к манифесту сената), то, следовательно, автор сознавал, что он должен дать верховному правлению более определенные дериктивы для устройства быта помещичьих крестьян. В „Государственном Завете“ предполагалось начать дело крестьянской реформы „в казенных и м е н и я х и волостях“, причем „земля откупается оброком или работою летнею“, т.-е. барщиною. К числу казенных крестьян Пестель относил не только государственных или экономических, но и арендных со старостинскими и удельных [1]). У всех названных крестьян „Русская Правда“ устанавливает раздел земель на две равные части между крестьянами каждой волости и казною, причем одна половина должна была быть отдана „под названием общественной земли волостному обществу“, а другая оставалась бы собственностью казны. За общественную землю крестьяне должны были платить (по одному варианту „Русской Правды“) оброк в течение 10 — 15 лет, а затем взимание его прекращалось [2]); казенную же землю они могли брать в аренду. Сопоставив это правило с показанием Н. Муравьева о французском наброске и с „Государственным Заветом“, мы полагаем, что оброк, предложенный Пестелем относительно помещичьих крестьян в этом наброске, они должны были платить не бесконечно, а „положенное время, до выкупа земли: в „Государственном Завете“ прямо сказано, что „у нынешних помещиков земля откупается оброком или работою летнею“. Как бы то ни было, при новой незаконченной обработке„ Русской Правды“, Пестель, как видно из наброска о дележе земель [3]), предлагал уже иной способ освобождения помещичьих крестьян, основными принципами которого являлись, смотря по большему или меньшему обилию земли в помещичьих имениях, или безвозмездное принудительное отчуждение половины помещичьих земель (если в имении более 10 десятин на душу), или вознаграждение дворян за отобранные у них земли, хотя и не всегда в полной мере [4]), казенною землею [5]) или деньгами из казны. К сожалению, эта идея

[1]) С бытом арендных крестьян он мог познакомиться во время своей службы в Митаве в 1817 — 18 гг., а жизнь удельных крестьян мог наблюдать в Смоленской губ., где в Краснинском уезде находилось имение его родителей. Так, напр., известно, что Пестель гостил в имении отца в 1824 г. Н. П. П а в л о в - С и л ь в а н с к и й, „Пестель перед Верховным Уголовным судом“, 18. Как видно из его формуляра, Пестель был в этом году в отпуску с 1 февраля по 29 июля.

[2]) По другому, вероятно более позднему варианту, половина земли сразу отдавалась волостному обществу, без оброка, с тем условием, что оно не должно иметь права ни продавать, ни закладывать эту землю, „ибо она есть собственность неприкосновенная“.

[3]) См. мою статью в сборн. „Крестьянский строй“, стр. 231.

[4]) Вознаграждение производилось не в полной мере, если в имении было более 5 и менее 10 десятин на душу.

[5]) Вознаграждение помещиков казенною землею применялось правительством в Слободско-Украинской губернии при принудительном отчуждении их земель под военные поселения. Полн. Собр. Зак. т. XXXIV, № 26860.

не была детально разработана; о ней свидетельствует только отдельный набросок о „дележе земель", в котором указаны меры лишь относительно имений в 1000 душ и более. Из этого наброска видно, что процесс выработки Пестелем проекта освобождение крестьян был далеко не закончен [1]). Очевидно, мы не имеем окончательной формулировки взглядов Пестеля относительно способов уничтожения крепостного права, но, во всяком случае, он ставил на первый план широкое обеспечение крестьян земельным наделом с сохранением общинного землевладения [2]).

По словам Пестеля, существовало (в Западной Европе) два мнения относительно аграрного вопроса: одни считали землю общею собственностью всего человеческого рода и потому полагали, что если „существует хоть один человек, который никаким обладанием землею не пользуется, то воля всевышнего и закон природы совершенно нарушены и права естественные и природные человека устранены насилием и зловластием"; другие признавали частную собственность на землю, как следствие труда, вложенного в ее обработку. Находя, что в обоих мнениях много справедливого, он думал воспользоваться выгодами того и другого, разделив землю каждой волости на две половины и сделав одну из них общественною собственностью, а другую оставив в руках частных землевладельцев или казны. Уже было указано выше (стр. 535—536) на близость к аграрным идеям Пестеля предложений, высказанных в брошюре „О собственности", изданной в Париже в 1791 г. и принадлежащей, по мнению известного историка французской революции Олара, перу аббата де-Курнана. Нельзя доказать, чтобы эта брошюра была известна

[1]) Нужно заметить, что при отобрании в пользу общества земель „вольных земледельцев" (вольных крестьян, малороссийских казаков, панцырных бояр, однодворцев, колонистов и др.), у которых земли каждой волости предполагалось также разделить пополам на общественные и частные, они должны были получать, по одному варианту „Русской Правды", вознаграждение деньгами или казенною землею.

[2]) Дворовым людям, по „Русской Правде", прежде всего предоставлялось право или бесплатно получить свободу по истечении известного числа лет службы помещику, или выкупиться, внеся определенную сумму. Но верховное правление должно было выработать и другие способы их освобождения, также собрав по этому предмету проекты дворянских собраний. Но это предположение соответствовало более первоначальному проекту Пестеля устройства быта крестьян, по которому они должны были откупаться уплатою оброка. Соотвественно же наброску о „Дележе земель" были бы, вероятно, выработаны и новые правила относительно дворовых, но сделать этого Пестель не успел. Нельзя сомневаться в том, что освобожденные дворовые приписывались бы к волостям, а следовательно имели бы право и на земельный надел, так как и все мещане должны были быть членами волостей. Н. П. Павлов-Сильванский отметил, что глава III „Русской Правды", где находятся предположения об освобождении помещичьих крестьян, переписана на бумаге со знаками 1824 г. („Декабрист Пестель перед Верховным Уголов. судом", стр. 13); в ней упоминается о гильдейском постановлении 14 нояб. 1824 г.

Пестелю, но во всяком случае социальные идеи, высказанные во время французской революции, а также и взгляды французских писателей вообще оказали на него большое влияние.

Ему, вероятно, было известно, что физиократы признавали право собственности подлежащим законодательной охране следствием труда [1]). С трибуны якобинского клуба передел земель об'являлся утопиею; в течение господства якобинцев право частной собственности неоднократно провозглашалось священным, и вообще все правительства в течение революции громко заявляли о своем уважении к частной собственности.

Но в то же время Робеспьер и большинство других деятелей французской революции видели в собственности лишь „создание общества", социальный институт, и потому утверждали, что она подлежить всем необходимым ограничениям, а основанный в 1790 г. „Социальный Кружок" в своем органе „Bouche de fer", известном некоторым и в России (напр., гр. Дмитриеву-Мамонову), проводил в речи аббата Фоше мысль, что право государства относительно собственности выше прав всех других собственников. Гораздо реже высказывалась мысль об общности имуществ: кружком Бабефа и немногими его предшественниками; мысль же об общественном владении землею высказана была ранее в книге Морелли: „Code de la nature", которая первоначально приписывалась Дидро.

Пестель признавал за всеми право на существование и возлагал на государство обязанность дать каждому возможность осуществить это право. В этом отношении он был последователем идей, высказанных во время французской революции (впрочем, эту мысль, как было указано выше, можно найти и у Монтескье). Так, Робеспьер утверждал, что одна из самых настоятельных обязанностей общества заключается в обеспечении существования всех его членов, в виде-ли доставления им работы или снабжения средствами существования лиц, неспособных к труду. По мнению аббата Фоше, сотрудника „Bouche de fer", каждый человек, „естественно, имеет право на все то, что для него необходимо". Конституция 1793 г. предоставляет народу право на труд; издается целый ряд декретов, имеющих целью обеспечить ему пользование этим правом. Отсюда нетрудно было сделать вывод о праве каждого человека на участок земли. И, действительно, Фоше говорит, что „человек должен чувствовать себе верховным хозяином земли", должен иметь неот'емлемое право на известную ее долю", обеспечивающую ему существование. Сен-Жюст

---

1) Lichtenberger. Le socialisme au XVIII siécle, 279. За допущение собственности на землю Пестель мог высказаться и под влиянием Адама Смита и Бентама. Защитником мелкой крестьянской собственности был и экономист Симон де-Сисмонди (сочинение которого было известно Пестелю), хотя он указывал и на то, что из истории известны многочисленные народы, у которых частной собственности на землю вовсе не существует (I, 160).

утверждал, что „нельзя уничтожить нищеты, если не предоставить каждому гражданину земельный надел“; необходимо „уничтожить нищенство посредством раздачи национальных имуществ беднякам“. Следствием этого было требование разделить всю землю или известную часть ее на равные участки, а чтобы неравенство не возобновилось, они должны быть неотчуждаемыми, неделимыми и находиться в пожизненном владении. За всеобщий раздел земель высказался Шабо. Наша земельная община дала Пестелю возможность предложить ежегодный передел общественных земель в каждой волости [1]) (около 1000 душ). Как мы видели, по одному, вероятно более позднему, варианту „Русской Правды“, земля, отданная волости, должна была сразу сделаться ее неотчуждаемою собственностью [2]). С уничтожением сословий каждый приписывался к какой-либо волости, хотя бы посвящал себя и другим занятиям, и имел право на земельный участок. При переделе земли можно было просить не более одного семейного участка (для мужа, жены и троих детей), но требование более бедных предпочитались требованиям более богатых [3]) Опасение возможности возникновения современем слишком большого земельного неравенства между волостями Пестель, повидимому, надеялся устранить посредством переселений. Он полагал, что переселяться будут лишь те, которым нельзя будет получить столько общественных участков в своей волости, сколько бы они пожелали, т.-е. люди более зажиточные. Планы Пестеля относительно аграрных преобразований, несмотря на признание им и частной собственности, нельзя не считать первыми зачатками социализма в России.

Менее решительные преобразователи во время французской революции требовали не всеобщого раздела земель, а только ограничения размера земельных владений каждого, при чем, однако, допускали существование значительных поместий. Над мыслью об установлении maximum'а размера частновладельческих земель задумывался, как было указано выше (стр. 531) член „Южного Общества“, Крюков 2-й. У Пестеля мы встречаем упоминание о мнениях философа Платона относительно законодательства. Борисов 2-й, основатель „Общества Соединенных Славян“, ранее увлекался республикою Платона и желал осуществления ее на деле. Во время французской

---

[1]) Впрочем, во французской брошюре Делакруа, изданной во время революции, брошена мысль и об ежегодном общем переделе земель.

[2]) По „Записке о государственном правлении“ Пестеля земля в Донском и Аральском уделах должна принадлежать казачьим станицам. По „Русской Правде“ в Донском уделе „вся земля есть общая принадлежность, и все казаки составляют только одно сословие“, а аральские казаки устраиваются по образцу донских.

[3]) Если верить „Приложению к докладу следственной комиссии“, по расчету Пестеля приходилось, как показал Рылеев, не более 5 десятин на душу. „Рус. Арх.“ 1875 г., т. III, 436.

революции, как известно, также оказывали сильное влияние античные образцы [1]).

Вопрос о том, был ли Пестель знаком с некоторыми произведениями Фурье, Сен-Симона и Оуэна, остается открытым. Но если принять во внимание, что Лунин имел в Париже личные сношения с Сен-Симоном в 1816 г., а кн. Ф. П. Шаховской [2]), отправляясь в крепость, захватывает с собою сочинения Оуэна, то в этом нет ничего невероятного. В идеях С.-Симона и Фурье о праве на труд [3]) он мог найти подкрепление своей мысли о праве на землю, которую он высказал в „Русской Правде".

Но было бы неправильно думать, что Пестель, уделяя главное внимание (как он сам говорил А. Поджио) устройству волостей и вопросу освобождения крестьян, забывал об интересах рабочих; он, напротив, стремился сделать их более независимыми, предоставив им право на землю. В неизданном французском отрывке труда, предшествующего „Русской Правде", он говорит: „Бедный живет только своим трудом; богатый — своими поместьями, своими капиталами. Бедный не может отсрочить получение своего заработка, так как, не имея другого капитала, кроме своего труда, он умирает с голоду, если у него нет работы. Богатый может получить свои доходы и позднее, жить некоторое время капиталом и, таким образом понудить бедного принять все условие, какие ему будут предложены, чтобы только иметь работу. То, что один может ждать, а другой этой возможности не имеет, составляет причину многих зол. Из этого видно, что чем менее будет людей, живущих только своим трудом, т.-е. чем менее будет поденщиков, тем менее будет несчастных. Но так как, несмотря на самые лучшие законы и учреждения», по мнению Пестеля, в этом более раннем труде его, всегда будут поденщики, то правительство должно оградить их от произвола богатых и не забывать, что несчастные бедняки также бывают больными, немощными, стареют и, наконец, не могут зарабатывать свое скудное пропитание. Я указал на источник зла. Уничтожение его составляет обязанность высших государственных санов. ников. Я очень хорошо знаю, что все аристократы, как титулованные, так и денежные, восстанут против этих принципов, но гений зла дозволял ли когда-либо предлагать добро и не об'являл ли он всегда войну не на живот, а на смерть, тем более ожесточенную и упорную, чем о более значительных интересах шло дело. Пусть правительство, пожелавшее всту-

---

[1]) Лихтенберже. „Социализм и французская революция", перев. с франц. Стеклова. Спб. 1907 г.

[2]) Об отношении его к крестьянам см. в моей статье в „Вестн. Европы". 1909 г. № 2, стр. 576 — 577.

[3]) R. Singer. Das Recht auf Arbeit in geschichtlicher Darstellung. Iena, 1895. S. 10—11, 16—17.

пить на столь благородный путь, не обращает внимание на их крикливые обвинения. Любовь и благословение всего народа вполне защитят его от бессильной ненависти нескольких порицающих его эгоистов [1]).

В. СЕМЕВСКИЙ

ДЕКАБРИСТЫ И ВОПРОСЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ [2])

В русском обществе, конечно, в эту бурную эпоху должен был проявиться интерес к вопросам внешней политики. Члены русских тайных обществ, в большинстве офицеры, прониклись чувством патриотизма в эпоху 1812 года и не могли проходить мимо ставших на очередь международных проблем.

В разгар борьбы с Наполеоном и дележа добычи будущий декабрист, тогда русский комиссар в Центральном Административном Департаменте, руководимом бароном Штейном, Н. И. Тургенев, заносил в свой дневник свои впечатления и мысли. Так, 6 — 18 июля 1814 г., записывая свои впечатления от личности Гарденберга, обедавшего у Штейна вместе с Тургеневым, последний с чувством обиды отмечает, что оба его собеседника считают главным победителем Наполеона Англию. Не отрицая, что Англия „подкапывалась под Колосса для низвержения его и, конечно, ослабила основание", Тургенев, однако, считает, что „Россия низвергнула его" и утверждает далее: „Россия стоит в таком величественном светлом и чистом блеске, что все европейские державы, кроме Англии, должны смотреть на нее с благоговением и не сметь, сравнивать себя с нею" [3]). В начале работ Венского конгресса Тургенев сообщает о проекте присоединения Саксонии к Прусии и, поддерживая этот проект соображением, что в интересах всей Германии усиление Пруссии, прибавляет к этому: „Польши Пруссия иметь не может", ибо такова воля „благодетельной и сильной России" [4]).

Как известно, Россия и Пруссия, действительно, пред'явили на конгрессе требование присоединения Саксонии к Пруссии, а герцогства Варшавского к России. У Тургенева же симпатии к Пруссии об'ясняются отношениями его к Штейну, в котором он видел будущего обновителя Германии. Однако, резуль-

[1]) Гос. Арх. I В., № 10, отрывок на фран. языке, л. 20. Эти мысли могли быть навеяны сочинением экономиста Симона де-Сисмонди.

[2]) Из статьи А. Н. Шебунина под тем же названием помещенной в № 4 сборника „Русское Прошлое".

[3]) „Архив бр. Тургеневых" — вып. 3-й. Дневники Н. И. Тургенева за 1811 — 16 г.г. под ред. Е. И. Тарасова. Изд. Акад. Наук. Спб. 1913 г., стр. 256 — 257.

[4]) Там же, стр. 275 — 276.

таты конгресса разочаровали Тургенева: немцы оказались неспособны к об'единению, а итальянская народность принесена в жертву Австрии, которой русский либерал отказывает в своих симпатиях [1]). В то же время молодые русские патриоты и мечтатели о свободе видели, что поглощенный делами Европы русский император давал конституцию русской Польше и не обнаруживал ни малейшего намерения вознаградить чем-нибудь Россию за понесенные ею жертвы. Польская конституция в их представлении сливалась и с увлечением Александра делами Европы, и с презрительным равнодушием его к собственным подданным.

Политика царя стала им казаться изменой национальным интересам. В 1815 г. приятель Н. И. Тургенева ген. М. Ф. Орлов вместе с гр. Дмитриевым-Мамоновым мечтали об образовании тайного общества под названием „Орден Русских Рыцарей". По словам Орлова, он в то время был удручен известием о восстановлении Польши, так как считал, что „сие восстановление будет истинным несчастьем для России". Орлов написал по этому поводу письмо к государю и так как оно не достигло цели, он, будучи убежден, что „восстановление Польши не могло столь сильно быть поддерживаемо русским правлением без влияния польского тайного общества над намерениями и волею государя", решил противопоставить польскому — русское тайное общество [2]).

Таким образом, по признанию Орлова, им при попытке образования тайного общества руководили националистические побуждения. Этому можно вполне верить, если обратиться к сохранившимся в бумагах Дмитриева-Мамонова — „Пунктам преподаваемого во внутреннем Ордене учения". Это — программа „Ордена Русских Рыцарей", программа конституционно-аристократической монархии, весьма заботливо определяющая права пэров, наследственных вельмож, и вообще слишком ясно выдающая свое сословное происхождение. Но здесь содержится также и программа внешней политики этой будущей аристократии: „Конечное и всегдашнее истребление имени Польши и королевства Польского и обращение всей Польши, как Прусской, так и Австрийской, в губернии Российские"; „Присоединение Венгрии, Сербии и всех славянских народов к России"; „Изгнание турок из Европы и восстановление греческих республик под протекторатом России"; „Учреждение флота в Архипелаге и постановление возможных препятствий английской торговле в оном краю"; „Присоединение Норвегии к России"; „Сочинение проекта выгодной войны против персиян и вторжения в Индию".

---

[1]) Там же, 317 — 318.

[2]) Записка М. Ф. Орлова (в книге М. В. Довнар-Запольского „Мемуары декабристов").

Не менее категорична программа и по национальному вопросу в России: „Переселение половины жидов из Польши в ненаселенные губернии России и обращение их в веру"; „Лишение иноземцев всякого влияния на дела государственные"; „Конечное падение, а если возможно, смерть иноземцев, государственные посты занимающих" [1]).

Все эти грандиозные планы источником своим имеют определенную военно-дворянскую психологию. „Потомки предков благородных", „Русские Рыцари" в своей программе по внутренним вопросам не идут дальше идеи дворцового переворота в пользу дворянства, с перевесом знати, а во внешних и национальных отношениях не видят иных методов, кроме насильственного присоединения и руссификации. И, конечно, программа крайне легкомысленна. Но, кроме чисто кастовой психологии, в ней следует видеть естественную крайнюю реакцию против забвения царем национальных интересов.

„Орден Русских Рыцарей" существовал лишь в проекте, и Орлова мы видим в скором времени членом возникшего в 1816 году „Союза Спасения". „Союз Спасения", повидимому, был проникнут той же психологией. Когда на собрании в Москве в 1817 году зашла речь о цареубийстве, то, по воспоминаниям самого претендента на роль убийцы, И. Д. Якушкина, поводом к этому был слух о предстоящем присоединении к Царству Польскому литовско-русских губерний, в чем собравшиеся усмотрели доказательство того, что „царь влюблен в Польшу" и „ненавидит Россию". Конечно, в этом одном нельзя еще усматривать недоброжелательства к Польше, а скорее следует видеть проявление законного чувства патриотизма. Однако, из общего тона рассказа Якушкина видно, что члены „Союза Спасения" вообще были недовольны отношением императора к Польше.

Что отрицательное отношение к Польше в эти годы сильно владело русскими передовыми людьми, подтверждает пример Н. И. Тургенева, тогда еще не члена общества, но определенного либерала и отнюдь не шовиниста. Записывая в своем дневнике от 28 марта 1818 г. свое приятное впечатление от речи государя на польском сейме о распространении конституционного порядка и на Россию, он прибавляет: „Одно печально: чистейшая вода, проходя через нечистые водопроводы, делается невкусной. Что если свобода придет в Россию через Польшу?" А. В. Поджио также указывал на дарование Польше конституции и речь императора в польском сейме, как на оскорбление „духа народного нашего", вызвавшее „ревность" в сердцах русских либералов. Владевшее деятелями тайных обществ патриотическое воодушевление переходит в патриотическое негодование.

[1]) „Из писем и показаний декабристов" (под ред. А. К. Бороздина, Спб. 1906 г.), стр. 145—147.

С 1818 года рост радикального настроения в тайном обществе несомненен. В сформировавшемся же после 1821 года „Северном Обществе“ идеи бессословного цензового либерализма имеют безусловный перевес над старой чисто дворянской идеологией, и в принятой Обществом конституции Никиты Муравьева равенство всех перед законом, освобождение крестьян и имущественный (а не сословный) ценз составляют основу будущей России. Параллельно с этим мысль декабристов работала и в сфере внешней политики; да и неудивительно, ибо события следовали за событиями: убийство Коцебу, итальянская и испанская революции, греческое восстание. Известие об испанской революции и согласии короля на конституцию вызывают следующие сочувственные строки в дневнике Н. И. Тургенева: „Слава тебе, славная армия гишпанская! Слава гишпанскому народу! во второй раз Гишпания доказывает, что значит дух народный, что значит любовь к отечеству“. Здесь борьба за свободу вполне в духе времени связывается с идеей патриотизма.

Греческое восстание вызвало совершенно определенное отношение к себе и к русской внешней политике в руководящих течениях тайного общества. Поджио говорит, что его ничто „столько не оскорбляло, как явное сие господство и влияние Венского кабинета над нашим. Сколько сей кабинет, управляемый величайшим дипломатом нашего времени, не преуспевший на Венском конгрессе не соглашаться на присоединение Польши к России, устрашенный силой нашей и опасаясь ее, как искусно переуспевал в той цели, чтобы дать направление сей силе, безопасное для него, сколько ни преуспевал в намерении внешнею сею политикою ослабевать Россию и ввергать ее, может быть, к тому, к чему мы стремились. Довольно известно всегдашнее покровительство правительства нашего к единоверцам нашим — угнетенным грекам. Со времен еще императрицы Екатерины Второй сие покровительство не прерывалось по 1820 год“. Поджио указывал, что Венский кабинет „участвовал в отклонении министра Каподистрия от управления дел и всякого вторжения сил наших в Турцию, опасаясь при огромных силах наших з а в о е в а н и я е е!“ В Вене понимали, что русская южная торговля „от упадка своего со времени восстания греков“ вследствие завоевания достигла бы цветущего состояния и господствующего положения над всей восточной торговлей. И, по словам Поджио, производившееся тогда передвижение войск на многих произвело впечатление подготовки к войне с Турцией. Но никакие поступки турок, „никакие выгоды государства правительство наше не увлекали в об'явлении им войны“. Оказалось, что передвижение войск и содержание огромной армии об'ясняются целями Священного Союза, необходимостью подавления революционных движений на Западе [1]). Далее Поджио показал, что однажды, беседуя

[1]) „Мемуары декабристов“, стр. 192 — 193.

с Пестелем о внешней политике, он сказал последнему, что „политика государя нашего, прежде движимая избавлениями народов, теперь обратилась на подавление их“ [1]). Мы видим, что Поджио был осведомлен о многом из тогдашней внешней политики, понимал роль Меттерниха и, в частности, причину его борьбы против Каподистрии. Для Поджио ясно, что, не только по причине единоверия греков, Россия должна была их поддержать, но и потому, что этого требовали интересы русской торговли и что потому-то этого и боялась Австрия. В данном случае перед нами уже ясно сознанное стремление связать экономические интересы своей страны с освобождением порабощенных народов. А упадок русской торговли выражался главным образом в сокращении вывоза зерна и, следовательно, в сильном понижении хлебных цен. На это непрестанно жалуется в 20-х годах русское дворянство. Победа над Турцией представлялась таким образом необходимым средством для обеспечения России восточных торговых путей, а тем самым и для облегчения страдавших от низких цен помещиков.

Касается внешней политики в своих показаниях и Каховский. Он начинает с того, что борьба с Наполеоном велась под лозунгом борьбы за свободу. „Свободу проповедывали нам и манифесты, и воззвания, и приказы!“ Борьба кончилась, Бурбоны дали Франции конституцию. „Монархи соединились в Священный Союз: составились конгрессы, возвестили народам, что они с'езжаются для совещания об уравновешении классов и водворении политической свободы. Но скоро цель конгрессов открылась, скоро увидели народы, сколь много они обмануты“. Конгрессы служили целям абсолютизма и борьбы против народов. Во Франции конституция нарушается. В Испании в 1812 году была дана конституция, признанная Александром и всеми монархами, но король ее отменил, народ восстал и „Священный Союз забыл, что Испания первая стала против насилий Наполеона, и император Александр презрел признанное им правление, сказав, что в 1812 году обстоятельства требовали, чтобы он признал конституцию Испании... Тюрьмы Пиемонта, Сардинии, Неаполя, вообще всей Италии, Германии наполнились окованными гражданами... Давно ли мы, русские, не смели написать и произнести слово „отечество“? В царствование Павла оно было запрещено, — слово „государство“ заменяло его“... Русские кичатся именем спасителей Европы, но последняя видит, что „силы наши есть резерв деспотизму Священного Союза“. Пруссия возвеличена нами, но пруссаки обвиняют русских в том, что их штыки и маневры душат их. „В последнем они неправы: Пруссии обязаны мы и прочие государства Европы страстию монархов

[1]) Там же, стр. 202.

к разводам и учению солдат". Силезия и часть Саксонии страдают под игом Пруссии, зарейнские области ее также. „Дряхлая глыба Австрии столь ненадежна, что малейший ветер способен разнести ее. Держава, составленная из клочков разноплеменных народов, ненавидящих правление свое и не любящих друг друга, может ли быть прочной? Венцы, варвары среди просвещенной Европы, гордятся своим мнимым преимуществом и старшинством, равно ненавистны как немцам, так и иноплеменникам". Италия стремится к об'единению. Франция затаила в себе жажду мести. Испания переживает снова времена инквизиции. Кому же мы принесли пользу, кого спасли? — спрашивает Каховский и отвечает: — „Может быть, мы принесли пользу самовластию, но не благу народному. Нацию ненавидеть невозможно, и народы Европы не русских не любят, но их правительство, которое вмешивается во все их дела и для пользы царей утесняет народы... Единоверные нам греки, несколько раз нашим правительством возбуждаемые против тиранства магометанства, тонут в крови своей; целая нация истребляется, и человеколюбивый Союз равнодушно смотрит на гибель человечества". Сербия стонет под игом турок, черногорцы брошены на произвол судьбы. Но убить стремления к свободе нельзя, и „пока будут люди, будет и желание свободы" [1]).

Приведенные отзывы свидетельствуют, что в умах их авторов уже совершалось слияние идей политической свободы и национальной независимости. Все они — русские патриоты, пережившие грандиозную борьбу, в которой такую роль играла Россия, и с болью в сердце видевшие игнорирование царем русских интересов. Они и теперь замечают, что в возникающих конфликтах царь руководится идеями Священного Союза, а не национальными интересами. И, видя, как у него внешняя система совпадает с европейскими династическими соображениями, их национальное чувство влечет в сторону сочувствия всем национальностям, ведущим борьбу за освобождение. Принципы немецких революционеров, итальянских карбонариев, греческих патриотов им становятся понятны и близки. И мысль о возможности европейской войны их не пугает: лишь бы Россия не была в стане охранителей, а соединила бы свой интерес с борьбой порабощенных народов. Чувство владевшего ими национального негодования сливается с идеей национального освобождения.

К 1823 году относится записка „О повиновении вышней власти и какой власти должно повиноваться" [2]), по предположению В. И. Семевского, составленная декабристом М. А. Фонвизиным. Она содержит в себе определенный протест против

[1]) „Из писем и показаний декабристов", стр. 12 — 15.
[2]) „Голос Минувшего", 1916 г., № 10.

тогдашнего направления внешней политики европейских правительств. Автор, подобно Поджио и Каховскому, резко осуждает политику Св. Союза, но он сводит это осуждение к общему порицанию политики захватов, принципа силы и противопоставляет последнему моральный принцип — право каждого народа располагать своей судьбой. Считая это право естественным законом природы и морали, автор требует от сильных держав самоограничения. Идеи национального освобождения и господства морали в международных отношениях делают весьма достопримечательной разбираемую записку. Ее основная черта — отвлеченность. Записка лишена плоти и крови. Автор — рационалист на религиозно-моральной подкладке. Можно, правда, сказать, что он, призывая повиноваться только национальной власти, зовет угнетенные народы к восстанию. Но, во-первых, он не очень верит в победу этого восстания, а, во-вторых, говоря о необходимости до поры до времени подчиняться национальной деспотической власти, не веря в ее скорое падение, он упускает из виду, что национальное освобождение было неразлучно с внутренне-политическим. А возможность этого последнего ему, повидимому, представлялась не слишком близкой.

С психологической стороны рассуждения автора записки — весьма типичны. Можно сказать, что последняя обобщает разрозненные замечания цитированных выше товарищей автора. Отвлеченный принцип морали противостоит системе Св. Союза. Но автор — участник заведомо обреченного на неудачу движения — не верит в торжество принципа и потому лишен творческой энергии, необходимой для борьбы за него. В отрицаемой им действительности он не видит ни одной положительной стороны, которая могла бы послужить ему точкой опоры. Ему и не приходит в голову разбирать взаимно противоречивые интересы государств Европы, попытаться найти в той или иной группировке их новый отправной пункт. Он просто отрицает... Конечно, рассуждения Поджио реалистичнее, но и они — только критика. В этом смысле и можно говорить о типичности записки для всей разбираемой группы декабристов. Это — группа благородных „либералистов“, бессильных мечтателей о том, „когда е. и. величеству благоугодно будет учредить Славяно-Русскую Империю“, или когда грянет гром военного восстания и Россия станет парламентской страной, а в международных отношениях воцарится царство правды.

Мысль этой группы, начав с патриотического воодушевления, перейдя затем в патриотическое негодование и слившись с идеей национального освобождения, в разбираемой записке вылилась в отвлеченный принцип рационалистической морали на религиозной подкладке. Осужденное на неудачу движение не могло, конечно, в наиболее трудной сфере — в сфере внешней политики — быть практическим, оно должно было блуждать

в эмпиреях теоретической абстракции. За политическим недовольством декабристов не было народной массы, за их оскорбленным патриотизмом не было национального под'ема. И автору записки ничего не остается делать, как возлагать надежды на рост просвещения в деле освобождения от внутреннего деспотизма. Тот же рост просвещения, очевидно, должен обеспечить и победу морали в международных отношениях. Это типично рационалистическая психология.

Однако, при своей отвлеченности, при отсутствии указаний практических путей, этот рационализм — вполне в духе эпохи и заключает в себе конкретную идею национального освобождения. И в этом смысле он может стать рядом с современными ему западно-европейскими революционными течениями. И поэтому также он дышит живым духом патриотизма. Участники войн 12—14 гг. могли быть бессильными мечтателями в политике, но они были действенными патриотами. Они доказали бы это еще раз в случае войны с турками.

Реакционному космополитизму Александра у них противостоит не одна рассудочная мораль, но и живое чувство любви к родине.

Приведенные материалы указывают, что греческое восстание вызвало все симпатии декабристов (не исключая и М. Фонвизина) и что они определенно желали войны с турками.

Отношение декабристов к восточному вопросу подтверждается и другими источниками. Французское посольство в Петербурге очень интересовалось настроением русского общества и в частности военных кругов. Заместитель посланника граф Буальконт в донесении 22 авг. 1822 г. распространился о тайных обществах в России и, между прочим, отмечал их рост в следующих словах: „Направление умов и идей, распространенных в населении, внушали уже серьезные опасения; но в то время, как правительство стремилось к уничтожению идей, оно дало им большую силу, открыто оскорбляя национальные мнения и чувства. Речи о подчиненности австрийской политике, о непристойности частых путешествий государя, о неприличии столь часто повторяющегося его отсутствия, о пренебрежении греками, об опасностях и бедах, связанных с абсолютной властью, сделались обычными и повторялись беспрерывно; но более всего беспокоило правительство то обстоятельство, что это мятежное и удручающее настроение обнаруживалось с особенной силой в армии и в частности среди офицеров императорской гвардии“ [1]).

Рассмотренные сейчас мнения принадлежали, однако, почти всем представителям средних течений в тайном обществе. Переходим теперь к радикальным веяниям, преобладавшим на юге.

[1]) В. К. Николай Михайлович. Император Александр I. Том II, стр. 418 (Спб., 1912).

Психология вождя „Южного Общества" П. И. Пестеля — это психология якобинца с его верой в твердую революционную власть, путем диктатуры осуществляющую намеченную ею программу демократизации страны. Эта программа у Пестеля носит характер определенного уклона в сторону равенства в ущерб свободе. Для нашей темы любопытно отметить отношение Пестеля к национальному вопросу. Оно тесно связано с общим его миросозерцанием. Пестель — якобинец - государственник. Для него цель государства — благоденствие всех и каждого; цель эта осуществляется в демократическом государстве. В таком государстве всякие частные интересы должны быть подчинены общему интересу, вернее, должны совсем перед ним смолкнуть. В силу этого всякие общества и союзы должны быть запрещены, так как при демократической организации власти забота об интересах населения лежит всецело на правительстве и им одним должна быть осуществляема. По этим же соображениям Пестель — решительный противник федеративного устройства России и высказывается за единство и нераздельность ее. И в вопросе о судьбе населяющих Россию народностей Пестель — не менее решительный сторонник единства. Разрешение национальных вопросов для Пестеля — слитие всех племен в один народ, а для этого нужно: господство на всей территории русского языка, наименование всех именем русских, господство везде одних законов, одного порядка управления. Пестель считается с тем, что подвластные народы „желают всегда для себя независимости и отдельного политического существования, утверждаясь на праве составлять особые государства и называя оное правом народности". Но он противопоставляет этим национальным стремлениям „право благоудобства" большого государства, стремящегося „к установлению границ, крепких местным положением и сильных естественными оплотами", а также к тому, „чтобы силы маленьких народов, его окружающих, умножали силы собственные его, а не силы какого - либо другого большого соседственного государства". В праве народности Пестель не отказывает только народам, имеющим все данные для независимого существования (но к таковым он не причисляет даже Финляндию); над остальными же должно торжествовать право благоудобства, и им отказывается даже в самых скромных формах права на самоопределение. К числу первых Пестель относит только Польшу, так как „пользовалась она в течение многих веков совершенною политическою независимостью и составляла большое самостоятельное государство". Поэтому, по отношению к Польше право народности может взять верх над правом благоудобства, но последнее также должно быть принято во внимание, так как Россия не может не беспокоиться на счет будущих намерений Польши. Польша должна получить самостоятельность, но не иначе, как на следующих условиях:

к Польше отходит, кроме Царства Польского, Гродненская губерния и Белостокская область; Виленская же, Минская и Волынская губернии делятся между Россией и Польшей; между обоими государствами должен быть заключен союз; внутреннее устройство Польши должно быть построено по „Русской Правде" Пестеля.

Пестель весь поглощен задачей насильственной демократизации государства в сословном вопросе и не находит иного разрешения вопроса национального, кроме насильственной руссификации. Подобно Дмитриеву - Мамонову, Пестель стоит в стороне от популярной тогда идеи национального освобождения; для них обоих идея патриотизма сводится в сущности к государственному великорусскому патриотизму. Крайности сходятся. Если первый, проникнутый военно - дворянской психологией, требует завершения завоевательной политики царей последовательной руссификацией внутри, то второй приходит к тому же, руководимый идеей о „праве благоудобства", т. - е. той же государственной необходимости, „raison d'état", которой служили и дипломаты 18 в. Только у него это „право благоудобства" тесно связано с идеей полицейско - демократического государства, в общей нивеллировке не знающего не только сословных, но и племенных и партийных различий. Инородцам же, конечно, по существу было бы безразлично, кто занимался бы их руссификацией: самодержавный царь, „перы" Дмитриева - Мамонова или „Временное Верховное Правление" Пестеля. Польский вопрос, конечно, решается Пестелем иначе, чем „Русскими Рыцарями". Свобода, которую получит Польша, может быть только свободой по „Русской Правде". Но не случайно польский вопрос отделяет Пестеля от Дмитриева Мамонова. Он, повидимому, вообще был весьма осторожен в вопросе о программе внешней политики. Это, однако, не исключает возможности. что Пестель в вопросах внешней политики, подобно французским якобинцам, быстро перешел бы на завоевательные позиции в случае войны. Очевидно только, что и здесь его главной целью было бы укрепление революционной власти. В разговоре с Поджио он указывал, что война с турками во имя освобождения греков могла бы явиться для Временного Правления прекрасным средством отвлечь граждан от недовольства продолжительностью революционной диктатуры. Сочувствовавший, как мы знаем, такой войне, Поджио не мог, однако, не выразить своего неодобрения такой „макиавеллистической" политике. От освободительной войны якобинцев, ведь, оказался один шаг к войне завоевательной. И при всей отдаленности проектов Пестеля от тогдашней действительности в нем чувствуется политик более практического характера, чем мечтатели-„либералисты": Поджио, Фонвизины, Трубецкие.

Мысль о разделе западной России вызвала протесты многих декабристов.

Рылеев в своих показаниях следственной комиссии говорит, что, по его мнению, „никакое общество не в праве сделать подобного условия, что земли, где народ исповедует православие или униатство, являются русским достоянием". И Рылеев сближает намерение Пестеля с аналогичной политикой самодержавия, которое, как известно, декабристы подозревали в чрезмерной любви к полякам. В „Северном Обществе", однако, также думали о необходимости того или иного контакта с поляками. С. П. Трубецкой показал, что, по его мнению, надо было пригласить во Временное Правительство представителя Царства Польского[1]).

Пестелевское течение в тайном обществе мы назвали якобинским. Это тоже рационализм, как и мысли записки Фонвизина. Но это — рационализм не сомневающийся, не колеблющийся. Это течение слишком верит в железную силу логики, ума и потому бесстрашно в выводах. Государственная власть, понявшая эту силу, должна и сама быть сильной. Логика ума обязывает. Сильная диктатура внутри — для осуществления рационалистических формул; во имя „благоудобства" — во внешней сфере возможность компромиссов, но такая же возможность и войн и завоеваний. Здесь не мораль, здесь рационалистически обоснованное „право благоудобства".

До сих пор мы касались тех течений в декабризме, которые при всем их различии соединяются общим ожиданием переворота лишь от офицерства при пассивной роли солдат. Теперь мы должны коснуться „Общества Соединенных Славян", течения демократического не только по целям, но и по средствам.

И. И. Горбачевский, один из вождей этого общества, говорил, что целью его было „освобождение всех славянских племен от самовластия; уничтожение существующей между некоторыми из них национальной ненависти[2]) и соединение всех обитаемых ими земель федеративным союзом. Предполагалось определить границы каждого государства, ввести у всех народов форму демократического представительного правления, составить конгресс для управления делами Союза и для изменения, в случае надобности, общих коренных законов, предоставляя каждому государству заняться внутренним устройством и быть независимым в составлении частных своих узаконений". При этом, по мнению Горбачевского, „никакой переворот не может быть успешен без согласия и содействия целой нации; посему прежде всего должно приготовить народ к новому образу гражданского существования и потом уже дать ему оный; народ не иначе может быть свободным, как сделавшись нравственным, просвещенным и промышленным"[3]).

[1]) Довнар-Запольский. Мемуары декабристов, стр. 320.

[2]) Здесь, очевидно, имеются в виду русские и поляки.

[3]) „Записки И. И. Горбачевского" (Изд. „Задруга", 1916 г.), стр. 17—18, 19.

Здесь демократические убеждения тесно переплетаются с русским и славянским патриотизмом и, очевидно, с глубоким сочувствием идее национального освобождения вообще. Патриотизм эпохи, национальный вопрос и демократическая идея слились в проекте славянской федерации, создаваемой (хотя это и не вполне ясно выражено) с целью единства славянской внешней политики.

Неясно, каким путем „Соединенные Славяне" предполагали освобождать порабощенные славянские народы, но, очевидно, и здесь роль России мыслилась отнюдь не в дружеском единении с Австрией и Пруссией. Очевидно, и здесь хотели увлечь Россию с пути Священного Союза на путь освобождения угнетенных народов, и, повидимому, ближайшие задачи русской внешней политики видели также на Востоке.

Так мы можем теперь констатировать, что национальные вопросы, стоявшие везде на очереди, в особенности греческое восстание, вызвали у всех декабристов без различия взглядов отвращение к политике Священного Союза и убеждение в антинациональном характере русской дружбы с Австрией. В противовес династическим союзам и комбинациям здесь выдвигались национальные интересы России на Востоке, так как в идее освобождения греков и славян видели нечто совпадающее с интересами России. Но только у „Русских Рыцарей" их взгляды вылились в классически-ясную программу завоеваний, у остальных ясны настроения, ориентация, но самой программы нет.

Вместе с тем психология декабристских настроений в сфере внешней политики нам представляется выясненной. У группы „Русских Рыцарей" — это военно-дворянские завоевательные планы, облеченные в фантастическую программу. У либералистов — Поджио, Каховского, Трубецкого, Фонвизина и др. — это горячая любовь к родине, соединенная с недовольством антинациональной политикой царя; это мечта о господстве морали в международных отношеннях, о торжестве принципа — право каждого народа располагать своей судьбой; это, наконец, отсутствие веры в близкое торжество принципа и слабая надежда на „рост просвещения". У якобинца Пестеля — это вера в логическую силу ума, в твердыни железной революционной власти, во имя своих специфических задач осуществляющей руссификацию внутри страны, и осторожной, но неуклонной политикой во внешних сношениях стоящей на страже тех же задач. Наконец, у „Соединенных Славян" — это демократические мечты о славянском братстве, осуществляемом, повидимому, долгим путем внутреннего и внешнего самоосвобождения народов. А у всех вместе, при всех различиях, — это родившийся на полях сражений за родину гражданский патриотизм.

А. Н. ШЕБУНИН

ПОЛЬСКИЕ ОБЩЕСТВА И ДЕКАБРИСТЫ[1])

Начало сношений между польским обществом и южным относится к 1823 году, но догадывались как поляки, так и русские о существовании у соседей тайных обществ значительно раньше Ворцель показывает, что уже непосредственно по возвращении русской армии из Франции он замечал среди офицеров брожение, которое заставляло его предполагать существование тайных обществ среди русских. Имение Ворцеля было в юго-западном крае, где впоследствии сложились, с одной стороны,—„Южное Общество" и „Общество Соединенных Славян", с другой,—местная организация Патриотического Общества и „Общества Храмовых Рыцарей". Члены всех этих обществ встречались здесь друг с другом, и вопрос о взаимоотношениях этих обществ должен был стать сам собой. Вначале о совместных действиях вряд ли можно было думать. Предпочтение, которое оказывалось Александром I Польше, его намерение отдать Польше западные провинции, не могло располагать русских в пользу поляков; с другой стороны, пока поляки могли чего-нибудь ждать от династии, они не могли искать сближения с ее врагами в России, тем более, что национальные политические интересы поляков и русских в то время расходились. Поляки мечтали не об этнографической, а об исторической Польше и требовали присоединения нескольких областей с русским населением. Это требование не могло вызывать сочувствия в русских, и самый слух о намерениях императора возвратить Польше западно-русские провинции был одним из фактов, поддерживающих оппозиционное настроение в ранний период существования русских обществ. К 1823 году положение изменилось: политика Александра приучила русских к возможности уступки западных провинций Эта жертва, которую Россия так легко могла бы быть вынужденной принести по воле Александра или его вероятного преемника Константина, польские симпатии которого были еще более определенны, теперь казалась естественной платой полякам за поддержку при освобождении России от деспотизма. С другой стороны, поляки, под влиянием ряда антиконституционных актов, изверились в возможность добиться чего-либо от династии и пришли к выводу о необходимости союза с ее русскими врагами.

Противоречия в интересах поляков и русских этим не устранялись, и самые переговоры носили характер дипломатического торга.

Кто начал переговоры остается неясным, но, повидимому, инициатива принадлежит полякам, в деятельности которых

[1]) Из статьи Н. Н. Коробки „Польские общества 20-х годов и декабристы", помещенной в историческом сборнике „О минувшем" 1909 г., стр. 219 — 225.

искание союзников занимает важное место. Эта сторона дела мало известна, так как следственная комиссия по дипломатическим соображениям не обнародовала факты, касавшиеся сношения тайных обществ с иностранными державами. Между тем эти сношения поляков были, повидимому, довольно обширны.

В делах первые указания о сношении поляков с Англией находятся в показаниях С. Муравьева. Большинство поляков отрицают этот факт. Но в то же время крайне сдержанный в своих показаниях граф Мошинский признает, что говорил князю Волконскому о существовании слуха, будто лорд Каннинг приезжал в Россию, привозил проект восстановления Польши в прежних границах с возведением на польский престол саксонского королевского дома. В вознаграждение за это Россия должна была получить турецкие области до Константинополя, Пруссия— Саксонию, Австрия — признание наследственных прав на итальянские владения. Трудно, конечно, верить реальности этого слуха, но несомненно, что надежды на Англию у поляков были очень настойчивы, и кажется не без некоторых оснований. На Англию возлагали надежды как члены патриотического общества, которое может быть через Князевича и было в сношении с Каннингом, так и храмовые рыцари, которые ожидали от Англии помощи деньгами и оружием.

Огинский показывает, что в 1823 году слышал от Плихты, что из Англии получены хорошие вести.

Есть указания и на другие сношения поляков.

Так, Маевский показывает, что один из членов общества, Грушецкий, в 1825 году ездил в Константинополь и вступил в сношение со шведским послом. Швеция будто бы намеревалась об'явить войну России, вела по этому поводу переговоры с Турцией, и шведский посланник в Константинополе собирался в связи с этим ехать в Вену. С этим шведским посланником, графом Левенгольмом, познакомился в Константинополе Грушецкий и заручился от него письмом в Стокгольм. Намерение его ехать в Стокгольм и потом в Америку не осуществилось, вследствие ареста Грушецкого в начале 1826 г.

Попыток сношений с другими правительствами не могло быть уже по самому политическому положению вещей в Европе, но сношения с революционными обществами, повидимому, были.

Так Пестель показывал, что Яблоновский и Гродецкий говорили ему о сношениях польского общества с английским правительством, от которого поляки получают деньги, и с прусскими и венгерскими тайными обществами.

По показаниям Маевского и Карвицкого, Ворцель требовал с храмовых рыцарей денег на сношения с Пруссией, Саксонией и Францией.

Несомненно, искали поляки союзников и в России. Кажется, они расчитывали найти их, прежде всего, в малороссах (укра-

инцах. В. А.). Повидимому, с этой целью была создана поляками в Киеве ложа „Соединенных Славян", где впервые встретились члены польских обществ и декабристы. Поляки, однако, искали сближения с малороссом (украинцем. В. А.) Лукашевичем, которого считали главой малороссийского (украинского В. А.) общества. Загадочным остается отношение к польскому движению поляка Люблинского, одного из основателей общества „Соединенных Славян". Никаких данных, указывающих на связь его с польским движением, нет, но идея, которую он вносит в общество, родственна идее ложи „Соединенных Славян", созданной польскими масонами.

Сношения между польским обществом и южным начались в 1823 году. Между С. Муравьевым и Бестужевым, с одной стороны, князем Яблоновским и Оссолинским, с другой. Посредником был непринадлежавший к обществу гр. Ходкевич, который дал Бестужеву письмо к Прозору, но потом, очевидно опасаясь оставлять в руках документ, Ходкевич взял письмо обратно и обещал, что в Бобруйск, где стояла тогда 9 дивизия, в которой служили Муравьев и Бестужев, приедет депутат от польского общества. Депутат этот не приехал, но ранней весной 1824 года приехал в Киев на контракты полковник Крыжановский.

Ходкевич познакомил с ним Бестужева и Муравьева, и здесь впервые начались переговоры между русским и польским обществами.

Крыжановский имел три свидания с С. Муравьевым и Бестужевым: одно состоялось у Ходкевича, одно у Крыжановского и одно у Бестужева. Обе стороны держали себя очень осторожно и не раскрывали вполне своих карт. Особенно сдержанным был Крыжановский, и если Бестужеву и Муравьеву удалось много узнать о польском обществе, то не через Крыжановского, а через Ходкевича. Бестужев так говорит об источнике, из которого ему стали известны имена некоторых членов польского общества:

„Что касается до членов, я говорил генералу Левашеву, докладывал и устно и письменно, что поименно не называл мне Ходкевич никого, кроме однако же гр. Прозора, к которому и дал было лишь письмо (в октябре 1823 года), но после взял оное назад. Но как граф Ходкевич довольно нескромен, то между разговоров я уловил сведения о названных мною особах и потому никакого совершенно доказательства о принадлежности их к тайному обществу дать не могу. Даже, как я об'яснил в ответах, не знаю, Хлопицкий и Тарновский выписались ли уже из числа членов, ибо по слышанному мной от Ходкевича польское общество три раза уже преобразовывалось с 1807 (sic) года". (Дело 316).

Бестужев, очевидно, таким образом воспользовался нескромностью Ходкевича и раскрыл комитету то, что слышал слу-

чайно в разговорах от Ходкевича; отсюда неточность показаний русских о польском обществе, так как Ходкевич знал не все. Ходкевич не пользовался даже особым доверием членов польского общества; так, заводя сношения с русскими они предложили им сношения с Ходкевичем прервать. Повидимому, однако, связями Ходкевича поляки пользовались для разведок. Несомненно, что если в данном случае непосредственная инициатива сношений принадлежит русским, то поляки уже раньше интересовались русским обществом. Крыжановский показывает, что Гродецкому поручено было разведать о русском обществе. Возможно, что делали это и через Ходкевича, который в доме у Раевских встречался с членами „Южного Общества".

Переговоры между Крыжановским и Бестужевым (Муравьев присутствовал при них, но почти не вмешивался) велись с целью установить соглашение для совместного выступления. Русское общество признавало независимость Польши и уступку части отошедших к России областей; поляки должны были начать революцию одновременно с русскими, под условием, чтобы их известили за две недели. Поляки должны были помешать всеми средствами возвращению в Россию Константина Павловича, атаковать и обезоружить литовский корпус, если он станет на сторону Константина Павловича. Остается неясным, каким образом должны были поляки удержать Константина Павловича.

Относительно позднейших переговоров русские утверждают, что поляки согласились с их планом убить Александра и Константина Павловича; поляки единодушно это отрицают. Крыжановский утверждает, что он на такое предложение ответил, что „никогда рука поляка не обагрялась кровью их монарха". То же говорит, кроме сдержанного Крыжановского, и павший духом на допросе кн. Яблоновский. Но все-таки более вероятным нам кажется, что соглашение по этому вопросу произошло, хотя и не теперь. Сочинять это усугубляющее вину обстоятельство для русских не было бы смысла, тогда как, наоборот, чувство самосохранения могло бы подсказать полякам их тактику, даже таким словоохотливым, как Яблоновский, что именно этот факт нужно отрицать. На существование такого соглашения указывает, повидимому, тот разговор при посещении Чарковским Солтыка, о котором мы говорили выше. Неясно, однако, как произошло соглашение по этому поводу. Некоторые вопросы были устранены, чтобы не возбуждать разногласия. Так Бестужев отказался сговариваться относительно границ между Польшей и Россией, говоря, что этот вопрос еще не выяснен. В своей записке, поданной в директорию „Южного Общества", Бестужев говорит, что поляки могут получить всю Гродненскую, части Виленской, Волынской и Минской губерний. Так проходит она и на карте России, составленной Пестелем, которая воспроизведена в книге Довнар-Запольского „Идеалы декабристов".

Крыжановский со своей стороны снял с очереди вопрос о форме правления. Тем не менее, между сторонами произошло нечто вроде предварительного соглашения, которое должно было окрепнуть позднее. Для дальнейших сношений между обществами были назначены, со стороны поляков,—Гродецкий и Чарковский, со стороны русских, — те же Бестужев и С. Муравьев. Чарковский, однако, остался в стороне. Сношения велись только с Гродецким. Что касается до результатов совещания с Крыжановским, то русские считали за твердо установленное согласие поляков помешать возвращению Константина Павловича в Россию и обезврежению литовского корпуса.

В течение года Бестужев трижды виделся с Гродецким, упрекал его в бездействии польского общества, подымал вопрос об убийстве Константина Павловича. Гродецкий относился к горячности Бестужева очень сдержанно, и эти переговоры результата не имели.

На контрактах в Киеве, в 1825 году, произошел второй с'езд уполномоченных от русского и польского обществ. Со стороны русских были на этот раз Пестель и Волконский (Бестужев и Муравьев не могли приехать в Киев, так как корпусный командир не дал им отпуска), со стороны поляков— кн. Яблоновский и Гродецкий. Гродецкий, однако, играл в этих переговорах пассивную роль. По словам Волконского, Пестель мистифицировал поляков, выдав себя за уполномоченного от петербургской директории общества, в то же время он сильно и сознательно преувеличивал силы русских обществ. Переговоры касались главным образом тех вопросов, которые не были окончательно выяснены в прежнее свидание; именно о форме правления и о судьбе Константина Павловича. Относительно формы правления Яблоновский решительно высказался, что в Польше республиканская форма невозможна, вопрос же об отношении к убийству Константина Павловича неясен. Вероятно, как это предполагает и пр. Довнар-Запольский („Тайное общество декабристов"), Пестель говорил о намерении убить императора и Константина Павловича. Может быть, тут произошло соглашение по этому вопросу. Пестель определенно показывает, что на совещании было установлено, что поляки поступят с Константином Павловичем так, как русские с Александром I, а так как относительно Александра у „Южного Общества" существовали совершенно определенные намерения убийства, то, очевидно, та же участь предназначалась и Константину. На этом же совещании было установлено, чтобы поляки не принимали в свое общество русских, а русские поляков; было постановлено также обоим обществам стараться вербовать членов в литовском корпусе, где много как русских, так и поляков. Для того, чтобы регулировать отношения русских и поляков в литовском корпусе, были назначены для сношений по этим делам, с польской стороны — граф

Мошинский, с русской — полковник Повало-Швейковский. Уполномоченными для сношений были назначены по прежнему Гродецкий и от русского общества в Варшаве Лунин. Относительно границ между Польшей и Россией показания разноречивы. Гродецкий показывает, что русские во время переговоров, в которых он участвовал, обещали восстановление Польши в прежних границах, но выговорили, что образ правления в Польше в первый год будет тот же, что в России, т.-е. республиканский, и только со второго года Польше предоставлялось установить его по своему усмотрению. В другом показании он говорит, что русские обещали полякам возвратить провинции, отошедшие к России и помочь возвратить отошедшие к Австрии и Пруссии. Мошинский показывает, что русские не соглашались уступить только Подолию. Вопрос этот остается, однако, не ясным.

Эти переговоры были последними сношениями между обществами. Решено было уполномоченным обществ с'ехаться снова на контрактах 1826 года, но этому решению сбыться было не решено. Лунин в сношения с польским обществом не вступал Мошинский встречался несколько раз в Бердичеве с кн. Волконским, но их переговоры важного значения не имели. Во время этих свиданий Мошинский рассказывал Волконскому, что среди поляков офицеров минского пехотного полка, входившего в состав литовского корпуса, много членов тайного общества. Это было передано Волконскими Пестелю, а последним сообщено следственному комитету.

Приезжал в Радомысль Мошинский к Швейковскому. По показаниям последнего, говорил о польском обществе и о сношениях с Англией и Грузией.

Уже после 14-го декабря в Житомир к Мошинскому приезжал С. Муравьев, рассказывал о событиях в Петербурге, о двухдневной защите Трубецкого в доме Ляваль и спрашивал будут ли поляки помогать, если 3-й и 4-й корпус восстанут?

На вопрос Мошинского, не было ли 14-ое декабря началом выполнения плана общества, С. Муравьев ответил, что несколько горячих голов сделали шаг, совершенно противный планам общества. Беспокойства, однако, по словам Мошинского, С. Муравьев не обнаружил и хотел ехать в Петербург, чтобы условиться с кем-то. По показанию самого С. Муравьева, он пытался через Мошинского вовлечь польское общество на такие шаги, чтобы после них оставалось только открытое возмущение. С этой целью он хотел через Мошинского послать бумагу в Варшавскую директорию, но Мошинский переслать ее отказался.

Н. Н. КОРОБКА

VII. БИБЛИОГРАФИЯ О ДЕКАБРИЗМЕ И ДЕКАБРИСТАХ

ЭПОХА АЛЕКСАНДРА I[1])

Русская история с древнейших времен. Под ред. М. Покровского Изд. т-ва „Мир", т. IV. — Переиздано в Москве Госиздатом в 1920 г.

История России XIX в. Изд. т-ва „Гранат", т. I. (Статьи: М. Покровский. Александр I; — Н. Рожков Экономическое развитие России в перв. пол. XIX в; — Библиография по отдельным вопросам).

История русской литературы XIX в. Изд. т-ва „Мир", т. I. (Статьи: М. Довнар-Запольский. Эпоха Александра I; — Н. Пиксанов. Публицистика Александровской эпохи; — П. Сакулин Литературные течения в Александровскую эпоху; — Библиография по отдельным вопросам).

Отечественная война и русское общество. Под ред. Истор. Комиссии Общ-ва распростран. технич. знаний. М. 1911—1912.

Книга для чтения по истории нового времени. Изд. Истор. Комиссии учеб. отд. Общ-ва распр. технических знаний, т. III. (Статьи: Г. Тельберг. Либеральные течения в России в перв четв. XIX в.; — Б. Пичета. Фритредеры и протекционисты в России в перв. четв. XIX в.; — И. Катаев. Русское общество в эпоху Отечественной войны; — М. Любавский. Царство Польское и его конституция 1815 г.; — С. Мельгунов. Мистицизм и реакция в царствование Александра I; — В. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов).

М. Довнар-Запольский. Обзор новейшей русской истории, т. I. Киев. 1912.

Е. Звягинцев. Общественное движение в России в нач. XIX в. Изд. „Донская Речь". Ростов на-Д. 1904.

А. И. Герцен. О развитии революц. идей в России. Изд. Павленкова. СПБ. 1907. Перепеч. в VI томе „Сочинений" под. ред. М. Лемке.

А. Корнилов. Курс истории России XIX в. М. 1912 и 1919, т. I. (Приведена библиография).

А. Ляхов. Основные черты социальных и экономических отношений в России в эпоху Александра I. М. 1912

М. Любавский. История западных славян. М. 1918. Изд. Сабашниковых.

П. Милюков. Очерки по истории русской культуры.

А Пыпин. Общественное движение в России при Александре I. Изд. 5-е. СПБ. 1918. С предисловием Н. А. Котляревского.

Н. Котляревский. Литературные направления Александровской эпохи. Изд. 2. СПБ. 1913.

А. Пыпин. Характеристики литературных мнений от 20-х до 50-х гг. СПБ. 1909.

В. Семевский. Крестьянский вопрос в России в XVIII и перв. пол. XIX в. 2 тт. СПБ. 1888. — См. также его статью под тем же заглавием в сборнике „Крестьянский строй" (СПБ. 1905).

Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Изд. Сытина. М. 1911.

---

[1]) Из брошюры А. А. Шилова „Что читать по истории русского революционного движения?" Указатель важнейших книг, брошюр и журнальных статей. Гос. Изд. П. 1922 г. См. стр. 33 — 49.

Шиман. Александр Первый. Перевод с немецкого. Изд. т-ва „Образование". М. 1911.

С. Сватиков. Общественное движение в России. СПБ. 1905. Изд. „Донская Речь".

Вл. Бурцев. За сто лет (1800 — 1896). Сборник по истории политических и общественных движений в России. Лондон. 1897. (Ч. II. Хроника и библиография 1801 — 1825 г.г.)

Н. К. Шильдер. Имп. Александр I. Его жизнь и царствование. 4 тт. Изд. Суворина СПБ. 1904.

Николай Михайлович, вел. князь. Имп. Александр I. Опыт исторического исследования. СПБ. 1912.

ВОЛНЕНИЯ В СЕМЕНОВСКОМ ПОЛКУ В 1820 ГОДУ

М. И. Богданович. Беспорядки в Семеновском полку. — „Вестн. Евр." 1870 № 11.

Записки полковника Вадковского. 1820 — 1822. — „Русск. Стар." 1873, № 5.

И. В. Васильчиков. Мнение команд. отд. гвард. корпусом о Семеновском возмущении 1820 г. — „Русск. Арх." 1870. № 10.

Переписка И. В. Васильчикова с кн. П. М. Волконским. — „Русск. Стар." 1871. № 12.

П. П. Карцев. — Прокламация к солдатам Семеновского полка. — „Русск Арх". 1875. № 7.

Его же. События в лейб.-гв. Семеновском полку в 1820 г. „Русск. Стар." 1883. №№ 3—4.

М. И. Муравьев-Апостол. Из записок декабристов. — „Гол. Мин." 1914. № 1.

В. И. Рачинский. К истории л.-гв. Семеновского полка. Возмущение 1820 г. — „Русск. Арх." 1902, т. 3. — Поправки А. Смирнова, там же 1903. № 1.

К. Ф. Рылеев. Возмущение старого л.-гв. Семеновского полка. — „Русск. Стар." 1871. № 11; — в 1906 г. перепечатано отдельным изданием И. Г. Балашевым. СПБ. — Дополнение к статье — „Русск. Стар". 1873. № 6.

В. Семевский. Волнение в Семеновском полку в 1820 г. — „Былое" 1907. №№ 1 — 3.

Шильдер. Император Александр I, т. IV.

С. П. Шипов. Рассказы и замечания о Семеновской истории. — „Русск. Арх." 1875, т. 3.

С. Я. Штрайх. Восстание Семеновского полка в 1820 г. Историко-Революционная Библиотека, издав. Госиздатом. Петр. 1920. (Приведена библиография).

Семеновская история 1820 г. Воспоминания одного из офицеров полка. — „Дела и Дни" 1920, кн. I, с. 113.

ДЕКАБРИСТЫ

ПОПУЛЯРНЫЕ ОЧЕРКИ О ДЕКАБРЬСКОМ ДВИЖЕНИИ

В. Я. Богучарский. Пропаганда в армии. — Тайные общества. — День 14 дек. 1825 г. в Петербурге. — Сборник „Отечественная война и русское общество", т. VII.

А. Герцен. О развитии революционных идей в России. СПБ. 1907. — Перепеч. в VI томе „Полн. собрания сочинений", под ред. М. Лемке.

Е. Звягинцев. Общественное движение в России в нач. XIX в. Изд. „Донская Речь". Рост.-на-Д. 1904.

К. Левин. Декабристы. История вооруженного восстания в 1825 г. Изд. „Колокол". Петр. 1907.— Переизд. Петр. 1919.

К. Левин и М. Покровский. Декабристы.— „История России XIX в." Изд. т-во Гранат, т. I.

Д. С. Мережковский. Первенцы свободы. История восстания 14 дек. 1825 г. Изд. „Народная Власть. Петр. 1917.

Г. Плеханов. 14 декабря 1825 года. Речь. Изд. Рутенберг. СПБ. 1906.— Перепеч. Госиздатом. Петр. 1921.

М. А. Полиевктов. Родоначальники русской революции. Декабристы. Изд. Карбасникова. Петр. 1917.

В. Семевский. Декабристы и крестьянский вопрос. — Сборник „Великая реформа", т. V.

Чешихин (Петринский). А. Н. Муравьев и другие декабристы во время крестьянской реформы.—„Великая реформа", т. V.

В. Е. Якушкин. Декабристы. Кто они были и чего хотели? М. 1917.

ОБЩИЕ ТРУДЫ О ДЕКАБРЬСКОМ ДВИЖЕНИИ И ДЕКАБРИСТАХ

Е. Бобров. Образовательный ценз декабристов. — „Сборн. Ученo-Литер. Общ-ва при Юрьевском ун-те" (1908). Т. XI.

Буткевич. Религиозные убеждения декабристов. — „Вера и Разум" 1899. № 22.

Г. Василич. Восшествие на престол Николая I. В двух частях. Изд. моск. т-ва „Образование". М. 1909.—Другое название той же книги „Разруха 1825 г.".

Р. Выдрин. Национальный вопрос в русском освободительном движении. „Голос Мин." 1915. №№ 1—2.

А. И. Герцен. 14 декабря 1825 г. СПБ. 1906.—Перепеч. в IX томе „Полн. собр. сочинений" под ред М. Лемке.

Н. А. Гастфрейнд. Декабристы во флоте. — „Всем. Вестн." 1903. № 6—7.

Декабристы. Восемьдесят шесть портретов. Пояснительный биографический текст П. М. Головачева. Изд. М. М. Зензинова. М. 1906 (приведена библиография).

Декабристы в рассказе помощника квартального. — „Всем. Вестн." 1907. № 1. (Перепеч. из „Вестн. Нар. Воли". № 5).

М. В. Довнар-Запольский. Идеалы декабристов. М. 1905. (Характеристика взглядов декабристов на современный государственный и общественный строй).

М. В. Довнар-Запольский. Мемуары декабристов. (Записки, письма, показания, проекты конституции, извлеченные из следственного дела, с вводной статьей). Киев. 1906.

М. В. Довнар-Запольский. Тайное общество декабристов. Исторический очерк, написанный на основании следственного дела. М. 1906. (Обзор развития и подготовительной деятельности тайных обществ, основанных декабристами).

Его же. Декабрьская революция 1825 г.—„Гол. Минувш." 1917. № 7-8.

Н. Ф. Дубровин. После Отечественной войны. — „Русск. Стар". 1904. №№ 1—5.

Журнал ген.-ад'ют. К. Ф. Толя. О декабрьских событиях 1825 г. СПБ. 1910.

Р. В. Иванов-Розумник. История русской общественной мысли, т. I. СПБ. 1908; — т. I. СПБ. 1918.

Из писем и показаний декабристов. Критика современного состояния России и планы будущего устройства. Под редакцией А. К. Бороздина. Изд. М. В. Пирожкова. СПБ. 1906. (П. Г. Каховский, А. А. Бестужев, Г. С. Батенков, В. И. Штейнгель, А. И. Якубович, С. И. Муравьев-Апостол, П. И. Пестель, К. Ф. Рылеев.

Н. Коробка. Польские общества 20-х г.г. и декабристы. Сборник „О минувшем". СПБ. 1909, стр. 189.

М. Корф. Восшествие на престол имп. Николая I. СПБ. 1857.

Г. А. Куклин. Материалы к изучению истории революционного движения в России. Т. I. Женева. 1905. (Приведена библиография).

Н. К. Кульман. Из истории общественного движения в России в царствование Александра I. СПБ. 1908.

К. Левин. Политические и социальные воззрения декабристов. — Сборник. „Текущий момент". М. 1906.

С. Лукашевич. Материалы по истории русского флота. — „Морск. Сборник". 1920. №№ 6—7. (Декабристы во флоте).

Д. С. Мережковский. Александр I. Роман. М. 1913.

Его же 14 декабря. Роман. Изд. „Огни". Пет. 1918

А. М. Михайловский-Данилевский. Вступление на престол имп. Николая — „Русск. Стар." 1893, № 11.

Б. Модзалевский. Декабристы. Мелкие заметки и материалы. „Мин. Годы" 1908. № 1.

М. Ольминский. Из прошлого. М. 1919. (Статья: Происхождение жандармов).

Н. П. Павлов-Сильванский. Материалисты двадцатых годов. (Декабристы и „Общество Соединенных Славян"). — „Былое". 1907, № 7; — переп. в его „Очерках по русской истории XVIII — XIX вв.". СПБ. 1910.

Н. Русанов. Влияние европейского социализма на декабристов и молодого Герцена. — „Мин. Годы" 1908. № 12 (Пестель и Лунин).

В. И. Семевский. Вопрос о преобразовании государственного строя России в XVIII — перв. четв. XIX в.в. — „Былое". 1906. №№ 1, 2, 3. (Отчасти вошло в его монографию „Политич. и общественные идеи декабристов". СПБ. 1909).

В. И. Семевский. Декабристы — масоны. — „Мин. Годы" 1908. №№ 2, 3, 5 — 6. — (Отчасти вошло в ту же монографию).

Его же. Крестьянский вопрос в обществе декабристов. — Сборник „Крестьянский строй". Т. I. СПБ. 1905.

Его же. Политические и общественные идеи декабристов. СПБ. 1909. (Лучшее исследование по истории декабризма).

Е. Тарасов. Русские „геттингенцы" перв. четв. XIX в. и влияние их на развитие либерализма в России. — „Гол. Мин." 1914. № 7. (Тургеневы).

С. С. Татищев. Воцарение имп. Николая. — „Русск. Вестн." 1893. №№ 3 — 4.

А. А. Фомин. К истории вопроса о развитии в России общественных идей в нач. XIX в. — „Русск. Библиофил" 1914. №№ 5 — 7. (Отд. — СПБ. 1914).

Н. К. Шильдер. Междуцарствие в России. — „Русск. Стар." 1882. № 7; 1897. № 2.

Его же. Имп. Николай I. Его жизнь и царствование.

П. Щеголев. Грибоедов и декабристы. СПБ. 1905. — Перепеч. в его „Исторических этюдах" (СПБ. 1913).

В. Е. Якушкин. Государственная власть и проекты государственной реформы в России. Изд. Львовича. СПБ. 1906.

Кроме указанных книг и статей, общий очерк декабрьского движения см. в отмеченных выше: Б. Глинский, Борьба за конституцию. СПБ. 1908. — А. Пыпин, Общественное движение при Александре I. СПБ. 1908. — А. Кульчицкий, История русского революционного движения. СПБ. 1908. — С. Сватиков, Общественное движение в России. Рост.-на-Д. 1905. — А. Тун, История революционного движения в России. СПБ. 1905 и сл.

КНИГИ, СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ (ЗАПИСКИ, ПИСЬМА И Т. П.) ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ДЕКАБРИСТАХ

Н. В. БАСАРГИН

Н. В. Басаргин Записки Ред и вступ. статья П. Е. Щеголева. С приложением статьи „Процесс Басаргина". Изд. „Огни". Петр. 1917.

Г. С. БАТЕНКОВ

Г. С. Батенков. Повесть собственной жизни. — „Русск. Арх." 1881, т. 2, с. 251.

Рассказы о декабристе Г. С. Батенкове. — „Русск. Арх." 1811, т. 3, с. 436.

Русские Пропилеи. Т. II. Собрал и приготовил к печати М. Гершензон. М. 1916. (Письма Г. С. Батенкова).

Г. С. Батенков. Биограф. очерк. „Русск. Стар." 1889. № 8.

К. Дубровский. Рожденные в стране изгнания. Петроград. 1916, (Декабрист - сибиряк).

А. Лучшев. О декабристе Батенкове — „Русск. Арх." 1886, т. 2.

Б. Модзалевский. Г. С. Батенков. — „Русск. Истор. Журн.", т. V.

А. П. БЕЛЯЕВ

А. П. Беляев. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном (1805 — 1850). Изд. Суворина. СПБ. 1882. — Продолжение записок — „Русск. Стар." 1884, № 4 — 5; 1885, №№ 3, 12; 1886, №№ 2, 11.

А. А., Н. А. и М. А. БЕСТУЖЕВЫ

Воспоминания братьев (Н. А. и М. А.) Бестужевых. Редакция П. Е. Щеголева. Изд. „Огни". Петр. 1917.

И. Замотин. Романтический идеализм. СПБ 1907.

Н. Котляревский. Декабристы А. И. Одоевский и А. А. Бестужев - Марлинский. Изд. Стасюлевича. СПБ. 1907.

Галлерея Шлиссельбургских узников, т. I. (Н. А. и М. А. Бестужевы — статья С. Венгерова).

В. Богучарский. Из прошлого русского общества. Изд. Пирожкова. СПБ. 1904. (Семейство Бестужевых).

Н. С. БОБРИЩЕВ - ПУШКИН

А. Н. Львов. Государственный преступник Н. Бобрищев - Пушкин „Ист. Вестн." 1896. № 8.

А. Н. Соломин. Безумный декабрист. „Ист. Вестн." 1910. № 12.

БРАТЬЯ БОРИСОВЫ

Н. Коробка. Декабристы бр. Борисовы и „Общество Соединенных Славян". „Современ" 1911. № 5

Н. П. Павлов-Сильванский. Очерки по русской истории XVIII — XIX в.в. СПБ. 1910. (Материалисты двадцатых годов и „Общество Соединенных Славян").

А. И. ВЕГЕЛИН

А. А. Сиверс. К истории декабристов. Письма жен декабристов о А. И. Вегелине. Сборник „Огни". История литературы. Кн. 1. Петр. 1916,

Его же. Тайное общество военных друзей. „Дела и Дни" 1920. № 1. с. 239 сл.

С. Г. ВОЛКОНСКИЙ

Архив декабриста С. Г. Волконского. Под ред. кн. С. М. Волконского и Б. Л. Модзалевского, т. I. До Сибири. Петерб., 1918.

Записки кн. М. Ник. Волконской. 2-е изд. СПБ. 1906. и др. издания.

С. Гр. Волконский. Записки. Изд. М. С. Волконского. СПБ. 1902.

В. Богучарский. Из прошлого русского общества. СПБ. 1904. (Записки С. Г. Волконского).

М. В. Довнар-Запольский. Из истории общественных течений в России. Киев. 1908. (Записки С. Г. Волконского).

Н. Мурзанов. К биографии декабриста С. Г. Волконского. „Русск. Стар." 1914. № 7.

А. С ГАНГЕБЛОВ

Воспоминания декабриста А. С. Гангеблова. М. 1884. — Дополнения к ним. — „Русск. Арх." 1886, т. 2, с. 181, 438.

ВАЛ. ГОЛИЦЫН

Дело о декабристе кам.-юнкере кн. Вал. Голицыне. „Гол. Мин." 1913. № 2.

И. Юдин. Декабрист Голицын в Астрахани. „Русск. Арх". 1913, № 2.

И. И. ГОРБАЧЕВСКИЙ

Записки декабриста И. И. Горбачевского. С приложением и вступит. статьей Б. Е. Сыроечковского. Изд. „Задруга". М. 1916.

Декабрист Горбачевский. — „Русск. Арх." 1882, т. 2, с. 311.

Письма И. Горбачевского к кн. Е. П. Оболенскому. „Русск. Стар." 1903. № 9 — 10.

В. Л. ДАВЫДОВ

Н. Мурзанов. К биографии декабриста В. А. Давыдова. „Русск. Стар." 1914. № 9.

Д. И. ЗАВАЛИШИН

Записки декабриста Д. И. Завалишина. СПБ. 1906.

С. Манасеин. Д. И. Завалишин в Сибири „Русск. Стар." 1906, с. 122.

В. П. ЗУБКОВ

В. П. Зубков. Записки о заключении в Петропавловской крепости по делу 14 дек. 1825 г. СПБ. 1906.

В. П. ИВАШЕВ

А. Б. Роман декабриста. „Русск. Мысль" 1885. № 10.

К. Г. ИГЕЛЬСТРОМ

А. А. Сиверс. Тайное общество военных друзей (1825). „Дела и Дни", 1920, кн. 1, с. 239.

П. Г. КАХОВСКОЙ

П. Щеголев. П. Г. Каховской. Историко-психологический этюд. „Былое" 1906. № 1 — 2. — Перепечатано отдельно: Изд. „Альциона". М. 1919. — Госиздат. Петр. 1921.

А. О. КОРНИЛОВИЧ

А. О. Корнилович. Биографический очерк. „Русск. Стар." 1878, № 10.

В. Богучарский. Из прошлого русского общества. СПБ. 1904.

П. Щеголев. Благоразумные советы из крепости. О декабристе А. О. Корниловиче. „Соврем." 1913 г. № 2—3. — Перепечат. в его кн. „Декабристы". Петр. 1920.

С. И. КРИВЦОВ

М. Гершензон. Декабрист Кривцов и его братья. Изд. Сабашниковых. М. 1914.

В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕР

В. К. Кюхельбекер. Дневник (1831 — 1845). „Русск. Стар." 1875, т. 13—14; 1883, т. 39; 1884, т. 41; 1891, т. 72.

Н. А. Котляревский. В. К. Кюхельбекер. „Русск. Бог." 1901, №№ 3—4.

Н. И. ЛОРЕР

Н. И. Лорер. „Истор. Вестн." 1893. № 11.

Н. И. Лорер. Из записок декабриста. „Р. Бог." 1904. №№ 3, 6 и 7.— Из „Русск. Арх." 1872, № 11; 1874, № 2, 9.

Л. Ф. ЛЬВОВ

Л. Львов. Из воспоминаний. „Русск. Арх." 1885, т. I, с 352, 541. — Замечания на записки. Там же, т. 3, с. 553.

М. С. ЛУНИН

Декабрист М. С. Лунин. Очерк его биографии, письма из ссылки и статьи: „Взгляд на тайное общество" и „Разбор донесений Следствен. Комиссии". Петер. 1917.

М. Мурзанов. К биографии декабриста М. С. Лунина. „Русск. Стар." 1914. № 3.

О же. Записки. „Русск. Арх." 1877, т. I, с. 51, 240, 519; т. II, с. 55.

М. Н. МУРАВЬЕВ

Д. Кропотов. Жизнь гр. М. Н. Муравьева. СПБ. 1874.

П. Щеголев. Гр. М. Н. Муравьев - заговорщик. „Соврем." 1913. № 1. — Перепеч. в его кн. „Декабристы". Петерб. 1920.

Н. И. МУРАВЬЕВ

Библиотека декабристов, под редакцией Балицкого. М. 1906. Вып. 4. Записки декабриста М. А. Фонвизина и проект конституции Н. И. Муравьева

В. Якушкин. Государственная власть и проекты государственной реформы. СПБ. 1906.

М. И. МУРАВЬЕВ - АПОСТОЛ

М. И. Муравьев-Апостол. Из воспоминаний. „Русск. Арх." 1871, с. 229; 1888, т. 3, с. 368. — Воспоминания, записанные А. П. Беляевым, „Русск. Стар." 1886, т. 51.

А. Гебель. Из записок. „Русск. Арх." 1871, с. 1717.

М. И. Муравьев-Апостол. „Русск. Арх." 1886, т. 2, с. 143.

А. Созанович. Из записок декабриста М. И. Муравьева-Апостола. „Гол. Мин." 1914. № 1.

Якушкин. М. Муравьев-Апостол. „Русск. Стар." 1886. № 7.

С. И. МУРАВЬЕВ-АПОСТОЛ

Скалон. Воспоминания. „Ист. Вестн." 1891. № 5 — 7.

Берсеньев. С. И. Муравьев-Апостол. Москва. 1919. Изд. „Альциона".

Балас. С. Муравьев-Апостол. Биогр. очерк. „Русск. Стар." 1873 № 5 [1]).

П. Е. Щеголев. Катехизис С. Муравьева-Апостола. „Мин. Годы" 1908. № 11. — Перепеч. в его „Историч. этюдах". СПБ 1913.

Письма С. И. Муравьева-Апостола. „Русск. Арх." 1888, т. 1, с. 47; 1887, т. 1, с. 52, 315.

Е. П. ОБОЛЕНСКИЙ

Головинский. Декабрист Е. П. Оболенский. „Ист. Вестн." 1890, № 1.

В. И. Семевский, В. Богучарский, П. Е. Щеголев. Общественные движения в России в перв пол. XIX в. Том I. СПБ. 1905. (Воспоминания кн. Оболенского и статья о нем В. Я. Богучарского).

А. И. ОДОЕВСКИЙ

Н. Котляревский. Декабристы. А. И. Одоевский и А. А. Бестужев. СПБ. 1907.

Сиоотинин. А. И. Одоевский. „Ист. Вестн" 1883. № 5.

Собрание стихотворений декабристов. Том I. Стихотворения Рылеева, Одоевского и др. Изд. И. И. Фомина М. 1906.

Полное собрание сочинений Рылеева и Одоевского. Изд. журн. „Ж. для всех". Спб. 1913. — Вступ. статья В. Поссе.

М. Ф. ОРЛОВ

М. Гершензон. Семья декабристов (М. Ф. Орлов и Раевские). „Былое". 1906. № 10 — 11.

Его же. История „Молодой России". М. 1908. (М. Ф. Орлов).

П. И. ПЕСТЕЛЬ

М. Гершензон. Образы прошлого Изд. „Окто". М. 1912. (П. И. Пестель).

М. Ковалевский. „Русская Правда" П. И. Пестеля. „Мин. Годы". 1908. № 1.

И. Майоров. Крестьянские воспоминания о П. И. Пестеле. „Былое". 1906. № 1.

Н. П. Павлов-Сильванский. П. И. Пестель. Статья в „Русск. Биогр. Словаре" (приведена библиография) — Эта же статья в перераб. и дополн. виде выпущена Госиздатом в 1919 г., как выпуск „Историко-Революционной Библиотеки".

Его же. Пестель перед Верховным Уголовным Судом. По неизданным источникам. „Былое". 1906. №№ 2 — 5. — Отд. изд „Русск. Ист. Библиотека" № 15. СПБ. 1907.

П. И. Пестель. Русская Правда. Наказ Временному Верховному Правлению. Ред. и примеч. П. Е. Щеголева. Изд. „Культура". СПБ. 1906.

Б. Сыромятников. Политическая доктрина в „Наказе" Пестеля. Сборник статей в честь В. О. Ключевского. М. 1909.

А. В. и О. В. ПОДЖИО

Н. А. Белоголовый. Воспоминания и другие статьи. Изд. „Литерат. Фонда". СПБ, 1906. (А. В. Поджио).

Записки А. В. Поджио. „Гол Мин." 1913. №№ 1 – 3.

Галлерея Шлиссельбургских узников, т. I. (О. В Поджио — статья В. Семевского).

---

[1]) Описка: не том 5, а том 7. В. А.

И. И. ПУЩИН

Н. А. Гастфрейнд. И. И. Пущин. СПБ. 1913. — Отзыв с исправлениями: С. Штрайх. Пасквиль на декабриста. „Гол. Мин." 1914. № 6.

Л. Н. Майков. А. С. Пушкин. СПБ. 1889. (Воспоминания Пущина).

Из переписки декабристов (И. Д. Якушкина, И. И. Пущина, А. Е. Розена). „Гол. Мин." 1915. №№ 3 — 4, 6 — 8, 12.

Галлерея Шлиссельбургских узников, т. I. (И. И. Пущин — статья В. Богучарского).

М. И. Пущин. Записки. „Русск. Арх." 1908. №№ 11, 12.

В. Ф. РАЕВСКИЙ

М. Гершензон. Семья декабристов (М. Ф. Орлов и Раевские). „Былое". 1906. №№ 10, 11.

П. Щеголев. Первый декабрист В. Ф. Раевский. Изд. „Обществ. Польза". СПБ. 1906 — Перепеч. в его „Исторических этюдах". СПБ. 1913.

Его же. Вл. Раевский и его время. „Вестн. Евр." 1903. № 6.

Его же. Возвращение декабриста. Записки В. Раевского. „Соврем." 1912. № 12. — Переп. в его кн. „Декабристы". Петр. 1920.

А. Е. РОЗЕН

Из переписки декабристов. (И. Д. Якушкина, И. И. Пущина, А. Е. Розена). „Гол. Мин." 1915. №№ 3, 4, 6 — 8, 12.

К биографии декабриста А. Е. Розена „Мин. Годы" 1908. № 11.

А. Е. Розен. Записки декабриста. Изд. „Обществ. Польза" СПБ. 1907.

К. Ф. РЫЛЕЕВ

К. Ф. Рылеев. Воспоминания Н. А. Бестужева. Москва. Изд. „Альциона". 1919.

Библиотека декабристов. Ред. Балицкого. М. 1906. Вып. 1 — 3. Произведения К. Ф. Рылеева. Письма, показания его и воспоминания.

Собрание стихотворений декабристов, т. I. Стихотворения Рылеева, Одоевского и др. Изд. И. И. Фомина. М. 1906.

А. Бороздин. Литературные характеристики, т. I. СПБ. 1903.

Г. Карасик. К. Ф. Рылеев. Певец борьбы и свободы. СПБ. 1906.

Н. Котляревский. Рылеев. Изд. „Светоч". СПБ. 1908.

В. Маслов. Литературная деятельность К. Ф. Рылеева. Киев. 1912. — Поправки и дополнения: Его же. „Киевск. Унив. Изв." 1916. № 2.

Материалы для биографии К. Ф. Рылеева. „Всемирн. Вестн." 1907. №№ 10, 11. (Перепеч. с лейпц. изд. 1875 г.).

В. Поссе. Жизнь и творчество К. Рылеева и А. Одоевского в связи с общественными и литературными течениями нач. XIX в. „Полн. собрание сочинений Рылеева и Одоевского". СПБ. 1913. Изд. „Жизнь для всех".

И. И. СУХИНОВ

Биография И. И. Сухинова. „Русск. Арх." 1870, ст. 908.

К истории заговора И. И. Сухинова. „Былое" 1906 № 8.

С. П. ТРУБЕЦКОЙ

Записки декабриста кн. С. П. Трубецкого. Изд. его дочерей. СПБ. 1907.

Письма С. П. Трубецкого к жене. „Современн." 1913. № 12.

Н. И. ТУРГЕНЕВ

М. Вишницер. Бар. Штейн и Н. И. Тургенев. „Мин. Годы" 1908. №№ 7, 10.

М. Вишницер. Геттингенские годы Н. И. Тургенева. „Мин. Годы“ 1908. №№ 4, 5 — 6.

Его же. Записки Н. И Тургенева по вопросам о крестьянской и судебной реформах. „Русск Мысль“ 1909. № 1.

М. Гершензон. Образы прошлого. Изд. „Окто“. М. 1912. (Н. И. Тургенев).

А. Корнилов. Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела. СПБ. 1905. (Н. И. Тургенев и „Союз Благоденствия“).

Г. Куклин. Материалы к изучению истории револ. движения, т. I. Женева. 1905. (Политическая эмиграция).

В. Семевский. Н. И. Тургенев о крестьянском вопросе. „Вестн. Евр.“ 1909. №№ 1, 2.

Е. И. Тарасов. Из истории декабристов. Детство и юность Тургенева. СПБ. 1915. Оттиск из „Журнала Мин. Нар. Просв.“.

Его же. Н. И. Тургенев. „Записки Саратовск. Ун-та“, 1918, т. I.

Н. И. Тургенев. Записки изгнанника. Изд. „Общ. Польза“. СПБ. 1907. (Отрывки из его кн. „La Russie et les russes“).

Его же. Россия и русские. Первое русское издание. Библиотека декабристов“ под ред. Балицкого Вып. II и V. СПБ. 1906. — Лучшее издание. М. 1915. Изд. К. Ф. Некрасова.

А. Шебунин. Общественные и политические взгляды Н. Тургенева в Александровскую эпоху. „Соврем.“ 1913. № 5 — 6.

П. Щеголев. Помилование Н. И. Тургенева. „Былое“. 1907. № 9. — Перепеч. в его кн. „Декабристы“. Петр. 1920.

П. И. ФАЛЕНБЕРГ

П. И. Фаленберг. Из записок. „Русск. Арх.“ 1877, т. 3, с. 92.

А. Ф. ФРОЛОВ

А. Ф. Фролов. Записки. „Русск. Стар.“ 1882. № 5 — 6.

А. Сиверс. Декабрист А. А. Фролов. „Дела и Дни“ 1920, кн 1 с. 414.

М. А. ФОНВИЗИН

Записка декабриста 1823 г. „Гос. Мин.“ 1916. № 10.

В. И. Семевский, В. Богучарский и П. Щеголев. Общественные движения России в перв. пол. XIX в. Том I. СПБ. 1905. (Статья В. И. Семевского о Фонвизине и его „Обозрение проявлений полит. жизни в России“).

А. Францева. М. А. Фонвизин. „Ист. Вестн.“ 1885. №№ 5 — 7.

Ф. П. ШАХОВСКОЙ

А. Пругавин Декабрист Ф П Шаховской в Спасо-Евфимиевском монастыре. „Русск Бог“ 1911. № 1 — 2 [1]).

П. Щеголев. Декабрист кн. Ф. П. Шаховской Биограф. заметка. „Былое“. 1907. № 8 — Перепеч. в его „Исторических этюдах“. Петр. 1913.

В. И. ШТЕЙНГЕЛЬ

В И Семевский, В Богучарский и П Е Щеголев. Общественные движения в России в пер. пол. XIX в. Т. I. СПБ. 1905. (Записки и статьи бар. Штейнгеля и статья о нем П. Е. Щеголева).

А. П. ЮШНЕВСКИЙ

П. В. Голубовский. Письма декабриста А. П. Юшневского и его жены из Сибири Киев. 1908.

---

[1]) Очевидно описка. Названная статья целиком помещена в № 1 „Русск. Б.“ за 1911 г. В. А.

И. Д. ЯКУШКИН

С. Каминский. Декабрист И. Д. Якушкин. М. 1907. Изд. Сытина.
Записки И. Д. Якушкина. М. 1905.
Из переписки декабристов. (И. Д. Якушкина, И. И. Пущина и А. Е. Розена). „Гол. Мин." 1915. №№ 3, 4, 6—8, 12.
По поводу записок И. Д. Якушкина. „Русск. Арх." 1871, с. 0189, 322, 333.
Русские Пропилеи. Собрал и приготовил к печати М. Гершензон, т. I. М. 1915. (Письма И. Д. Якушкина).
В. Е. Якушкин. Из бумаг декабриста И. Д. Якушкина. „Былое". 1906. № 4.

ЖЕНЫ ДЕКАБРИСТОВ

Записки жены декабриста П. Е. Анненковой. Изд. „Прометей". СПБ. 1917.
М. Н. Волконская. Записки. Перевод А. Кудрявцевой. С примечаниями и статьей. „Подвиг кн. М. Н. Волконской" П. Щеголева. Изд. „Прометей". СПБ. 1914. — Другое издание записок с русским и французским текстом. СПБ. 1906.
С. Постников. Жена декабриста. Кн. Волконская. „Заветы". 1913. № 9.
Русские Пропилеи. Т. I. Собрал и приготовил к печати М. Гершензон. М. 1915. (Письма М. И. Волконской).
Жены декабристов. Сборник статей под ред. В. Покровского. М. 1906.
Хин. Жены декабристов. „Истор. Вестн." 1884. № 12.
П. Е. Щеголев. Исторические этюды. Изд. „Шиповник". СПБ. 1913. (Жены декабристов и вопрос об их юридических правах).

ДЕНЬ 14 ДЕКАБРЯ 1825 г.

В. П. Батуринский. К истории 14 декабря. Воспоминания старожила. „Ист. Вестн." 1904. № 1.
Д. Н. Блудов. 14 декабря. „Русск. Арх." 1881, т. 2, с. 337.
Н. В. Вахтин. Артиллерийский огонь 14 декабря 1825 г. „Русск. Стар." 1880. № 5.
Воспоминания в. кн. Михаила Павловича о событиях 14 декабря. „Мин. Годы" 1908. № 10.
П. М. Голенищев-Кутузов. 14 декабря. Из воспоминаний. „Русск. Арх." 1882, т. 3 с. 229.
П. С. Деменков. 14 декабря 1825 г. на петербургских площадях. Записки очевидца. „Русск. Арх." 1877, т. 3, с. 258.
М. В. Довнар-Запольский. Декабрьская революция 1825 г. „Гол. Мин." 1917, № 7—8.
В. М. Еропкин. День 14 декабря. „Русск. Стар." 1885. № 4.
О числе жертв 14 декабря 1825 г. „Былое". 1907. № 3.
Из записок Николая I. „Былое" 1907. № 10. — Перепеч. в кн. Щеголева „Николай I и декабристы". Петр. 1919.
Письмо А. Оленина о 14 декабря. „Русск. Арх." 1869, с. 731.
М. М. Попов. Конец и последствия бунта 14 декабря 1825 г. Сборник „О минувшем". СПБ., 1909, с. 110.
Рассказ очевидца о событиях 14 декабря 1825 г. „Русск. Арх." 1899. № 4.
И. Сухозанет. 14 декабря 1825 г. „Русск. Стар." 1873, т. 7.
И. Фаленберг. Из записок о 1825 г. „Русск. Арх." 1877, т. 3.

В. И. Фелькнер. Записки о событиях 14 декабря 1825 г. „Русск. Стар." 1870, т. 2.

В. Якушкин. Заметки А. Н. Сутгофа о 14 декабря 1825 г. „Былое". 1907. № 4.

А. Е. Булгаков. Записки. „Старина и Новизна", кн. 28 (1917). — Есть и отд. издание.

ВОССТАНИЕ ЧЕРНИГОВСКОГО ПОЛКА НА ЮГЕ

Бунт Черниговского полка. Официальные рапорты. „Русск. Арх." 1871, с. 258.

А. Гебель. Из записок о бунте Черниговского полка. „Русск. Арх." 1871, с. 1717.

Довнар-Запольский. Декабрьская революция 1825 г. „Гол. Мин." 1917. № 7 — 8. (Приведена библиография).

В. С. Иконников. Крестьянское движение в Киевской губ. 1826 — 1827 г.г. в связи с событиями того времени. СПБ. 1905. (Приведена библиография).

М. И. Муравьев-Апостол. Из записок. „Русск. Арх." 1871, с. 0229.

Переписка по поводу бунта Муравьева-Апостола. „Русск. Стар." 1905. № 5.

Рассказ о возмущении Черниговского полка. „Соврем." 1913. № 5.

Шугуров. Бунт Черниговского полка. „Русск. Арх." 1902. № 6.

СЛЕДСТВИЕ, СУД И КАЗНЬ ДЕКАБРИСТОВ

В. Богучарский. Государственные преступления в России, т. I. СПБ. 1916.

Н. В. Голицын. Сперанский в Верховном Уголовном Суде над декабристами. „Русск. Ист. Журн." 1917. № 1 — 2.

Декабристы. Тайные общества. Процессы Колесникова, бр. Критских и Раевских. Изд. В. М. Саблина. М. 1907.

Казнь декабристов. — „Русск. Арх." 1881, т. 2, с 341.

Николай Михайлович, в. кн. Казнь пяти декабристов и Николай I. „Ист. Вестн." 1916. № 7.

Д. Д. Оболенский. По поводу казней декабристов. „Наша Стар." 1917. № 1.

Процесс декабристов. Донесение, следствие, приговор. Изд. Малинина. М. 1905.

Н. К. Шильдер. Исповедь Шервуда-Верного. — „Ист. Вестн." 1896. № 1

Его же. К биографии Шервуда. „Ист. Вестн." 1896. №5.

П. Щеголев. Имп. Николай I — тюремщик декабристов. „Был." 1906. № 5.

Его же. Из резолюций Николая I о декабристах. „Гол. Мин." 1913. № 11.

Его же. Николай I и декабристы. Изд. „Былое". Петр. 1919. (В книгу вошли статьи: Николай I — тюремщик декабристов. — Имп. Николай I и Сперанский в Верховном Суде над декабристами. — Из резолюций Николая I. Из записок Николая I).

ДЕКАБРИСТЫ В СИБИРИ И НА КАВКАЗЕ

Н. А. Белоголовый. Воспоминания и другие статьи. 4-е изд. СПБ. 1901. (Воспоминания о декабристах).

В ссылке и заключении. Воспоминания декабристов: кн. Оболенского, Басаргина и кн. Волконской. М. 1908.

Вейденбаум. Декабристы на Кавказе. „Русск. Стар." 1903. № 3.

В. Голодников. Декабристы в Тобольской губернии. „Всем. Вестн." 1908. № 9.

Б. Девяткин. К могилам декабристов. „Ист. Вестн." 1913. № 3.

Декабристы в Нерчинских рудниках. „Ист. Вестн." 1897. № 8.

Декабристы на поселении. „Современн." 1913. № 5.

А. И. Дмитриев-Мамонов. Декабристы в Западной Сибири. Исторический очерк по официальным документам. СПБ. 1905.

И. Ефимов. Декабристы и их жизнь в Сибири. „Русск. Арх." 1885. № 12.

Кучаев. Ст. Ром. Лепарский, комендант Нерчинских рудников. „Русск. Стар." 1880. № 8. — О Лепарском см. еще „Русск. Стар." 1892. № 7 [1]).

Л. Ф. Львов. Декабристы в Сибири. Из воспоминаний. „Русск. Арх." 1885, т. I.

С. В. Максимов. Сибирь и каторга. СПБ. 1871. — Перепечатано в „Собрании сочинений С. В. Максимова". Изд. „Просвещение".

Новые сведения о пребывании декабристов в Нерчинских заводах. „Ист. Вестн." 1891. № 7.

М. И. Пущин. Декабристы на Кавказе. „Русск. Стар." 1884, т. 41. — Дополнения: Там же, 1884, т. 42, с. 198, 437.

С. Семенов. Декабристы в Ялуторовске. „Сибирск. Арх." 1913 №№ 6 — 8.

Струве. Воспоминания о Сибири. „Русск. Вестн." 1888. №№ 4—11.

В. А. Тимирязев. Пионеры просвещения в Западной Сибири. „Ист. Вестн." 1896. №№ 5 — 6.

М. М. Попов. Конец и последствия бунта 14 декабря 1825 г. Сборник „О минувшем", 1909, с. 110.

ОТГОЛОСКИ ДЕКАБРИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

В. Михайлов. Отголоски декабристского движения во французской литературе. Изд. „Звезда". М. 1911.

М. Цявловский. Эпигоны декабристов. Дело о распространении сочинений декабристов среди студентов Харьковского ун-та в 1827 г. „Гол. Мин." 1917. № 7 — 8.

М. Гершензон. Отголоски 14 декабря в Московском университете. „Русск. Стар." 1910. № 2.

А. ШИЛОВ

[1]) Очевидно имеется в виду статья Веры Тимощук о Лепарском, помещенная в № 6 „Русской Старины" за 1892 г. В. А.

VIII. ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

1803 г. — закон о свободных хлебопашцах.

1808-09 гг. — деятельность прусского Тугендбунда, устав которого послужил образцом для устава „Союза Благоденствия".

1811 г. — возникновение первой декабристской организации, созданной Н. Н Муравьевым в училище колоновожатых в Петербурге.

1814-15 гг. — попытка организации „Союза Русских Рыцарей".

1815 г — офицера Семеновского полка устраивают „артель" для чтения иностранных книг и для бесед на политические темы.

Начало 1816 г. — возникновение „Союза Спасения".

1817 г. — возникновение на юге тайного общества „Друзей природы".

1817 г. — выработка устава „Союза Спасения".

1817 г. — возникновение „Союза Благоденствия".

1819 г. — начальник южных военных поселений генерал Витт получает от царя личное приказание следить через агентов-провокаторов за состоянием южных губерний.

Начало 1820 г. — заседание коренной управы „Союза Благоденствия" в Петербурге, на котором по докладу Пестеля принято постановление о республике.

Начало 1821 г. — с'езд в Москве представителей управ „Союза Благоденствия", на котором вынесено постановление о фиктивном закрытии Союза.

Май 1821 г. — Грибовский, служивший в главном штабе, доносит царю о декабристах, в частности о Московском с'езде.

1821 г. — возникновение Южного Общества.

1821 г. — генерал Бенкендорф делает донос царю о декабристских организациях.

21 августа 1822 г. — царский рескрипт о закрытии всех тайных обществ.

Конец 1822 г. — возрождение декабристских организаций на севере.

1823 г. — возникновение „Общества Соединенных Славян".

Февраль 1823 г. — арест члена „Южного Общества" В. Ф. Раевского

1823 г. — организация Каменской (правой [1]) и Васильковской (левой [1]) управ „Южного Общества".

1824 г. — вместо уехавшего из Петербурга Трубецкого в состав директории „Северного Общества" входит Рылеев.

Июнь 1825 г. — донос унтер-офицера Шервуда о „Южном Обществе".

Июль 1825 г. — унтер-офицер Шервуд делает царю личный доклад — донос на декабристов.

Лето 1825 г. — переговоры между „Южным Обществом" и „Обществом Соединенных Славян".

Сентябрь 1825 г. — присоединение „Общества Соединенных Славян" к „Южному Обществу".

Ноябрь 1825 г. — в состав директории „Южного Общества" входит Сергей Муравьев-Апостол.

---

[1]) Правобережная и левобережная управы.

Ноябрь 1825 г — в Таганроге умер Александр I.

1 декабря 1825 г. — капитан Майборода, член „Южного Общества", шлет донос Александру I (уже умершему) о „Южном Обществе".

12 декабря 1825 г. — донос Ростовцева на своих товарищей - декабристов.

13 декабря 1825 г. — по доносу капитана Майбороды арестован Пестель.

14 декабря 1825 г. — восстание декабристов в Петербурге.

17 декабря 1825 г. — указ об учреждении Комитета под председательством военного министра Татищева для изыскания о злоумышленных обществах.

18 декабря 1825 г. — в Москве днем получены первые сведения о 14 декабря.

19 декабря 1825 г. — в „Русском Инвалиде" или „Военных Ведомостях" опубликовано первое правительственное сообщение (помеченное 15 декабря) о событиях 14 - го декабря.

19 декабря 1825 г. — манифест Николая I о событиях 14 - го декабря. Опубликован в „Русском Инвалиде" 22 декабря 1825 года.

28 декабря 1825 г. — арест братьев Муравьевых в Трилесах, Киевской губ., и вооруженное освобождение их офицерами - декабристами.

29 декабря 1825 г. — 3 января 1826 г. — восстание на юге.

30 декабря 1825 г. — выступление отряда Муравьева из Трилес в Васильков.

30 декабря 1825 г. — занятие Муравьевым Василькова.

2 января 1826 г. — отряд Муравьева - Апостола выступает из Мотовиловки на Белую Церковь.

2 января 1826 г. — занятие отрядом Муравьева с. Полог в 12 верстах от Белой Церкви.

3 января 1826 г. — из с. Полог отряд Муравьева - Апостола двинулся обратно на Житомир через Ковалевку и Трилесы.

3 января 1826 г. — в шести верстах от деревни Ковалевки по направлению к д. Устиновке отряд Муравьева - Апостола настигнут правительственными войсками. Отряд вскоре сдался.

3 января 1826 г. — смерть И. И. Муравьева - Апостола, Щепилло и Кузьмина.

7 (19) февраля 1826 г. — в Варшаве начал действовать следственный комитет для открытия тайных обществ.

21 апреля 1826 г. — высочайший рескрипт о допросе всех находящихся на службе чиновников, отставных и неслужащих дворян о принадлежности их к тайным обществам.

30 мая 1826 г. — следственная комиссия представляет царю всеподданнейший доклад, составленный Д. Н. Блудовым.

1 июня 1826 г. — манифест об учреждении верховного уголовного суда.

3 июня 1826 г. — верховный уголовный суд начал свои заседания.

11—27 июня 1826 г. — заседания комиссии о разрядах верховного уголовного суда.

7 июля 1826 г. — царский приказ о наказаниях офицерам, замешанным в заговоре, но не преданным суду.

9 июля 1826 г. — об'явление приговора верховного уголовного суда.

10 июля 1826 г. — царский указ, несколько смягчающий нарочно суровый приговор верховного уголовного суда.

12 июля 1826 г. — царская конфирмация приговора общего московских департаментов собрания по делу Соловьева, Сухинова, Мазалевского и др

13 июля 1826 г. — исполнение приговора верховного уголовного суда.

13 июля 1826 г. 5 ч. утра — казнь Бестужева-Рюмина, Каховского С. Муравьева-Апостола, Пестеля и Рылеева

13 июля 1826 г. — царский манифест, в котором обращается „последний взор" на „горестные происшествия".

1826 г. — покончил самоубийством Булатов (в Петропавловской крепости).

22 декабря 1826 г. (3 января 1827 г.) — следственный комитет представил свое донесение Константину Павловичу.

1827 г. — сослан на каторгу брат декабриста Д. Завалишина Ипполит Завалишин за организацию в Оренбургском корпусе тайного общества.

1827 г. — в Харькове обнаружено распространение среди студентов и офицеров нелегальных противоправительственных произведений декабристского направления.

Май 1828 г. — попытка восстания и массового побега, организованная на Зерентуйском руднике декабристом Сухиновым.

Осень 1828 г.—покончил с собой самоубийством Сухинов.

Сентябрь 1828 г. — в Чите с декабристов снимают кандалы.

Август 1830 г.—декабристов переводят из Читы в Петровский завод.

1832 г. — манифест, которым сбавлены сроки декабристам.

Июнь 1837 г. — наследник престола (будущий Александр II) посетил Курган (Западная Сибирь), где жили декабристы. В „ознаменование" сего некоторые декабристы получили кой-какие облегчения.

12 августа 1839 — умер на Кавказе А. И. Одоевский.

1841 г.—под видом царской милости сделана попытка отнять детей у декабристов.

19 марта 1842 г. — умер генерал М. Ф. Орлов (в Москве).

28 апреля 1843 г. — умер Никита М. Муравьев (близ Иркутска).

7 января 1844 г. — умер А. П. Юшневский (близ Иркутска).

1844 г. — покончил самоубийством провокатор Майборода.

8 декабря 1845 г. — умер М. С. Лунин (в Акатуе).

30 сентября 1854 г. — смерть Петра и Андрея Борисовых в Разводной близ Иркутска. Оба брата в один день.

26 августа 1856 г. — амнистия декабристам в день коронования Александра II.

1856 г. — умер Г. С. Батенков (в Калуге).

Май 1857 г. — Н. Тургенев возвращается из эмиграции в Россию.

11 августа 1857 г.— умер И. Д. Якушкин (в Москве).

22 ноября 1860 г. — умер С. П. Трубецкой (в Москве).

26 февраля 1865 г. — умер Евгений П. Оболенский (в Калуге).

28 ноября 1865 г.—умер С. Г. Волконский (в Черниговской губернии).

1867 г. — умер доносчик Шервуд.

20 февраля 1869 г.—умер И. И. Горбачевский, оставшийся жить после амнистии на Петровском заводе.

1872 г. — умер в Сибири декабрист В. Ф. Раевский.

21 февраля 1886 г. — умер М. И. Муравьев-Апостол (в Москве).

В. А.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие 3
В. А. Алгасов.— Декабризм и декабристы 5

I. К характеристике внутреннего положения России в 20-х гг. XIX столетия

Хозяйство (Н. Рожков) 53
Развитие промышленности (М. Туган-Барановский) 78
Военные поселения (С. П. Мельгунов) 89

II. Документы декабризма

„Русская Правда" Пестеля 105
Проект конституции Н. Муравьева 117
Проект манифеста сената С. Трубецкого 124
Православный катехизис С. Муравьева-Апостола 125
Воззвание С. Муравьева-Апостола 127
Правила Соединенных Славян 127
Присяга Соединенных Славян 129

III. Ход событий революции

День 14 декабря в Петербурге (В. Я. Богучарский) 133
После подавления восстания (М. М. Попов) 137
Первое правительственное сообщение о событии 14 декабря 139
Высочайший манифест о событии 14 декабря 142
В Москве (М. В. Довнар-Запольский) 144
На юге (М. В. Довнар-Запольский) 147
Официальные сообщения о восстании войск Муравьева-Апостола . . 168
Царская благодарность Дибичу 171

IV. Следствие, суд, казни, ссылка

Вместо пыток (П. Щеголев) 175
Декабристы выдают друг друга 178
1. Гангеблов делается предателем 178
2. Показания Фаленберга 180
3. Письмо Оболенского к царю 185
4. Из писем Рылеева к жене из крепости 187
5. Письмо Пестеля генералу В. В. Левашеву 188

Стр.
Декабристы выдают польские нелегальные организации (Н. Н. Коробка) 189
Допрос по всей России 192
Список декабристов, преданных верховному уголовному суду 194
Приговор верховного уголовного суда 198
„Высокомонаршее смягчение казни и наказаний“ (Вместо четвертования виселица) 209
Как вешали декабристов 210
1. Рассказ полицейского надзирателя, участника казни 210
2. Всеподданнейшее донесение о казни декабристов 216
Дело Соловьева, Сухинова, Мазалевского и др. 216
Царский приказ о наказаниях декабристов, не преданных суду 222
Отклики декабризма в Харькове 224
Отправка в Сибирь (М. М. Попов) 227
„Послание в Сибирь“ А. Пушкина и ответ декабристов 229
Попытка восстания и массового побега на Зерентуйском руднике . . . 230

V. Возвращение декабристов

Амнистия декабристам 235
Декабристы после возвращения (А. П. Беляев) 237

VI. Идеология декабризма

Идеология декабристов (К. Н. Левин и М. Н. Покровский) 241
Легенда и действительность (М. Н. Покровский) 263
Идеология и психология декабристов (Н. Рожков) 270
В заботах об охране классового общества (М. Ольминский) 285
Аграрная реформа (В. Семевский) 290
Декабристы и вопросы внешней политики (А. Н. Шебунин) 311
Польские общества и декабристы (Н. Н. Коробка) 323
VII. Библиография о декабризме и декабристах (А. А. Шилов) . . 329
VIII. Хронологический указатель (В. А.) 345

ПОЛАШЕНО
ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА